

**Институт изучения Израиля
и Ближнего Востока**

Иерусалимский университет
Центр по научным и образова-
тельным связям со странами
СНГ и Балтии

Центр преподавания иудаики на
русском языке

**Открытый университет
Израиля**

Академическая программа пре-
подавания курсов по истории,
философии и общественным
наукам на русском языке

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Сборник статей

под редакцией **А. Д. Эпштейна**
и **А. В. Федорченко**

Москва 2000

Научное издание

Миграционные процессы и их влияние на израильское общество
Сборник статей под редакцией А. Д. Эпштейна и А. В. Федорченко
М., 2000, 400 стр.

ISBN 5- 89394-052-2

ISBN 5–89394–052–2

- © Институт изучения Израиля и Ближнего Востока
- © Иерусалимский университет
- © Открытый университет Израиля

MASS MIGRATION AND ITS IMPACT ON THE ISRAELI SOCIETY

COLLECTION OF MANUSCRIPTS

Edited by **Alek D. Epstein**
(Hebrew University of Jerusalem and Open University of Israel)
and Professor **Andrey V. Fedorchenko**
(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Moscow 2000

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
СБОРНИК СТАТЕЙ

Подписано в печать 21.12.1200 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 25 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 343

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

СОДЕРЖАНИЕ

Алек Эпштейн, Надежда Казакова и Алексей Томили СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ВОЛН ИММИГРАНТОВ В ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ	8
I. МАССОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО	
Теодор Фридгут ПОКОЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ	36
II. ИЗРАИЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АБСОРБЦИИ	
Нина Семенченко НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ АБСОРБЦИИ: ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ	72
Шмуэль Адлер ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ НОВЫХ РЕПАТРИАНТОВ В ИЗРАИЛЕ	90
Ирина Масюкова ЗАКОН О ВОЗВРАЩЕНИИ, ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИММИГРАЦИЯ В 1990-Х ГОДАХ	104
III. ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ИЗРАИЛЕ	
Йосси Тавор ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВОЛН ИММИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ В ИЗРАИЛЕ	116
Алек Эпштейн, Нина Хеймец и д-р Натан Патлас УЧЕНЫЕ, УНИВЕРСИТЕТЫ И МАССОВАЯ ИММИГРАЦИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЗРАИЛЯ	150
Белла Котик-Фридгут ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ИЗРАИЛЕ	182

IV. РОССИЙСКАЯ ОБЩИНА В ИЗРАИЛЕ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	
Нарси Зильберг	
РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИЗРАИЛЕ: ПОИСКИ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИНТЕГРАЦИИ	198
Владимир Ханин	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ОБЩИНЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ	228
V. ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СНГ В ИЗРАИЛЕ	
Сабина Лисица, Йоханан Перес	
ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ В ИЗРАИЛЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С УРОЖЕНЦАМИ СТРАНЫ	244
Моше Кенигштейн	
ЦЕННОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ «РУССКИХ» РЕПАТРИАНТОВ: ОПЫТ ЭТНОМЕТОДО-ЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	279
VI. ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЕВРЕЯМ И ИЗРАИЛЮ	
Владимир Собкин, Юлия Евстигнеева	
ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЕВРЕЯМ В РОССИИ	293
Елена Носенко	
БУДУЩИЕ РЕПАТРИАНТЫ – КТО ОНИ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЭТНОЛОГА (МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОТОМКОВ ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ БРАКОВ)	302
VII. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ	
Алексей Корнилов	
ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА	327
Дмитрий Сегал	
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА И СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ	356
Рафаил Нудельман	
ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗАНОВО: ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ПОИСКАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	370

CONTENTS

Alek Epstein (<i>Hebrew University of Jerusalem and Open University of Israel</i>), Nadezhda Kazakova and Alexey Tomilin (<i>Center for Jewish Studies, Moscow State University</i>)	
SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE INTEGRATION OF VARIOUS IMMIGRATION WAVES IN THE ISRAELI SOCIETY	8
Professor Ted Friedgut (<i>Hebrew University of Jerusalem</i>)	
GENERATIONS AND POLITICS: CHANGES IN STATUS OUTLOOK AND IDENTITY IN ISRAEL	36
Nina Semenchenko (<i>Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</i>)	
NEW ASPECTS IN THE GOVERNMENTAL ABSORPTION AND INTEGRATION POLICY	72
Dr. Shmuel Adler (<i>Director, Research and Planning, Ministry of Absorption, Israel</i>)	
GOVERNMENTAL PROGRAMS OF PROFESSIONAL ABSORPTION OF NEW IMMIGRANTS IN ISRAEL	90
Dr. Irina Massioukova (<i>Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</i>)	
THE LAW OF RETURN”: ISRAELI SOCIETY AND “RUSSIAN” IMMIGRATION IN THE 1990S	104
Yossi Tavor (<i>Director, Israeli Cultural Center in Moscow</i>)	
THE INFLUENCE OF VARIOUS IMMIGRATION WAVES ON THE DEVELOPMENT AND CRYSTALLIZATION OF ISRAELI CULTURE	116
Alek Epstein, Nina Kheimets and Dr. Nathan Patlas (<i>Hebrew University of Jerusalem</i>)	
SCIENTISTS, INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION AND THE CHALLENGE OF MASS MIGRATION IN THE EPOCH OF SOCIO-POLITICAL CHANGES	150
Dr. Bella Kotik-Friedgut (<i>NCJW Research Institute for Innovation in Education, Hebrew University of Jerusalem</i>)	
VARIETY OF LANGUAGES AND THE DYNAMICS OF LANGUAGE POLICY IN THE CONTEMPORARY ISRAEL	182

<p>Dr. Narspy Zilberg (<i>Department of Communication and Journalism, Hebrew University of Jerusalem</i>)</p> <p>THE RUSSIAN JEWISH INTELLIGENTSIA IN ISRAEL: THE SEARCH FOR NEW MODELS OF INTEGRATION .....</p>	198
<p>Dr. Zeev Khanin (<i>Department of Political Science, Bar-Ilan University; Cummings Center, Tel-Aviv University</i>)</p> <p>THE RUSSIAN POLITICAL ELITE AND COMMUNITY-BUILDING IN THE CONTEMPORARY ISRAELI SOCIETY .....</p>	228
<p>Sabina Lissitsa and Professor Yochanan Peres (<i>Department of Sociology, Tel-Aviv University</i>)</p> <p>NEW IMMIGRANTS AND OLD TIMERS: IDENTITY AND INTERRELATIONS – RESEARCH FINDINGS .....</p>	244
<p>Dr. Moshe Kenigshtein (<i>Ariel</i>)</p> <p>IS THERE A RUSSIAN COMMUNITY IN ISRAEL? ETHNOMETHODOLOGICAL ANALYSIS OF IMMIGRANTS’ PERCEPTIONS AND VALUES .....</p>	279
<p>Professor Vladimir Sobkin and Julia Evstigneeva (<i>Center for Sociology of Education, Russian Academy of Education</i>)</p> <p>ATTITUDES TOWARDS JEWS IN CONTEMPORARY RUSSIA .....</p>	293
<p>Dr. Elena Nosenko (<i>Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</i>)</p> <p>THE ETHNOGRAPHIC PORTRAIT OF THE FUTURE IMMIGRANTS .....</p>	302
<p>Alexey Kornilov (<i>Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</i>)</p> <p>INTER-ETHNIC CLEAVAGES IN A MULTIETHNIC SOCIETY: ISRAEL, THE 1990S .....</p>	327
<p>Professor Dimitri Segal (<i>Hebrew University of Jerusalem</i>)</p> <p>‘LOST EUROPEANS’: RUSSIAN JEWRY AND ISRAEL AT THE CROSSROADS .....</p>	356
<p>Rafail Nudelman (<i>Jerusalem</i>)</p> <p>ISRAELI SOCIETY AND ITS (NEW) SEARCH OF IDENTITY .....</p>	370

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ВОЛН ИММИГРАНТОВ В ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ

Алек Эпштейн

Иерусалимский университет, Открытый университет Израиля,

Надежда Казакова и Алексей Томилин

ЦИИЕЦ, ИСАА при МГУ им. Ломоносова

Израильское общество формировалось и продолжает формироваться как результат репатриации со всех континентов земного шара сотен тысяч людей. На протяжении всей истории существования Государства Израиль его правительству и обществу приходится иметь дело с непрерывным потоком иммигрантов и их интеграцией в структуру общества. Побуждения и взгляды иммигрантов, и их видение национальных и общественных целей наложили свой отпечаток на облик государства.

Естественно предположить, что иммигранты сохраняют верность религиозным и культурным традициям и образу жизни народов, среди которых они жили. Хотя иммиграция осуществлялась по единому национальному признаку, в Израиле – как и едва ли не во всех остальных странах, принявших на вооружение модель «правильного котла» – не удалось достичь этнического, лингвистического, культурного и конфессионального единообразия населения.

Исторически перед израильским обществом стояла крайне сложная задача – превращение иммигрантов в единую нацию. В отличие от других стран массовой иммиграции, где иммигрирующее меньшинство приспосабливается к образу жизни коренного большинства, в Израиле практически никогда не существовало устойчивого большинства коренного населения. В таких условиях можно говорить о процессе культурного взаимодействия, в ходе которого новые репа-

трианты не только усваивают образ жизни, сложившийся к моменту их прибытия в страну, но и влияют на характер израильского общества как такового. Рассмотрению этой проблематики и посвящен этот сборник статей, авторы которого не только пытаются проследить изменение политики государства и отношения общества к задаче социально-культурной интеграции иммигрантов, но и детально проанализировать изменение устремлений самих иммигрантов, касающихся их интеграции в израильском обществе и, в конечном счете, их влияние на это общество. Вместе с тем, пути социальной и культурной интеграции иммигрантов во многом зависят не только от их собственных ожиданий и устремлений, но и от государственной политики абсорбции, а также от общего социально-политического климата, существующего в обществе. В этой связи очевидно, что во всех секторах израильского общества произошли значительные перемены, которые не могли не сказаться как на самих иммигрантах, так и на отношении к ним израильтян-«старожилов». Рассмотрению этих изменений посвящена открывающая сборник статья профессора Иерусалимского университета Теодора Фридгута «Поколения и политика: некоторые изменения в мировоззрении и в политических предпочтениях в современном Израиле», в которой формирующаяся в Израиле российская община рассматривается и как один из катализаторов происходящих в обществе социально-психологических и политических перемен. В статье Т.Фридгута через призму анализа сопротивления выходцев из стран СНГ политике и практике «плавильного котла» заново рассматривается и опыт абсорбции выходцев из стран Востока, вся проблематичность которого очевидна в свете неуклонного роста в последние 15 лет сегрегативных тенденций в их среде, находящих свое выражение в росте популярности традиционалистского движения Шас («сефарды – хранители Торь»). Тот факт, что на последних парламентских выборах почти 15% израильтян, большинство из которых – уроженцы страны – потомки выходцев из мусульманских стран во втором и третьем поколениях, отдали свои голоса именно за движение Шас, являющее собой синтез религиозного фанатизма, социального популизма и мессианского этнонационализма, не может не вызвать «переоценки ценностей» в том, что касается степени успешности израильской политики абсорбции в прежние годы.

1. Массовая миграция и ее влияние на израильское общество

За последние 80 лет в подмандатную Палестину и в независимое Государство Израиль прибыли более 3 млн. иммигрантов – евреев и членов их семей. Иммигранты прибывали в Израиль едва ли не со всего мира – из России и США, из Польши и Марокко, из Аргентины и Эфиопии. В годы массовой алии после образования Государства Израиль были проведены операции по переселению в страну целых еврейских общин, как, например, иракской (операция «Эзра и Нехемия») и йеменской (операция «Волшебный ковер»). С 1948 по 1995 г. с европейского континента прибыло 58% иммигрантов, из стран Северной и Южной Америки – 8, из Азии – 14, из Африки – 18%¹. Основной поток переселенцев из Европы приходился на восточноевропейские страны, из Америки и Океании – на США, Аргентину и Бразилию, из Азии – на Ирак, Иран, Турцию и Йемен, из Африки – на североафриканские арабские страны и Эфиопию. Приведенные в табл. 1 данные о соотношении числа иммигрантов из разных стран говорят о том, что в догосударственный период, в первые годы после создания Израиля и в 70-90-е годы большинство иммигрантов прибыли из стран Европы и Америки, тогда как в 50 – начале 60-х годов – из стран Азии и Африки. С 1989 по 1999 г. в Израиль прибыли 903,1 тыс. репатриантов, из них примерно 771,5 тыс. – из бывшего СССР (СНГ)².

После провозглашения Государства Израиль и последовавшей после этого массовой иммиграции евреев население страны удвоилось. В результате образовались две основные социальные группы: доминирующее (как демографически, так и в социальном и культурном плане) большинство, состоявшее, главным образом, из поселенцев-старожилов и выходцев из послевоенной Европы (переживших Катастрофу европейского еврейства) и относительно многочисленное меньшинство новых репатриантов из мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока. Уже тогда израильское общество фактически стало секторальным, причем если в конце 60-х годов казалось, что найден некий «общий знаменатель», «цементирующий» израильское общество, впоследствии все более очевидны именно тенденции ослабления национального согласия в стране.

Таблица 1

Иммиграция в Израиль – по периодам и по странам исхода

Годы	Общее число иммигрантов	Европа-Америка, %	Азия-Африка, %
1919-14.05.1948	482857	89,6	10,4
15.05.1948-1951	687624	50,1	49,9
1952-1954	54676	23,6	76,4
1955-1957	166492	31,7	68,3
1958-1960	75970	64,0	36,0
1961-1964	228793	40,6	59,4
1965-1968	82244	50,3	49,7
1969-1971	116791	72,7	27,3
1972-1974	142755	90,8	9,2
1975-1979	124827	85,7	14,3
1980-1984	83637	72,9	27,1
1985-1989	70196	79,6	20,4
1990-1995	609322	93,7	6,3
15.05.1948-1995	2519686	66,7	33,3

Очевидно, что овладение подавляющего большинства иммигрантов государственным языком Израиля – ивритом (напомним, что еще 100 лет назад он не был языком повседневного общения ни в одной из еврейских общин мира!), прохождение почти всеми прибывавшими в страну молодыми иммигрантами обоих полов воинской службы (армия – это едва ли не единственный общий социальный институт, через который проходят почти все граждане страны), а также создание некоего общего «пантеона коллективной памяти» различных еврейских общин – все эти факторы стали важными цементирующими элементами, сформировавшими единое социальное пространство, возникшее в Израиле. Вместе с тем, в последние годы в стране было опубликовано немало работ, критически переосмысливающих успехи строительства нации в Израиле в формативный период. Так, например, в работах Сами Самухи и Ягиля Леви по новому оценена роль армии как в установлении политического господства Рабочей партии в формативный период государственного

строительства, так и в формировании статусного неравенства между еврейскими и арабскими гражданами Израиля и между выходцами из различных общин, иммигрировавшими в Израиль в разные годы³.

Собственно говоря, тема статусного неравенства между различными национальными и этническими группами, составляющими мозаику современного израильского общества, начала разрабатываться группой социологов из Хайфского университета еще во второй половине 70-х годов. В работах Сами Самухи, Дворы Беренштейн, Шломо Свирского, Чарльза Кеймана и некоторых их коллег было показано, что несмотря на отмеченный в Декларации независимости Израиля принцип равенства людей разных конфессий, национальностей и полов, на практике уровень жизни, образования и доходов представителей этнокультурных меньшинств (прежде всего, израильских арабов и евреев – выходцев из стран Востока) значительно ниже, чем тот, которого достигли евреи – выходцы из стран Европы. Анализируя данную ситуацию, хайфские социологи делали вывод, что подлинная социальная интеграция, декларируемая государственными структурами как их основная цель, так и не была достигнута. В этой связи Сами Самуха определил существующее в Израиле положение как «этнотемократию», утверждая, что контролируемая высшими слоями общества государственная власть сознательно не прилагала (и не прилагает) максимума усилий к преодолению социального неравенства между общинами, ибо такая ситуация позволяла (и позволяет) этим слоям сохранять свое положение на вершине социально-политической пирамиды. В своих многочисленных работах Сами Самуха демонстрирует пути работы механизмов, сохраняющих и поддерживающих, по его мнению, социальную стратификацию в стране. Он также утверждает, что доминирование арабо-израильского конфликта во всех сферах политической жизни страны объясняет как терпимое отношение израильтян к сложившемуся неравенству между евреями и арабами, так и отсутствие сколько-нибудь значимых движений протеста, выступающих против фактической социально-экономической дискриминации выходцев из стран Востока. В этой связи некоторые социологи делают вывод, что дальнейшее развитие мирного процесса между Израилем и палестинцами парадоксальным образом, приведет к

ухудшению статуса израильских арабов (которые оказываются как бы «дважды на периферии»: с израильской точки зрения они не воспринимаются как полноправные израильтяне, а с палестинской, вообще, зачастую клеймятся как «предатели, не восстающие против ига сионистской оккупации»), однако приведет к усилению анти- и внутрисистемных движений протеста евреев – выходцев из восточных общин. Последний прогноз сбывается непосредственно на наших глазах, когда традиционалистское движение Шас, подняв на щит популистские лозунги духовной и социальной дискриминации всех «неашкеназов» усиливает свое влияние от выборов к выборам: от четырех мандатов в парламенте страны в 1988 г. – к 17 мандатам после выборов 1999 г.

2. Израильская государственная политика абсорбции

Несмотря на то, что на всем протяжении своей истории Государство Израиль считало и считает себя ответственным за судьбы евреев во всем мире и гарантирует всем им право на беспрепятственную иммиграцию, государственная политика в области абсорбции претерпела значительные изменения. Верно, что и в прошлом, и в настоящем, Израиль не только обращается к евреям диаспоры с призывом репатрироваться и способствует самой репатриации, но и оказывает всестороннее содействие новым репатриантам – этой теме посвящена статья Ирины Масюковой «Закон о возвращении, израильское общество и русскоязычная иммиграция в 90-х годах». Вместе с тем, пути осуществления этого содействия в наши дни значительно отличаются от тех, что были приняты в 50-60-е годы. Рассмотрению преемственности и различий в этой сфере посвящена статья научного сотрудника Института Востоковедения РАН Нины Семенченко «Некоторые аспекты израильской политики абсорбции: от прошлого – к настоящему», в которой рассматриваются как взаимоотношения между различными государственными и негосударственными структурами, занимающимися проблемами абсорбции, так и конкретные программы, инициированные ими. Последняя тема (применительно к нынешней волне алии) детально представлена в статье начальника Управления планирования и исследований Министерства абсорбции Израиля д-ра Шмуэля Адлера

«Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле», в которой в сжатой форме суммируется опыт, накопленный государственными структурами за последнее десятилетие.

Следует отметить, что израильский опыт абсорбции иммигрантов – уникальный по многим причинам. Во-первых, Израиль относится к тем переселенческим странам, где на протяжении достаточно долгого времени находящееся в меньшинстве коренное население было вынуждено приспосабливаться к привносимому извне образу жизни. Во-вторых, условия переселения и социально-экономической абсорбции иммигрантов существенно отличались от других переселенческих стран. В этой связи следует отметить преобладание политических и идеологических мотивов переселения, массовость и сжатые сроки этого процесса, обстановка реальной или потенциальной военной конфронтации с соседними государствами, большие языковые, материальные и иные различия между иммигрантами и другие факторы.

Политика расселения иммигрантов и их включения в экономическую, социальную и культурную жизнь израильского общества с годами меняла свои формы и содержание, приводилась в соответствие с конкретными условиями развития страны. В первые годы после создания Израиля проблема абсорбции сотен тысяч новых иммигрантов решалась в условиях ограниченности финансовых ресурсов, недостаточного развития производственной базы и жилого фонда. Основная задача состояла в первичном обустройстве переселенцев и максимально возможном их рассредоточении по территории страны. В конце 40-х годов они расселялись главным образом в иммиграционных лагерях палаточного типа, в покинутых арабами жилищах. В 1949 г. был обнародован правительственный план ускоренного развития сельского хозяйства посредством размещения части иммигрантов в киббуцах, сеть которых охватила почти всю территорию страны⁴.

Учитывая национальную однородность иммигрантов, определенное единство их истории и религии, в первые годы существования государства политическое руководство стремилось использовать в Израиле североамериканский опыт «плавильного

котла» (модель ассимиляции), т.е. постепенного стирания этнических языковых, культурных различий и образования единой нации израильтян. К концу 60-х годов в основном сформировался аппарат проведения государственной политики абсорбции. Эти вопросы традиционно находились в компетенции Еврейского агентства и различных правительственных органов. В 1968 г. было сформировано Министерство абсорбции, в ведение которого перешли разработка общегосударственной политики абсорбции, а также оказание начальной денежной помощи репатриантам, их обеспечение жильем. Осуществлением этой политики занимались местные отделения министерства и его специальные отделы – жилья и трудоустройства. В ведении Еврейского агентства, а точнее его Отдела репатриации и абсорбции, остались организация самого иммиграционного процесса, центры абсорбции, оказание отдельных видов дополнительной помощи.

Израильский опыт абсорбции большого числа иммигрантов, более чем вдвое увеличивших население страны за менее чем четыре года (1948-1951), на протяжении многих лет вызывает большой интерес ученых – социологов, политологов, этнографов, экономистов. Особый интерес исследователей был вызван тем фактором, что подавляющее большинство иммигрантов прибыли из мусульманских стран, отличавшихся сравнительно невысоким уровнем модернизации и совершенно отличными от принятых среди европейских евреев культурных норм и традиций. Созданные в Израиле механизмы социально-культурной интеграции и социально-политической ресоциализации выходцев из разных общин были в центре внимания большого числа работ израильских и американских обществоведов, большинство из которых признавали неоспоримые успехи Израиля в этой области⁵. Вместе с тем, от внимания ученых не могла ускользнуть и проблематика, связанная с созданием единого социально-культурного пространства для выходцев из разных стран, говоривших на разных языках: напомним, что еще в конце XIX в. язык иврит не был разговорным языком ни в одной из еврейских общин, ни в одной из стран мира. В этой связи имеет особый смысл напомнить о многочисленных дискуссиях израильских обществоведов, критически анализировавших воплощаемую государством кон-

цепцию «плавильного котла»⁶. Многие из аргументов сторонников культурного плюрализма поднимались отдельными израильскими обществоведами еще в 70-е годы.

Очевидно, что в последние годы – прежде всего, благодаря социальным изменениям, вызванным прибытием в Израиль почти 1 млн. выходцев из стран СНГ – наблюдается заметный рост интереса к исследованиям, связанным с абсорбцией и интеграцией новых иммигрантов, причем тенденция эта довольно отчетливо выражена как в работах израильских и американских, так и российских обществоведов. Логическим результатом данного интереса является эта книга – первый выходящий на русском языке (как в России, так и в Израиле) сборник статей академического уровня, посвященный проблемам, связанным с влиянием волн массовой миграции на израильское общество и социально-культурной адаптации иммигрантов (прежде всего, выходцев из стран СНГ) в израильском обществе. В 17 статьях, включенных в книгу, израильская политика и практика абсорбции рассматривается не только через призму вопросов, связанных с социальной, политической и культурной интеграцией в Израиле выходцев из стран СНГ⁷, но и в контексте более общей проблематики, а именно: как повлияет достаточно высокая степень готовности государственных структур не препятствовать развитию изоляционистских тенденций среди русскоязычных граждан Израиля на идентичность и путь развития израильского общества в целом? Под этим углом зрения написаны последние работы ряда ведущих иерусалимских социологов⁸, и можно только приветствовать тот факт, что эта же перспектива практически одновременно «пробивает себе дорогу» в русскоязычном израилеведении. Именно под подобным углом зрения рассматривается израильское общество в статьях нового директора Израильского культурного центра в Москве Йосси Тавора (о влиянии различных волн иммиграции на развитие музыкально-исполнительской жизни в Израиле) и иерусалимских исследователей д-ра Беллы Котик-Фридгут («Динамика языковой ситуации и языковой политики в Израиле») и Алека Эпштейна, Нины Хеймец и д-ра Натана Патласа («Ученые, университеты и массовая имми-

грация: прошлое, настоящее и будущее системы высшего образования Израиля»).

3. Влияние массовой миграции на развитие науки и культуры в Израиле

Каждая волна иммиграции вносила свой вклад и придавала новый импульс развитию страны. Важно отметить, что иммиграция не просто повлияла на систему образования и науку в Израиле, а фактически создала их. История развития культуры, науки и образования неразрывно связаны с историей возвращения еврейского народа, с желанием преобразить бесплодную страну и создать современное общество. Израильская наука и система образования (как и любые другие отрасли общественной и экономической жизни) на всем протяжении истории государства создавались совместными усилиями ученых из разных стран. Среди отцов-основателей Еврейского университета в Иерусалиме, были профессора из Германии и Чехии, из США и Польши. Прошло 40 лет с момента основания Еврейского университета, пока в 1965 г. его впервые возглавил человек, учившийся в Израиле (профессор философии Натан Ротенштрейх) – все предыдущие ректоры иммигрировали в Израиль уже в достаточно зрелом возрасте. Среди ученых, создававших Тель-Авивский, Бар-Иланский, Хайфский, Беэр-Шевский и Открытый университеты Израиля, преобладали уроженцы страны и выходцы из западных государств. «Железный занавес», препятствовавший не только выезду евреев из Советского Союза, но и научным контактам между учеными из стран Восточной Европы и их коллегами из западных стран, на долгие годы разлучил ученых из СССР и Израиля. До 50-х годов высшие учебные заведения Израиля создавались по «немецкой модели», а большинство их профессоров сами заканчивали вузы немецкоязычных стран – Германии, Австрии, Чехии. Подобным же образом и в создании традиций израильской музыкальной культуры ведущая роль принадлежала выходцам из немецкоязычных стран. В 50-60-е годы происходит переориентация израильской политики на США, которая очевидным образом проявляется и в научно-образовательной сфере: израильские ученые печатаются по преимуществу в американских издательствах и научных журналах, в массовом порядке вступают в американские научные

ассоциации и участвуют в их конгрессах и конференциях и т.д. Более того – израильская наука развивается под очевидным влиянием научных парадигм, доминирующих в соответствующих областях знаний в США. Подобная американская ориентированность израильской науки сохраняется и поныне. Вместе с тем очевидно, что массовая иммиграция в Израиль ученых из стран СНГ и Балтии не могла не повлиять на темпы и тенденции развития израильской науки. Этот вопрос рассматривается Алеком Эпштейном, Ниной Хеймец и Натаном Патласом в общем контексте изменений в системе высшего образования Израиля.

Израильская система высшего образования претерпевает в настоящее время многочисленные изменения. За последние 10 лет число студентов вузов более чем удвоилось, дойдя до 190 тыс. человек – по сравнению с 75-80 тыс. в конце 80-х годов. Росту числа студентов во многом способствовала массовая иммиграция. Следует отметить, что не университеты, а именно колледжи и институты приняли большую часть новых студентов 90-х годов. В то время как число университетов остается неизменным, численность колледжей выросла с 14 в 1990 г. до 40 в 1998 г. Открылись десятки новых колледжей, при этом новые университеты не создавались уже четверть века. Происходит все большее вовлечение израильской системы высшего образования в процессы глобализации.

Среди репатриантов было много ученых с научными степенями и дипломированных специалистов, благодаря чему в Израиле резко возросло число научной интеллигенции, и страна вышла на первое место в мире по числу ученых на душу населения. Особенно высокий образовательный уровень и потенциал русскоязычной иммиграции определяли ее занятость в производстве высоких технологий, наукоемких отраслях, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий и в оборонной промышленности. Из 11,7 тыс. ученых, иммигрировавших из СССР/СНГ в Израиль, 52% – физики и специалисты в области программирования и вычислительной математики, 27% – биологи и специалисты в области биотехнологии, 12% – химики, и 9% – гуманитарии⁹. Иными словами, большинство новых репатриантов были специалистами в области естественных наук, и только малая их часть – в области гуманитарных.

Вместе с тем, многочисленные проблемы как финансового, так и нематериального характера заметно осложняют успешную интеграцию прибывающих в Израиль специалистов с высшим образованием. Успешной адаптации ученых-репатриантов препятствуют различные социально-культурологические причины. Во-первых, это стереотипы, присущие израильским ученым по отношению к своим коллегам из СССР/СНГ. Среди некоторых ученых и чиновников в Израиле распространено мнение, что профессиональный уровень многих ученых, иммигрировавших из СССР/СНГ, не соответствует западным стандартам. Во-вторых, профессора израильских университетов утверждают, что подготовка, знания и опыт российских ученых имеют иную специфику, нежели та, которая может быть востребована в Израиле. По их мнению, бывшие советские специалисты не способны интегрироваться в свободную, конкурентную научную систему западного типа и сами говорят о своей непригодности к «рекламированию и продаже» собственных знаний и достижений. Израильские ученые нередко бывают озадачены тем, что они сами расценивают это как отсутствие личной инициативы со стороны их коллег из бывшего СССР, которые «хотят, чтобы им давали конкретные указания» и просто «не знают, как самостоятельно подготовить исследовательский проект». Серьезную проблему так же составляет и тот факт, что большинство ученых из СССР плохо владеют английским языком. Для Израиля этот критерий очень важен, так как знание английского языка (а в особенности – наличие публикаций на английском языке) – обязательное условие для академической деятельности¹⁰.

Для решения проблем ученых-иммигрантов израильским правительством были разработаны особые программы («Гилады» и «Камеа»), а также организованы «технологические теплицы», в которых соединяются наука и производство. В «технологических теплицах» иммигрантам предоставляется возможность разрабатывать свои проекты в различных областях науки. Подобная политика государства – достаточно удобная для развития творческого потенциала ученых-иммигрантов. Постоянно ведется поиск путей решения проблем новых репатриантов. Создаются центры по переподготовке и переориентации кадров из числа иммигрантов. Новые

проекты обеспечивают создание новых рабочих мест. Пример такого проекта – создание магниевого завода на основе технологий, разработанных в Санкт-Петербурге и Запорожье. Так же существуют программы, в рамках которых новым иммигрантам предоставляют возможность параллельно с изучением иврита осваивать новые профессии.

Иммигранты из стран СНГ и бывшего СССР внесли огромный вклад в развитие научно-технического потенциала Израиля. Они принесли с собой новые идеи и технологии. Эта волна иммиграции дала Израилю новые человеческие ресурсы, оказала глубокое воздействие на политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Самой важной ее особенностью был высокий образовательный уровень иммигрантов. Большинство новых репатриантов были специалистами в естественных науках, поэтому влияние иммиграции из СССР/СНГ самым сильным образом отразилось на развитии высоких технологий и наукоемких отраслей. Сейчас до 30% занятых в этой сфере израильской промышленности составляют именно русскоязычные иммигранты последней «волны». С помощью русскоязычных репатриантов Израилю удалось на четверть увеличить экспорт продукции в области высоких технологий, что привело к созданию новых рабочих мест. Отрасли высоких технологий (high-tech) своим ускоренным развитием в последние годы обязаны именно иммигрантам из стран СНГ. Их высокий образовательный уровень, культурный и интеллектуальный потенциал способствовали тому, что Израиль стал одним из центров современных наукоемких отраслей. Русскоязычные специалисты принимают участие в разработке различных технических проектов, среди которых: внедрение методов ранней диагностики рака, новая технология получения электроэнергии в пустыне Негев, работа над созданием эффективных программ ликвидации электронных вирусов. По данным отчетов Ассоциации израильских промышленников в сфере электроники занято не менее 5 тыс. специалистов-репатриантов¹¹. Эта отрасль динамично развивается, создаются новые рабочие места, увеличивается объем экспорта продукции. Большой объем исследований выполняется в медицинских центрах и в ряде фирм, работающих в области энергетики и коммуникаций. Ученые-иммигранты

из СССР и СНГ занимаются космическими исследованиями, разрабатывают оборонные проекты. Реализация программы космических исследований и запуск израильского спутника в 1998 г. также стали возможными благодаря ученым-репатриантам. Их знания и опыт позволили реализовать проект на несколько лет раньше. Велась работа по внедрению оборонных проектов ученых из стран СНГ. Важную роль в решении этой проблемы сыграло руководство программы Башан, которая содействует продвижению разработок и исследований ученых-репатриантов. Планируется создать ряд инженерных центров по всей стране. В мае 1999 г. в Ашдоде уже был создан первый Дом технологий, который облегчит ученым-репатриантам профессиональную интеграцию. Примером успешной деятельности иммигрантов могут служить компании, которые уже работают в науке страны: «Новые материалы» в Мигдаль ха-Эмеке, «Наноптика» в Иерусалиме, «Индустриальная математика» в Беэр-Шеве, «Биотехнологии» в Реховоте, «Изотоп» в Ашдоде. Применить свои знания и опыт иммигранты так же могут в «технологических теплицах». В них наука соединяется с производством и иммигрантам предоставляется возможность в течение двух лет разрабатывать свои проекты и идеи. Очень важным изменением, которое внесла иммиграция в науку можно считать создание наукоемких компаний со своим штатом ученых, в то время как до иммиграции практически все исследования были сосредоточены в университетах и в Институте Вейцмана.

По данным Министерства абсорбции за годы последней алии в страну прибыли более 15 тыс. медиков. Из них 6 тыс. получили лицензии на работу, около 5 тыс. стали работать в парамедицинских областях. Это положительно сказалось на развитии медицины в стране. Израиль имеет весьма разветвленную инфраструктуру в области медицинских, парамедицинских и биоинженерных исследований. Таким образом, иммиграция из бывшего СССР дала Израилу мощный ресурс не только для развития науки, но и здравоохранения.

Влияние иммиграции на систему образования ощущалось еще до провозглашения Государства Израиль. Еще во времена ишсува в школах, созданных различными еврейскими организаци-

ями, преподавали приглашаемые из Европы учителя. Единая система образования создавалась в основном усилиями выходцев из России и стран Восточной Европы. Иммигранты сыграли немалую роль в распространении языка иврит: так в 1906 г. группа выходцев из России создала в Яффо первую среднюю школу с преподаванием всех предметов на иврите.

После провозглашения независимости, когда проблема абсорбции новых репатриантов становилась все более и более серьезной, государство видело в системе образования основное средство для преодоления замкнутости групп выходцев из различных стран, а также средство для решения проблем интеграции. Демографические, социальные и культурные изменения, которые принесли различные волны иммиграции, оказали огромное влияние на систему образования в Израиле.

Иммигранты прибывали в Израиль из разных стран, принося с собой разные культурные традиции, при этом значительная часть иммигрантов были выходцами из недемократических стран Азии и Африки. Перед государством встала задача интегрирования этих репатриантов в систему израильского образования. В этих условиях сформировались два мнения о процессе абсорбции иммигрантов. Сторонники первой точки зрения считали, что нет смысла навязывать таким репатриантам образование западного типа, так как евреи из стран Азии и Африки – носители особой, уникальной культуры, которую надо уважать. Сторонники другой точки зрения утверждали, что из-за иммиграции в Израиль у этих репатриантов произошел отрыв от старой культуры, и настаивали на том, что система образования должна немедленно отреагировать, чтобы привить им новую систему ценностей. Большинство руководителей государства и системы просвещения утвердились во мнении, что иммигранты должны принять те ценности и установки западного образца, которые уже сложились в израильском обществе. В результате система образования видела свою задачу в ресоциализации иммигрантов, пытаясь привить им не только знание иврита, но и сформировавшуюся в Израиле систему норм и ценностей. На практике это означало обучение новых педагогов и расселение их в разных районах страны, разработку новых учебных планов, основанных на принципах за-

падного образования. Очевидные трудности, связанные с выравниванием образовательного уровня иммигрантов, прибывших из стран с весьма различной степенью модернизации, подтолкнули государство пересмотреть существовавшую в то время политику в области образования. В 1963 г. комиссия во главе с профессором Правером предложила изменить структуру среднего образования. Вместо структуры детский сад (3-5 лет) + начальная школа (6-13 лет) + средняя школа (14-17 лет) была предложена структура: детский сад (3-5 лет) + начальная школа (6-11 лет) + промежуточное звено средней школы (12-14 лет) + высшее звено (15-17 лет), причем именно в средней (а не в начальной) школе должна была, по замыслу инициаторов реформы, произойти основная стадия аккультурации¹². Несмотря на закон об обязательном образовании с 5 до 14 лет, стало очевидно, что формальное равенство не может компенсировать неравенства экономических возможностей. Была выработана политика финансовой помощи многодетным и нуждающимся семьям для покрытия части расходов, связанных с обучением детей, разработаны программы обучения, принимавшие в расчет различия в исходной подготовке учеников, велась образовательная работа с взрослыми – была создана сеть школ и курсов для изучения иврита и ликвидации пробелов в формальном образовании. Эта реформа растянулась на долгие годы, причем некоторые школы отказались от этой модели еще до того, как другие приняли решение взять ее на вооружение.

Во время массовой иммиграции из СССР в конце 80-х в Израиль прибыли сотни тысяч детей школьного возраста. Репатрианты надеялись на успешную интеграцию их детей в израильскую систему среднего и высшего образования, что обеспечит устойчивую связь между интеграцией в системе образования и интеграцией в израильском обществе в целом. Более того, общая оценка степени успешности их абсорбции в большой мере связана с мерой преуспевания их детей. Поэтому шаги в верном направлении руководителей системы образования могут во многом способствовать общему улучшению состояния репатриантов в Израиле. Вместе с тем, процесс адаптации детей русскоязычных репатриантов был зачастую очень сложным и болезненным как самих детей, так и для их родителей. Процессы, происходящие с подростками-

репатриантами в Израиле, могут показаться парадоксальными: их впечатления в первые недели и месяцы пребывания в стране, как правило, благоприятны, однако по мере обучения и привыкания, когда знание репатриантом языка и обстановки улучшается, прежний иммунитет к осознанию утрат постепенно угасает¹³. Бывали случаи, когда среди учащихся-старожилов возникали антирепатриантские настроения. Учащиеся-репатрианты, в свою очередь, также зачастую проявляют отчужденность и враждебность, переходящую в устойчивые изоляционистские настроения.

Как известно, стили обучения, принятые в разных странах, не идентичны. Молодежь, прибывшая в новую страну, где приняты другие методы преподавания и оценки, может столкнуться со сложными проблемами, которые связаны главным образом не с изучаемым материалом, а со способом его подачи. Все это добавляется к объективным сложностям, неизбежно возникающим при встрече двух разных социально-культурных групп. Процесс репатриации ставит подростка перед системой ценностей, нормами, обычаями и стереотипами поведения, которые ему чужды, непонятны, и он не ощущает своей принадлежности к ним. Процесс взросления происходит не просто в конфликте, а в целом спектре конфликтов со средой, находящихся в динамичной системе взаимодействий. Требуется немало лет, чтобы ослабить боль утрат и примириться с выбором и с «нормальной» израильской действительностью. Все эти причины привели к обособлению русской общины Израиля, внутри которой выходцы из бывшего СССР не чувствовали себя чужими и одинокими. Поскольку значительная часть повседневной социальной и культурной жизни репатриантов происходит внутри самой общины, то она управляется неписаными законами, действовавшими еще в Советском Союзе. В профессиональных сообществах также восстанавливаются существовавшие в СССР ценности и нормы; как следствие, на передний план начинают выдвигаться те профессионалы, которые добились признания и высокого статуса еще до эмиграции. Это и произошло, когда репатрианты отдавали своих детей в школы. В поисках учителей, считавшихся хорошими преподавателями в СССР, школьники-репатрианты и их родители приходят в школы «Мофет» и «Мафтеах-Мофет», которые были созданы в 1991 г. уси-

лиями группы преподавателей точных наук, приехавших в Израиль из Советского Союза.

На наш взгляд, причина большой популярности школ, созданных «русскими» учителями состоит не в изоляционистской ориентации учеников и их родителей, стремящихся во что бы то ни стало сохранить свою русскую идентичность, а в их зачастую крайне отрицательном опыте в израильских школах.

Стандартный подход был (и, к сожалению, в отдельных местах остался до сих пор) таков: репатрианты не знают иврита, а потому им трудно читать учебную литературу. Как результат, школьников-репатриантов часто определяли в класс более низкий, чем тот, который соответствует их возрасту и знаниям предметов, мотивируя это тем, что невозможно учить язык параллельно с изучением материалов по соответствующим предметам. В «Мофете» же не направляют учеников в седьмой класс вместо девятого, а если есть необходимость в переводе, ищут переводчика. С момента открытия школ «Мофет» прошло почти 10 лет. Возникший в рамках неформального образования при муниципальной школе «Шевах», проект «Мофет» насчитывает сегодня около 1200 учащихся в возрасте 13-18 лет, обучающихся в 34 дневных классах старшей и в 16 дневных классах средней школы¹⁴. Кроме того, более 3 тыс. учащихся занимаются в вечерних классах «Мофета». Успехи школ ассоциации «Мофет» указывают на действительные проблемы израильской системы образования, которая должна приложить дополнительные усилия в том, что касается, развития учебных способностей в раннем возрасте, повышения учебной мотивации и профессионального статуса учителя в глазах учащихся, разработки и внедрения междисциплинарных программ, развития связей между учениками, учителями, преподавателями вузов и сотрудниками научных учреждений.

Парадоксальным образом, однако, дальнейшее совершенствование педагогических методов работы ассоциации «Мофет», выражающееся в том числе и в постоянном росте числа медалистов и победителей всевозможных учебных и научных олимпиад, сопровождается оттоком учеников-уроженцев страны из школы «Шевах-Мофет», более 90% учащихся которой составляют иммигранты из стран СНГ и Балтии. Именно там, где могла бы (и долж-

на была бы!) происходит подлинная интеграция репатриантов и старожилков как равных партнеров, подобного процесса не происходит – и это несмотря на то, что практически все учителя «Мофета» владеют ивритом и ведут на нем свои занятия. В этой связи существует насущная потребность детально рассмотреть модели интеграции русскоязычной интеллигенции в Израиле и отношения к ним уроженцев страны и старожилков. Этому и посвящается следующий раздел книги, включающий статьи д-ра Нарспи Зильберг «Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиски новых моделей интеграции» и д-ра Владимира Ханина «Политические элиты, общественные структуры и социально-политические конфликты в общине выходцев из СССР/СНГ в современном Израиле».

4. Российская община в Израиле в поисках путей политической и культурной интеграции

Австралийский социолог Й. Смолич концептуально очертил несколько возможных моделей интеграции иммигрантов в поликультурном обществе. При всей схематичности каждой из них представляется, что те или иные комбинации различных моделей составляют весь возможный спектр отношений принимающего общества к абсорбции иммигрантов и отношения самих иммигрантов к их социально-культурному существованию в новой для них социальной среде¹⁵.

Первая модель – ассимиляция (идея «плавильного котла»). Эта модель, бывшая крайне распространенной как в Израиле, так и в англосаксонских демократиях в 50-е годы предполагает, что вновь прибывшие полностью откажутся от бывшей социально-культурной идентификации и максимально быстро освоят язык и культуру доминантной группы новой для них страны. Согласно этой модели благом (как для общества в целом, так и для самих иммигрантов) является максимально быстрое приобщение иммигрантов к системе нормативных, ценностных и культурных ориентаций принятых в новом обществе.

Вторая модель – очевидно весьма проблематичная – подразумевает сохранение межкультурных различий представителей

различных общин при сохранении очевидной и даже декларируемой иерархии между ними. Для данной модели (определяемой как «сегрегативная») характерно существование в обществе нескольких групп, которые не смешиваются между собой; от них не ожидается обязательный процесс ассимиляции. При этом сохраняется жесткая иерархия неравенства между статусом культурных общин в обществе, причем за исключением представителей доминантной культурной группы, фактически никто более не может претендовать на место в политической, военной или культурной элите государства и общества. После ликвидации режима апартеида в ЮАР достаточно сложно найти какую-либо страну в мире, где бы эта модель сохранялась в качестве официально признанной.

Представляется, что обе представленные модели отжили свой век и в наши дни едва ли хотя бы одна демократическая страна на декларативном, символическом и или прагматическом уровне стремится воплотить какую-либо из них. Многие страны (и в том числе Израиль) фактически взяли на вооружение другие модели, которые могут быть охарактеризованы как «промежуточные» между ассимиляцией и культурным плюрализмом.

Первая из этих моделей может быть охарактеризована как «временный мультикультурализм». В этой ситуации признается временное сохранение иммигрантами культуры стран исхода, однако предполагается, что в обозримой перспективе иммигранты все же пройдут процесс культурной, нормативной и ценностной ассимиляции. Вторая модель, которая может быть определена как «кулинарный мультикультурализм», допускает сохранение иммигрантами отдельных менее значимых компонентов идентичности, принятой в странах исхода (например, стиль одежды, любимые блюда и т.д.), при повсеместном принятии ими основополагающих культурных ориентаций и норм, принятых в новом обществе.

Пятая модель, определяемая как состояние «сепаратного плюрализма», в чем-то схожа с сегрегативной моделью: и в том, и в другом случае не предполагается никакого взаимодействия между различными общинами внутри общества. Каждая община сохраняет свою обособленность и свои специфические черты, не стремясь

к конструктивному диалогу с представителями других общин. Вместе с тем, в отличие от модели сегрегации, в этом случае отсутствует иерархия между культурами различных общин: каждая из них признается легитимной, обладающей равными правами в рамках данного социального пространства. Модель «сепаратного плюрализма» воплощена, например, в поделенной на языковые кантоны Швейцарии, а также, в известном смысле, в Бельгии.

Фактическая антитеза всем вышеперечисленным моделям – ситуация «интерактивного мультикультурализма». Для данной модели характерно не только отсутствие иерархии между различными культурными и нормативными системами, но и перманентное состояние диалога, тенденция к взаимообмену и взаимообращению между различными культурами. На протяжении последнего 20-летия подобная политика взята на вооружения в институтах абсорбции таких стран, как Канада и Австралия. Вопрос о том, пойдут ли этим путем институты абсорбции иммигрантов, существующие в Израиле, остается пока открытым.

Израиль прошел путь от ассимиляционной модели к некому синтезу промежуточных моделей, с одной стороны, и модели сепаратного плюрализма, с другой. При этом со стороны государственных институтов отдается явное предпочтение промежуточным моделям (определенным здесь как «временный мультикультурализм» и «кулинарный мультикультурализм»), а со стороны гражданского общества наблюдается склонность к воплощению модели сепаратного плюрализма. Модель ассимиляции фактически отвергнута всеми, как недейственная в данном обществе в данных условиях (уже во второй половине 80-х годов можно было говорить о ее крахе). Вместе с тем, государство заинтересовано в сохранении некоего, достаточно широкого, «общего знаменателя», настаивая на том, что иммигранты должны пройти процесс аккультурации, пусть и не столь быстрый, как это подразумевалось ранее.

Понимая невозможность воплощения идеи ассимиляции, государство использует другие модели и их комбинации для достижения едва ли не тех же целей. Лидеры же этнических группировок, общественных объединений и политических партий, созданных на основе этно-культурной схожести своих членов, из-

бирателей и сторонников (и в этой связи партии «Израэль Ба-Алия» и «Наш дом – Израиль» едва ли многим отличаются от партии Шас) куда больше заинтересованы в сохранении этнического и культурного своеобразия руководимых ими общин, ибо в этом – гарантия их собственной востребованности в качестве общинных и политических лидеров. Интересно, что ни государственная власть, ни общинные лидеры не заинтересованы в переходе к модели «интерактивного мультикультурализма», ибо для государства это означает (отсутствующую) высокую степень готовности к изменению существующей в стране доминантной идеологии, а для общинных лидеров – готовность к постепенной самоликвидации руководимых ими сугубо этнических структур. В настоящее время ни те, ни другие не готовы к подобному развитию событий, ведя ставший уже привычным прагматичный «диалог глухих». Именно в этом контексте, как нам кажется, следует рассматривать как массовое «бегство» уроженцев страны из школы «Шевах-Мофет» (редчайший случай осознанного оттока учащихся из объективно одной из лучших школ в стране), так и нежелание едва ли не всех политиков российского происхождения участвовать во внутрипартийных баталиях в существующих израильских партиях: куда как проще получить несколько мандатов, обращаясь исключительно к русскоязычным избирателям.

5. Проблемы самоидентификации выходцев из СНГ в Израиле и перспективы межэтнических отношений в современном израильском обществе

В статье Н. Зильберг рассматриваются различные стратегии, к которым прибегли организации, созданные выходцами из стран СНГ в Израиле: ассимиляционистская направленность иерусалимского Культурного центра, изоляционистское кредо различных землячеств и интегративная ориентация иерусалимской русской библиотеки. Время покажет, верен ли оптимистичный тезис Н. Зильберг о том, что «спустя десять лет после создания в Иерусалиме русской библиотеки можно сделать вывод, что предложенная ею модель интеграции стала ведущей стратегией иммигрантов, а созданные ею структуры и формы деятельности получили разви-

тие и общественную поддержку русскоязычной общины». На сегодняшний день представляется, что фактический отказ политических лидеров «русской общины» от участия в политической борьбе в рамках общеизраильских партий свидетельствует как раз об обратном: если в 1992 г. ни один (!) из имевших сколько-нибудь широкую известность русскоязычных политиков не считал нужным связать свою судьбу с всевозможными инициативами, обращенными исключительно к русскоязычным избирателям (в итоге в выборах 1992 г. участвовало два списка репатриантов, не считая курьезного «Движения репатриантов и пенсионеров», но возглавляли их сравнительно малоизвестные Юлий Кошаровский, Роберт Голан и Алекс Тенцер), то в наши дни в «русской» политике участвуют уже не только бывшие деятели «Ликуда» и Партии труда Юлий Эдельштейн и Роман Бронфман, но и бывший генеральный директор «Ликуда» и министерства главы правительства Авигдор Либерман. В 1992 г. за «русские» партии в Израиле не голосовал почти никто, на выборах 1999 г. – почти все русскоязычные иммигранты, имеющие право голоса. На наш взгляд, подобная тенденция свидетельствует не только о наличии у большого числа иммигрантов изоляционистских настроений, но и о значительном росте этих настроений, которые лишь усиливаются с увеличением стажа пребывания в Израиле.

Израильская, русская и еврейская составляющие идентичности российских иммигрантов в Израиле рассматриваются в этом сборнике в исследовании Сабины Лисица и проф. Йоханана Переса из Тель-Авивского университета «Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны» и в статье Моше Кенигштейна «Ценности и стереотипы “русских” репатриантов: опыт этнометодологического исследования». Парадоксальным образом результаты, полученные этими социологами, не дают возможности прийти к однозначным выводам о состоянии и направлении интеграционного процесса иммигрантов из России в современном Израиле. Становятся ли новые репатрианты израильянами? Не сожалеют ли о своем решении приехать в Израиль? Видят ли они в Израиле новый дом, в котором можно и

стоит поселиться и помочь в его строительстве? Или они видят в своей иммиграции падение, а не взлет, решение, плата за которое превышает полученный выигрыш, ошибку, из которой ищут выход?

Полученные С.Лисицей, Й.Пересом и М.Кенигштейном данные содержат подтверждение как оптимистической, так и пессимистической точек зрения; Израиль для большинства репатриантов 90-х годов, по-видимому, не новая – старая Родина, с которой воссоединяются после нескольких поколений ностальгии, но и не временное пристанище. Израиль для этих репатриантов не «плавательный котел», но и не «гетто».

Доминантная идентификация для большинства репатриантов (92%) – русская или еврейская, и только 8% прежде всего определяют себя как израильтяне, причем у 58% опрошенных израильская идентификация не была упомянута даже как второе предпочтение – и это после нескольких лет пребывания в стране! Вместе с тем, если предположить, что в СНГ почти никто из опрашиваемых не чувствовал себя израильтянином, получается, что меньше, чем за десятилетие изменилась сложная структура идентификации этих людей.

Процесс формирования идентификации репатриантов в Израиле носит многоступенчатый характер. При этом на каждой ступени можно обнаружить своеобразный «мозаичный тип» идентификации, включающий помимо этнической доминанты культурную, религиозную и политическую составляющую: от застывшего «советского» и «постсоветского космополитического» до «ультрапатриотического» и «религиозно-националистического». В этом контексте утверждение о существовании «единой русской общины» в Израиле представляется по меньшей мере спорным. Нет никаких объективных оснований и данных исследований, подтверждающих гипотезу о постоянном и долговременном единстве общинных интересов сотен тысяч людей, эмигрировавших с территории бывшей советской империи. Эти люди, как правило, не были объединены какими бы то ни было общинными интересами в странах исхода, и в эмиграции процесс их социальной, экономической и культурной дифференциации естественно продолжается.

Не вызывает сомнений наличие специфических «репатриантских» проблем: языковых, культурных, психологических, социальных. Однако наиболее существенные проблемы и интересы репатриантов совпадают с общеполитическими и социально-экономическими интересами израильского общества. Поэтому наряду с естественной и даже необходимой культурной автономией репатриантов идет процесс интеграции, в котором участвуют все этнические группы.

Из данных, собранных С. Лисицей и Й. Пересом следует, что 67% живущих в Израиле выходцев из России связывают свое будущее с Израилем, а 70% связывают с ним будущее своих детей. Иными словами, треть русскоговорящих израильтян не связывает с Израилем ни свое собственное будущее, ни будущее своих потомков. И среди иммигрантов, имеющих более чем семилетний стаж в Израиле (прибыли в Израиль в 1989-1992 гг.) лишь 11% видят себя прежде всего израильтянами, в то время как прежде всего русскими видят себя 37% опрошенных из этой группы. Представляется, что в наши дни самосознание российской еврейской интеллигенции состоит из уникального сплава приверженности, с одной стороны, своим национальным корням, а с другой – великой русской культуре, в создании которой среди прочих принимали участие писатели и поэты-евреи. Российская еврейская интеллигенция стремится к языковому равноправию и мультилингвализму: она хотя и признает иврит и базирующуюся на нем культуру, но, тем не менее, продолжает считать свое собственное культурное и языковое самосознание не менее ценным. На первом же месте стоит еврейская идентификация, что ставит в тупик многих израильтян, для которых еврейство – это прежде всего понятие религиозной идентичности. Зачастую они недоумевают, каким образом подобная самоидентификация уживается с очевидно секулярным мировоззрением и образом жизни.

Попытке дать ответ в том числе и на этот вопрос посвящены статьи Алексея Корнилова «Этническая структура современного израильского общества», проф. Дмитрия Сегала «Культурное наследие европейского еврейства и социо-культурная идентичность израильского общества в XXI в.» и Рафаила Нудельмана

«Переписывая заново: израильское общество в продолжающихся поисках самоидентификации». Р.Нудельман делает вывод, что «русской» группе суждено, по всей вероятности, то же, что и всему Израилю, – долгий и мучительный поиск, осложняемый все еще продолжающейся внешней борьбой за сохранение государства и борьбой внутри государства – за сохранение общества; борьбой тем более трудной, что она будет происходить в условиях обособления (а, возможно, и растущего социального, политического, экономического и культурного противостояния) его общин. Вопрос, однако, состоит в том, какая политика государственных и общественных институтов будет способствовать дальнейшему обострению межобщинной напряженности, а какая, наоборот, созданию благоприятных условий для конструктивного диалога и мирного сосуществования в условиях взаимоуважения представителей разных общин.

Израильские государственные деятели и интеллектуалы все чаще декларируют, что важнейшим отличием политики абсорбции в последние годы стал переход от модели «плавильного котла» к этническому и социально-культурному плюрализму. На наш взгляд, до сих пор и государственная власть, и общество проявляют лишь готовность к половинчатым компромиссам в этом вопросе, принимая временный культурный плюрализм как своего рода неизбежное зло, не воспринимая сосуществование различий (*coexistence of diversities*) как позитивную цель, служащую общественному интересу¹⁶. Вместе с тем, без взаимного уважения граждан и групп, идентифицирующих себя с разными культурами, не может возникнуть подлинной социальной солидарности. Ситуация устойчивого культурного плюрализма – это не промежуточный этап, который демократическое общество проходит при абсорбции многочисленных и разнообразных эмигрантов, а пример отношений, жизненно необходимый для него на долгосрочную перспективу. Сильная во многих отношениях алия 90-х годов создала ситуацию, когда уже не только новые иммигранты приспосабливались к израильской действительности, но и само уже сложившееся общество было поставлено перед необходимостью видоизменяться, сближаясь с высоким образовательным, культурным, профес-

сиональным уровнем репатриантов. Именно эта волна иммиграции явилась одним из основных факторов, повлиявших на повышение образовательного, культурного и профессионального уровня в стране. Представляется, что в этом можно видеть основной вклад алии 90-х годов в израильское общество.

---

¹ Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества. Израильская модель. М., 1998, с. 29.

² См.: Масюкова И.В. Израиль на рубеже веков: роль иммигрантов из стран СНГ в развитии научно-технического потенциала. – Ближний восток и современность. Вып. 9. М., с. 133-142.

³ См.: Smooha S. Israel: Pluralism and Conflict. L., 1978; Smooha S. Part of the Problem or Part of the Solution: National Security and the Arab Minority. – National Security and Democracy in Israel. A.Yaniv (ed.) Boulder and London, 1993), с. 105-128; Levi Y. Trial and Error. Albany: State University of New-York Press. 1997.

⁴ См.: Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества. Израильская модель.

⁵ См., например, ставшую классической книгу крупнейшего израильского социолога Шмуэля Ноаха Айзенштадта, излагающую концепцию «плавильного котла»: Eisenstadt S.N. The Absorption of Immigrants. L., 1954. См. также выражающую похожие идеи этапную статью: Bar-Yosef R. Desocialization and Resocialization: The Adjustment of Immigrants. – International Migration Review. 1968, vol. 2, № 3, с. 27-45.

⁶ См., например, имевшие большой резонанс книги профессора социологии Тель-Авивского университета Элизера Бен-Рафаэля: Ben-Rafael E. The Emergence of Ethnicity: Cultural Groups and Social Conflict in Israel Westport: Greenwood Press, 1982; Ben-Rafael E. and Sharot S. Ethnicity, Religion and Class in Israeli Society. Cambridge, 1991; Ben-Rafael E. Language, Identity and Social Division: The Case of Israel. Oxf., 1994.

⁷ В последние годы Институтом изучения Израйля и Ближнего Востока опубликовано несколько статей на эту тему: Леонидов А.И. – Иммигранты из стран СНГ: новый фактор в израильской политической жизни. Ближний Восток и современность, Вып. 2. М., 1996, с. 183-213; Масюкова И.В. Русскоязычные иммигранты в Израиле: проблемы адаптации». – Ближний Восток и современность, Вып. 8 М., 1999, с. 125-139.

⁸ См: Kimmerling B. Between Hegemony and Dormant Kulturkampf in Israel. – Israel Affairs. L., vol. 4, 1998, с. 49-72; Kimmerling B. Elections as a Battleground Over Collective Identity. –Elections in Israel – 1996, A. Arian

---

and M. Shamir (eds.), Albany, State University of New-York Press, 1999; *Kimmerling B.* The New Israelis. Multiple Cultures without Multiculturalism». – *Israel Studies*, 2000, 4, ивритская версия статьи была опубликована в журнале «Альпайм», 1998, № 18, с. 264-308; *Lissak M.* and *Leshem E.* The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration. *Israel Affairs*. L., 1995, vol. 2, № 2, с. 20-36; *Leshem E.* and *Lissak M.* Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. – *Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective* S. Weil (ed.), Jerusalem. 1999, с. 136-171.

⁹ *Масюкова И.В.* Русскоязычные иммигранты в Израиле: проблемы адаптации, с. 135.

¹⁰ *Epstein A., Patlas N., Kheimetz N., Freinkman-Chrustalyova N.*, The Ethos, the Ethnic and the Social System of Science: Exploring the Cross-cultural Dialogue between the Scientists from the Former Soviet Union and their Israeli Colleagues. – *Scientific Israel*. 1999, vol. 1, iss. 3, с. 1-10.

¹¹ *Масюкова И.В.* Израиль на рубеже веков: роль иммигрантов из стран СНГ в развитии научно-технического потенциала, с. 135.

¹² Государство Израиль. Становление и развитие. Т. 1, Под общей редакцией И. Орена, Иерусалим. 1991, с. 269.

¹³ См. *Mirski, Julia* and *Prawer, Lea*. To Immigrate as an Adolescent: Immigrant Youth from the Former Soviet Union in Israel [1992]. – *Children of Perestroika in Israel* Tamar Horowitz (ed.) Lanham, 1999, с. 72-118.

¹⁴ Подробнее см.: *Эпштейн, Алек*, Российские учителя как реформаторы израильской системы образования: Десять лет ассоциации «Мофет». – *Еврейское образование*. СПб., 2000, № 1, с. 271-298.

¹⁵ См.: *Smolicz, Jerzy*. In Search of a Multicultural Nation – The Case of Australia from an International Perspective. – *Cultural Democracy and Ethnic Pluralism – Multicultural and Multilingual Policies in Education*. Watts Richard and Jerzy Smolicz (eds.), Bern, 1997. См. также: *Sever, Rita* and *Epstein, Alek*. Personal and Contextual Marginality of Immigrant Students in Israel – Redefining the Notion of Immigrant Integration in an Era of Globalization – Paper presented at the 34th World Congress of the International Institute of Sociology. Tel-Aviv University, 11-15 July, 1999; *Epstein, Alek* and *Kheimets, Nina*. Cultural Clash and Educational Diversity: Immigrant Teachers' Effort to Rescue the Education of Immigrant Children in Israel. – *International Studies in Sociology of Education*, 2000, vol. 10, iss. 2.

¹⁶ См.: *Epstein, Alek*. State-Mediated «Hierarchy of Diversities» and the Freedom of Individual Self-Identification: Towards a Dynamic Liberal Model

---

of Multiculturalism. – New Global Development: Journal of International and Comparative Social Welfare, 1999, 15, c. 36-51.

I. МАССОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПОКОЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ

Профессор Теодор Фридгут,
Иерусалимский университет

Введение

Несмотря на то, что со времени основания Государства Израиль прошло более полувека, израильское общество и его политическая система продолжают эволюционировать. Эта эволюция обусловлена тремя главными факторами: 1) изменением международной обстановки; 2) продолжением крупномасштабной иммиграции; 3) быстрым повышением уровня жизни, одновременно сопровождающимся образованием новых экономически продвинутых социальных групп и обострением противоречий между зажиточными и беднейшими слоями населения. Влияние внешнеполитических проблем на жизнь Израиля рассмотрено в других работах автора¹ и будет освещаться здесь лишь по мере необходимости. Однако остальным двум факторам в данной статье уделено серьезное внимание, так как от них существенно зависит портрет поколений и их взгляды, являющиеся предметом настоящего исследования.

Евреи, иммигрировавшие из разных стран со времени основания государства, были носителями разных, часто плохо сочетающихся друг с другом культур, имели разную социально-экономическую базу и различный политический опыт. Несколько мощных волн иммиграции создали «критические массы» избирателей из разных общин и тем самым способствовали выдвижению иммигрантов на влиятельные социальные и политические позиции. В это время эко-

номика страны бурно развивалась. Этот экономический рост в сочетании с выходом на социальную арену новых поколений как иммигрантов, так и уроженцев Израиля не мог не влиять на мировоззрение, политические взгляды и образ жизни определенных социальных групп и на отношения между ними. Все это находит свое выражение в политическом поведении. Политические ориентации новых репатриантов тем более важны, поскольку израильский «Закон о возвращении», принятый среди первых законов государства, предоставляет каждому репатрианту-еврею полноправное гражданство, включая право голоса, с момента прибытия в страну.

Два контрастных поколения

Наиболее резкое изменение произошло в характере Партии труда (ПТ) и ее электорате. В прошлом она объединяла молодых, политически активных людей, ориентированных на социалистические ценности и сочетающих аскетический стиль жизни с приверженностью общественным интересам. Киббуцники, чей средний возраст сегодня превышает 50 лет, некогда бывшие движущей силой ПТ, растеряли творческий политический потенциал. В настоящее время, несмотря на то что киббуцное движение и до сих пор отдает ей до 92% своих голосов, ПТ превратилась в партию обеспеченного городского класса. Место киббуцников в политической элите Партии труда заняли частные предприниматели и военные в отставке, в то время как наиболее высокая концентрация их избирателей отмечается в зажиточных районах городов и в их пригородах².

Некогда господствующее поколение израильтян, так называемые васы – ватики (старожилы), ашкенази (евреи европейского происхождения), сабры (уроженцы Израиля), пальмахники (воины) – электорат, впервые приведший к власти партию Труда, сегодня также как его современники в США, сходят с политической арены. Будущее покажет, будет ли новое поколение руководства ПТ вкладывать реальные усилия в решение экологических проблем и в дело достижения гражданского равенства и социальной справедливости.

В отличие от Партии труда, молодое поколение Национально-религиозной партии (НРП) становилась все более экстремистским. Старшее поколение руководства НРП было умеренным, для него

«исторический союз» с ПТ был одним из базисных принципов. НРП была верным партнером по коалиции, и ПТ платила ей за это, соглашаясь на сохранение status quo в отношении религиозных институтов. Сохранил свою силу Османский закон, принятый еще до первой мировой войны, согласно которому изменения личного статуса (брак, похороны и т.д.) находятся под исключительным контролем соответствующих религиозных общин. Принятие конституции, которая определила бы отношения между государством и религией, было отложено на неопределенный срок, и НРП могла считать министерства внутренних дел и по делам религий своей вотчиной, дающей ей рычаги влияния на местные бюджеты.

Эта ситуация начала меняться почти сразу же после Шестидневной войны 1967 г. У традиционного руководства, возглавляемого д-ром Йосефом Бургом, появились молодые соперники, лидером которых был Зевулун Хаммер. Их вдохновляла идея «Большого Израиля», занимающего все территории, контролируемые Израилем после этой войны. Однако на самом деле у нового поколения были более глубокие отличия. Для молодежного движения «Бней акива», развивающегося внутри Национально-религиозной партии, характерно сочетание мессианского подхода к политике с жестким соблюдением религиозных обрядов, близким к требованиям ультра-ортодоксов. Небольшая группа раввинов формирует идеологию этого движения. Соответствующим образом комментируя религиозные источники и оспаривая примат государственных законов над религиозными установлениями, эта группа своим влиянием придала ореол святости заселению оккупированных территорий, декларируя необходимость их полного захвата Израилем. Поселенческое движение, которое началось с нескольких разрозненных групп после войны 1967 г., расширилось после 1973 г., начало закладывать новые города (пользуясь субсидиями, предоставляемыми правительствами Ликуда после 1977 г.) и обрело самостоятельность. Такие организации как «Блок верующих» («Гуш эмуним»), которые были инициаторами и направляли деятельность поселенцев, стали могущественным внутрипартийным лобби. Центр тяжести идеологической работы НРП переместился из синагог более старых городов в поселения, где по выходным дням проводились семинары, пропагандирующие в молодежной среде ре-

лигиозные и политические воззрения поселенцев. Атмосфера этих занятий пронизана религиозным волнением и идеей бескомпромиссной преданности общей цели. Они напоминают собрания, описания которых можно найти в хрониках ранних пионерских движений Израиля.

Это новое идеологическое содержание придало молодому поколению дух самоотверженной решимости, почти полностью исчезнувший в молодежных движениях израильских левых. К 1996 г. движение «Бней акива» было самым большим молодежным движением в Израиле – 350 отделений, в которые входило 70 тыс. членов³. Это движение обеспечивает людской резерв для усиления поселений на Западном берегу р. Иордан и представляет собой хорошо организованную силу, готовую выполнять все задания партии в ходе ее предвыборных кампаний и демонстраций.

Бескомпромиссный пуризм поселенцев привел их к отделению от Национально-религиозной партии на выборах 1999 г. Наиболее радикальные из них под руководством Ханана Пората и Цви Ханделя вместе с пуристами из Ликуда основали партию Национальный союз, не признающую палестино-израильских соглашений в Осло и призывающую не идти ни на какие территориальные уступки.

В этой истории совершенно ясно просматривается влияние фактора поколений на изменение политических воззрений в разных социальных группах. Однако в разных секторах общества это влияние было неодинаковым. Основным мотивом деятельности молодых членов Партии труда было стремление к самореализации на основе развития технического потенциала страны, стремление к росту благосостояния общества, возникшее в противоположность духу самоотречения, которым было проникнуто предыдущее поколение партийных лидеров. В это же время молодое поколение НРП, приверженное идее «исторической родины», обратило свой взгляд в прошлое, развивая поселенческое движение.

Секторальное общество

Секторальность израильского общества, которая сегодня углубляется, начала складываться еще в догосударственный период, когда обособление проходило не только по линиям религиозно-светских и

межобщинных различий, но и в разных сферах повседневной жизни – от работы и жилья до образования и спорта – все было разделено соответственно политическим организациям. Однако при этом была сильная доминантная группа – Рабочее движение и, кроме того, крепкая общая солидарность еврейского ишува перед лицом внешних групп и организаций – британского мандатного правительства и палестинских арабов. Сегодня же, в то время как секторальность сохранилась, есть основания думать, что базисная общественная солидарность, характерная для догосударственного периода, значительно ослабла.

В современном израильском обществе существует ряд ярко выраженных устойчивых социальных секторов. Относительная изоляция и гомогенность состава таких социальных групп как ультраортодоксальные общины, население городов развития и поселенцы Иудеи и Самарии способствуют сохранению их обособленности. Разрыв усугубляется также тем обстоятельством, что эти группы почти полностью контролируют все институты, в которых происходит социализация их молодого поколения. Чтобы ослабить эту тенденцию, необходимо в течение жизни нескольких поколений проводить радикальную политику интеграции. Социально-экономические и социально-культурные противоречия между этими группами и остальным обществом могут дестабилизировать израильскую политическую систему и жизнь государства в целом. Это внушает израильским социологам и политологам тревогу за будущее общества. Анализируя выборы 1996 г., Ш.Вайс, профессор политологии Хайфского университета и бывший председатель Кнессета, пишет: «Мирное урегулирование арабо-израильского конфликта или длительный спокойный период устранил единственный фактор, объединяющий израильтян как нацию, и мы станем свидетелями войны между классами и, тем самым, между общинами»⁴.

В 1977 г. из-за постепенного ослабления Партии труда в результате ее долголетнего пребывания у власти, из-за ее неспособности покончить с арабо-израильским конфликтом, ее нежелания решать проблему территорий, захваченных в 1967 г., а также под влиянием последствий Войны Судного дня, партия Ликуд пришла к власти, фундаментально изменив баланс политических сил в стране. Закончился период доминирования одной партии. Все бо-

лее затрудненным становилось достижение консенсуса в обществе. Общественное мнение стало полярно, равновесным и одновременно подвижным. Так, например, до визита президента Египта Анвара Садата израильтяне относились к египтянам почти также отрицательно, как к Организации освобождения Палестины (ООП). Несмотря на это, они вышли на улицы, чтобы приветствовать египетского лидера на его пути в Кнессет, где он должен был представить декларацию о мирных намерениях Египта по отношению к Израилю. Противоречивой была и реакция общества на подписание премьер-министром Ицхаком Рабиным «Декларации о принципах» в Осло. До 1992 г. Ликуд смог обеспечить парламентское большинство, объявившее вне закона любой контакт с движением, руководимым Ясиром Арафатом, а в 1993 г. две трети общества поддерживали И.Рабина, несмотря на ненависть к ООП, членов которой еще недавно называли «двуногими зверьями»*. И, наконец, недавно, согласно социологическому опросу, 60% израильтян одобрили намерение Барака участвовать в переговорах в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. с перспективой его согласия на «далеко идущие компромиссы». 75% опрошенных заявили, что они хотели бы, чтобы арабо-израильский конфликт был разрешен немедленно⁵. После провала Кэмп-Дэвидского саммита Барак столкнулся с растущей враждебностью той части общества, чьи надежды не оправдались.

Длительная сбалансированность общественного мнения в сочетании с тенденцией к его резкому изменению перед лицом значительных политических событий создает в стране специфическую политическую ситуацию. Небольшой перевес на выборах может вызвать серьезные изменения в правительстве. Например, на выборах 1996 г. Партия труда добилась в Кнессете большего числа мандатов, чем Ликуд. Несмотря на это, Б.Нетаниягу стал премьер-министром, получив всего на 30 тыс. голосов больше, чем Перес. При поддержке партии русских иммигрантов «Израэль-ба-алия», сефардской ультраортодок-

---

* В 1993 г. в Кнессете «Основные принципы» Осло были ратифицированы при соотношении голосов 61:50. Три члена фракции Ликуд и шесть членов Шас воздержались.

сальной партии Шас и различных фракций, выступающих против соглашений в Осло, Б.Нетаниягу смог создать коалицию, однако оказался не в состоянии обеспечить ее стабильность.

При такой политической ситуации любое изменение соотношения голосов может принципиально изменить соотношение сил во властных структурах. К каждому выбору в израильский электорат вливаются 400-500 тыс. новых избирателей. Это дает новым поколениям избирателей возможность существенно влиять на политику страны.

Рост израильского электората обуславливается не только его пополнением за счет достижения молодыми людьми электорального возраста, но и благодаря новым волнам иммиграции. По мнению Шмуэля Себаха, существует тенденция согласно которой избиратели – по мере их взросления становятся все более «правыми». Ш.Себах отмечает также актуальность тезиса Льюиса Фойера, базирующегося на концепции Карла Манкхейма, о том, что на политические позиции данной возрастной группы наряду с текущей политической ситуацией в стране влияет также ее социальный и исторический опыт⁶. Катастрофа, иммиграция в Израиль, Шестидневная война и Война Судного дня, интифада и другие острые переживания имели огромное влияние на политические взгляды переживших их поколений.

Анализ голосов, отданных солдатами на выборах 1996 г., показывает, что предпочтения молодежи как избирателей меньше зависят от того, к какой из исторически сложившихся в стране социальных групп они относятся, чем это имеет место среди старших поколений. Большинство молодых людей отдают свои голоса за того или иного кандидата или за ту или иную партию по идеологическим мотивам⁷. В 1996 г. Партия труда и Ликуд получили больший процент голосов (соответственно 32,14% и 31,6%) среди солдат, чем среди всего населения в целом. В то же время, партии религиозного блока и Израэль-ба-алия, электораты которых относятся к определенным секторам общества, набрали среди солдат меньше голосов, чем по стране в целом – 14 и 2,3% соответственно. Следует отметить, что в то время, когда был сделан анализ Ш.Себаха, существующая политическая система включала в себя

две доминантные партии, тогда как теперь, в результате изменений в законе о выборах, к которым мы еще вернемся, для формирования парламентского большинства необходимо наличие не менее трех партий*.

Эволюция политической системы Израиля

Эволюция израильской политической системы началась еще до основания государства с демократического сионистского движения, в котором меньшинство не было обязано подчиняться руководству, и политическое согласие достигалось на основе компромисса. В политической системе Израиля и в догосударственный период, и на протяжении почти 30 лет после провозглашения государственной независимости, доминировало Рабочее движение. После основания государства установилась парламентская система правления, в которой премьер-министр и правительство (Кабинет министров) были подотчетны Кнессету. На основании собственного суждения о том, кто пользуется наибольшим доверием Кнессета, и после консультаций со всеми партиями, президент уполномочивал лидера одной из них сформировать правительство. Выборы проводились по партийным спискам в целом по стране, и в Кнессете партии были представлены пропорционально числу полученных голосов. Преимущество этой системы для нового общества заключалось в том, что любая его социальная группа, как бы мало она ни влияла на общественную жизнь, при наличии минимальной поддержки среди населения, могла быть представлена в Кнессете и выразить там свои интересы. Это означает, что группа, интересы которой не совпадали с интересами больших партий, могла учредить свой собственный электоральный список и либо, преодолев крайне невысокий электоральный барьер (1% – до 1992 г., 1,5% – после 1992 г.), сформировать свою фракцию в Кнессете, либо, убедив более крупную партию включить своих представителей в ее список на основе кооптации,

---

* На выборах 1992 г. Партия труда и Ликуд в Кнессете получили вместе 76 мандатов из 120. В 1996 г. – только 66 мандатов, а в 1999 г. их представительство упало до 45 мандатов.

пройти в парламент в рамках уже представленной там политической силы. Таким образом, выборы стали основной формой выражения социального протеста, и большинство внепарламентских движений быстро перешли от уличных демонстраций к активности электората*. Слабость этой формы политического устройства заключается в том, что она основана на коалициях и не способствует формированию однопартийного правительства. С 1977 г. в Израиле сложилось почти симметричное политическое равновесие, при котором формирование и падение правительств часто зависит от одной или двух очень маленьких партий или даже от отдельных политических или религиозных деятелей.

По завершении избирательной кампании 1992 года был принят новый закон о выборах, согласно которому выборы в Кнессет, как и прежде, проводятся по принципу пропорционального представительства. Вместе с тем, наряду с выборами в Кнессет были введены и прямые выборы премьер-министра страны. Премьер-министр назначает членов правительства, однако состав кабинета и назначения на новые министерские посты утверждаются Кнессетом. Вотум недоверия премьер-министру и его правительству, означающий их отстранение от власти, выносится Кнессетом при наличии большинства в 61 голос (из 120 депутатов) и влечет за собой досрочные выборы (назначаемые до истечения официального четырехлетнего срока). Эта система уникальна, так как она не является ни президентской, ни парламентской. Она освобождает премьер-министра от давления со стороны малых партий. Однако ее не предусмотренным результатом является то обстоятельство, что малые партии оказываются свободными от дисциплины, обусловленной общенациональными интересами. При этой системе расширяются политические возможности секторальных групп. Выбирая премьер-министра, можно голосовать за передачу территорий палестинцам или против нее, и в то же время, голосуя за ту или иную партию, поддерживать русских иммигрантов или израильских арабов в их борьбе за свои

---

* Именно этот путь прошло в 70-е годы движение «Черные пантеры».

права, или присоединиться к марокканским евреям в их стремлении укрепить свои традиции и институты.

Анализ хода и результатов последних двух избирательных кампаний, проходивших по этой системе, позволяет показать, как именно каждое поколение израильтян влияет на государственную политику. Предмет настоящего исследования – влияние на политическую жизнь Израиля второго и третьего поколений иммигрантов из восточных стран, главным образом из Марокко, старшего поколения последних волн русской иммиграции и третьего поколения израильских арабов, родившегося через много лет после основания Государства Израиль, т.е. трех секторальных групп в которых наиболее отчетливо проявляется влияние фактора поколений, возможно сегодня наиболее мощного фактора в динамике израильской политики. В отличие от двух поколений избирателей Партии труда и Национально-религиозной партии, роль которых в жизни страны рассматривалось выше, политическая активность этих поколений еще не достигла своего максимума.

Восточные евреи – второе и третье поколение

Термин «восточные евреи» не является строго предметно очерченным, так как под ним подразумеваются несколько различных общин с разными взглядами на жизнь, разной историей и культурой, таких, например, как йеменские евреи, афганские и иракские евреи. Самая большая из этих групп – община марокканских евреев^{*8}. Эта община – основной объект этого исследования, так как после нескольких безуспешных попыток, она создала свою собственную партию, которая в течение одного десятилетия стала очень влиятельной силой на политической арене Израиля.

В этом случае эффект смены поколений проявляется наиболее явно. Рассмотрим, например, группу иммигрантов из Марокко,

---

* В Израиле численность евреев – уроженцев Марокко и их детей в 1996 г. достигала 500 тыс. человек. Следующая по величине община иммигрантов – уроженцев стран Азии или Африки – выходцы из Ирака. – насчитывала 256 тыс. человек.

приехавших в Израиль маленькими детьми в конце 40-х – начале 50-х годов, а также рожденных в Израиле в первые годы его независимости. Они росли в бедности, прежде всего, из-за весьма скромного уровня жизни в стране в 50-е годы и низкого уровня образования и технических навыков их родителей. Частично, травма пережитая марокканскими евреями в Израиле связана с тем, что наиболее образованная и зажиточная часть марокканского еврейства предпочла эмигрировать во Францию или во франкоговорящие области Канады, а не в Израиль. Так эта община начала свою жизнь в Израиле без культурной и политической элиты.

Чтобы абсорбировать массовую иммиграцию, в 50-х и в начале 60-х годов были основаны так называемые города развития. Борясь с безработицей, правительство развивало в этих городах промышленные отрасли, нуждающиеся в большом количестве рабочих рук. Однако труд в этих отраслях был низкооплачиваемым, а занятость – нестабильной, из-за чего наиболее трудолюбивые и способные иммигранты вскоре перебрались в другие районы страны с более благоприятными возможностями. В «городах развития» осталось много бедных, малообразованных людей, зачастую не имеющих специальности.

Недавние иммигранты, покинувшие места временного проживания и «города развития» и перебравшиеся в более благополучные районы, стали служащими, независимыми ремесленниками, торговцами, подрядчиками. Так как экономическая ситуация в Израиле в целом улучшалась, их уровень жизни вскоре повысился. Улучшились и жилищные условия, многие из них смогли дать своим детям университетское образование. Жизнь этих марокканских иммигрантов стала абсолютно непохожей на жизнь их соотечественников, оставшихся в «городах развития». Повышение экономического статуса и уровня жизни восточных евреев стало особенно заметно в период быстрого развития страны после Шестидневной войны 1967 г. В 1972 г. только 7% израильтян – выходцев из стран Азии и Африки и 7,3 % детей – выходцев из этих стран (второе поколение иммигрантов) имели высшее или среднее специальное образование. В 1987 г. численность людей с таким образованием среди этих социальных групп составляла соответственно 12,9 и 16,4%. Однако, даже при этом впечатляющем прогрессе среди восточных

евреев было втрое меньше людей, получивших высшее образование, чем среди евреев европейского происхождения⁹. Большая разница в уровне образования, занятости и в характере труда между ашкенази и восточными евреями продолжала существовать. Это вызывало возмущение как у преуспевающих, так и у отсталых секторов восточных общин. Поэтому по мере своего освобождения от проблем, обычных для новых иммигрантов, и от опеки Партии труда, они оказывали все большее предпочтение партии Ликуд.

Шестидневная война 1967 г. и Война Судного дня 1973 г. решающим образом повлияли на этот процесс. В Шестидневной войне поколение иммигрантов из Марокко, которые в раннем возрасте стали израильянами, выросли в израильских школах и служили в армии в 60-х годах, были среди солдат, которые отвели угрозу, нависшую над государством. Одержав победу, они расширили границы страны до Суэца и Иордана и, установив полный контроль над Иерусалимом, пробудили в евреях веру в исполнение библейских пророчеств о судьбе Израиля. Они были уверены, что эта война принесет стране безопасность и процветание, несмотря на то, что, как упоминалось выше, довоенный социальный, экономический и политический истеблишмент продолжал оставаться у власти. Травма, причиненная войной 1973 г. подорвала эту уверенность. Она послужила катализатором для недовольства режимом Партии труда, которую обвиняли в том, что, начиная с 1948 г., она вела политику подавления и унижения восточных общин. По понятным причинам в «городах развития» эти настроения были особенно острыми*. Выборы 1973 г. продемонстрировали явное снижение популярности ПТ, что, в конечном счете, привело к победе блока Ликуд на выборах 1977 г., положивших конец 29-летнему правлению Партии труда. Строя свою избирательную кампанию на программе обеспечения безопасности и на идее Большого Израиля и играя на недовольстве восточных общин политикой Партии

---

* Социолог из Иерусалимского университета, проводивший исследование в «городах развития», в личной беседе сообщил автору, что атмосфера отчуждения от государства в них настолько ярко выражена, что, например, о войне Судного Дня местные жители говорят как о «вашей» войне.

труда, Ликуд сумел утвердить себя в роли признанного защитника интересов восточных евреев.

Интифада, разразившаяся в декабре 1987 года, нанесла первый ущерб этому имиджу. «Молодые львы» 1967 г., которым тогда было по 18-25 лет, теперь уже разменяли свой четвертый десяток. Интифада не прекращалась, и уже их дети приближались к призывному возрасту или становились солдатами, основная задача которых заключалась в усмирении вооруженных камнями палестинских детей и подростков. В лучшем случае это не героическая миссия, резко контрастирующая с ролью их родителей в Шестидневной войне. Кроме того, политика перекачивания ресурсов страны в поселения и инфраструктуру Западного берега р. Иордан начинала вызывать недовольство как у людей этого поколения, обладающих определенным достатком, так и у его бедной части, живущей в «городах развития». Первых возмущали высокие налоги, поглощающие значительную часть их трудовых доходов, а вторые считали, что государственные инвестиции в территории – это деньги, на которые можно было бы построить школы, медицинские учреждения и жилье, столь необходимые в «городах развития». Работая всю жизнь не покладая рук и достигнув определенного материального успеха, марокканские евреи этого поколения хотели наслаждаться плодами своего труда и обратить их на пользу своим детям. В сущности, они желали для себя такой же жизни, какую вели презируемые ими высокопоставленные бизнесмены-ашкенази, члены и сторонники Партии труда. «Вкусив радости мира, они утратили аппетит к войне»¹⁰.

Выборы 1992 г. стали поворотным пунктом израильской политики. Лидером партии Ликуд по-прежнему был Ицхак Шамир, бесцветный преемник харизматического Менахема Бегина. Партия труда предпочла Ицхака Рабина Шимону Пересу. Рожденный и выросший в Израиле, И.Рабин служил в армии с юных лет. Он был начальником Генерального штаба в Шестидневной войне. Он не был запятнан поражением в Войне Судного дня 1973 г., так как в это время был послом Израиля в США. Будучи министром обороны в правительстве национального единства 1988 г., он занял твердую позицию в борьбе с интифадой. Ицхак Рабин пользовался доверием большинства населения страны в вопросах, связанных с национальной безопасностью – составляющей

государственной политики, достижение которой поднимающийся средний класс считал задачей первостепенной важности.

На выборах 1992 г. партия Ликуд, на предыдущих выборах добившаяся поддержки 31,9 % избирателей, получила только 24,9% голосов. В среде избирателей – выходцев из стран Азии и Африки, число голосов, поданных за Ликуд, упало с 28% до 23%. (Часть этих избирателей предпочла возникшую перед выборами 1988 г. партию Шас). Среди детей выходцев из стран Азии и Африки, достигших призывного (и избирательного) возраста, число голосов, отданных за Ликуд упало еще резче – с 50% в 1988 г. до 33 % в 1992 г.¹¹ Они хотели безопасности и мира, который открыл бы для них новые экономические возможности и избавил бы их семьи от войны и террора. Этот подход к ситуации в стране не был основан на идеологии пацифизма. Люди отдали свои голоса за новую политику, руководствуясь чисто прагматическим стремлением к нормальной жизни*. Благодаря очевидной осторожности И.Рабина в его контактах с Я.Арафатом и его политической мудрости, которая проявлялась в том, что в своих публичных высказываниях он никогда не упоминал о мире вне связи с безопасностью, соглашения Осло были поддержаны значительным большинством израильтян.

Однако, этот переход от поддержки Ликуда к поддержке Партии труда был весьма неустойчивым. Серия взрывов в автобусах в Иерусалиме, Тель-Авиве и в других городах Израиля практически свела на нет эту поддержку. Доверие к И.Рабину как к лидеру, считающему своей главной миссией достижение безопасности в стране, было во многом подорвано. 4 ноября 1995 г. Рабин был убит молодым сторонником еврейских радикальных национально-религиозных кругов. В предвыборной кампании 1996 г. Б.Нетаниягу, который тогда

---

* Томас Фридман указывает на аналогичную тенденцию, существующую в ряде стран Ближнего Востока, включая Сирию и Палестинскую автономию (ПА), как на основную причину массовой поддержки мирных инициатив. Амира Хас указывает на начальные признаки появления среднего класса собственников в ПА и предполагает, что они не захотят принимать участие в новой интифаде. *New York Times*, 07.14.2000 (T.Friedman); *Haaretz*, 07.07.2000 (A.Hass).

был председателем Ликуда, создал себе имидж осторожного, опытного лидера, главная цель которого – безопасность Израиля. В политике страны снова наступил перелом. Однако важную роль в нем сыграло то обстоятельство, что в 1996 г. выборы премьер-министра впервые были прямыми. Это позволило Б.Нетаниягу победить Ш.Переса с перевесом менее чем 30 тыс. голосов (1% избирателей). На выборах в Кнессет, однако, блок Ликуд-Цомет-Гешер получил лишь 32 мандата; Партия труда – 34, тем самым сохранила положение крупнейшей фракции в парламенте. Вновь возросло политическое влияние движения Шас, получившего 10 мест.

Выборы 1999 г. охарактеризовались дальнейшим ослаблением позиций правящей Партии труда: ее лидер Эхуд Барак, который баллотировался на пост премьер-министра, выиграл эти выборы, получив 56% голосов избирателей, в то время как число мест возглавляемой им партии упало до 26 (включая два места, забронированных для лидеров фракции Гешер Давида и Максима Леви, и одно место – для раввина Малкиора, лидера умеренной религиозной группы «Меймад»). В то же время представительство партии Ликуд, потерявшей во всех секторах общества много своих приверженцев из-за недовольства политикой Б.Нетаниягу, сократилось до 19 человек. Обеспеченный слой общины восточных евреев отдал свои предпочтения разным партиям, подобно избирателям из других социальных групп, придерживавшихся правых и центристских взглядов. Значительная часть этого слоя проголосовала за Партию центра, следуя за бывшим министром обороны Ицхаком Мордехаем и другими политиками, покинувшими Ликуд и Партию труда. Небольшое число избирателей поддержало антирелигиозную партию Шинуй (Движение за перемены), которая объединила всех, кто возмущался традиционалистской политикой и риторикой партии Шас, делающей все, чтобы затормозить развитие сефардской общины, не дать ей возможность подготовиться к реалиям XXI в.

Начиная с 1988 г., голоса многих евреев-сефардов перемещаются из Ликуда, через Партию труда к Шас. Ультрарелигиозная партия сефардов Шас постепенно стала главной соперницей Ликуда в борьбе за голоса выходцев из стран Азии и Африки и их детей, родившихся в Израиле. Впечатляющий рост популярности Шас (от

108 тыс. голосов, позволивших ей получить четыре мандата на выборах 1988 г. до 430 тыс. голосов и 17 мандатов на выборах 1999 г.) позволил ей стать третьей по величине партией Израиля, отняв у Ликуда и Партии труда большинство голосов избирателей на юге страны, в особенности в «городах развития», где сконцентрированы марокканские евреи второго и третьего поколения с очень низким уровнем доходов¹². В 1996 г. партия Ликуд потеряла почти 10% голосов (около 80 тыс. избирателей); на выборах 1999 г. эта тенденция только усилилась¹³. Партия труда также лишилась поддержки сефардской общины. Исследование выборов ряда лет показало, что подавляющее большинство избирателей (85%), голосовавших за блок Ликуд в 1988 г., за Партию труда в 1992 г. и за Шас в 1996 г., – это сефарды (причем 94% из них – мужчины). 65% избирателей-сефардов заявили, что они хотят, чтобы их дети получили «традиционное образование». В то же время, большинство из них высказались в поддержку соглашений в Осло¹⁴. Эта картина вполне соответствует взглядам жителей южных «городов развития».

Достижения партии Шас обусловлены не только изменением закона о выборах, в новой редакции которого избиратели голосуют отдельно за предпочитаемого ими кандидата на пост премьер-министра и за ту или иную партию. По новому закону избиратели могут выбрать на пост премьер-министра того, кому они хотели бы доверить решение основных экономических проблем страны и обеспечение национальной безопасности, в то же время поддержав партийный список, объявивший своей целью возрождение этнического престижа и защиту интересов их общины.

В ходе предвыборных кампаний 1996 и 1999 гг. возник новый «исторический союз». Лидер Шас Арье Дери, пользовавшийся огромным авторитетом у религиозных сефардов, возбуждал энтузиазм толпы, приветствовавшей его в «городах развития» призывами: «Нетаниягу и Шас! Шас и Нетаниягу!». В 1996 г. «города развития» заложили твердую основу зыбкой победы Б.Нетаниягу: они отдали ему две трети, а ультраортодоксы – более 90% своих голосов¹⁵. Однако, в 1999 г. Б.Нетаниягу проиграл Э.Барак, а А.Дери был приговорен к трем годам тюрьмы за взяточничество. Новое руководство Шас, унаследовавшее полученные этой партией

ей при А.Дери 17 мест в Кнессете, вступило в неустойчивую коалицию с Э.Бараком. Однако после неоднократных угроз выйти из нее, присоединилось к оппозиции. Руководство Шас подчеркивает независимость своей партии, представляя ее как необходимую часть любой устойчивой коалиции.

Шас добилась столь убедительной победы не только благодаря своей избирательной политике. Она завоевала поддержку своего электората, создав для него молодежные клубы, детские сады, школьные кружки и широкую сеть независимых религиозных школ. Это было огромной помощью для людей, живущих в бедных районах больших городов и в «городах развития» со слабо развитой сетью коммунальных служб такого рода. Служба воспитания и образования детей и подростков, созданная Шас, оказалась достаточно эффективной в борьбе с наркоманией и насилием, которые начали быстро распространяться в среде молодежи, относящейся к нуждающимся социальным группам.

Благодаря сети воспитательных и образовательных учреждений Шас имела большую возможность поддерживать тесные связи с «улицей» и мобилизовать людей на выборы. Во многих местах, особенно в «городах развития», эта сеть заменила структуры, созданные ранее Всеобщей федерацией профсоюзов и прекратившие свое существование из-за банкротства и фактического распада. Зачастую функционеры Партии труда, работавшие в этих учреждениях, просто переходили на работу в Шас¹⁶.

Описанное выше изменение системы выборов, несомненно, способствовало подъему Шас, но он начался раньше, чем эта реформа была проведена. Успех этой партии долго будет изучаться как результат блестяще проведенной политики, базирующейся на этническом самосознании и чувствах недовольства и протеста социально обделенного поколения. В то же время, следует отметить, что хотя основатели и руководители Шас являются ультраортодоксами и стремятся как можно шире внедрить в среде израильских евреев противоречащий духу прогресса традиционный уклад жизни, подавляющее большинство ее избирателей не разделяет эти взгляды. Они поддерживают Шас, ибо не верят, что государство готово предоставить им социальные и экономические воз-

возможности, равные с другими социальными группами. А они остро нуждаются в социальных службах, создаваемых для них партией Шас, так как не получили их ни от правительства, ни от Всеобщей федерации профсоюзов. Вторая причина роста влияния Шас среди сефардов Израиля заключается в том, что она возродила в этой группе населения этническую гордость, декларируя превосходство традиционной сефардской версии еврейской культуры над светским модернизмом Ликуда и Партии труда, который идеологи Шас характеризуют как поверхностный и обделенный моральными ценностями. Этот духовный фактор оказался для членов сефардской общины не менее важным, чем работа и жилье.

Арабские граждане Израиля

Через 40 лет после провозглашения Государства Израиль, в 1988 г., численность арабских граждан превысила 15% населения страны, что позволило им стать группой, обладающей реальным потенциалом влияния на политическую систему страны¹⁷. С 1948 по 1988 г., когда живущая в Израиле арабская община прошла длинный путь превращения из традиционного общества в современное, она пережила несколько одновременных переходных процессов, продолжающихся и в настоящее время. Во-первых, израильские арабы внезапно оказались меньшинством, замешанным в серьезнейший конфликт между большинством, израильскими евреями, и их кровными братьями-арабами из соседних государств. Кроме того, общество, составляемое этим большинством, находилось в состоянии активной модернизации, оказывая при этом влияние на их традиции во всех сферах жизни, будь то семья, урбанизация, образ жизни, образование или труд. Все эти перемены внесли в среду израильских арабов социально-политическое напряжение. Безусловно, они чувствовали себя ущемленными в правах в обществе, объявившем себя демократическим, но давшем им лишь ограниченное формальное равенство. В политике практиковался патронаж, ограничивавший независимость арабских политических и общественных организаций.

Политическая независимость медленно входила в деятельность израильских арабов. Существовавший режим военных администраций с 1949 по 1966 г. значительно ограничивал их право

на свободу передвижения и самоорганизацию. Между правительством и руководством арабских деревень, придерживавшихся традиционных форм правления, сформировались отношения, повторяющие знакомую левантийскую схему. Их отношения базировались на принципе: бюджеты, личное покровительство и проекты развития зависели от того, как данная деревня проголосует на выборах. На первых выборах в Кнессет в 1949 г. израильские арабы отдали до 50% своих голосов различным сионистским партиям. К следующим выборам МАПАЙ, предшественница Партии труда, спонсировала создание поддерживавших ее политику арабских списков, которые привлекли немало голосов израильских арабов. Однако значительная часть израильских арабов по-прежнему продолжала поддерживать еврейские партии, чьи платформы не имели ничего общего с интересами арабов, как, например, Шас или Национально-религиозную партию. Это объяснялось тем, что в руках этих партий находились Министерство внутренних дел, контролирующее бюджеты местных советов, и Министерство по делам религий, которое финансировало строительство мечетей и занятость священнослужителей. Даже в 1999 г., когда на политическую арену вышло молодое поколение активных арабских политиков, создавших независимые арабские партии, 3,5 % израильских арабов проголосовали за Шас, причем число голосов, отданных за эту партию в арабских деревнях, было таким же, как в 1992 г. В ряде арабских деревень за Шас проголосовали от четверти до трети избирателей¹⁸. Однако в целом все меньше израильских арабов голосовало за неарабские партии: в 1951 г. их было 55% от общего числа арабских избирателей, а через 30 лет – только 12%¹⁹.

С 1949 по 1988 г. Коммунистическая партия Израиля (КПИ), несколько раз менявшая свое название и входившая в различные политические блоки, была единственной партией, хоть и возглавлявшейся евреями (Самуилом Микунисом и Меиром Вильнером), но фактически не зависящей от еврейско-израильского влияния (хотя и не независимой от руководства СССР). В своей идеологии и на практике КПИ выражала интересы более радикально настроенных молодых израильских арабов, которые были недовольны политикой «послушания», проводимой старшим поколением, и

хотели избавиться от контроля влиятельных арабских кланов²⁰. В 1977 г., на пике своего влияния, КПИ получила 50% голосов арабских избирателей, но затем, с возникновением новых независимых арабских партий и становлением молодой независимой интеллигенции, численность ее электората стала быстро падать²¹.

Первой действительно независимой арабской партией в Израиле была Арабская демократическая партия (АДП), которую основал Абд-аль-Вахаб Дарауше в 1988 г. Эта партия требовала обеспечения реального равенства между арабскими и еврейскими гражданами Израиля. Чтобы достичь этой цели, Дарауше не раз заявлял о своей готовности сотрудничать с ведущими израильскими партиями и войти в коалицию с Партией труда. АДП возникла благодаря подъему уровня образования и жизни и других социальных показателей в арабском секторе. В то же время разрыв между арабским и еврейским секторами в социальной и экономической сфере продолжал существовать, и формирующаяся арабская интеллигенция столкнулась с многочисленными формальными и неформальными барьерами на пути к социальной мобильности²². Факт существования этих барьеров резко контрастировал с декларируемыми нормами жизни израильского общества и с тем обстоятельством, что израильские арабы имели право быть членами разных еврейских политических партий и Всеобщей федерации профсоюзов. Это был классический случай не оправдавшихся ожиданий, несколько похожий на ситуацию, в которой находилось второе поколение иммигрантов из Марокко. Однако социальный и политический статус израильских арабов гораздо более проблематичен.

В атмосфере растущей политизации молодым образованным израильским арабам была необходима организация, полностью выражающая их интересы и настроения. Первой реакцией был разброс голосов арабских избирателей. На выборах 1988 г. в Кнессет баллотировались восемь (!) арабских партий, за которые проголосовали 60% избирателей арабского сектора^{*23}. Остальные 40%

---

* Более трети арабских избирателей проголосовали за «Демократический фронт за равенство и мир», относящийся к КПИ. Гилель Фриш утвер-

– за существующие сионистские партии, прежде всего за Партию труда, добившуюся поддержки 16% израильских арабов.

В этих обстоятельствах появление в среде израильских арабов силы, противодействующей политике Дарауше, направленной на максимальную интеграцию в существующий политический истеблишмент, было только вопросом времени. В 1989 г. два молодых арабских интеллектуала, Азми Башара и Саид Зайдани, родившиеся и получившие образование в Израиле, опубликовали программу создания культурной автономии израильских арабов. Понимая, что территориальная автономия израильских арабов невозможна, так как их поселения рассеяны по всему Израилу, они призывали избрать Совет израильских арабов, которому принадлежал бы решающий голос в составлении программы для арабских школ, который контролировал бы арабские программы израильского радио и телевидения и мог бы влиять на объем средств, отчисляемых из государственного бюджета на развитие арабских деревень. Конечной целью этой программы было сделать Израиль «государством для всех его граждан», упразднив его сионистскую и еврейскую символику²⁴. Политика, предлагаемая А.Башарой и С.Зайдани, основывалась на тезисе о том, что, будучи еврейским и сионистским государством, Израиль по определению не может реально предоставить своим арабским гражданам те же права, что и евреям. В феврале 1993 г., когда И.Рабин был у власти и прогресс в мирных переговорах представлялся все более реальным, социологический опрос, проведенный среди израильских арабов, показал, что 17% из них хотели бы сохранить существующие рамки взаимоотношений между евреями и арабами в Израиле, 26% – видеть арабский сектор полностью интегрированным в израильское общество, 22% – высказывались за автономию израильских арабов внутри Израиля, и 10% – предпочли бы стать гражданами Палестинского государства. Остальные 25%

ждает, что так как у арабских партий не было разногласий по основным вопросам, эту многопартийность следует рассматривать скорее как плюрализм, чем как фрагментаризм. Однако, до сих пор израильские арабы еще не создали объединенных списков, которые дали бы им больше шансов достичь общих целей. Это остается их главной политической проблемой.

не выражали твердой позиции в вопросе о наиболее предпочтительном статусе своей национальной группы²⁵.

Усиление интеграционистских настроений по отношению к Израилю было следствием двух факторов. Во-первых, когда Ицхак Рабин пришел к власти в 1992 г., он обещал прекратить исторически сложившуюся дискриминацию в отношении арабских граждан страны в сфере распределения государственного бюджета, социальных служб и занятости. К разочарованию Дарауше, И.Рабин не решился включить АДП в свою коалицию, но в доказательство серьезности своих обещаний он назначил Навафа Масалху*, арабского депутата от Партии труда, заместителем министра здравоохранения²⁶.

Убийство Ицхака Рабина потрясло арабских граждан не меньше, чем других израильтян. Последующее поражение Ш.Переса на первых прямых выборах премьер-министра было как результатом, так и причиной дальнейшей политизации молодых израильских арабов и радикализации их политических настроений, процессов, которые И.Рабину удалось на некоторое время направить в обратном, интеграционистски ориентированном направлении. Более 46 тыс. израильских арабов приняли участие во внутривыборных выборах («праймериз») в Партии труда, стремясь добиться для своих кандидатов реальных позиций в партийном списке. Непосредственно на выборах, однако, за Партию труда проголосовали только 36 тыс. израильских арабов²⁷. Выборы показали, что число приверженцев арабских партий сильно возросло, а число избирателей, предпочитающих ПТ и другие еврейские и сионистские партии, стало значительно меньше. Причинами такого распределения голосов были и разочарование, возникшее вследствие невыполнения многих обещаний, данных правительством И.Рабина, и видимый регресс мирного процесса, и конкретные интересы израильских арабов, продиктованные данной политической ситуацией. В рассматриваемом случае она характеризовалась новым обострением конфликта в Южном Ливане и приня-

---

* В правительстве Барака, сформированном после выборов 1999 г., Н.Масалха занимает должность заместителя министра иностранных дел.

тым незадолго до выборов решением Ш.Переса начать военную операцию «Гроздь гнева», в ходе которой, в результате трагической ошибки израильских вооруженных сил, были убиты около 200 ливанских и палестинских жителей Кфар-Каны.

Анализ распределения голосов выявляет следующие важные факты голосования за премьер-министра и арабские партии в среде израильских арабов. 50% израильских арабов в возрасте 18 до 24 лет проголосовали за арабские списки и опустили в урну пустые бюллетени на выборах премьера-министра. 7,5% бюллетеней, поданных на выборах премьер-министра в арабских городах и деревнях были испорчены, хотя среди старших возрастных групп этот процент ниже (на этих бюллетенях либо были пометки, позволяющие идентифицировать избирателя, либо два разных бюллетеня были положены в один конверт, либо в урну был опущен пустой бюллетень). В арабском секторе процент испорченных бюллетеней на выборах в Кнессет в 1988, 1992 и 1996 гг. составлял от 2,3 до 2,5%. Поэтому можно предположить с большой долей уверенности, что за приведенными выше 7,5%, относящимися к бюллетеням, испорченным на выборах премьер-министра, стоят акты личного протеста и недоверия главным образом молодого поколения²⁸. Если это верно, то можно подсчитать, что из-за своей военной политики Ш.Перес потерял около 19 тыс. голосов, что было почти достаточно для изменения результатов выборов.

Что касается голосования за арабские списки, то они нашли поддержку у двух третей арабских избирателей. Демократический фронт за мир и равенство получил 37% голосов (в рамках совместного списка с радикальной националистической партией «Баллад»), а остальные арабские партии собрали 30% голосов. Все эти данные говорят о росте политического и национального самосознания в среде израильских арабов, в особенности среди молодежи арабского сектора.

Выборы 1999 г. показали, что эта тенденция к радикализации еще более возросла после трехлетнего пребывания у власти правительства Ликуда во главе с Б.Нетаниягу, периодически подвергавшего сомнению легитимность участия израильских арабов, в особенности их лидеров, в определении политической судьбы

Государства Израиль. Чтобы привлечь внимание общественности к проблемам израильских арабов, Азми Башара предложил свою кандидатуру на пост премьер-министра. Он снял ее только накануне дня голосования, чтобы предотвратить повторение сценария 1996 г.^{*29} На выборах 1999 г. А.Башара и еще один видный молодой израильский араб, доктор Ахмед Тиби, который до этого представлялся как советник Я.Арафата, прошли в Кнессет в списке партии «Балад», за которую проголосовали 16,8% израильских арабов. Число голосов, поданных за Демократический фронт за мир и равенство упало до 21,3 %, в то время как АДП, создав блок с умеренным прагматическим крылом исламского движения, укрепила свои позиции, набрав 30,5% голосов. За еврейские и сионистские партии проголосовали 28% арабских избирателей* (ср. с 37% на предыдущих выборах)³⁰. Это произошло не только потому, что израильские арабы разочаровались в политике Партии труда и Ликуда, поочередно пребывавших у власти в предыдущие годы, но и в результате кампании в СМИ, проводимой всеми арабскими партиями, которые призывали арабов не поддерживать еврейские и сионистские партии, движения и блоки.

Несмотря на то, что поддержка тех или иных арабских списков была неустойчивой и то, что результаты голосования в среде израильских арабов зависели не только от долговременной политики государства по отношению к их общине, но и от конкретной политической ситуации во время выборов, происходящие процессы политизации и радикализации среди израильских арабов и их приверженность к радикальной политике, проводимой молодыми арабскими интеллектуалами, представляются несомненными. При этом необходимо отметить, что эта политика находила наиболь-

---

* Накануне выборов 1999, три четверти израильских арабов определили поражение Б.Нетаниягу как очень важную цель.

* В прошлые годы в небольших деревнях значительное количество голосов в поддержку Национально-религиозной партии, Шас и других еврейских партий, не привлекательных для израильских арабов, было получено в ответ на помощь, оказанную этими партиями доминирующим кланам.

шую поддержку у молодых избирателей. Этот рост можно объяснить и долгими годами социального неравенства и невыполненных обещаний, и влиянием на национальное и политическое самосознание израильских арабов успехов, достигнутых в борьбе за свои права палестинцами, и медленный, с их точки зрения, ход мирного процесса, позитивное завершение которого израильские арабы связывают с возможной нормализацией их статуса. Рост влияния таких партий как «Балад» и АДП дает основание полагать, что главной целью израильских арабов остается интеграция в израильское общество на основе полного равенства. Однако продолжающееся недовольство молодого образованного поколения этой общины своим статусом в Государстве Израиль может увести этот процесс в более радикальном направлении. Будет ли он усиливаться, зависит от политики настоящего и будущих правительств Израиля по отношению к арабским гражданам страны.

Новые иммигранты из стран СНГ и Балтии

Иммигранты из бывшего СССР прибыли в огромном количестве за очень короткое время. Это обстоятельство стало решающим фактором, определившим их политическое и социальное поведение. Причиной этой огромной волны иммиграции были не столько сионистское стремление жить на Земле Обетованной, на родине предков, сколько желание многих сотен тысяч людей избежать политических и экономических проблем, сопровождающих распад этой некогда стабильной державы. За более чем тридцатилетний период с 1955 по 1989 г. из Советского Союза в Израиль прибыли 165 тыс. человек. Далее произошел резкий рост: за два с половиной года – с 1989 по 1991 г. – прибыло из СССР более 480 тыс. новых иммигрантов; начиная с 1992 г. темпы иммиграции постепенно снизились, стабилизировавшись на уровне около 60 тыс. иммигрантов ежегодно³¹.

Общепринятое мнение среди политологов состояло в том, что политическое поведение иммигрантов определяется их осознанием своей зависимости от государства. Соответственно, на своих первых выборах иммигранты голосовали за правительство, бывшее в то время у власти, на вторых – проявлялись их оппозиционные настро-

ения, а затем их предпочтения как избирателей постепенно переставали отличаться от предпочтений других групп израильтян, имеющих аналогичный социально-экономический статус. Это, однако, было верно до массовой иммиграции 1989-1991 гг.

Надо признаться, что в любой стране, как бы хорошо она ни была к этому подготовлена, такой наплыв иммигрантов вызвал бы острые социальные проблемы. Естественной была и реакция новых иммигрантов, которые, обвиняя в этих проблемах правительство, голосовали против него на выборах. Кроме того, в результате массовой иммиграции из Советского Союза в стране возникла критическая масса людей, имеющих общее прошлое и общее, чрезвычайно трудное, настоящее. Это была высоко образованная социальная группа, с обостренным осознанием своих гражданских прав и чувством социальной справедливости. Многие репатрианты имели организаторский талант и большой опыт руководящей работы. Опрос, проведенный среди новых иммигрантов в 1992 г., выявил, что 68% из них хотели бы голосовать за партию, организованную самими новыми иммигрантами³². Вскоре появились три такие партии: Демократия и алия (ДА) под руководством бывшего московского отказника Юлия Кошаровского и две меньшие группы, возглавлявшиеся Робертом Голаном и Алексом Тенцером, не имевшие серьезных шансов. Несмотря на энергичную предвыборную кампанию, ни одна из этих партий не прошла избирательный барьер (1%), и репатрианты, поддержавшие партию ДА, увидели что их голоса пропали даром.

Эта неудача произошла, прежде всего, вследствие двух факторов: отсутствия действующих структур, которые бы могли обеспечивать приемлемый уровень политической организации и мобилизации репатриантов, и отсутствия авторитетного лидера, могущего сплотить и повести за собой общину. Так как партия ДА была создана незадолго до выборов, в ее распоряжении не было достаточно времени ни для пропаганды своей программы, ни для создания своих филиалов на местах. Кроме того, хотя Ю.Кошаровский и был хорошо известен в кругах бывших отказников, его имя ничего не говорило основной массе новых иммигрантов. Анатолий Щаранский, наиболее перспективный кандидат на руководство

«русской» партией, в течение предвыборной кампании неоднократно менял свою позицию и, наконец, решил, что с организацией партии нужно подождать. Это решение благоприятствовало израильским левым. Согласно опросу, проведенному после выборов среди 20 тысяч новых иммигрантов, Партия труда получила 47% их голосов, а леворадикальный блок Мерец – 11%, т.е. больше, чем в целом по стране. Ввиду этих данных представляется очевидным, что благодаря голосам выходцев из бывшего СССР, ведомая И.Рабиным Партия труда получила 4-5 мандатов и перевес, необходимый для осуществления своих мирных инициатив³³. Большинство молодых новых иммигрантов продемонстрировало, что оно не руководствовалось секторальными интересами, проголосовав на этих выборах за правые партии, исходя из сугубо политических мотивов, не позволяя трудностям абсорбции определять их позицию³⁴.

На выборах 1996 г. ситуация была совершенно другой. Число обладающих избирательным правом в общине «русских» иммигрантов превысило 400 тыс. человек, причем почти половина из них впервые принимали участие в выборах³⁵. Кроме того, к тому времени в Израиле уже существовала развитая сеть русскоязычных СМИ, которая, как, впрочем, и в настоящее время, пользовалась широким спросом еще и потому, что многие из «русских» иммигрантов недостаточно знали иврит, чтобы читать ивритоязычные периодические издания³⁶.

Наиболее влиятельной стала ежедневная русскоязычная газета «Вести» с ярко выраженным правым уклоном. По утверждению главного редактора «Вестей», число читателей ее выпусков, выходящих в конце недели, достигало 200 тыс. человек³⁷.

Задолго до выборов 1996 г. А.Щаранский приступил к организации партии. Он объединил вокруг себя группу выходцев из республик бывшего СССР, которым не удалось, однако, продвигаться в рамках существующих израильских партий, и объявил, что главная его цель – создание независимой партии, основной задачей которой станет защита интересов новых репатриантов. Вопрос о том, будет ли эта партия «за» или «против» переговоров между Израилем и палестинцами в Осло, оставался открытым. В

отличие от многих существующих партий, мобилизующих молодых людей для организации и пропаганды, лидеры созданной А.Щаранским партии «Израэль Ба-алия» (ИБА) знали, что молодые иммигранты заняты учебой, работой и множеством проблем, связанных с поиском и оборудованием жилья. Поэтому они обратились к старшему поколению, состоящему из пенсионеров и людей, живущих на пособие по безработице, у которых куда больше свободного времени. Эта стратегия дала блестящие результаты.

Старшее поколение, о котором идет речь, было почти полностью отрезано от израильского социума, прежде всего из-за самого низкого в иммигрантской среде уровня владения ивритом. Пожилые люди узнавали о том, что происходит в стране и в мире по трем русским телевизионным программам, доступным благодаря кабельному телевидению. Израильская русскоязычная пресса, равно как и передачи единственной русскоязычной государственной радиостанции, давали своим читателям и слушателям много материалов для размышления по проблемам, новых репатриантов. Избиратели пожилого возраста хорошо понимали специфические проблемы иммигрантов, так как сталкивались с ними на собственном опыте, но большинству из них было трудно разобраться в платформах кандидатов, баллотировавшихся на пост премьер-министра страны*. Когда к ним обратились активисты ИБА, они отреагировали без колебаний. Страдая от отчуждения, нуждаясь в социальных связях и практически не имея контакта с израильским обществом, они были польщены тем, что политическая партия нуждается в их помощи, и счастливы, что у них появилось общественно-полезное дело, которое поможет им чувствовать себя увереннее в чуждом для них окружении. В каждом центре, где жили новые репатрианты, группы пенсионеров стекались в офисы ИБА, чтобы затем пропагандировать в своих кварталах и домах идеи и

---

* Шевах Вайс в статье «Анализ данных о голосовании выходцев из СНГ» (с.с. 236-237) описывает опрос, в котором значительное число новых иммигрантов на вопрос, кого из кандидатов они хотели бы видеть на посту премьер-министра, отвечали «не знаю» или «никого из них».

программу этой партии*. Результаты превзошли самые оптимистические ожидания организаторов. Из 400 тыс. избирателей из бывшего СССР, проголосовавших на предыдущих выборах, 175 тыс. отдали свои голоса «Израэль Ба-алия», в результате чего эта партия получила семь мест в Кнессете. Анализ распределения голосов показывает, что 54% избирателей «Израэль Ба-алия» были старше 55 лет, хотя люди в возрасте старше 45 лет составляют только одну треть всех «русских» иммигрантов. Основная идея пропаганды ИБА о том, что израильское общество пренебрегает не только социальными и культурными нуждами новых иммигрантов, но и их огромным потенциалом профессиональных знаний и опыта, с большим пониманием воспринималась пожилыми людьми, имевшими высокий социальный статус в стране исхода, а ныне увидевшими себя на периферии общества. Кроме того, из результатов выборов видно, что чем выше концентрация новых иммигрантов в данном районе, тем больше среди них процент проголосовавших за ИБА**. Как и следовало ожидать, иммигранты уже внедрившиеся в израильское общество и хорошо понимающие его проблемы, сформировали свои собственные политические взгляды и предпочтения, и их голоса распределились по всему израильскому политическому спектру.

Хотя поток иммиграции из бывшего СССР в Израиль в 1996-1998 гг. сократился лишь незначительно, политические и социальные обстоятельства связанные с иммиграцией, сильно изменились. Прежде всего, государственные учреждения, занимающиеся абсорбцией, приспособились к постоянному притоку от 4 тыс. до 5

---

* Один из активистов, работавший в партии в период ее основания, в настоящее время депутат Кнессета, в личной беседе рассказывал автору, как была задумана и как осуществлялась эта стратегия вербовки избирателей.

** Тamar Горовиц отмечает пожилой возраст избирателей ИБА. Шевах Вайс утверждает, что в районах, где проживает 25% жителей иммигрантов, ИБА получила 19,5% голосов, в то время как Горовиц пишет, что в районах, где подавляющее большинство жителей – новые иммигранты, за ИБА проголосовали 41,6% избирателей.

тыс. новых иммигрантов в месяц. Кроме того, иммигранты конца 90-х уже знали об Израиле гораздо больше, чем прибывавшие в начале десятилетия – при этом их ожидания были гораздо более скромными. Выходцы из стран СНГ, приехавшие во второй половине 90-х годов, влились в уже сложившуюся влиятельную общину, имеющую свои социальные и политические институты. Лишь немногие из них не имели родственников, друзей или коллег, которые могли бы помочь им в первое время. Поэтому разочарование и дезориентация, даже среди пенсионеров, были в целом гораздо менее значительными. Кроме того, в партии ИБА начались внутренние разногласия. Она присоединилась к правительству Б.Нетаниягу и оказывала ему полную поддержку. Однако, когда началась предвыборная кампания 1999 г., А.Щаранский под давлением как правых, так и левых активистов руководимой им партии объявил, что она займет нейтральную позицию и присоединится к партии Ликуд или к Партии труда в зависимости от того, какая из них предоставит ей больше возможностей для защиты интересов новых репатриантов.

В период, когда ИБА занимала эту двойственную позицию, правая рука Б.Нетаниягу, бывший генеральный директор партии Ликуд и Министерства главы правительства, Авигдор Либерман, основал конкурирующую с ней партию, объявив, что ее цель – бороться со всеми старыми элитами, одновременно оказывая поддержку Б.Нетаниягу в выборах на пост премьер-министра. Он призывал в ряды сторонников этой партии всех, кто чувствует себя отчужденным от израильского общества и обманутым им, иначе говоря, прошлых и потенциальных избирателей партии ИБА. Либерман назвал свою партию «Израиль – наш дом». Это название не могло не ассоциироваться с названием партии «Наш дом – Россия», учрежденной в России сторонниками президента Б.Ельцина перед выборами 1996 г. К А.Либерману примкнули два перебежчика из ИБА, прежде стремившихся склонить А.Щаранского к союзу с Ликудом. Тем не менее, так как поток новых репатриантов из бывшего СССР, в особенности из России и Украины, не прекращался, ИБА почти добилась на выборах прежнего успеха. За партию А.Щаранского проголосовали

171705 избирателей (лишь на 3,5 тыс. меньше, чем на выборах 1996 г.), что дало ей шесть мест в Кнессете. ИБА не хватало лишь немного голосов, чтобы полностью восстановить численность своей фракции, получив седьмой мандат.³⁸ Однако, одновременно выяснилось, что в Ришон-ле-Ционе, где на муниципальных выборах за ИБА проголосовали 10 тыс. избирателей, на выборах в Кнессет она получила только 7,5 тыс. голосов. В Ариэле, где партия имела 5 тыс. зарегистрированных членов, на всеобщих парламентских выборах за нее проголосовали лишь несколько сотен³⁹. Ведомая А.Либерманом партия «Наш дом – Израиль» получила поддержку 86153 избирателей, что позволило ей (при помощи соглашения о перераспределении голосов) получить четыре мандата. Хотя пятую часть ее сторонников составляли прежние избиратели Ликуда, очевидно, что большинство электората партии «Наш дом – Израиль» состояло из тех, кто на предыдущих выборах голосовал за ИБА, а также из новых избирателей, которые, вероятно, проголосовали бы за эту партию, если бы А.Либерман не организовал свою.

Существует мнение, которое представляет интерес в аспекте анализа динамики предпочтений разных поколений избирателей израильтян и прогноза на следующие выборы. Оно заключается в том, что новая светская партия Шинуй и Партия центра пользовались на выборах широкой поддержкой молодых иммигрантов и интеллигенции. Каждая из этих партий получила по шесть мест. Предполагается, что иммигранты дали партии Шинуй два места и Партии центра – одно⁴⁰. Это подтверждает точку зрения Геннадия Ригера, нынешнего депутата Кнессета от этой партии, и Александра Цинкера, который был членом фракции ИБА в Кнессете до того, как вышел из нее вместе с Романом Бронфманом, о том, что среди сторонников этой партии доминирует умеренная позиция с некоторым уклоном вправо. «Как и большинство иммигрантов, они хотят мира с палестинцами, и чтобы этот мир был заключен как можно скорее»⁴¹. В этом вопросе иммигранты из бывшего СССР придерживаются той же точки зрения, что марокканские евреи и израильские арабы. В целом, в израильском обществе потенциально бóльшая часть готова поддержать успешные мирные

переговоры, которые по их мнению гарантируют стране безопасность, даже если придется пойти на весьма значительные территориальные уступки.

В 1996 г. около 60% «русских» голосов получил Б.Нетаниягу, а в 1999 году более 55% иммигрантов из бывшего СССР проголосовали за Э.Барака. По-видимому, это произошло потому, что в своей предвыборной кампании Э.Барак неоднократно подчеркивал свои военные достижения и свой опыт в области обеспечения безопасности страны и уделил некоторое внимание ветеранам бывшей Советской Армии.

Заключение

В этой работе рассматривается политическое поведение трех поколений израильских граждан, относящихся к разным секторам общества, оказывающих влияние на развитие и стабильность израильской политической системы. Второе и третье поколения марокканских иммигрантов, живущих в «городах развития» и в бедных районах крупных городов, отвернулись от ведущих партий и от проблем общества, непосредственно их не касающихся. Они отдали предпочтение сефардской ультраортодоксальной партии Шас, которая организовала для них необходимые им социально-образовательные службы и (что было для них не менее важно) внушило им чувство гордости своей общиной. Это сочетание мобилизовало новое поколение ранее отчужденного сектора на активное политическое поведение, что было не свойственно им раньше и что является частью их протеста против прежней роли патронируемых.

Политизация и радикализация молодого поколения израильских арабов также развилась на аналогичной почве многолетней социальной дискриминации и пренебрежения их интересами. Однако в отличие от традиционалистских настроений марокканских евреев, израильские арабы основывают свой протест на универсальных демократических ценностях. Время покажет, создаст ли государство условия для их интеграции в израильское общество, пойдя навстречу их требованиям. Если этого не произойдет в ближайшие несколько лет, то исламское движение, активно развивающееся уже сейчас, может оказаться «партией Шас» этого сектора, мобилизую-

щим и привлекающим молодое поколение, которое к тому времени окончательно разочаруется в прежних политических идеалах.

Электоральные предпочтения новых репатриантов из бывшего СССР имеют другие причины. Они не являются дискриминируемой или игнорируемой социальной группой. Безусловно, в первые годы жизни в Израиле большинство из них дезориентированы. Иммиграция в страну с абсолютно иной культурой и социальными, экономическими и политическими условиями, резко отличающимися от тех, в которых они жили до эмиграции, почти всегда оказывается трудным и болезненным процессом. Однако, даже люди старшего поколения, постепенно знакомясь с жизнью израильского общества, чувствуют себя гораздо более уверенно, находя опору в семье и пользуясь поддержкой социальных институтов, что способствуют снижению сегрегативных настроений в их среде. Более молодые иммигранты постепенно достигают экономического благополучия и престижных социальных позиций, как в свое время этого достигли иммигранты 70-х годов. Но путь к благосостоянию и достойному социальному статусу, пройденный иммигрантами тех лет приблизительно за три года, в современном Израиле занимает гораздо больше времени. Работая с израильтянами и служа вместе с ними на армейских сборах резервистов, иммигрант постепенно усваивает общие нормы нового социума и, спустя какое-то время, начинает чувствовать себя вполне уверенно. Поэтому, а также из-за внутренних противоречий, вряд ли ИБА может уверенно смотреть в будущее, да и сегодня ее представительство в Кнессете сократилось до четырех мест*. ИБА с самого начала формировалась с мыслью, что она может быть распущена после одной или двух каденций, в течение которых она обеспечит иммигрантам из бывшего СССР политическое влияние и добьется того, что их социальные и экономические проблемы будут в числе приоритетных, и их лидеры займут достойные места в различных партиях. Если эта цель, забытая в пылу политических страстей,

---

* Внутренние разногласия в ИБА далеки от разрешения, и расхождения в политических ориентациях ее членов очевидны.

будет достигнута, секторальность израильского общества ослабнет, что послужит исходному стремлению строительства нации.

---

¹ См., например, *Friedgut, Theodore H. Israel's Turn to Peace. – Freedman, Robert O. Israel under Rabin, Boulder, Colorado: Westview Press, 1995, сс. 71-90.*

² В зажиточных районах больших городов и их пригородах Партия труда набрала от 53 до 60% голосов. В городах развития и в районах больших городов, где живет рабочий класс, за нее проголосовали 26-38 % избирателей. См. *Ваїс, Шевах. 14729 отсутствующих голосов: анализ результатов выборов в Кнессет 14-го созыва и выборов премьер-министра в 1996 г. (Тель-Авив, Ха-киббуц ха-Меухад. 1997, с. 49, [на иврите]).*

³ Там же, с. 15, 110. Следует отметить что Ш.Ваїс не только отмечает, что движение «Бней акива» является самым большим и наиболее активным молодежным движением в Израиля, но и подчеркивает его активную и мобилизующую роль на выборах 1996 г., сравнивая его с менее активной деятельностью молодого поколения Партии труда и партии Мерец.

⁴ *Ваїс, Шевах. 14729 отсутствующих голосов, с. 70-71.* Здесь Ш.Ваїс имеет в виду только конфликты между еврейскими общинами, не рассматривая отношений между евреями и израильскими арабами.

⁵ Трансляция новостей израильской государственной радиостанцией «Голос Израиля», 13.07.2000, 08:15.

⁶ *Sebagh, Shmuel. The Influence of Age and Generational Succession on Voting in Israel, 1969-1977. M.A. Thesis, Hebrew University of Jerusalem, 1977, с. 56.*

⁷ *Ваїс, Шевах. 14729 отсутствующих голосов, с. 110.*

⁸ См. «Statistical Abstract of Israel». No 49. Jerusalem: Central Bureau of Statistics, 1998, sec. 2, сс. 50-51.

⁹ *Ben-Zadok, E. «Oriental Jews in the Development Towns: Ethnicity, Economic Development, Budgets and Politics». –Israeli Communities and the Israeli Polity: Conflict of Values and Interests. E. Ben Zadok (ed.), Albany. New-York: SUNY Press, 1993, с. 97.*

Детальную информацию о разнице в образовании между евреями ашкенази и сефардами в Израиле к 1990 г. см.: *Ваїс, Шевах. 14729 отсутствующих голосов, с. 69.*

¹⁰ *Harris, Robert. Fatherland (N.Y. Harper Collins, 1993), с. 162.*

¹¹ *Diskin, Abraham. The Elections to the 13th Knesset (Jerusalem Institute for Israel Studies. 1993), с. 39.*

---

¹² *Arbeli, Ahia*. The South is No Longer in the Likud's Pocket. – HaAretz (иврит). 27.05.1999.

¹³ *Doron, Gideon*. Religion and the Politics of Inclusion: The Success of the Ultra-Orthodox Parties. – Elections in Israel, 1996. Asher Arian and Michail Shamir (eds.). Jerusalem: The Israel Democracy Institute, 1999, с. 98.

¹⁴ *Ваїс, Шевах*. 14729 отсутствующих голосов, с. 14.

¹⁵ Там же, с. 59.

¹⁶ Там же, с. 70.

¹⁷ Согласно данным последней переписи, проведенной МВД (HaAretz, 16.08.2000), лица, регистрирующие свою национальность как арабскую в настоящее время составляют 16,3% населения страны (см. также: *Majid Al Haj* The Changing Strategies of Mobilization among the Arabs of Israel. *Ben-Zadok* (ed.) Israeli Communities and the Israeli Polity: Conflict of Values and Interests, с. 67.

¹⁸ *Ghanem, As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah*. The Arab Vote to the 15th Knesset» (Giv'at Haviva: Peace Research Institute, 1999), сс. 38-43. Цифры за 1992 г. см.: *Frisch, Hillel*. The Arab Vote in the 1992 Elections: The Triviality of Normality, The Significance of Electoral Power, – Israel at the Polls, 1992 *Elazar, Daniel G. and Sandler, Shmuel* (eds.), Lanham: Rowman and Littlefield, 1995, с. 104.

¹⁹ *Ghanem, As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah*. The Arab Vote to the 15th Knesset, App. 3, с. 36.

²⁰ *Al Haj, Majid*. The Changing Strategies of Mobilization among the Arabs of Israel, с. 71.

²¹ Распределение голосов арабов по различным партиям на выборах в Кнессет с 1949 по 1999 г. см.: *Ghanem, As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah*. The Arab Vote to the 15th Knesset, App. 3, с. 36.

²² Анализ развития и последствий этой ситуации см.: *Al Haj, Majid*. The Changing Strategies of Mobilization among the Arabs of Israel, с. 68.

²³ *Ghanem, As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah*. The Arab Vote to the 15th Knesset, App. 3, с. 36.

²⁴ См. Отчет: *Rekhess, Eli*. Israel's Arab Citizens and the Peace Process. – Israel Under Rabin. Robert O. Freedman (ed.), Boulder, Colorado: Westview Press, 1995, с. 199.

²⁵ *Rekhess, Eli*. Israel's Arab Citizens and the Peace Process, сс. 198-199.

²⁶ Подробный анализ этого периода см.: *Kurasvamy, P.R.* Political Legitimacy of the Minorities: Israel's Arabs and the 1996 Knesset Elections. (Abu Dhabi: The Emirates Center for Strategic Studies and Research. The Emirates Occasional Papers № 20, 1998), сс. 18-20. См. также уже цитировавшуюся статью Г.Фриша.

²⁷ *Ваїс, Шевах*. 14729 отсутствующих голосов, с. 70.

---

²⁸ Илана Кауфман приводит цифры, отражающие участие в выборах и количество испорченных бюллетеней. В своей статье она анализирует влияние возраста избирателя над его выбор. Elana Kaufman «The Vote of Israeli Arabs in the 1996 Elections», in Asher Arian and Michail Shamir (eds.), *Elections in Israel, 1996* (Jerusalem: The Israel Democracy Institute, 1999), p. 126.

²⁹ О результатах опросов, касающихся отношения израильских арабов к правительству Нетаниягу и к кандидатуре Башары см.: *Ghanem, As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah. The Arab Vote to the 15th Knesset*, сс. 15-16.

³⁰ Анализ этого явления см. *Frisch, Hillel. The Arab Vote in the 1992 Elections: The Triviality of Normality, The Significance of Electoral Power*, с. 109. Таблицы распределения голосов, поданных за Шас, см.: *As'ad and Ozacky-Lazar, Sarah. The Arab Vote to the 15th Knesset*, сс. 34-45.

³¹ *Horowitz, Tamar. Ideologies, Identity and Frustration as Factors Influencing the Voting Patterns of Immigrants from the Former Soviet Union. – Elections in Israel, 1996* Asher Arian and Michail Shamir (eds.), Jerusalem: The Israel Democracy Institute, 1999, с. 156.

³² *Reich, Bernard / Wurmser, Meyrav and Drapkin, Noah. Playing Politics in Moscow and Jerusalem: Jewish Immigrants and the 1992 Elections. – Israel at the Polls, 1992*, Daniel Elazar and Shmuel Sandler (eds.), сс. 134-135.

³³ Там же, сс. 128, 145.

³⁴ Там же, с. 134.

³⁵ Шевах Вайс приводит более низкие цифры – 140 тыс., Тамар Горовиц – более высокие – 200 тыс. см. статью Шеваха Вайса «Анализ данных о голосовании выходцев из СНГ» в альманахе Евреи СССР на перепутье (Иерусалим), №3 (18), с. 241 [на иврите]; *Tamar Horowitz, Ideologies, Identity and Frustration ...*, с. 151.

³⁶ Ш. Вайс в статье «Анализ данных о голосовании выходцев из СНГ» (сс. 236-237) пишет что две трети этих иммигрантов не читают ивритоязычную прессу, и что 47% – читатели газеты «Вести».

³⁷ *Frankel, Edith Rogovin. The Russian Vote in the 1996 Israeli Elections. – East European Jewish Affairs. 1996, Vol. 26, № 1, с. 8.*

³⁸ Процент пожилых иммигрантов остается неизменным. Ср. *Reich, Bernard / Wurmser, Meyrav and Drapkin, Noah. Playing Politics in Moscow and Jerusalem: Jewish Immigrants and the 1992 Elections*, с. 124.

³⁹ *Даян, Арье. Умеренная Израэль-ба-алия, – HaAretz* [на иврите], 23.05.1999.

⁴⁰ См.: *HaAretz, 11.07.1999 г., Lili Galili. Интервью с депутатом Кнессета Романом Бронфманом, вышедшим из ИБА вскоре после выборов, чтобы сформировать независимую фракцию «Демократический выбор».*

---

⁴¹ См. цитируемую выше статью Арье Даяна.

II. ИЗРАИЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АБСОРБЦИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ АБСОРБЦИИ: ОТ ПРОШЛОГО – К НАСТОЯЩЕМУ

Нина Семенченко,
Институт Востоковедения РАН*

Современное израильское общество в своей основе – переселенческое общество, общество иммигрантов. Оно формировалось и продолжает формироваться в результате иммиграции со всех континентов земного шара сотен тысяч человек, сохраняющих верность общей религиозно-культурной традиции и одновременно во многом усвоивших образ жизни и культур народов, среди которых они жили.

Первые волны массовой иммиграции начались за долго до создания государства. В конце XIX в. еврейское население Палестины составляло 25 тыс. человек, в 4 раза больше, чем в 1839 г. Иммигранты нового типа, движимые национальным сознанием и ставившие целью освоение и заселение Палестины, начали прибывать с 1882 г. До 1948 г., включая период британ-

---

* **Нина Абрамовна Семенченко** – научный сотрудник Отдела изучения Израиля Института востоковедения РАН. Занимается проблемами внутренней политики Израиля, неправительственными организациями, поддерживающими мирный процесс на Ближнем Востоке. Начиная с 90-х годов – и вопросами иммиграции евреев из бывшего Советского Союза. Автор ряда статей, включенных в сборники «Государство Израиль в 80-е годы» (М., 1992), «Россия – СНГ – Азия. Проблемы и перспективы сотрудничества» (М., 1993), «Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union» (L., 1995) и др.

ского мандата, в Палестину прибыло легально и нелегально 626 тыс. евреев¹.

С первого дня своего создания государство заняло ясную, однозначную позицию в вопросе иммиграции – «Государство Израиль будет открыто для еврейской иммиграции и собирания евреев из стран рассеяния», – говорится в Декларации независимости Израиля, опубликованной 14 мая 1948 г. Подразумевалось и готовность Израиля предпринять действия, направленные на привлечение иммигрантов и облегчение их процесса адаптации в стране. После провозглашения независимости государства была создана и правовая основа для алии: речь идет прежде всего о Законе о возвращении, принятом в 1950 г.

Закон о возвращении привел к возникновению ряда юридических проблем. Основная из них – проблема установления критерия, позволяющего признать данное лицо евреем: должен ли этот критерий совпадать с критерием Галахи*, согласно которому евреем является тот, кто рожден от матери-еврейки или принял иудаизм, или евреем может быть признан всякий, кто заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу. В 1970 г. была принята поправка к Закону о возвращении, согласно которой евреем является тот, кто рожден от матери-еврейки и не перешел в другое вероисповедание, а также лицо, принявшее иудаизм; одновременно поправка предусматривала, что супруг-нееврей, а также дети и внуки еврея, прибывшего в страну на основании Закона о возвращении, располагают тем же гражданским статусом и пользуются теми же правами и льготами, что и другие иммигранты.

В знак солидарности с борьбой советских евреев за выезд в Израиль, в мае 1971 г. Кнессет принял поправку к Закону о возвращении, на основании которой любой еврей, находящийся вне пределов Государства Израиль, может по желанию получить израильское гражданство.

Определение еврея, сформулированное в поправке к Закону о возвращении от 1970 г., оставляет открытым для различных ин-

---

* Галаха – нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

терпретаций вопрос, имеет ли законную силу лишь такое обращение в иудаизм, которое совершается в соответствии с предписаниями Галахи в рамках ортодоксальной синагоги, или также обращение, совершенное под руководством консервативных и реформистских раввинов.

Закон о возвращении, в свою очередь, – правовая основа для предоставления израильского гражданства в соответствии с Законом о гражданстве (1952 г.), согласно которому каждый еврей прибывающий в Израиль на основе Закона о возвращении автоматически получает израильское гражданство².

Следует отметить, что Закон о гражданстве не закрывает двери Израиля перед кем-либо, он только дает предпочтение евреям. Что касается не-евреев, правила иммиграции и гражданства являются аналогичными существующим правилам в других государствах³. Обретение израильского гражданства регулируется Законом о гражданстве от 14 июля 1952 г., согласно которому право на израильское гражданство признается в силу репатриации в Израиль, либо проживания в Израиле, либо по рождению, либо натурализации или в результате дарования его уполномоченными органами государственной власти. На основании ст. 2-й Закона любой репатриант автоматически приобретает израильское гражданство. Согласно Закону о возвращении, каждый еврей имеет право прибыть в Израиль в качестве репатрианта, и виза репатрианта должна быть предоставлена любому еврею, выразившему желание поселиться в Израиле, если только ходатайствующий не занимается или не занимался в прошлом деятельностью, направленной против еврейского народа, или если его поселение в Израиль не угрожает безопасности страны, либо общественному порядку, либо здоровью населения. Каждый еврей, репатрировавшийся в Израиль до 6 июля 1950 г. или родившийся в Израиле до или после этой даты, также рассматривается как прибывший в страну в качестве репатрианта в силу Закона о возвращении. В силу проживания в Израиле израильским гражданством обладают лица, бывшие гражданами подмандатной Палестины непосредственно перед образованием Государства Израиль, а также остальные жители страны по состоянию на 14 июля 1952 г.

За годы существования Израиля правом, которое предоставляет Закон о возвращении, воспользовались более 2,3 млн. евреев, включая иммигрантов 90-х годов XX в. За первые 20 лет существования Израиля в страну прибыли свыше 1,25 млн. евреев, преимущественно из Восточной и Центральной Европы, Северной Африки и арабских стран Ближнего Востока. Некоторые еврейские общины почти полностью переселились в Израиль. Например, общины Болгарии, Йемена и Ирака. Солидные государственные средства, а также крупные вклады евреев диаспоры, поступившие в Еврейское агентство, были мобилизованы на перевоз, прием и интеграцию новых иммигрантов.

После «иммиграционного всплеска» конца 40-х – 50-х годов наметился некоторый спад иммиграционных волн. Вместе с тем, увеличилось число иммигрантов из развитых стран – Западной Европы, Северной и Южной Америки. В 1971-1974 гг. большой поток иммигрантов отмечался из СССР. Из общего числа 261 тыс. иммигрантов, прибывших в Израиль в 1967-1974 гг., около 100 тыс. человек из Советского Союза. В последующие годы иммиграция значительно сократилась: с 1975 по 1988 г. в Израиль прибыло около 155 тыс. человек⁴, из них около 70 тыс. из СССР⁵.

В конце 1989 г. и начале 90-х годов вновь началась массовая иммиграция из Советского Союза. Всего с сентября 1989 до конца 1999 г. из бывшего СССР в Израиль иммигрировало около 850 тыс. человек. Они составляют 12% всего населения Израиля и 14% еврейского населения страны⁶.

Однако иммиграция – это не только правовой, политический, идеологический и другие вопросы. Иммиграция имеет и совершенно будничную, вполне конкретную сторону, а именно – сам переезд иммигрантов, их принятие и непосредственное их обустройство, в том числе предоставление жилья, трудоустройство, создание условий для максимально быстрого изучения нового для них языка и т.д. Для успешного выполнения этих задач необходимо существование четко разработанной государственной политики абсорбции иммигрантов.

В рамках данной статьи будет сделана попытка остановиться на важнейших аспектах этой политики, а также рассмотреть, как осуществлялась эта политика, какие изменения и когда она претерпела.

После провозглашения независимости Израиля было очевидно, что новому государству будет нелегко уделять должное внимание проблеме организации иммиграции, принятия иммигрантов и их обустройства. Государство находилось в состоянии войны с арабскими странами и, естественно, что руководству страны необходимо было в первую очередь определить свою оборонную политику. Вместе с тем, начавшаяся сразу после провозглашения независимости массовая иммиграция превратила абсорбцию иммигрантов в социально-экономическую проблему первостепенной важности, от решения которой зависело не только будущее самих иммигрантов, их готовность остаться в стране, но и будущее иммиграции в целом, и, следовательно, само существование еврейского государства.

До провозглашения государства, начиная с 20-х годов XX в., Всемирная сионистская организация (ВСО) и ее исполнительный орган – Еврейское агентство организовывали и осуществляли иммиграцию евреев в Палестину, а также оказывали им помощь в первоначальном обустройстве на новом месте. И после создания государства правительство приняло решение о сохранении вопросов иммиграции и абсорбции в ведении Еврейского агентства. Внутриполитические соображения и сложная система взаимоотношений между различными политическими силами, которая сложилась еще до создания государства, способствовали сохранению в руках Еврейского агентства функций, носящих государственный характер – иммиграции, абсорбции и поселенческой деятельности.

Проблемами новопривывших занимались Еврейское агентство и соответствующие подразделения в разных министерствах. Для устранения параллелизма и разграничения функций в деятельности правительства и Еврейского агентства в 1950 г. был создан координационный комитет, куда вошли представителей обеих сторон. 24 ноября 1952 г. Кнессет принял Закон о статусе ВСО и Еврейского агентства, согласно которому «Государство Израиль признает ВСО и Еврейское агентство уполномоченными структурами, которые будут продолжать действовать в Государстве Израиль на благо развития страны и ее заселения, абсорбции иммигрантов и координации деятельности израильских институтов и общественных организаций в этих областях»⁷. 26 июля 1954

г. между правительством Израиля и ВСО было подписано соглашение, которое определяло функции и место этой организации и Еврейского агентства в Государстве Израиль.

Учитывая важность вопросов, связанных с иммиграцией, было создано Министерство по делам алии. В состав временного правительства (14.05.1948 – 9.03.1949) был назначен министр по делам алии, выполнявший по совместительству и обязанности министра здравоохранения. В состав первого правительства (8.03.1949 – 30.10.1950), сформированного Кнессетом первого созыва, обязанности министра по делам алии были возложены на министра внутренних дел, причем в составе второго правительства (30.10.1950 – 8.10.1951) он отвечал еще и за вопросы здравоохранения. Отсутствие министра иммиграции и абсорбции «на полную ставку» в годы массовой алии (с 1948 по 1951 г. еврейское население Израиля удвоилось благодаря массовой алии) не свидетельствует о пренебрежении этой проблематикой со стороны правительства. Наоборот, абсорбция иммигрантов всегда была одним из приоритетных направлений деятельности правительства, которое согласовывалось между всеми партнерами по правительственной коалиции. Не было случая, чтобы правительство не включало в свою программу утверждение о том, что «оно будет направлять свои усилия на увеличение иммиграции как с Востока, так и с Запада»⁸. Следует отметить, что вопрос о приеме и абсорбции иммигрантов был одним из немногих политических вопросов Израиля, в отношении которого всегда существовал консенсус.

Израиль в своей основе – это общество иммигрантов, которое десятилетиями формировалось из переселенцев, говорящих на разных языках, представляющих культуры, традиции, обычаи и нравы около 80 стран. Однако существенное отличие Израиля от большинства других переселенческих обществ состояло в том, что иммиграция осуществлялась по единому национальному признаку. Учитывая национальную однородность иммигрантов, определенное единство их истории и религии, руководство страны изначально стремилось использовать опыт «плавильного котла», т.е. постепенного стирания этнических, языковых, культурных различий и образования единой нации израильтян.

Концепция «плавильного котла» была близка израильскому руководству, тем, кто должны и могли заниматься проблемами иммигрантов. Фактически сами они были иммигрантами с большим или меньшим сроком пребывания в стране, сами они не так давно преодолевали трудности собственного становления в новой стране, приспособившись – и создавая! – новый образ жизни. Иммигранты-«ветераны», которые уже обосновались в стране, участвовали в противостоянии с арабским населением, в борьбе против британского мандата, в войне 1947-1948 гг., создали новые города, кибуцы, целые поселения, имели детей, родившихся на этой земле, чувствовавших себя хозяевами страны, сионистским ядром общества, к которому должны притягиваться новые иммигранты, на кого они должны равняться. Однако массовая иммиграция в Израиль внесла свою коррекцию в общую концепцию создания новой нации.

Одним из важнейших компонентов абсорбции иммигрантов в новых условиях было их материальное обустройство и включение в процесс общественного производства. Израилю пришлось накапливать собственный опыт в этой сфере, поскольку условия переселения и социально-экономической абсорбции иммигрантов здесь существенно отличались от других переселенческих стран (преобладание политических и идеологических мотивов переселения, массовость и сжатые сроки этого процесса, обстановка реальной или потенциальной военной конфронтации с соседними государствами, большие языковые, культурные, материальные и иные различия между иммигрантами).

В самые первые годы проблема абсорбции сотен тысяч новых иммигрантов решалась в условиях ограниченных финансовых ресурсов, недостаточного развития производственной базы и жилого фонда. Основная задача состояла в первоначальном обустройстве переселенцев и максимально возможном их рассредоточении по территории страны.

В конце 40-х годов первых репатриантов поселяли, главным образом, в иммиграционных лагерях палаточного типа, в покинутых арабами жилищах, в пустовавших казармах британской армии. Следующим этапом в осуществлении политики абсорбции было создание, начиная с 1950 г., временных поселений («маабарот»), которые становились своеобразными спутниками израиль-

ских городов. До 1952 г. было построено 123 таких палаточных городка, в которых были расселены около 180 тыс. человек, главным образом выходцы из стран Востока.

В этот период сложились основы правительственной жилищной политики: государство приняло на себя ответственность за предоставление жилья всем иммигрантам за невысокую цену в районах, определяемых правительством, и в рамках установленных стандартов. Так были заложены «города развития», удаленные от основных населенных центров.

Экономические трудности первой половины 50-х годов и связанные с ними тяжелые условия жизни вызвали спад иммиграции и начало эмиграции из Израиля еврейского населения. Общее оздоровление израильской экономики в середине 50-х годов и значительный прогресс в промышленности и сельском хозяйстве помогли государству воспрепятствовать развитию эмиграции.

Период с 1958 по 1960 г. характеризуется изменением профессионального состава иммигрантов. Резкое увеличение числа специалистов – врачей, инженеров, учителей и т.п. – потребовало изменений в политике и практике абсорбции. Государство приступило к более комплексному решению проблемы адаптации иммигрантов⁹.

Во-первых, были созданы так называемые Центры абсорбции, где в течение нескольких месяцев (иногда – год и более) жили только что прибывшие в Израиль иммигранты. Большую часть времени проживания в центрах абсорбции новые иммигранты изучали иврит, знакомились с жизнью в новой для них стране. Возникла сеть курсов для изучения иврита (ульпанов) – как дневных, так и вечерних.

Во-вторых, часть прибывающих иммигрантов (в основном выходцы из восточных стран) расселялись во вновь образованных сельских поселениях, условия жизни в которых больше соответствовали их привычному укладу. С 1950 до начала 1960 г. было создано 170 таких поселений (мошавов), в 120 из которых были поселены выходцы из восточных стран.

В-третьих, в 50-е годы началось строительство удаленных от центра «городов развития», также ставших постоянным местом жительства и работы главным образом восточных евреев. Заселение проводилось не на основе свободного выбора: иммигрант прямо по

прибытии в Израиль доставлялся в предназначенное для него жилье. Параллельно шла ликвидация «маабарот» – число проживавших в них сократилось до 110 тыс. в 1959 г. и около 10 тыс. в 1964 г.

Иммиграция и абсорбция выходцев из мусульманских стран была сопряжена с многочисленными трудностями, в первую очередь, в социально-культурной и экономической областях. Нехватка жилплощади оставалась одной из основных причин их социальных трудностей и в течение последующих десятилетий. «Города развития», куда направлялись имевшие невысокий жизненный уровень выходцы из стран Азии и Африки, располагались, как правило, вдали от экономических центров и рынков рабочей силы страны, вследствие чего возникла известная географическая изоляция их от старожилов, ставшая еще одним фактором, затруднившим их социально-экономическую абсорбцию. Населенные в основном сефардами, эти города даже в наши дни выделяются высокой безработицей. Традиционные профессиональные навыки восточных евреев лишь в малой степени находили применение в израильской экономике, а на создание современных хозяйственных структур и соответствующую переквалификацию работников выделялись недостаточные объемы средств. В результате осуществления с конца 70-х годов государственной программы «Обновление» ускорилось развитие социально-экономической инфраструктуры, несколько повысился качественный уровень жилого фонда. Однако слабая проработанность экономических аспектов размещения многих «городов развития» продолжала отрицательно сказываться на положении их населения, тормозила вовлечение его экономически активной части в производственный процесс. Сохранились условия для углубления неравенства в экономическом и социальном положении восточных евреев и выходцев из стран Европы.

В первые годы существования Израиля первоочередная задача состояла, как было указано выше, в скорейшей экономической абсорбции иммигрантов, которая, помимо прочего, включала профессиональную адаптацию. Большую часть переселенцев, прежде всего из стран Востока, составляли торговцы, ремесленники, представители свободных профессий, а многие вообще не имели специальности, в то время, как стране нужны были квалифицированные

промышленные и строительные рабочие, инженеры, агрономы. Наиболее интенсивно в первые годы происходило их приспособление к труду в аграрном секторе, который, по замыслу руководства страны, должен был выполнять функции своеобразного «котла» адаптации¹⁰. В 1949 г. был обнародован правительственный план ускоренного развития сельского хозяйства посредством размещения части иммигрантов в киббуцах, сеть которых охватила почти всю территорию страны. Однако спустя некоторое время начался отток экономически активного населения в промышленность. По данным исследования, проведенного в 1954 г., до 55% «старожилов» (иммигрировавших до 1948 г.) и до 70% новых переселенцев поменяли свою профессию после прибытия в Израиль¹¹.

В связи с ожидаемой новой волной иммиграции после Шестидневной войны, летом 1968 г. правительство приняло решение взять на себя некоторые функции по абсорбции иммигрантов, которые до этого выполняло Еврейское агентство. 1 июля 1968 г. было создано Министерство абсорбции иммигрантов, его возглавил заместитель главы правительства страны Игаль Алон¹². Предполагалось, что это министерство будет функционировать как основная правительственная структура, координируя действия различных ведомств, игравших важную роль в области абсорбции (как, например, министерство жилищного строительства, министерство труда и занятости, министерство образования и т.д.)

Еврейское агентство выступало против этого решения. Основной аргумент противников создания Министерства абсорбции заключался в том, что передача существенной части функций Еврейского агентства правительственным службам будет иметь негативное влияние на сбор пожертвований на нужды абсорбции и расселения иммигрантов в странах диаспоры¹³. Имевшие место разногласия между правительством Израиля и Еврейским агентством разрешились достижением компромисса: в руках ВСО и Еврейского агентства остались вопросы иммиграции и организация самого иммиграционного процесса, а также вопросы «первоначальной» абсорбции (центры абсорбции, ульпаны и оказание отдельных видов дополнительной помощи). Министерство абсорбции сосредотачивало свою ответственность на этапе «оконча-

тельной» абсорбции уже на территории Израиля. На практике это нередко приводило к дублированию функций и полномочий. В центрах приема иммигрантов (порт Хайфа и аэропорт Лод), например, их встречали как представители правительства, так и представители Еврейского агентства. Первые занимались регистрацией, а последние обеспечивали и финансировали перевоз иммигранта к месту назначения, и давали ему небольшую сумму для покрытия расходов в первые день-два пребывания в стране.

В центрах приема иммигрантов или еще в стране исхода представители Еврейского агентства совместно с представителями правительства Израиля определяли, по какому из двух возможных вариантов абсорбции пройдет каждый конкретный иммигрант и его семья. Практиковались два варианта: «прямой абсорбции» и «непрямой абсорбции». Эти варианты были разработаны в связи с увеличением потока советских иммигрантов. С 1967 по 1981 г. Израиль приехало около 161 тыс. евреев из СССР. Характерным для этой иммиграционной волны высокий процент лиц с высшим и незаконченным высшим образованием – 50%, квалифицированные рабочие и служащие составляли более 40% от общего числа трудоспособных иммигрантов.

Путь «непрямой абсорбции» предлагался главным образом семьям, где хотя бы один из членов семьи имел так называемую академическую профессию. Были созданы десятки центров абсорбции в основном на прибрежной части страны, а также в Иерусалиме и его окрестностях. В этих центрах новоприбывшие жили и учили иврит в ульпане. В центрах абсорбции действовали службы повседневной помощи, информационные службы по вопросам занятости, таможенного права, налогов и т.д. Планировалось, что в этих центрах иммигранты будут находиться в течение шести месяцев. За это время они должны были получить основные знания языка иврит, найти работу и приобрести или снять собственное жилье. Согласно варианту «прямой абсорбции», иммигрантам выделялись в аренду квартиры в домах, построенных государством, причем большая часть арендной платы компенсировалась правительством. В этих квартирах было все необходимое: мебель, домашняя утварь, предметы первой необходимости. Министерство абсорбции полагало, что новоприбывшие с первого дня будут жить в приемлемых усло-

виях и за короткий срок найдут работу, определяют своих детей в школу или детский сад, будут посещать вечерний ульпан. Большинство таких квартир было построено в «городах развития», где концентрация иммигрантов предыдущих волн была достаточно велика.

Несмотря на сложности, связанные с разработкой иммиграционной политики, к концу 60-х годов в основном сформировался механизм ее реализации. В ведение Министерства абсорбции перешли разработка социальной политики абсорбции, а также оказание первоначальной денежной помощи иммигрантам, обеспечение их жильем. Осуществлением этой политики занимались местные отделения министерства и его специальные отделы – жилья и трудоустройства.

В 1974 г. правительство приняло принципиально новую, более либеральную, политику жилищного строительства. Субсидии давались потребителю, но не удешевляли предмета потребления; проблема обеспечения жильем и вопрос социального обеспечения были разграничены; цены на квартиры устанавливались в соответствии с их реальной стоимостью (включая реальную стоимость земельных участков); размеры помощи, предоставляемой правительством различным категориям нуждающихся в жилье, в том числе и иммигрантам, основывались на четко определенных критериях. Распределение квартир (среди иммигрантов и других категорий нуждающихся) проводилось на момент заселения домов, и одновременно для каждого населенного пункта устанавливались размеры материальной помощи в приобретении жилья в соответствии с социальным положением претендента и районом страны. Таким образом, жилищная проблема решалась арендой квартиры, покупкой или арендой с дальнейшей возможностью ее выкупа. Выбор определялся семейным и экономическим положением претендента¹⁴.

Новая жилищная политика правительства Израиля, которая распространялась в равной степени на иммигрантов и на других граждан, во многом облегчила жилищную проблему в стране. Но в меньшей степени это коснулось иммигрантов из СССР, которые предпочитали жить исключительно в больших городах. Чтобы сократить сроки пребывания иммигрантов в центрах абсорбции, правительству пришлось арендовать для них по рыночным ценам за счет государства готовые квартиры. Однако неконтролируемый

поток иммиграции, с одной стороны, и нежелание многих иммигрантов селиться в предлагаемые квартиры на периферии, с другой, создали достаточно сложную ситуацию для правительства. Постоянно пустовало до тысячи квартир, за которые государство платило высокую арендную плату. Вместе с тем, не до конца разработанные процедуры получения государственных субсидий еще больше усугубляли положение иммигрантов, вызывали недовольство как со стороны иммигрантов, так и со стороны чиновников.

Важным аспектом в абсорбции иммигрантов правительство считало интеграцию новоприбывших в израильскую систему образования. Несмотря на закон об обязательном образовании с 5 до 14 лет, стало очевидно, что формальное равенство не может компенсировать неравенство первоначального социально-культурного капитала и экономических возможностей выходцев из различных стран. Была разработана политика финансовой помощи многодетным и нуждающимся семьям для покрытия части расходов, связанных с обучением детей. Министерство абсорбции финансировало частные уроки для детей иммигрантов. Были разработаны программы обучения, принимавшие в расчет различия в исходной подготовке учеников. Абитуриентам-иммигрантам было разрешено сдавать некоторые выпускные экзамены в школах на их родном языке. Велась образовательная работа со взрослыми – наряду с курсами для изучения иврита была создана сеть школ для ликвидации пробелов в формальном образовании.

После Войны судного дня (октябрь 1973 г.) число иммигрантов в Израиль значительно сократилось. Обвинения были предъявлены Министерству абсорбции. Начали раздаваться призывы вернуть Еврейскому агентству большую часть иммиграционных служб. В декабре 1975 г. была создана независимая общественная комиссия во главе с генералом в отставке А.Хоревом для изучения вопросов проведения и координации процессов иммиграции и абсорбции, чтобы улучшить систему приема и абсорбции иммигрантов. В опубликованном в 1976 г. отчете комиссия дала ряд рекомендаций, суть которых сводилась к созданию одной организационной структуры – Верховного совета по иммиграции и абсорбции, которая должна была заменить департамент по иммиграции в Еврейском агентстве и Министерство абсорбции. Израильское правительство не поддержа-

ло эти рекомендации, считая, что они ущемляют главенствующую роль государства в абсорбции иммигрантов¹⁵.

Дебаты вокруг отчета комиссии А.Хорева и реакции Министерства абсорбции развернулись как в Израиле, так и в еврейских общинах за границей. Однако перераспределения полномочий между правительством Израиля и Еврейским агентством не произошло. Более того, после некоторого роста иммиграции из Советского Союза в 1978-1979 гг., наступил значительный спад и разногласия между израильским правительством и Еврейским агентством утихли.

Вопрос о деятельности государства в области иммиграции и абсорбции периодически поднимался в Израиле и был связан с возникающими конкретными проблемами или с очередной иммиграционной волной. Было сделано немало попыток выработать общую политику в области иммиграции в Израиль, однако целый ряд трудностей и неудач не способствовал этому. К 80-м годам все же установилось следующее распределение функций между израильским правительством и Еврейским агентством. В обязанности Министерства абсорбции вошли обеспечение иммигрантов жильем, первичная денежная помощь, установление контактов с другими учреждениями и координация их деятельности по абсорбции. На руководство во главе с министром было возложено формирование генерального курса в политике абсорбции, детальная разработка которого производится Отделом планирования и исследования министерства. Осуществление этой политики возложено на окружные и местные отделения министерства, а также на отделы – жилья и трудоустройства, социальной абсорбции, управления по делам студентов, центра по абсорбции ученых. Отделу информации поручалось доведение до сведения иммигрантов сведения, необходимых для бытовой, трудовой и социально-культурной абсорбции в израильском обществе. В ведении Отдела репатриации и абсорбции Еврейского агентства сосредотачивались все службы по подготовке иммиграции, а также так называемые центры абсорбции, куда направляют иммигрантов с высшим образованием и лица, чье трудоустройство по специальности требует хотя бы элементарного владения ивритом (медицинские сестры, техники и т.д.). Социальный отдел Еврейского агентства оказывает помощь

пожилым иммигрантам и лицам, нуждающимся в специальной помощи по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам. В обязанности Еврейского агентства входит помощь в доставке иммигрантов и в Израиль, предоставление временного жилья, юридические консультации, содействие в изучении иврита и оказание денежной помощи новоприбывшим.

Вместе с тем, более четкого определения и разграничения полномочий между правительством Израиля и Еврейским агентством в области абсорбции достигнуты не были, и в последующие годы трения и даже конфликты между сторонами сохранялись. Отсутствие общей разработанной политики создавало условия для проведения «частичной политики» для решения тех или иных вопросов, что приводило порой к противоречиям и несогласованности. Негативное влияние такой ситуации стало особенно ощутимым в 80-е годы, когда иммиграционный поток значительно возрос. Тот факт, что в процесс абсорбции оказались вовлечены многие министерства, организации, управления и т.д. привел к тому, что, как горько заметил еще в 1986 г. недавно скончавшийся Ури Гордон, возглавлявший в то время департамент репатриации и абсорбции в Еврейском агентстве, «каждый иммигрант должен посвятить 70 рабочих дней общаясь с 27 государственными управлениями, общественными органами и различными компаниями, чтобы довести до конца свой процесс поселения в Израиле. И это если иммигрант понимает, что от него требуется в каждом государственном офисе и он имеет около 50 различных справок и документов, подтверждающие его права»¹⁶.

В 1987 г. комиссия во главе с министром труда и благосостояния опубликовала свой итоговый отчет, в котором содержалась рекомендация о разделении функций израильского правительства и Еврейского агентства в том, что касается иммиграции и абсорбции. Комиссия рекомендовала перевести всю ответственность за абсорбцию иммигрантов на правительство, а в руках Еврейского агентства оставить лишь вопрос «мобилизации» иммиграции в Израиль. В результате работы комиссии в ноябре 1988 г. было подписано соглашение между израильским правительством и Еврейским агентством, согласно которому с апреля 1990 г. от-

ветственность за «первоначальную абсорбцию» иммигрантов была передана правительству.

Таким образом, разногласия между правительством Израиля и Еврейским агентством, а также общественные дебаты затихли на определенное время. Однако начавшаяся в 1989-1990 гг. массовая иммиграция из СССР создала новую ситуацию, поставила новые срочные задачи, которые необходимо было решать.

За 1989, 1990 и 1991 гг. в Израиль прибыло, соответственно, 12,8 тыс., 185,2 тыс. и 147,8 тыс. иммигрантов из Советского Союза – всего 345,8 тыс. человек. Подобные темпы иммиграции оказались неожиданностью для государственных структур. О неподготовленности к принятию подобного числа прибывающих указывает и тот факт, что в 1989 г. работала правительственная межминистерская комиссия, задача которой заключалась в подготовке программы, рассчитанной на прием и интеграцию 40-50 тыс. иммигрантов¹⁷.

Новая иммиграционная волна требовала от Министерства абсорбции новые подходы. В создавшейся реальности, разрабатывая новые программы для принятия массовой иммиграции, Министерство абсорбции учитывало не только количественную сторону, но и качественную характеристику иммигрантов. Именно иммигранты из бывшего СССР составляли основное число высококвалифицированных специалистов, прибывших в Израиль в рассматриваемый период¹⁸. Следует отметить, что 54% работоспособных иммигрантов составляли люди с высшим образованием, ученые и представители свободных профессий. Среди израильян-старожилов аналогичная группа населения составляла 27%. Для более успешной и быстрой интеграции новой алии, Министерство абсорбции предложило новоприбывшим путь «прямой абсорбции». Это был новый путь абсорбции, хотя он и носил старое название (см. выше) Новый вариант «прямой абсорбции» был применен впервые в апреле 1987 г.; он предусматривал предоставление иммигрантам свободы выбора при определении своего места жительства; поощрение более активного участия израильского общества в абсорбции – с уменьшением при этом степени зависимости иммигрантов от официальных государственных служб; быстрая и реальная интеграция иммигрантов в общественной жиз-

ни; ускорение процесса приобщения иммигрантов к производственной деятельности в различных сферах. Программа «прямой абсорбции» дает возможность новоприбывшим самостоятельно распорядиться определенной суммой денег, получаемой ими в первый год жизни в стране – так называемой корзиной абсорбции. Ее размеры устанавливаются в зависимости от состава семьи и возраста ее членов. Она содержит большую часть субсидий, предусмотренных на начальный период абсорбции, в частности, включает пособие на аренду квартиры и оплату коммунальных услуг в течение первого года пребывания в стране. С октября 1989 г. практически все иммигранты из СССР, а затем из стран бывшего Советского Союза переводятся на новый вариант «прямой абсорбции».

Сильная во многих отношениях иммиграция 90-х годов создала ситуацию, когда уже не только новые иммигранты приспосабливались к израильской действительности, но и само, уже сложившееся в определенной степени израильское общество, поставлено перед необходимостью видоизменяться, сближаясь с культурным, образовательным, профессиональным уровнем «русских» иммигрантов. Достижения и успехи алии 90-х годов, по сравнению с предыдущими периодами, во многом определены особенностями самой алии, ее массовостью и профессиональным составом, радикальными переменами в постсоветском пространстве, существенными изменениями в израильском обществе в целом, в определенной обработке государственной политики абсорбции.

За этот период правительство разработало значительно больше соответствующих программ чем в предыдущие годы. Однако Министерство абсорбции не было способно самостоятельно решать первоочередные задачи. Новые государственные программы были подготовлены как в Министерстве абсорбции, так и в других министерствах, совместно с разными учреждениями и общественными организациями. Разработанные в различных рамках программ являются весьма гибкими. Каждая программа предназначена для конкретных групп иммигрантов, учитывая их профессию, возраст, пол, уровень образования и т.д. Как представляется, указанная тенденция совместной разработки разных программ на

государственном, местном и общественном уровнях, и в дальнейшем может оказать позитивное воздействие на израильскую политику абсорбции иммигрантов.

---

¹ Израильский статистический ежегодник. Иерусалим, № 43, 1992, с.170 [на иврите].

² Сефер ха-хуким [«Книга Законов»]. Иерусалим, 1952, с. 146 [на иврите].

³ *Lapidoth, Ruth*. The Right of Return in the International Law. Jerusalem, 1993, с. 9-10.

⁴ Израильский статистический ежегодник № 47. Иерусалим, 1996, с. 146 [на иврите].

⁵ *Куповецкий, Марк*. Евреи бывшего Советского Союза: численность и расселение в мире. – Евреи СССР на перепутье. Иерусалим, 2000 №4, с. 136 [на иврите].

⁶ *Леием, Элизер и Лисак, Моше*. Формирование «русской» общины в Израиле. – Евреи СССР на перепутье. Иерусалим, 2000, № 4, с. 47 [на иврите].

⁷ Сефер ха-хуким [Книга Законов]. Иерусалим, 1953, с. 112 [на иврите].

⁸ См., например: Израильский правительственный ежегодник. 1976, с. 12, а также аналогичные издания других лет [на иврите].

⁹ *Adler, Shmuel*. Israel's Absorption Policy since the 1970s. – Russian Jews on Three Continents. N.Levin-Epstein, Y.Roi and P.Rittelband (eds.) L., 1997, с. 135.

¹⁰ *Федорченко А.В.* Экономика переселенческого общества. Израильская модель. М., 1998, с. 33.

¹¹ Там же.

¹² *Якоби Г.* Правительство. Тель-Авив, 1981, с. 351, [на иврите].

¹³ *Adler, Shmuel*. Israel's Absorption Policy since the 1970s, с.136.

¹⁴ Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). Т. 3, Иерусалим, 1986, с. 562.

¹⁵ *Adler, Shmuel*. Israel's Absorption Policy since the 1970s, с. 139-140.

¹⁶ Данное высказывание Ури Гордона было опубликовано в израильских газетах «Едиот Ахронот» и «Маарив» 29 сентября 1986 г.

¹⁷ См. статью бывшего ответственного работника Министерства науки Израиля Баруха Эйяля «Десятилетие алии ученых: предварительные итоги». – Евреи СССР на перепутье. Иерусалим, 2000, № 4, с. 158-180 [на иврите].

¹⁸ Подробнее о программах Министерства абсорбции в области профессиональной и социальной интеграции иммигрантов см. в статье

Шмуэля Адлера «Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле» в данной книге.

ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ НОВЫХ РЕПАТРИАНТОВ
В ИЗРАИЛЕ

Шмуэль Адлер,
начальник управления планирования и исследований
министерства абсорбции *

С конца 1989 г. в Израиль прибыло почти 1 млн. репатриантов, причем 85% из них из бывшего Советского Союза. В результате за последние десять лет населения страны увеличилось на 20%. Около 40% этих репатриантов прибыло в 1990-1991 гг. (375 тыс. человек); затем темпы репатриации значительно снизились, и в настоящее время составляют примерно 60-70 тыс. человек ежегодно. Прибытие столь большого числа иммигрантов не могло не сказаться на всей социальной и экономической жизни страны. В конце 80-х – начале 90-х годов многие политические деятели рассматривали проблемы, связанные с массовой волной иммиграции как проблемы интеграции новых репатриантов в израильское общество, недооценивая те грандиозные изменения в самом израильском обществе, которые могут быть вызваны абсорбцией столь

---

* **Д-р Шмуэль Адлер** долгие годы работал начальником Центра абсорбции ученых Министерства абсорбции Израиля. В настоящее время он – начальник Управления планирования и исследований Министерства абсорбции, а также член редакционного совета издающегося в Канаде «Journal of International Migration and Integration». Статьи Ш. Адлера опубликованы в ряде книг, в том числе в сборнике «Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement» (Л., 1997). Данная статья написана на английском языке и специально для настоящего издания. Редакция перевода Алека Эпштейна.

большого числа иммигрантов. Продолжающийся уже 10 лет процесс абсорбции столь большого числа иммигрантов потребовал значительные структурные изменения в израильской экономике и уже повлиял на общее направление и темпы экономического развития страны.

Пытаясь сформулировать отличительные особенности новых репатриантов, прибывших из республик бывшего СССР, нельзя не отметить как высокую степень их участия на рынке труда в различных сферах экономики, так и чрезвычайно высокий их профессиональный уровень. На протяжении последнего квартала 1999 г. индикаторы занятости среди репатриантов, прибывших после 1990 г. в возрасте старше 15 лет, были выше, чем у коренных жителей страны (56,3% по сравнению с 54,5%). Репатрианты составляют 16,3% от общего числа жителей страны в возрасте старше 15 лет и 17,6% от всех работающих граждан страны¹. Очевидно, что столь активное их участие на рынке труда не может не иметь большого влияния на динамику происходящих там процессов.

Кроме того, следует отметить, что свыше 60% репатриантов из бывшего СССР до эмиграции работали инженерами, учеными, преподавателями, техниками, врачами, музыкантами – иными словами, в сферах, требующих кропотливой многолетней подготовки. В этой связи бросаются в глаза значительные отличия между структурой занятости среди новых репатриантов с одной стороны, и коренных жителей и старожилов – с другой. В 1989 г., когда началась волна массовой иммиграции из бывших советских республик в Израиль, лишь 24,5% израильтян были заняты в тех же областях, что и 60% приехавших в страну иммигрантов². С одной стороны, подобная разница в профессиональном составе новых иммигрантов и старожилов не могла не вызвать значительных социальных напряжений; с другой, – уникальный человеческий капитал, который оказался в Израиле в результате массовой иммиграции русскоязычных евреев, обладал большим потенциалом для дальнейшего развития израильской экономики и израильского общества.

Важно отметить, что существующая в Израиле открытая иммиграционная политика, позволяющая, – в соответствии с «Законом о возвращении», каждому еврею (согласно данному в за-

конец определению) право на иммиграцию в Израиль и автоматическое получение гражданства, создает немалые трудности в подготовке сколько-нибудь обоснованных оценок социодемографических характеристик будущих иммигрантов. Как количество иммигрантов, так и их возрастной и профессиональный состав, подвержены известным колебаниям, которые зависят от процессов, происходящих в странах, откуда прибывают иммигранты, а не от процессов, происходящих непосредственно в Израиле. Вот почему проблема абсорбции рабочей силы не может быть решена простым расширением производства в соответствии с местными экономическими задачами, так как любое увеличение производства должно в максимальной степени учитывать профессиональный состав репатриантов – весьма непостоянный как с количественной, так и с качественной точек зрения. Очевидно, что расширение производства должно происходить в тех областях экономики, где производство товаров и услуг в максимально возможной степени использует человеческий капитал новых иммигрантов. Учитывая, что большинство иммигрантов не настроено на смену сферы профессиональной деятельности, предпочитая продолжать работать в той области, где они работали до репатриации³, на государственные учреждения ложится нелегкая задача планирования расширения производства в стране исходя из прогнозов прибытия новых репатриантов различных профессий и опыта. В отсутствие подобных заблаговременно сделанных прогнозов либо (что бывает не столь уж редко) в случае их несоответствия реальному положению дел, государственные структуры оказываются перед нелегкой задачей поиска путей профессионального трудоустройства вновь прибывших в максимально сжатые сроки – когда они уже приехали в новую для них страну и нуждаются в практически немедленном трудоустройстве. Многочисленные исследования, проведенные в последние несколько лет, показали, что удовлетворенность своим трудом намного выше среди тех иммигрантов, которые работают по своей прежней профессии или в области, смежной с ней. Результаты такого рода исследований говорят также о значительной связи, которая существует между удовлетворенностью своей работой и жизнью в новой стране в целом⁴.

Репатрианты, прибывшие из бывшего Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х годов, практически не имели опыта самостоятельного поиска работы в условиях свободного рынка, что, очевидным образом, затрудняла их успешную профессиональную интеграцию на израильском рынке труда. Хотя правительство Израиля и содержит Службу трудоустройства, не более 20% репатриантов в состоянии найти себе работу с ее помощью. По сути, малая эффективность этой службы (особенно в условиях растущей конкуренции между ней и большим количеством частных бюро по трудоустройству) приводит к тому, что едва ли не главной ее функцией стала выдача свидетельств о том, что у человека нет работы, и значит, он имеет право на получение пособия от Службы национального страхования. В этих условиях особенно возрастает значение курсов по профессиональной ориентации и переквалификации новых иммигрантов, которые могли бы стать своего рода «мостиком» между их знаниями, умениями и навыками с одной стороны, и реальными потребностями рынка труда – с другой.

Стремясь подготовить репатриантов к условиям самостоятельного поиска работы в условиях свободного рынка рабочей силы, руководствуясь при этом максимально использовать человеческий капитал новых иммигрантов, Министерство абсорбции (при содействии других правительственных учреждений, главным образом, Министерства труда и социального обеспечения) разработало широкий комплекс программ, цель которых – помочь репатриантам найти свое место на рынке труда в Израиле. Детальному рассмотрению этих программ и посвящена настоящая статья.

Первая ступенька на этом пути – *ульпан*. Ульпан – это программа языковой подготовки, бесплатная для всех репатриантов. В течение первых шести месяцев пребывания в стране репатрианты получают «корзину абсорбции» – пособие, цель которого – обеспечение прожиточного минимума новых репатриантов в период их обучения в ульпане⁵. В задачу ульпана входит помочь новому репатрианту освоить как можно быстрее базовый словарный запас в тысячу основных слов, который даст ему возможность вести незамысловатый разговор на иврите, а также читать и писать тексты невысокой степени сложности. Как известно, практикуемая с начала

90-х годов политика «прямой абсорбции» позволяет каждому из прибывающих в страну иммигрантов самостоятельно выбирать предпочитаемое ими место жительства, а потому, хотя ульпаны и расположены на всей территории Израиля, численность классов в различных населенных пунктах непостоянно и зависит от распределения репатриантов по территории страны. Несмотря на то что основная задача ульпанов – это языковая ресоциализация новых иммигрантов (основной ульпан включает 500 часов интенсивного обучения языку), в программу ульпана входят и различные элементы, способствующие социальной интеграции новых иммигрантов, в том числе экскурсии по стране и лекции по различным аспектам жизни в Израиле. Программы обучения в ульпанах составлены с известной степенью гибкости (существует как программа дневного обучения, рассчитанная на пять месяцев, так и вечерняя программа, позволяющая растянуть обучение до 10 месяцев, совмещая учебу в вечерние часы с работой на частичную ставку⁶). Однако исследования показали, что лишь 70% новых репатриантов используют свое право на бесплатное изучение иврита в ульпане в течение первого года пребывания в стране, а почти четверть из тех, кто начал обучение, бросают его, не закончив. Хотя в течение первых шести месяцев пребывания в стране репатрианты получают материальное пособие, позволяющее им целиком сосредоточиться на учебе, снижение покупательной способности этого пособия (прежде всего, из-за несоответствия между ростом курса доллара по отношению к израильскому шекелю и значительным ростом арендной платы за квартиры с одной стороны, и куда более медленным ростом «корзины абсорбции» – с другой) привело к тому, что многие репатрианты отказываются от учебы в ульпанах, дабы начать работать на полную ставку спустя нескольких месяцев (или даже недель) после прибытия в Израиль. Хотя некоторые из этих репатриантов учат иврит на различных вечерних курсах, многие из них вообще не посещают никаких языковых занятий, из-за чего их уровень владения государственным языком страны никак не может быть признан удовлетворительным. Вот почему, в 1999 г. было принято решение: любой человек, прибывший в Израиль после 1990 г., который все еще хочет улучшить свой иврит,

имеет право заниматься в ульпане за символическую плату. Разумеется, еще рано делать выводы, насколько успешным (и эффективным) оказалось это нововведение, однако гибкость, проявленная государственными структурами в этом вопросе, заслуживает упоминания.

Кроме того, в последние годы были организованы специальные ульпаны для некоторых видов профессий (инженеров, врачей, специалистов по альтернативной медицине, строительных рабочих и т.д.). В этих ульпанах репатриантам выделено дополнительно 50-100 часов для овладения специальной профессиональной лексикой. Наряду с этим, в этих ульпанах изучение иврита сочетается с преподаванием основных принципов работы с компьютером. Исследования, проведенные Отделом исследований и планирования Министерства абсорбции, показали, что в специализированных ульпанах мотивация к обучению была выше по сравнению с обычным ульпаном, а знания, полученные их выпускниками, более основательными. Подобные специализированные ульпаны – важная составляющая комплексных государственных усилий по профессиональному трудоустройству новых иммигрантов.

Кроме того, специально для молодых репатриантов, которые хотят продолжить свое обучение в израильских высших учебных заведениях, были открыты ульпаны на подготовительных отделениях едва ли не во всех университетах страны. Вместе с тем, большинство репатриантов приезжает уже закончив (или почти закончив) свое образование, и им важно не получить, а подтвердить свой диплом в Израиле.

В рамках Министерства образования существует специальный отдел, который занимается подтверждением документов о среднем и высшем образовании. Этот отдел приобрел большой опыт изучения советской образовательной системы во время волны иммиграции из СССР в 70-е годы. Некоторые из его работников до приезда в Израиль работали в союзном Министерстве высшего образования и в соответствующих республиканских министерствах. Отдел проверяет подлинность представляемых репатриантами документов о полученном ими образовании, и вместе с информацией, полученный из баз данных наиболее известных

высших учебных заведений, выдает документ о соответствии представленных свидетельств аналогичным израильским сертификатам и дипломам. Этим документом пользуются, главным образом, для определения квалификации и заработной платы работников в общественном секторе. Частный сектор и учреждения высшего образования используют эти документы для определения общего образовательного уровня репатрианта, хотя, пожалуй, более важное значение имеет личное собеседование и анализ трудового опыта, публикаций и патентов репатрианта.

Репатрианты с высшим образованием, не имеющие возможности найти себе работу по своей профессии, могут посещать Консультационный центр по трудоустройству. Его программа рассчитана на два месяца и включает дополнительные занятия по ивриту и профессиональной терминологии, лекции по различным темам, в основном, связанным с трудоустройством; посещение предприятий; помощь в трудоустройстве и консультации психолога по вопросам, касающимся личного соответствия соискателя тем или иным профессиям.

Существующие сегодня в Израиле для новых репатриантов программы обучения и профессиональной переквалификации очень различны и варьируются от вечерних курсов обучения и переквалификации объемом в 200-300 часов, зачастую проводимых на русском языке, до специализированных дневных курсов, организуемых Министерством труда; так как эти курсы открыты также и для старожилов, занятия на них ведутся только на иврите.

Курсы охватывают широкий круг различных тем и специальностей. Приведем лишь несколько примеров. Для врачей, которые не могут сдать израильские экзамены на подтверждение диплома, существуют курсы для получения диплома по смежным специальностям, например, курсы медицинских сестер, техников рентгеновских кабинетов, работников медицинских лабораторий и физиотерапевтов. Для специалистов, обладающих знаниями в области истории, лингвистики и преподавания, организованы курсы по подготовке гидов и других специальностей в области туризма. И конечно же, многие курсы так или иначе связаны с компьютерами, что особенно важно в связи с появлением все новых рабочих мест в сфере высоких технологий.

Летом 1992 г. было начато широкое исследование положения с трудоустройством новых репатриантов в возрасте 20-64 лет, прибывших из бывшего Советского Союза с 1989 по 1991 г. На период исследования только около 30% репатриантов принимали участие в каких-либо программах обучения, переквалификации и специализации. Среди мужчин, работавших на академических, инженерных, технологических и административных должностях в бывшем СССР, 46% закончили специализированные курсы, нашли работу в этих же областях в Израиле, по сравнению с 29% не закончивших никаких курсов; среди женщин – соответственно 48 и 12%⁷.

Во второй половине 1995 г. было проведено исследование среди инженеров в возрасте от 20 до 55 лет, которые приехали в Израиль из бывшего СССР с 1989 по 1994 г. Результаты исследования показали, что около 40% инженеров, обучавшихся на тех или иных вышеупомянутых курсах, и лишь около 15% инженеров, которые не посещали никакие курсы, нашли себе работу по своей или смежной специальности⁸.

Эти исследования показали, что обучение на курсах в значительной степени способствует трудоустройству репатриантов, а также увеличивает шансы найти себе работу по своей или смежной специальности.

Ежегодные расходы Министерства абсорбции на такого рода курсы составляют 8 млн. долл., плюс еще 4 млн. долл. на выплату материального пособия для репатриантов, которые находятся в стране менее двух лет. Репатрианты с более продолжительным сроком проживания получают материальное пособие через программы пособий по безработице Ведомства национального страхования. Кроме того, расходы на оплату курсов, организованных для репатриантов Министерством труда и благосостояния, также весьма значительны и превышают 40 млн. долл. в год.

Еще одна форма подготовки репатриантов к освоению местного рынка труда – программы обучения «по месту работы». В этих случаях Министерство труда и благосостояния субсидирует заработную плату репатриантов, пока они работают в рамках такой программы.

Специалисты с высшим образованием в определенных отраслях экономики могут получить пособие, равное минимальной заработной плате за 6-12 месяцев. Бюджет этой программы ограничен и рассчитан всего лишь на 350 рабочих мест в году. Кроме того, с 1994 по 1997 г. действовал специальный проект для поощрения трудоустройства специалистов с высшим образованием старше 50 лет. В рамках этого проекта выплачивалось пособие в размере 50-100% от минимальной заработной платы на период от полугода до 18 месяцев. Чем старше был репатриант и чем выше был его профессиональный статус, тем больше была сумма денежного пособия и продолжительней период его получения. Каждый год такого рода помощь получали около 200 репатриантов. Эта программа финансировалась Министерством абсорбции и организацией «Джойнт» – отделением неправительственной организации американских евреев, проявляющей высокую активность в вопросах интеграции репатриантов в Израиле и помогающей еврейским беженцам по всему миру.

Одна из наиболее важных и дорогостоящих программ Министерства абсорбции – программа по профессиональной интеграции ученых-иммигрантов. Центр абсорбции ученых был создан в 1973 г. – фактически, специально для репатриантов из Советского Союза, среди которых было много ученых и научных сотрудников. Задачей Центра было стремление помочь ученым-репатриантам найти как можно скорее работу по специальности, помочь им приспособиться к западным методам и стилю работы, что должно было принести (и принесло) большую пользу для экономики страны.

В 90-х годах в Израиль иммигрировало более 13 тыс. ученых и научных сотрудников – и это при том, что к началу последней волны массовой миграции, в 1989 г., в гражданских секторах израильской экономики, включая преподавательский и научный состав университетов, насчитывалось всего лишь 8 тыс. ученых и научных работников. Несмотря на очевидные трудности профессионального трудоустройства, более 70% ученых-иммигрантов сумели найти себе работу в Израиле⁹, причем более 8,4 тыс. человек получали материальную помощь Центра.

В среднем, пакет помощи на одного ученого составляет сумму порядка 30 тыс. долл. Бюджет, выделенный на эти цели в 1999 г., равнялся 40 млн. долл., в 2000 г. – до 45 млн. долл.

Изучение эффективности этой программы для 6 тыс. ученых-репатриантов, прибывших в страну в 1989-1991 гг. показало, что около трети их них нашли первую работу в качестве ученых к лету 1992 г., причем 80% из них – с помощью Центра абсорбции ученых. Лишь немногие имеют постоянное место работы, а неуверенность в завтрашнем дне отрицательно отражается на их работе. В 1995 г. был проведен дополнительный опрос тех, кто в 1992 г. фигурировал в данных исследования как «нашедший работу». В ходе опроса выяснилось, что 43% опрошенных работали полный рабочий день, 3% – частично работали по научным темам, когда они не получали никакой государственной помощи, 43% продолжали получать государственную помощь для продолжения своей работы, а 11% – были безработными. Вместе с тем, 18% опрошенных заявили, что они не уверены в правильности своего решения об иммиграции в Израиль. Однако тот факт, что 97% опрошенных не собирались эмигрировать из Израиля, вселяет оптимизм в отношении успеха программ Центра, а также в целом всего процесса интеграции ученых в Израиле¹⁰.

Еще одна важная государственная программа содействия в профессиональном трудоустройстве репатриантов – программа для тех, кто хочет самостоятельно открыть свое дело. С этой целью в Министерстве абсорбции был создан Отдел предпринимательства, который отвечает за оказание поддержки репатриантам-предпринимателям. В задачу отдела входит облегчить талантливым людям поиск путей осуществления их инициатив, помочь в преодолении трудностей, сопутствующих всякому новому делу, особенно когда начинать его приходится в совершенно новых условиях в неизвестном тебе деловом мире, чтобы получить прибыль, способную прокормить себя и свою семью. Довольно часто бизнес становится рабочим местом для всех взрослых членов семьи и для других репатриантов, главным образом из той же страны исхода. Многие из бизнесов являются «этническими» по своей ориентации, то есть отвечающими специфическим потребностям определенной группы репатриантов.

Помощь отдела включает не только знакомство репатрианта с израильским деловым миром, но и предоставление информации об инструментах и источниках финансовой помощи, которые в наибольшей степени способствуют развитию его предпринимательского духа. Основанные при его непосредственном участии районные центры деловой инициативы (МАТИ), хотя и предназначены для всех слоев населения, оказывают многие виды услуг репатриантам, причем некоторые из них предоставляются на их родном языке. Эти центры предоставляют консультации, организуют курсы и оказывают профессиональную помощь по претворению в жизнь деловых инициатив, а также помощь уже существующим бизнесам. Кроме того, отдел занят выработкой рекомендаций для Министерства абсорбции по оказанию материальной помощи для первоначального капиталовложения, принимая во внимание существующие возможности развития бизнеса.

Деятельность Отдела предпринимательства стала особенно активной со второй половины 1998 г., когда термин «новый репатриант» был распространен на всех, кто прибыл в страну с 1990 г. Во второй половине 1998 г. отдел утвердил выдачу 560 дотаций на открытие нового бизнеса. Для сравнения укажем, что в предшествующие четыре полугодия выдавалось в среднем по 350 дотаций. В общей сложности правительство в эти полгода выдало дотаций для репатриантов-бизнесменов на сумму более, чем 3 млн. шекелей.

Очевидно, однако, что так же как программы, разработанные для репатриантов из стран Запада, далеко не всегда достаточны для выходцев из стран СНГ, так же и программы, подготовленные в расчете на репатриантов из СНГ далеко не всегда достаточны для уроженцев других стран, в частности, Эфиопии. Репатриантам из Эфиопии же предоставлено право получать до одной трети заработной платы в течение трех-шести месяцев обучения. Каждый год выдается около 300 такого рода пособий. Принимая во внимание скромный образовательный уровень и ограниченный трудовой опыт большинства эфиопских репатриантов, правительство вкладывает значительные средства в развитие курсов профессионального обучения и другие программы, направленные на по-

вышение их возможностей трудоустройства, а значит и интеграции в израильскую экономику западного типа.

С марта 1993 г. по июнь 1995 г. было проведено исследование, охватившее 70 курсов профессионально-технического обучения, на которых обучались 1250 репатриантов из Эфиопии, прибывших в страну за три-шесть лет до того, как с ними было проведено первое собеседование в начале курса. Сразу по окончании курсов, а также восемь месяцев спустя, были проведены повторные исследования.

Курсы для мужчин были организованы в соответствии с уровнем общего образования учащихся: для лиц с относительно высоким уровнем образования (девять лет школы и больше) были открыты курсы по таким специальностям как тракторист или водитель, со средним уровнем образования (три-восемь лет) – автомеханик или сварщик. Для людей с невысоким уровнем или вообще без образования были открыты курсы по таким специальностям как слесарь-водопроводчик и садовник.

Курсы для женщин тоже предусматривали различия в уровне образования. Для лиц с относительно высоким уровнем образования – курсы воспитательниц детских садов и практических медсестер, со средним уровнем образования – курсы сестер по уходу за престарелыми, а для тех, у кого нет никакого образования – курсы портних.

Успех курса определялся по двум показателям: во-первых, нашли ли выпускники какую-либо работу; во-вторых, удалось ли им устроиться по специальности, которую они изучали.

Наиболее успешными оказались курсы по подготовке медсестер, водителей и шлифовальщиков драгоценных камней. Менее успешными – курсы по подготовке трактористов, автомехаников и портних. Общим знаменателем всех успешных курсов было то, что их организаторы оказали своим учащимся разного рода помощь в поиске работы: либо в форме рекомендательных писем, направленных на рабочие места, либо путем оказания непосредственной помощи в поиске работы для каждого выпускника¹¹.

В связи с огромным количеством репатриантов, прибывших в страну в 1990 г. (около 200 тыс. человек) и последующим высо-

ким уровнем безработицы (11% среди всего населения и более 40% среди репатриантов), в июле 1991 г. был принят на три года Закон о поощрении трудоустройства новых репатриантов. Стимулы, предусмотренные законом, поощряли работодателя независимо от того, брал ли он на работу новых репатриантов или коренных жителей страны. Работодатель получал пособие (дотацию к заработной плате), если (1) компания приняла на работу дополнительно к именному списку не менее пяти рабочих за отчетный квартал; (2) компания не является частью государственного сектора и не финансируется правительством или местными органами власти более чем на 30%; (3) взятый в штат работник будет оставаться на работе не менее одного квартала.

Дотация, которая не должна была превышать трети заработной платы, выплачивалась за каждого дополнительного работника в течение до двух лет. Эти дотации выплачивались через Ведомство национального страхования.

В связи с тем, что опрос, проведенный среди работодателей, выявил, что 80% из них принимают решение о приеме или приеме новых работников без всякой связи с выплачиваемой государством дотацией, в 1995 г. выплаты дотаций по этому закону была прекращена.

Изложенная в этой статье информация позволяет сделать вывод о том, что в Израиле был принят комплекс программ, чтобы позволить израильской экономике в максимальной степени использовать человеческий капитал почти 1 млн. репатриантов, которые прибыли в страну за последнее десятилетие. В настоящее время существует насущная потребность в проведении комплексного исследования о степени эффективности этих программ, чтобы наиболее важные их компоненты и дальше продолжали оказывать благоприятное влияние на профессиональную интеграцию прибывающих в Израиль репатриантов.

---

¹ State of Israel, Central Bureau of Statistics. Labor Force Survey, Press Release, February 16, 2000.

---

² State of Israel, Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract of Israel 1990, с. 358.

³ См.: *Flug K. Kasir N., Ofer G.* The Absorption of Soviet Immigrants into the Labour Market: Aspects of Occupational Substitution and Retention». – Lewin-Epstein N., Ro'i Y., Ritterband P. (eds.), *Russian Jews on Three Continents. Migration and Resettlement*. L., Frank Cass, 1997, с. 434.

⁴ См., например: Эпштейн А., Хеймец Н., Патлас Н. Российские ученые в Израиле: Языковая самоидентификация и профессиональная интеграция. – *Социология: теория и практика* (Институт социологии АН Украины). 2000, №3.

⁵ Пособие, которое выдается новым репатриантам для покрытия основных потребностей в течение первого года проживания в стране. Его основные элементы: пособие на аренду жилья, прожиточное пособие, пособие на покрытие расходов на поездки в общественном транспорте, учебное пособие и другие статьи.

⁶ Для репатриантов из Эфиопии программа обучения в ульпанах рассчитана на более продолжительное время и предусматривает больше лекций по различным аспектам иудаизма и жизни в Израиле.

⁷ *Naveh G., Noam G., Benita E.* The Employment and Economic Situation of Immigrants from the Former Soviet Union – Selected Findings from a National Employment Survey in Immigrant Absorption in Israel. 1994, с. 79.

⁸ *Naveh G., King J.* The Absorption into Employment of Immigrant Engineers. Jerusalem: JDC-Brookdale Institute. 1999.

⁹ Как следует из проведенного недавно исследования А. Эпштейна, Н. Хеймец и Н. Патласа, далеко не все ученые-репатрианты, нашедшие работу, смогли сохранить ее после окончания выплаты государственных стипендий.

¹⁰ *Shai S. et al.* The Absorption of Immigrant Scientists 1992-1995. Evaluation of Government Aid Programs. Jerusalem: Gutman Applied Social Research Institute and Megama Consultants. 1996.

¹¹ *Lipshitz C., Wolfson M.* Follow-up Study of Ethiopian Immigrants Who Graduated from Vocational Training Courses-Summary Report. Jerusalem: JDC-Brookdale Institute. 1997.

ЗАКОН О ВОЗВРАЩЕНИИ: ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИММИГРАЦИЯ В 90-Х ГОДАХ

Ирина Масюкова*

На протяжении многих десятилетий до и после создания Государства Израиль, концепция «собираения евреев всего мира» («кибуц галуйот») находится в основе идеологического, политического и социального развития страны, влияя на все процессы, происходящие в израильском обществе. Иммиграция в Палестину (а затем в Израиль) – «алия»** – продолжается постоянно на протяжении многовековой истории еврейского народа. Но наиболее значительный приток репатриантов связан с возникновением и развитием сионистского движения в 80-х годах XIX в. Право на возвращение было сформулировано в Базельской программе Первого сионистского конгресса (1897 г.), позднее оно получило детальное изложение в ст. 6-й Мандата на Палестину, предоставленного Великобритании Лигой наций в 1922 г. Согласно этому документу, Англия брала на себя обязательства поощрять еврейскую иммиграцию, «прочное поселение евреев на земле», а также способствовать созданию таких политических, админи-

---

* Кандидат исторических наук **Ирина Викторовна Масюкова** работает в Отделе изучения Израиля Института Востоковедения РАН. Автор ряда статей, опубликованных в журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Народы Азии и Африки», «Ближний Восток и современность» и др., а также отдельных глав в коллективных сборниках и монографиях.

** Термин «алия» в переводе с иврита означает «подъем». Этот термин укоренился с давних времен, когда евреи прибывали в «Эрец-Израэль» преимущественно из Египта и Вавилонии, в топографическом отношении лежавших ниже Палестины.

стративных и экономических условий, которые «обеспечат создание еврейского национального очага»¹.

Впоследствии право евреев на иммиграцию и обязательства Израиля перед иммигрантами неоднократно декларировались и закреплялись в различных законодательных актах страны: Декларации независимости (1948 г.), Законе о возвращении (1950 г.) и др.².

В создании Государства Израиль значительная роль отводилась помощи и поддержке со стороны диаспоры: во многих документах подчеркивалось, что Государство Израиль – это государство еврейского народа, поэтому объединение евреев всего мира – основная задача государства и сионистского движения, требующая постоянных усилий со стороны всех евреев³.

В Декларации независимости, принятой 14 мая 1948 г. говорится, что «Государство Израиль будет открыто для еврейской иммиграции и для возвращения из изгнания... оно обеспечит полное равенство социальных и политических прав всем жителям, независимо от исповедуемой религии, расы или пола... мы взываем ко всему еврейскому народу во всех странах мира оказать нам помощь в абсорбции иммигрантов и развитии государства»⁴.

Закон о возвращении (1950 г.) и его значение

В период британского мандата иммиграция регулировалась администрацией Палестины в соответствии с «экономической целесообразностью», относительно которой английские власти и еврейские лидеры вели постоянные дискуссии. После провозглашения независимости Государства Израиль все ограничения на репатриацию были сняты, и 5 июля 1950 г. был принят Закон о возвращении («Хок ха-Швут») – один из первых законодательных актов, утвержденных Кнессетом и предоставляющий право каждому еврею иммигрировать и поселиться в Израиле при содействии со стороны государства⁵. Многовековое стремление еврейского народа к возрождению своего государства получило официальное юридическое оформление в Законе о возвращении, гарантирующем всем евреям право на возвращение на родину предков: «...каждый еврей имеет право на иммиграцию в эту страну»⁶. И, далее, «...двери его (Государства Израиль) открыты для каждого еврея, стремящегося иммигрировать в страну»⁷.

В своей первоначальной версии Закон не давал конкретного определения тех лиц, которые могут пользоваться правом на иммиграцию. К этим лицам относились верующие евреи и евреи, чувствующие себя связанными с еврейским народом и разделяющие общую веру⁸.

Закон позволял всем евреям, кроме тех, действия которых направлены против еврейского народа и несут угрозу здоровью населения или безопасности государства, поселиться в Израиле. В конце 40-х годов первое израильское правительство было вынуждено делать акцент на подобной формулировке. Так, например, на заседании Кнессета в мае 1949 г., было принято решение: «запретить въезд в страну лицам, больным туберкулезом, душевнобольным и носителям заразных заболеваний»⁹. В этот период представители Еврейского агентства (Сохнута) на местах имели соответствующие инструкции, так как Израиль с трудом справлялся с огромным потоком иммигрантов со всего мира.

Закон о возвращении утвердил основополагающий принцип государства: каждый еврей имеет право поселиться в Израиле и беспрепятственно получить гражданство, что относится также к любому еврею, который поселился в стране или родился в ней до принятия Закона. Принятие Закона привело к возникновению ряда юридических проблем, основная из которых – проблема установления критерия, позволяющего признать данное лицо евреем. Вопрос состоял в том, должен ли этот критерий совпадать с критерием Галахи*, согласно которому евреем считается тот, кто рожден от матери-еврейки или принял иудаизм, или евреем может быть признан всякий, кто заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу. Закон не распространяется на лиц, рожденных евреями, но перешедших в другое вероисповедание¹⁰.

---

* Галаха – свод законов, унифицирующий и регулирующий еврейский образ жизни во всем мире. Главные предписания Галахи, основанные на Торе и Талмуде, охватывают практически все стороны жизни евреев – от рождения – до смерти.

Закон положил начало полемике, продолжающейся до настоящего времени, и мучительному поиску ответа, как в религиозных, так и в светских кругах, на вопрос «кто есть еврей?»¹¹.

В связи с нечеткой формулировкой, определяющей кого считать евреем, возникали постоянные споры и конфликты, поэтому в 1970 г. Кнессет принял дополнение к Закону, где давалось определение, совпадающее с определением еврея по еврейскому религиозному закону – Галахе. В ст. 4Б Закона о возвращении отмечается: «...еврей тот, кто родился от матери еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии». В 1970 г., в период постепенной активизации иммиграции из СССР, в Законе появилась еще одна поправка, расширившая его формулировку в связи с необходимостью разрешения проблем советских евреев, многие из которых состояли в смешанных браках. В соответствии с этой поправкой в ст. 4А «Права членов семьи» отмечается: «...права еврея, предусмотренные настоящим Законом, а также права репатрианта, предусмотренные Законом о гражданстве 1952 г., и все права репатрианта, предусмотренные другими законодательными актами, предоставляются также детям и внукам еврея, его супруге/супругу, супругам его детей и внуков»¹². По мнению израильских специалистов, Закон о возвращении – это иммиграционный закон, который не ущемляет свободы вероисповедания, не предусматривает закрытия консервативных или реформистских синагог; не ущемляет прав тех, у кого евреем является только отец (предоставляя право на репатриацию и израильское гражданство), а также не ставит своей целью регулирование взаимоотношений между ортодоксальным, консервативным и реформистским направлениями в иудаизме.

Закон о возвращении и проблемы национальной идентичности русскоязычной иммиграции 90-х годов

В конце 80-х годов началась массовая иммиграция из бывшего СССР. По данным Центрального статистического бюро Израиля, с 1989 по 1999 г. в рамках Закона о возвращении в Израиль прибыло 903,1 тыс. репатриантов, в том числе 771,5 тыс. человек из СССР/СНГ. Для русскоязычной иммиграции характерен посто-

янный рост числа неевреев среди репатриантов в смешанных семьях – неизбежный результат ассимиляции советского еврейства на протяжении нескольких поколений. В большинстве случаев основанием для переезда неевреев в Израиль стала поправка к Закону о возвращении, принятая в 1970 г. и расширившая круг родственников, на которых распространяется его действие.

По данным Еврейского агентства, в 1997 г. среди иммигрантов из России в возрасте до 45 лет, евреи составляли не более 35% от общего числа репатриантов; среди иммигрантов из Крыма насчитывалось всего 30% евреев по Галахе; из Киева прибыло только 25% евреев¹³. Самой «еврейской» в тот период считается иммиграция с Кавказа, в которой евреи по Галахе составили более 50% от общего числа репатриантов; наиболее «еврейскими» считаются также группы потенциальных репатриантов, состоящие из лиц преклонного возраста. Подавляющее большинство подростков, прибывающих в Израиль из стран СНГ в рамках различных молодежных программ Еврейского агентства («Наале», «Села», «Халом» и др.), не являются евреями по Галахе¹⁴.

По мере увеличения массовой иммиграции число репатриантов-неевреев изменялось в следующей пропорции: в 1989 г. – из 13 тыс. репатриантов из бывшего СССР 10%: не были евреями; в 1990 г. – число репатриантов возросло до 185 тыс. человек и 6% составляли неевреи; в 1991 г. – на 148 тыс. репатриантов приходилось 12% неевреев; в 1992 г. – среди 65 тыс. репатриантов из СНГ неевреи составляли 20%; в 1993 г. – на 66 тыс. репатриантов – 23% неевреи, в 1994 г. – из 68 тыс. репатриантов – уже 33% неевреи¹⁵.

Адаптация русскоязычных иммигрантов крайне осложнена тем, что в Израиле разрешение многих юридических, социальных, культурологических и других конфликтов тесно связано с постоянными компромиссами, а подчас и непримиримой борьбой двух противоположных частей израильского общества: секулярной и религиозной. Подобные взаимоотношения религии и государства – следствие «соглашения о статаус-кво», сложившегося еще до образования Государства Израиль. Религия в Израиле не отделена от государства, поэтому неизбежно постоянное противоборство религиозных и светских ценностей, когда иудаизм, выполняя функцию государственной религии

и идеологии, влияет на государственные, политические и социальные сферы Израиля. Под юрисдикцией раввинских судов находятся проблемы личного статуса граждан (браки, разводы и др.); запрещение работы в субботу и в дни религиозных праздников в государственных учреждениях и общественных заведениях, на транспорте и т.д., а также особая сеть религиозных школ, признание и субсидирование религиозных учреждений и служб¹⁶.

Положение русскоязычных иммигрантов часто зависит не только от противоборства между религиозниками и секуляристами, но, подчас, и от противоречий внутри ортодоксального иудаизма. Среди проблем, с которыми сталкиваются репатрианты, и, в первую очередь, неевреи, прибывающие в составе смешанных семей – это проблемы национальной и религиозной самоидентификации; оформления семейно-брачных отношений; подтверждения еврейства у детей в смешанных браках.

По мнению израильских специалистов, противоречие состоит в правовой коллизии между «достаточным минимумом еврейства», необходимым для приобретения репатриантами израильского гражданства (в соответствии с поправкой к Закону о возвращении), и «необходимым максимумом еврейства», достаточным для беспрепятственного участия того же лица во всех известных «актах гражданского состояния»¹⁷.

Специфическая черта получения израильского гражданства, помимо права рождения, – это иммиграция. В соответствии с Законом о возвращении, каждый иммигрант становится гражданином Израиля по возвращении в страну, со дня начала иммиграции. Гражданство «по возвращении» предоставляется автоматически без помощи какого-либо гаранта. Лицо, не желающее получить гражданство «по возвращении» обязано указать об этом в декларации отказа¹⁸. Получение гражданства сопровождается также получением всех денежных пособий, льгот на жилье, трудоустройство, медицинское обслуживание, учебу и т.д. По мере увеличения числа неевреев среди русскоязычных репатриантов в составе смешанных семей, в Израиле все громче стали раздаваться требования, в первую очередь под давлением со стороны ортодоксальных и ультраортодоксальных кругов, об ограничении иммиграции из стран СНГ.

В конце 90-х годов развернулась яростная кампания против иммигрантов из стран СНГ. С резкой критикой в адрес репатриантов выступил первый заместитель мэра Иерусалима, лидер партии «Еврейство Торы», раввин-ультраортодокс Хаим Миллер, призвав в ноябре 1998 г. в интервью в газете «Иерушалаим» «выселить всех "русских" из Иерусалима и прекратить алию из бывшего СССР». По его мнению, «большая часть приезжающих из России не имеет никакого отношения к еврейству и принесла лишь одни беды Израилю, ...они чужды еврейским традициям ...и угрожают разрушить нашу страну».

Аналогичную позицию занял духовный лидер партии Шас ультраортодоксальный раввин Овадья Йосеф, резко заявивший в 1999 г., что «русские» привозят гоев, ...новые репатрианты заинтересованы в контроле над Министерством внутренних дел*, так как именно в нем выясняют «кто – гой, а кто – нет...»; он призвал «к сохранению еврейского характера государства»¹⁹.

Проблема нееврейской иммиграции оказывается в центре внимания израильского общества. Под давлением ультраортодоксов все активнее раздаются голоса против иммиграции из стран СНГ. В апреле 2000 г. активисты малочисленного Движения за сохранение еврейского характера государства Израиль провели демонстрацию против «импорта неевреев», якобы практикуемого при содействии Бюро по связям с евреями СССР/СНГ («Натив»). По мнению демонстрантов, «Натив» с ведома правительства занимается ввозом в Израиль сотен тысяч человек из бывшего СССР, не имеющих отношения к еврейству²⁰.

В конце 90-х годов в связи с ростом числа неевреев в русскоязычной иммиграции на повестку дня встал вопрос об изменении Закона о возвращении. По результатам опроса об-

---

* До 1994 г. данные о репатриантах, в том числе их вероисповедание, регистрировались в аэропорту имени Бен-Гуриона на основании документов, полученных в израильском консульстве в стране исхода. В 1995 г. процедура была изменена: репатрианты должны являться в окружное бюро регистрации населения Министерства внутренних дел, где предъявляют документы, выданные консульством.

публичного мнения, проведенного в Израиле в 1997 г. Институтом Смита по заказу ВСО, идею ужесточения Закона о возвращении поддержали 72 % ультраортодоксов; 52% граждан, прибывших в Израиль после 1948 г.; 50% молодежи в возрасте от 19 до 29 лет; 50% уроженцев страны и выходцев из восточных общин²¹.

Проблема изменения Закона о возвращении вызвала широкую полемику в парламентских кругах страны. Представитель партии Яадут ха-Тора раввин Авраам Равиц в 1999 г. внес поправку к Закону о возвращении, лишаящую внуков евреев права на репатриацию в Израиль (но, позднее, в январе 2000 г., под давлением сторонников сохранения Закона, он был вынужден снять ее с повестки дня работы Кнессета). В ходе парламентской борьбы по вопросу об изменении Закона, председатель Комиссии по алии и абсорбции в Кнессете Н.Блюменталь (Ликуд) высказалась за внесение изменений в Закон. Увеличение нееврейской иммиграции из стран СНГ, по ее мнению, грозит нанести ущерб еврейскому народу и Государству Израиль²². В ходе дебатов против подобной позиции решительно выступили глава правительства Э.Барак, председатель Кнессета А.Бург, А.Шарон и многие другие, сформировав неформальное лобби защитников Закона о возвращении. В результате 25 парламентариев подписали обращение, составленное руководимой Р.Бронфманом фракцией «Демократический выбор», с призывом сохранить неизменным этот, по их мнению, важнейший Закон с целью продолжения массовой репатриации в Израиль. Аргументируя свою позицию, председатель Кнессета А.Бург подчеркнул, что в СНГ ресурсы иммиграции практически исчерпаны – осталось менее 900 тыс. человек, имеющих право на репатриацию согласно Закону о возвращении, и попытки изменить его могут привести к резкому ухудшению отношений с еврейством Запада²³. По мнению израильских специалистов, при категоричной постановке вопроса о репатриации только галахических евреев, подавляющее большинство потенциальных иммигрантов в смешанных русскоязычных семьях, оказались бы отторгнутыми от возможной репатриации в Израиль.

Специфические проблемы репатриантов неиудейского вероисповедания

Среди многочисленных проблем русскоязычных иммигрантов, связанных с процессом адаптации и полноценной идентификацией с еврейским народом, – процедура прохождения гиюра (т.е. перехода в иудаизм).

Управление по проблемам гиюра было создано в 1995 году. В связи с наплывом иммигрантов, в 1997 г. в Израиле возросло число раввинских судов, рассматривающих просьбы о прохождении гиюра, и число ульпанов по подготовке к нему, где число учеников увеличилось с 500 до 1500 (1000 из них – выходцы из СНГ). За 1997 г. гиюр прошли 370 «русских» репатриантов²⁴.

По Закону о возвращении, человек, прошедший гиюр, признается евреем. Вместе с тем, религиозные круги постоянно настаивают на ужесточении закона о прохождении гиюра, выступают против реформистского и консервативного гиюра. Процедура ультраортодоксального гиюра крайне сложна, имеется много излишне жестких условий: посещение кандидатом занятий продолжительностью как минимум 400 часов; занятия также должны посещать его родственники (супруги), он обязан вести религиозный образ жизни; а его дети должны учиться в религиозной школе и т.д.

Реформистское и консервативное направления иудаизма стремятся облегчить гиюр: реформисты требуют на протяжении года ежедневных посещений полуторачасовых занятий по истории и философии иудаизма; семинаров по изучению еврейской традиции, обычаев, праздников и др. Перед началом учебы каждый кандидат должен предстать перед реформистским судом и объяснить, что побудило его принять иудаизм, а также подтвердить легальность своего проживания в Израиле. В случае успешного окончания курса женщины проходят церемонию ритуального омовения в микве, а мужчинам делают обрезание.

Прохождение гиюра консервативного направления аналогично реформистскому, но перед зачислением в ульпан с кандидатом беседует раввин, который посылает свои рекомендации в раввинский суд для окончательного решения. Кандидат еженедельно посещает двухчасовые занятия, раз в месяц встречаясь с препода-

вателем для обсуждения религиозных проблем, и затем предстает перед религиозным судом.

В течение 1989-1997 гг. гиюр удалось пройти всего лишь нескольким сотням человек.

Другая, не менее острая проблема нееврейской иммиграции – оформление семейно-брачных отношений. В Израиле официально запрещены не только браки евреев с неевреями, но также браки между людьми, представляющими различные направления в иудаизме. По закону 1953 г. все дела брачно-семейного характера отданы в исключительное ведение раввинских судов. Для того, чтобы подобные браки были признаны и зарегистрированы религиозными советами общин, нееврейская сторона или последователь реформированного или консервативного направления в иудаизме должны принять иудаизм в соответствии с ортодоксальным обрядом, установленным Талмудом; переход евреев в другое вероисповедание практически невозможен и суровое уголовное наказание предусматривается для лиц, содействующих такому переходу²⁵.

В настоящее время более 180 тыс. репатриантов не могут заключить законный брак на территории Израиля, поскольку в их официальных документах записано «национальность неопределена» («ло рашум»), но вместе с тем это не мешает им служить в армии, платить налоги и т.д.²⁶ Подобная ситуация вызывает серьезную озабоченность в различных слоях израильского общества. В феврале 2000 г. представители малоизвестной организации, именующей себя «Штабом репатриантов и старожилов за права человека», выступили с требованием о компенсации со стороны государства расходов гражданам, вынужденным регистрировать брак за границей.

По данным Министерства внутренних дел Израиля в 1999 г. несколько тысяч израильтян заключили браки за рубежом, не имея возможности сделать это в Израиле: речь идет как о парах, в которых оба супруга являются гражданами Израиля, так и в случаях, когда только один из супругов – израильтянин. Всего в 1999 г. за границей зарегистрировали брак около 4 тыс. человек, в том числе: 2650 – на Кипре, 270 – в США, 83 – в Румынии, 20 – в Болгарии, 19 – в Венгрии.

По данным Министерства внутренних дел, в 1999 г. граждане Израиля, регистрируя брак на территории СНГ, чаще всего выбирали Украину – 120 браков; в России – 90; в Белоруссии – 19 (хотя в данных МВД не отражено число фиктивных браков, о которых есть возможность договориться по Интернету)²⁷. В начале 2000 г. законопроект, о создании в Израиле института гражданских браков для смешанных пар, внесенный депутатом Р.Бронфманом на рассмотрение Кнессета, к сожалению, не набрал необходимого числа голосов: 19 – «за», 26 – «против».

Пытаясь найти приемлемое решение этой проблемы, министр внутренних дел Н.Щаранский обратился с открытым письмом к премьер-министру Израиля Э.Бараку, с просьбой лично оказать содействие для разрешения создавшейся ситуации, при которой часть граждан страны лишена права на создание семьи. «...Еврейское демократическое государство, – подчеркивалось в письме, – не вправе игнорировать проблемы людей, прибывших в страну в полном соответствии с Законом о возвращении, но не являющимися при этом евреями по Галахе. Подобная ситуация может привести к социальному взрыву»²⁸.

Адаптация и интеграция русскоязычных иммигрантов в Израиле – сложный и, подчас, болезненный процесс, как для иммигрантов, так и для израильского общества, состоящего из различных групп населения, каждая из которых отстаивает свою модель еврейского государства. В 90-х годах в связи с ростом числа репатриантов-неевреев наметилась тенденция негативного отношения к иммигрантам из стран СНГ, стали выдвигаться требования о пересмотре Закона о возвращении. Для дальнейшего комплексного исследования этой проблемы, требуется, на наш взгляд, двусторонняя дискуссия между Израилем и диаспорой.

---

¹ См. подробнее: Государство Израиль. Справочник. М., 1986, с. 50.

² См. *Бин-Нун, Ариэль*. Законы государства Израиль. Иерусалим, MNJ, 1993; *Gitelman, Zvi*, Becoming Israeli. N.-Y., 1982; *Cohen, Haim*. The Law of Return. – *National Quarterly* [in Hebrew], 3-4 (1972-73); Факты об Израиле. Иерусалим, Израильский центр информации, 1999, с. 108-112.

---

³ *Бин-Нун, Ариэль*. Законы Государства Израиль, с. 58, цит. по: World Zionist Organisation and Jewish Agency for Eretz Israel (Status Law). 1952, sec.1; sec.5.

⁴ *Бин-Нун, Ариэль*. Законы Государства Израиль, с. 14, 78.

⁵ *Friedlander, Dov and Goldscheider, Calvin*. The Population of Israel. N.Y. Columbia University Press, 1979, с. 29.

⁶ *Бин-Нун, Ариэль*. Законы Государства Израиль, с. 34.

⁷ *Gouldman M.D.* Israel Nationality Law. Jerusalem, 1976, с. 19.

⁸ *Бин-Нун, Ариэль*. Законы Государства Израиль, с. 14-15.

⁹ *Рамм, Рафаэль*. Чистые и нечистые репатрианты. Алеф, февраль 1996, № 622, с. 20-21.

¹⁰ The Encyclopedia of Judaism. Ed. by Geoffrey Wigoder. N.Y., 1989, с. 384.

¹¹ См.: *Shaki, Avner*. Who is a Jew according to the Law of the State of Israel? Jerusalem, 1977, 1978 [Hebrew]; *Gitelman, Zvi*. Immigration and Identity. The Resettlement and Impact of Soviet Immigrants on Israeli Politics and Society. The Susan and David Wilstein Institute of Jewish Policy Studies, 1995; *Akzin, Benjamin*. Who is a Jew? A Hard Case. – Israel Law Review. 1970, vol. 5 с. 259.

¹² *Horowitz, Tamar*. Value-Oriented Parameters in Migration Policies in the 1990s: The Israeli Experience. – International Migration. 1996, vol. 34, № 4, с. 514.

¹³ Гаарец, 05.08.1997.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Новости недели. Израиль, 15.08.1997.

¹⁶ См.: *Фишбеин М.* Религиозные традиции иудаизма. – Религиозные традиции мира. Пер. с англ. Т. I, М., 1996, с.559; *Сафронова Е.С.* Государственно-церковные отношения в Израиле. – Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998, с. 257.

¹⁷ Вести (Израиль). 05.04.2000.

¹⁸ *Бин-Нун, Ариэль*. Законы государства Израиль. с. 48.

¹⁹ Вести. 17.05.1999.

²⁰ Вести. 24.04.2000.

²¹ Вести. 18.12.1997.

²² Вести. 08.03.2000.

²³ Там же.

²⁴ Jerusalem Post. 20.11.1997.

²⁵ *Сафронова Е.С.* Государственно-церковные отношения в Израиле, с. 257.

²⁶ Вести. 02.03.2000.

²⁷ Вести. 19.03.2000.

²⁸ Вести. 07.05.2000.

III. ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ИЗРАИЛЕ

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВОЛН ИММИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ В ИЗРАИЛЕ

Йосси Тавор,

директор Израильского культурного центра в Москве*

Чем определяется уровень музыкальной культуры страны? Числом оркестров, хоров, оперных театров, камерных ансамблей? Количеством концертных площадок, их акустическими и сценическими достоинствами? Разнообразием фестивалей? А может быть мерилом является количество посетителей, активность публики, число держателей абонементов на тот или другой коллектив или концертную серию?

В Израиле любой из этих критериев может быть показательным: пять больших симфонических оркестров, четыре постоянных камерных оркестра и более десяти муниципальных, участники которых собираются на репетиции в преддверии концертных серий,

---

* Один из крупнейших в Израиле музыкальных и театральных критиков, **Йосси Тавор** родился в 1945 г. и до 1964 г. жил в г. Черновцы (Украина). Учился в консерватории в Нижнем Новгороде, выпускник Музыкальной академии в Иерусалиме (по классу скрипки). В Израиле с 1971 г. Работал обозревателем по вопросам культуры и искусства ряда газет и журналов, а также на радио «Голос Израиля», где его программы, посвященные вопросам театральной и музыкальной жизни, пользовались большой популярностью. Имеет многолетний опыт ведущего крупнейших музыкальных фестивалей страны. Выступал на многочисленных профессиональных конференциях в Израиле и в России.

две музыкальные академии, три факультета музыковедения в университетах, множество ансамблей и солистов, крупные и интересные композиторы, а самое главное – сотни концертов, сотни тысяч слушателей, множество музыкальных школ, радиостанция, 18 часов в сутки передающая только классическую музыку. Согласитесь, что это прекрасное достижение даже для европейской страны с многовековыми музыкальными традициями.

Откуда в отдаленной средиземноморской стране такое обилие, такая активность музыкальной деятельности? Музыкальная культура здесь создавалась параллельно с заселением страны. Еврейские интеллигенты, приехавшие на землю библейских предков, чтобы ее возделывать, остались тем не менее интеллигентами, и музыка была им особенно необходима в условиях языкового конгломерата, являясь для многих единственной доступной формой культуры на высоком уровне.

Волны алии, русская в начале XX в., немецкая – 30-х годов, принесли в Эрец-Исраэль не только контингент жадных до музыки слушателей, но и высокопрофессиональных музыкантов. История создания симфонического оркестра Израильской филармонии (ИФО) – самый яркий пример.

Вернемся на 65 лет назад. Бронислав Губерман, гениальный скрипач и музыкант, принятый и восхваляемый на концертных эстрадах всего мира, совершает нечто невероятное: в 1936 г. в подмандатной Палестине он создает филармонический оркестр, в состав которого входят лучшие музыканты Европы, в основном беженцы из Германии, которая до прихода к власти нацистов была, неоспоримо, страной высочайшей музыкальной культуры. И с первой же минуты оркестр был задуман как коллектив высочайшего европейского класса.

Но не только беженцы были в этом оркестре. На призыв Б.Губермана откликнулись ведущие музыканты-евреи лучших оркестров Франции, Польши, Бельгии, Нидерландов и даже США. Им тогда еще ничего не угрожало, привлекла их в оркестр дерзость поставленной задачи. Это был вызов. Вызовом было и готовность Артуро Тосканини приехать за тридевять земель и бесплатно дирижировать только что созданным оркестром. Того самого Тосканини, который отказался исполнить в Италии фашистский гимн и вместо

того, чтобы дирижировать по просьбе самого фюрера на фестивале Вагнера в Байрейте, приехал в Палестину. Вызовом был и выбор первого солиста. Им был один из благороднейших людей, скрипач Адольф Буш, немец, покинувший Германию в знак протеста против антисемитизма нацистов. И вызовом было в маленькой подмандатной Палестине планировать концертный сезон с таким колоссальным числом концертов. Поразительно – в полуторамиллионном городе (Тель-Авив с его окрестностями) сегодня можно заполнить пять раз подряд с одной и той же программой зал, вмещающий 3 тыс. человек. В нынешнее время ИФО дает более 20 концертов в месяц, и все это при переполненных залах.

В первом составе нашего Филармонического, тогда Палестинского оркестра, было 19 концертмейстеров различных европейских оркестров. Свести такое число прирожденных лидеров в один коллектив – задача невыполнимая. Тем не менее она была успешно разрешена – сыграла свою роль железная воля и бескомпромиссность Артуро Тосканини. Израильский филармонический оркестр, вобравший в себя представителей разных музыкальных школ, сумел сплотить их в единый коллектив. Может быть, в этом и заключается квинтэссенция музыкальной жизни сегодняшнего Израиля.

С этим оркестром выступают такие звезды, как Пинхас Цукерман, Джесси Норман, Раду Лупу, Любовь Казарновская, Альфред Брендель, Мстислав Ростропович, Миша Майский, Ицхак Перельман, Даниэль Баренбойм, Марта Аргерих, Максим Венгеров, Андраш Шиф, Вадим Репин – всех не перечислить...

Сегодня, после волн алии 70-х–90-х годов, в составе струнной группы ИФО очень высокий процент воспитанников русской скрипичной школы. Технический блеск, виртуозность и особый теплый звук, присущие восточноевропейским струнникам, стали отличительным знаком ИФО и отмечаются всеми дирижерами, выступающими с этим коллективом, а среди них такие мастера, как Лорин Маазель, Курт Мазур, Вольфганг Завалиш, Антонио Папано, Джузеппе Синополи и многие другие. И не забудем бессменного руководителя ИФО с 1968 г. – Зубина Мету.

Филармонический оркестр – это кооператив музыкантов. Такая форма самоуправления вполне соответствовала социальным

идеалам ишува и доказала свою жизнеспособность и в наши дни. Кооператив, бюджет которого субсидирован менее, чем любого крупного оркестра в мире, зависит в большой мере от продажи билетов. Отсюда и известная консервативность программ: много классики и романтики, меньше современной музыки. ИФО не раз упрекали в пренебрежении израильской музыкой. Но это не так. Один только список премьер произведений израильских композиторов, исполненных ИФО, занимает две страницы убористого текста. Причем многие сочинения были написаны по заказу оркестра.

Репертуарная концепция ИФО всегда была связана с личностью главного дирижера. Во времена знаменитого французского маэстро Поля Паре, первого музыкального руководителя ИФО, главенствующее место принадлежало, естественно, французской музыке. С тех пор Равель и Берлиоз постоянно присутствуют в программах этого коллектива. Однако с приходом Зубина Меты, воспитанника венской школы, ученика Ганса Сваровского, все большее место в репертуаре стали занимать Брукнер и в особенности Малер. Малера дирижируют все: Мета, Мазель, Аббадо, Раттл, Синополи. Но самые яркие воспоминания сохранились у нашей публики от малеровской музыки под управлением незабвенного Леонарда Бернштейна.

С именем Бернштейна связаны целые периоды истории ИФО. Молодым талантливым дирижером он начинал свой путь с этим оркестром, выступая с ним в самых отдаленных и не всегда безопасных местах. Вспомним хотя бы концерт в Беэр-Шеве в 1948 г., через несколько дней после освобождения города. Многие оркестранты отказались тогда ехать в Беэр-Шеву, вокруг которой бродили египетские десантники. Бернштейн дирижировал и знаменитым концертом на горе Скопус в Иерусалиме в день провозглашения независимости Израиля в 1948 г. Он выступал в Израиле почти каждый год, нередко дирижируя оркестром во время зарубежных гастролей.

ИФО много ездит за рубеж, каждый год по два-три раза. Крупнейшие фестивали западного мира, чуть ли не все столицы Европы, обеих Америк, Австралия, Япония... Во всем мире ИФО пользуется колоссальной популярностью. Его репутация, как, впрочем, и репутация его главного дирижера Зубина Меты, очень высока. Оркестру и его главному дирижеру (кстати, они ровесники, оба роди-

лись в 1936 г.) приходится выдерживать серьезную конкуренцию со стороны куда более высокооплачиваемых европейских и американских коллективов. Времена, когда одно лишь слово «Израиль» вызывало энтузиазм публики, миновали. Единственный критерий успеха – качество игры. Музыкантам ИФО сегодня не приходится решать непосильную, казалось бы, задачу – создание ансамбля на пустом месте, но теперь перед ними не менее серьезная опасность – угроза рутины. Согласитесь, что играть более 200 концертов в год так, чтобы публика не заметила усталости оркестра, – чрезвычайно трудно. Кроме того, к оркестру со столь высокой репутацией предъявляются столь же высокие требования, а израильские музыкальные критики нередко оказываются куда более строгими, чем их зарубежные коллеги. От ИФО постоянно требуют самых высоких исполнительских стандартов, самых интересных программ, самых ярких интерпретаций. И оркестр чаще всего отвечает этим требованиям. При всех взлетах – и, не побоимся сказать, неудачах, – ИФО остается визитной карточкой страны и одним из самых ярких явлений ее современной исполнительской культуры.

Прежде чем продолжить рассказ о других музыкальных коллективах Израиля, необходимо вернуться назад, сделать отступление общего характера и спросить себя: музыкальный Израиль – Европа ли это?

После второй мировой войны и провозглашения независимого Государства Израиль в страну приехали уцелевшие после катастрофы румынские и венгерские евреи с их весьма своеобразной музыкальной школой, и им предстояло сказать свое слово. Но не только Европа, Западная и Восточная, определила музыкальное лицо страны. Америка с ее высокой исполнительской культурой также сыграла свою роль в создании музыкальной культуры Израиля. В особенности американское влияние сказалось на исполнительском искусстве. Основная масса израильских солистов совершенствовалась свое мастерство в американских музыкальных академиях.

Говоря о становлении израильской музыки, невозможно обойти восточное влияние. В начале 30-х годов мелодии евреев – выходцев из Йемена очаровали нового репатрианта из Германии Пауля Франкенбургера. Этот молодой блестящий пианист и компо-

зитор, ученик Хиндемита, впервые посетил Эрец-Исраэль в 1933 г. с концертами. Тогда он и поменял свою труднопроизносимую здесь фамилию на Бен-Хаим (по имени отца: Генрих – Хаим). Вернувшись в Германию, Пауль обнаружил на своем столе приглашение на собрание музыкантов Мюнхена. Внизу было напечатано: «Евреям вход запрещен» и приписка от руки: «Просьба прийти, несмотря на напечатанное». Молодой музыкант даже не распаковал чемоданы и некоторое время спустя снова приехал в Эрец-Исраэль, на этот раз – навсегда. Пауль Бен-Хаим стал основоположником «средиземноморского стиля», сочетавшего в себе элементы восточного, в основном йеменского фольклора, с западными музыкальными формами. Средиземноморский стиль стал главенствующим в 50-е годы. Его заметными представителями были Александр-Урия Боскович и Марк Лаври.

Среди известных композиторов сегодняшнего Израила «старшие» – Йосеф Таль и Мордехай Сетер и следующее поколение – Андре Хайду, Ами Мааяни, Ноам Шериф, Цви Авни, пользующиеся всем набором современной композиторской техники вплоть до электронной музыки. Каждый из них – несомненная индивидуальность. И, тем не менее, есть нечто общее, что объединяет этих композиторов. И не только их, но и выходцев из бывшего СССР, приехавших в разное время – Марка Копитмана, Иосифа Дорфмана, Йосефа Барданашвили, Биньямина Юсупова, уроженцев Румынии Габриэля Ираньи и Владимира Школьника, «чилийца» Леона Шидловского, «чеха» Яакова Гильбоа, совсем молодых уроженцев страны, таких, как Оded Зехави (ученик Андре Хайду), Нами Лиф, Ари Бен-Шабтай, Хаим Пермонт (все они ученики Марка Копитмана), Гиль Шохат, совершенствовавшийся у Лючиано Берлио. Несмотря на смешение различных стилей и культур есть нечто большее, нежели еврейское происхождение или израильское гражданство, что позволяет говорить о творчестве наших композиторов в аспекте понятия «израильская композиторская школа». Это выражается в необходимости обращения к еврейской субстанции — будь то библейский текст, каббалистическая тайна, хасидский наигрыш, йеменский напев или ритм. Трудно найти израильского композитора, которого бы не вдохновили поэтические тексты Книги Книг.

Что значит быть еврейским композитором? На этот вопрос нет однозначного ответа. Для некоторых понятие «еврейский» означает главным образом обращение к идишскому, в особенности хасидскому фольклору. Влияние этой чрезвычайно эмоциональной и яркой народной музыки испытали на себе не только швейцарский еврей Эрнест Блох и уже упоминавшийся воспитанник парижской школы Андре Хайду, но и крупнейший русский композитор современности Дмитрий Шостакович. В то время как Пауля Бен-Хаима пленила экзотика Востока, Йосеф Таль, кажется, свободен от каких бы то ни было фольклорных тенденций. Цви Авни построил свое произведение для струнного оркестра «Молитва» на звуковом эффекте, столь характерном для синагоги: читая молитву, евреи произносят одни и те же слова приблизительно в одно и то же время, и, тем не менее, каждый молится в чуть разном ритме. Тем же путем, но придя в итоге к совершенно иным результатам, шел воспитанник московской школы, один из признанных мэтров израильской музыки, Марк Копитман. Его «Голос воспоминаний» для симфонического оркестра – одно из блестящих сочинений, принесшее композитору мировую славу и приз Кусевицкого, – сочетает в себе интонации восточноевропейского еврейского фольклора с йеменским любовным напевом, данным в его подлинном виде. Голос йеменской народной певицы Гилы Башари в сочетании с авангардистской техникой композиторского письма для большого симфонического оркестра производит сильнейшее впечатление. Любопытная деталь: неожиданным образом обнаружилось сходство интонаций восточноевропейской и йеменской мелодий. Пожалуй, это можно назвать символичным. Может быть, корни этого явления следует искать в общности молитвенных напевов евреев Восточной Европы и Арабского Востока. Кстати, именно сочинение Марка Копитмана «Голос воспоминаний» открывало концерты Израильского филармонического оркестра во время незабываемого турне в Москву, Ленинград и Ригу в марте-апреле 1990 г.

Однако вернемся к нашим оркестрам. Наряду с ИФО существует в Израиле и еще один симфонический коллектив, ровесник оркестра Филармонии, хоть и не столь знаменитый. Это Иерусалимский оркестр радио и телевидения (ИОРТ). Он был создан в 1936 г.

как ансамбль при радиостанции «Голос Иерусалима». Тогда, в первые годы своего существования, он занимался исключительно «прикладной деятельностью», сопровождая хоры, играя марши, исполнял легкую классику...

Шли годы. Оркестр расширялся за счет алии – вначале из Румынии и Польши. Тогда, в 50-е годы, ансамбль становится небольшим симфоническим оркестром. Именно в то время с ним выступил знаменитый Отто Клемперер. В 60-е годы ИОРТ возглавил молодой репатриант из Румынии Менди Родан. Необходимость заниматься ежедневным обслуживанием потребностей радиостанции, исполняя музыку всех жанров и не всегда самую лучшую, отсутствие амбиций и, конечно же, малый состав оркестра не позволяли даже думать о какой-либо конкуренции с ИФО. Положение изменилось в начале 70-х годов, когда началась алия из бывшего Советского Союза. В 1974 г. это был уже большой симфонический оркестр. Русский язык был в нем почти официальным – на нем говорили около 40% оркестрантов. Среди них были отличные музыканты из московских, ленинградских, вильнюсских оркестров.

Иерусалимский оркестр, будучи единственным государственным оркестром Израиля, не завися в финансовом отношении от продажи билетов, мог позволить себе исполнение большого количества современной музыки, в первую очередь израильской. Руководству этого оркестра принадлежала также идея так называемых музыкальных марафонов, когда с пяти вечера и до полуночи звучала музыка, объединенная одной темой, например: Вена и Малер, Чайковский и русская музыка, или фестиваль популярных сочинений «От Монтеверди до Стравинского». К этому времени было закончено строительство первой очереди Иерусалимского театра, и его зал на тысячу мест всегда был переполнен. Все это вместе – новые идеи, амбиции музыкантов высокого класса, пополнивших состав оркестра, большой концертный зал и – что не менее важно – возросшее население Иерусалима – привело к качественному изменению оркестра радио и превратило его в коллектив высокого профессионального уровня, способный бороться за публику с Филармоническим оркестром. Растет число выступлений с Иерусалимским оркестром известных музыкантов (кстати, именно в это время оркестр

радио прибавляет к своему названию слово «Иерусалимский»). Он получает и собственный концертный зал, который больше соответствует его нуждам. Значительно увеличивается число владельцев абонементов на его концертные серии.

Итак, снова волна алии создала новую реальность. Оркестр, который не мог и мечтать о конкуренции с Филармоническим прежде всего из-за малого состава, внезапно расширился до полного симфонического и заявил о себе всерьез. Расширение Иерусалимского оркестра было вызвано острой необходимостью в трудоустройстве высококлассных профессионалов. Оркестр же в новом качестве привел в концертный зал и новую публику. История в общем характерная для Израиля, не только в музыке, но в любой области израильской культуры. Да и не только культуры.

Растущий оркестр столкнулся со специфической трудностью: не просто было найти музыкантов-исполнителей высокого класса на духовых инструментах. Их поиски шли в основном на самом большом в мире рынке – американском. Многие молодые американские евреи, приехав в Израиль на год или два, остались в стране.

О Иерусалимском симфоническом оркестре, в частности, и израильской музыкальной культуре вообще нельзя говорить без упоминания имени Гарри Бертини, дирижера, занимавшего пост руководителя этого коллектива с 1979 г. Уроженец Буковины, приехавший в Израиль в конце 40-х годов, воспитанник Парижской и Миланской консерваторий, Гарри Бертини был создателем двух музыкальных коллективов: Израильского камерного ансамбля (ныне Камерного оркестра) и Национального хора «Ринат». Он был приглашен на пост музыкального руководителя Иерусалимского симфонического оркестра в зените славы: присвоение Государственной премии Израиля и большой успех на европейской сцене.

Эпоха Гарри Бертини знаменовала собой новый скачок в уровне оркестра. Поклонник французской музыки, вообще, и Берлиоза, в частности, он поставил своей задачей привить оркестру легкий французский звук. В первые годы его работы оркестр особенно много играл Берлиоза, Дебюсси и Равеля. Другая, очень важная сторона его деятельности – израильская музыка. Немалое число новых сочинений Йосефа Таля, Цви Авни, Мордехая Сетера, Марка

Копитмана и других композиторов было написано по специальному заказу Гарри Бертини и впервые прозвучало под его управлением. Он был первым руководителем фестиваля «Гестемониум», посвященного отражению в музыке различных аспектов еврейской истории, в особенности ее библейской эпохи. Гарри Бертини принадлежит и идея фестиваля «Литургика», проводящегося ежегодно в столице Израиля в период Хануки и Рождества. В эти дни Иерусалим переполнен паломниками со всех концов мира, и фестиваль, в котором исполняются оратории на библейские темы Генделя, Моцарта, Мендельсона, реквиемы Верди, Берлиоза, Брамса, Моцарта, Дворжака, привлекает массу слушателей.

В последние годы Иерусалимский оркестр много выезжает за границу, приобретая широкую популярность и в Израиле, и за рубежом. Среди дирижеров, постоянно выступающих с Иерусалимским симфоническим оркестром, самая заметная фигура – Юрий Аранович. Он был связан с этим оркестром сразу же после своей репатриации в Израиль в 1971 г. Потом на 10 лет его связь с оркестром прервалась. Аранович вернулся к сотрудничеству с этим коллективом, уже будучи главным дирижером Кельнского и Стокгольмского оркестров. Ему принадлежит честь первого исполнения в Израиле шестой симфонии еврейского композитора Моисея Вайнберга. Аранович, который дирижировал ИФО, исполняя Чайковского, Листа Стравинского, и Иерусалимским оркестром, дирижуя Берлиозом, Бетховеном, Брукнером, Франком, Дворжаком, Шостаковича и многими другими произведениям, во всех симфонических оркестрах страны, тем не менее придает исполнению симфонии Вайнберга особое значение.

Иерусалимский оркестр является и оркестром радио, в его обязанности входит обогащение фонотеки как записями новой музыки, так и выступлениями дебютантов – солистов и дирижеров.

Но вернемся к началу 70-х годов, к тому времени, когда большая алия из СССР дала толчок взлету Иерусалимского оркестра. Эта же алия явилась причиной создания в 1973 г. безр-шевского оркестра, известного сегодня под названием «Израильская Симфонietta – Безр-Шева». Едва ли столица Негева – Безр-Шева – испытывала в то время серьезную потребность в своем оркестре. Но такова была реальность – людям нужно было место работы. Сегодня

беэр-шевская «Симфониетта» повторяет одну программу до шести раз только в своем городе, не считая концертов в Иерусалиме, Тель-Авиве, Ашкелоне, Реховоте и других городах, kibбуцах и мошавах.

Оркестр из 35 музыкантов в состоянии исполнить весьма обширный репертуар. Такой компактный коллектив легко вывозить за границу, и в последние годы «Симфониетта» выезжает за рубеж дважды в год, а то и чаще. Своим успехом беэр-шевцы обязаны прежде всего уже упомянутому выше дирижеру Менди Родану, занимавшему пост руководителя этого коллектива с 1977 по 1987 г. С его приходом маленький оркестр расширился и из чисто «олимовского» стал еще одним полноценным израильским коллективом. Давно уже нет нужды прибегать к русскому языку во время репетиций, никто уже не делает скидок на «молодость». С оркестром не раз выступали такие прославленные музыканты, как Поль Тортилье, Жан-Пьер Рампаль, Нина Бейлина, Бэлла Давидович и др. Благодаря тщательной репетиционной работе и высокой игровой дисциплине «Симфониетта» отличается стабильным уровнем исполнения. Беер-Шевский оркестр стал пионером и в приглашении музыкантов из бывшего СССР не только в качестве гастролеров – его нынешний музыкальный консультант и фактический руководитель дирижер Эри Клаас, гражданин Эстонии, завоевавший престижное имя на европейских концертных подмостках. Генеральный директор этого оркестра Миша Гросс репатрировался в Израиль в 70-е годы из Кишинева.

Когда в 1976 г. Израильский камерный ансамбль после ухода его создателя и главного дирижера Гарри Бертини возглавил новый репатриант из Москвы Рудольф Баршай, его развитие пошло по пути жесткой дисциплины. Баршай резко увеличил состав в основном за счет репатриантов из бывшего СССР, и после огромного числа репетиций представил израильской публике отшлифованный до блеска ансамбль. Многие критики поспешили предсказать блестящее будущее Израильскому камерному оркестру (Баршай поменял и название коллектива). Но оказалось, что муштра не может заменить подлинного энтузиазма, а отсутствие музыкальных идей нельзя восполнить даже великолепным звучанием. Репатрианты из СССР не захотели работать по системе изнурительных и зачастую лишних репетиций. Первоначальный восторг критики сменился недоумением, а затем и

явным отсутствием интереса. Равнодушие и усталость, сквозившие в игре музыкантов, недовольство самого Баршая привели к тому, что даже самые верные поклонники Камерного начали оставлять его. С Баршаем не продлевают контракт, и он уезжает за границу.

Думается, что здесь сыграл роль важнейший фактор нашей творческой жизни: успех зависит от нашего умения воспринять новые идеи, новый стиль, новую систему отношений, короче, атрибуты творческой жизни в свободном мире. Рудольф Баршай, выдающийся знаток струнных инструментов и феноменальный педагог-репетитор, в Москве диктовал вкусы публике. Его система взглядов на барочный и классический репертуар, а именно эти произведения составляют основу программ камерного оркестра, оказались сильно устаревшими. Баршай не сумел и не захотел понять это. К счастью, это не свойственно основной массе музыкантов из СССР. Большинство из них готовы принять, осознать и развивать новые идеи и течения, которые они наблюдают на Западе.

Тем не менее, основы ансамблевой игры, заложенные Баршаем, принесли плоды – именно они позволили Камерному оркестру сохранить достойный профессиональный уровень, несмотря на пеструю смену руководителей. После Баршая во главе Камерного оркестра стояли израильские дирижеры Ури Сегаль и Йоав Тальми, знаменитый израильский скрипач и дирижер Шломо Минц, французский пианист и дирижер Филипп Антремон и сейчас испанский дирижер Сальвадор Мас-Конде.

Еще один симфонический коллектив страны – Хайфский оркестр – был создан в начале 50-х годов, после большой алии из Румынии. В Хайфе, где живет очень много выходцев из Германии, была потребность в оркестре, специализирующемся на популярной симфонической классике. У Хайфского оркестра всегда была верная, хотя и не слишком взыскательная аудитория. Целый ряд серьезных музыкантов сменяли один другого на посту главного дирижера (репатрианты из СССР Шмуэль Фридман и Камилла Кольчинская, сабры Лиор Шамбадал и Ноам Шериф, швейцарец Урс Шнайдер) и уходили, так как оркестр не отвечал их требованиям. Необходим был дирижер, у которого хватит энтузиазма и веры в творческий потенциал своих оркестрантов, чтобы сделать из 60 хороших

музыкантов по-настоящему профессиональный коллектив. Им стал выпускник Джульярдской музыкальной школы Стенли Спербер. Известный в Израиле как хоровой дирижер, Спербер пришел в Хайфский оркестр после многих лет успешных выступлений со всеми оркестрами страны. Составляя программы концертного сезона, он учел большую популярность хоровой музыки. Так, в репертуаре оркестра появились крупные вокально-симфонические сочинения – «Немецкий реквием» Брамса и оратории Мендельсона. Оркестр впервые полностью распродал абонементы. Музыканты почувствовали свою силу, и сегодня можно говорить, что наконец и на севере страны есть хороший симфонический оркестр!

Помимо главных дирижеров с оркестрами, разумеется, выступают гастролеры. Самые знаменитые приезжают, конечно, в Филармонический оркестр. В прошлом существовала ситуация, когда Филармония ревниво охраняла «своих» солистов и дирижеров от выступлений с другими оркестрами, хотя такие крупные музыканты, как Генрик Шеринг, Ида Гендель, Мстислав Ростропович, Исаак Стерн и даже великий Артур Рубинштейн сотрудничали и с Иерусалимским оркестром, и с «Симфониеттой», и с Камерным оркестром. Сегодня положение изменилось. С ростом профессионального уровня всех оркестров и расширением их числа (об этом речь ниже), все чаще мы встречаем имена тех же ведущих солистов и дирижеров в разных коллективах.

Вряд ли вы найдете имя большого дирижера или солиста, не выступавшего в то или иное время в Израиле. Лишь двоим была закрыта дорога в нашу страну – дирижеру Герберту фон Караяну и певице Элизабет Шварцкопф: Израиль не простил им нацистского прошлого. И если уже о тенях нацизма зашла речь, то невозможно не затронуть огромную, фактически необъятную тему общественного табу на публичное исполнение музыки Рихарда Вагнера. Инициатором этого «отлучения от Израиля» был оркестр Филармонии, тогда еще Палестинской. Вернувшись из Германии в 1938 г. после погромов «Хрустальной ночи», его отец-основатель Бронислав Губерман заявил, что «этих двух Рихардов играть больше не будем». Речь шла о Рихарде Вагнере, музыка которого официально была признана истинным выражением великого духа «Третьего Рейха», и

Рихарда Штрауса, занимавшем незадолго до этих событий пост президента Имперской музыкальной палаты. До конца 70-х годов никто не осмеливался оспаривать этот неофициальный запрет. В 1981 г. главный дирижер ИФО Зубин Мета, заслуживший к тому времени безграничные признание и любовь израильской публики, решил «вернуть» Вагнера на концертные подмостки страны (последний раз Филармонический исполнял музыку Вагнера под управлением Тосканини в 1937 г.). Разразился невероятный общественный скандал, в который вмешались, конечно же, и политики. Задетый до глубины души заявлениями некоторых депутатов Кнессета, Зубин Мета даже собирался подать в отставку, но поддался на уговоры музыкантов оркестра, которые объявили его «пожизненным главным дирижером ИФО». Следующая попытка исполнить музыку Вагнера была сделана всеобщим любимцем в Израиле, прославленным пианистом и дирижером Даниэлем Баренбоймом 10 лет спустя, в 1991 г. Выросший на глазах израильских меломанов, получивший признание на фестивале в Байрейте как один из ведущих интерпретаторов музыки Вагнера в наши дни, израильтянин Даниэль Баренбойм полагал, что ему не посмеют устроить обструкции, которую испытал на себе Мета. Однако некоторые парламентарии и другие общественные деятели оказали столь мощное давление на руководство Филармонического оркестра, что там решили и на этот раз воздержаться от публичного исполнения музыки Вагнера; Даниэль Баренбойм провел лишь открытую репетицию. Сегодня, однако, Филармонический оркестр чаще других в Израиле исполняет музыку Вагнера. Тема эта заслуживает куда более серьезного и обстоятельного подхода, выходящего далеко за рамки темы настоящей статьи.

Что же касается второго Рихарда – Штрауса, то отношение к нему и в период негласного запрета было другим. Замечу, что его имя и музыка в сознании многих не превратились в символ нацизма и не ассоциировались со страшной эпохой Катастрофы европейского еврейства. И если личность и творчество Вагнера по сегодняшний день вызывает страстные дискуссии, то неисполнение музыки Штрауса в Израиле воспринималось, мягко скажет, с недоумением. Судьба распорядилась так, что именно большая алия из СНГ конца 80-х – начала 90-х годов стала не только фактором, но и непосред-

ственным участником «реабилитации» Рихарда Штрауса в Израиле. В этот период в ходу была шутка, что если с борта самолета с новыми репатриантами спускается человек без футляра с музыкальным инструментом, то он либо певец, либо пианист или дирижер.

В разных городах страны появляются десятки новых коллективов, среди них симфонические и камерные оркестры, ансамбли и хоры. Не все они выдержали проверку временем и публикой. Но самые сильные, как и следует по эволюционному отбору, сохранились и успешно творят по сегодняшний день. Выделяется из них симфонический оркестр города Ришон-Лециона, который уже на второй-третий год своего существования явственно заявил о своей готовности и способности смело конкурировать со всеми коллегами. Израильский композитор и дирижер Ноам Шериф, возглавивший оркестр Ришон-Лециона, где по сегодняшний день русский язык является родным для 60-70% музыкантов, за короткий срок поднял этот коллектив до уровня, когда некоторые критики высказывали мнение, что вскоре этот оркестр сможет конкурировать даже с Филармоническим. И конкуренция эта проявила себя, правда в неожиданной сфере и форме: в преддверии сезона 1994/95 г/ Ноам Шериф заявил, что собирается исполнить сочинение Рихарда Штрауса «Так говорил Заратустра». К глубокому удивлению многочисленных сторонников отмены запрета никто, фактически и не сделал серьезной попытки выступить против исполнения, которое стало звездным часом и дирижера, и его оркестра. Филармоническому оркестру, который хотел во всем быть первым, пришлось уступить лавры новатора. Оркестр Ришон-Ле-Циона вписал историческую страницу в анналы израильского музыкального исполнительства. С того момента музыка Рихарда Штрауса стала неотъемлемой частью репертуара всех израильских коллективов и триумфально утвердилась на наших концертных подмостках. Однако вскоре оркестру пришлось пройти через весьма сложный период: уход Ноама Шерифа с поста руководителя, решение сделать этот оркестр постоянным коллективом Новой Израильской оперы, о которой вскоре пойдет речь, принять у себя музыкантов распавшегося тель-авивского городского симфонического оркестра – все это отразилось не лучшим образом на уровне исполнения и морали музыкантов. Критика также не же-

лала помнить о минутах величия этого коллектива и не делала ему скидок ни на молодость, ни на тяжелое положение. Новый главный дирижер, израильтянин Ашер Фиш, который уже завоевал европейское признание, предпочел уйти в отставку, нежели испытывать на себе не всегда справедливые стрелы критики. Сегодня оркестр Ришон-Ле-Циона, который возглавляет маэстро Мэнди Родан, кроме постоянного сотрудничества с Новой Израильской оперой, сохраняет за собой несколько абонементных серий, как в своем родном Ришон-Ле-Ционе, где в преддверии нового тысячелетия для него был построен великолепный современный зал с впечатляющей акустикой, так и в тель-авивском Центре сценических искусств, где дает свои спектакли нынешний безоговорочный фаворит израильской публики – Новая Израильская опера.

Вначале немного об истории оперы в Израиле. Первые попытки создания оперы были сделаны в начале 20-х годов, когда в Эрец-Исраэль приехал Мордехай Голинкин, оперный дирижер из России. В Санкт-Петербурге он был главным дирижером оперы «Народного дома», а в 1918 г. получил назначение дирижером в Мариинский театр. Но Голинкин предпочел Эрец-Исраэль, где мечтал создать национальную оперу. История Голинкина, его деятельность, переписка с многими знаменитыми оперными певцами – приглашения приехать на гастроли (в том числе с Шаляпиным, которого Голинкин хорошо знал еще по «Народному дому») заслуживают отдельного рассказа. Мы же отметим, что Голинкин, одержимый идеей популяризации оперы, ставил классические оперные спектакли на иврите. Кстати, первой была «Травиата». «Опера Эрец-Исраэлит», созданная Голинкиным, просуществовала до конца 20-х годов. В начале 30-х годов Голинкин сделал вторую попытку создания постоянного оперного театра – «Народной оперы» – «Опера амамит». Но и этот театр не смог продержаться из-за финансовых трудностей.

Следует заметить, что ни один оперный театр в мире, даже при условии полной продажи билетов и по самым дорогим ценам, не в состоянии покрыть свои расходы. Причем, чем больше и значительней театр, тем выше его расходы; поэтому самые знаменитые и посещаемые оперные театры мира, такие, как «Ковент-Гарден», «Ла Скала» или «Гранд-Опера», существуют за счет дотаций со стороны

государства и меценатов. В Эрец-Исраэль тех лет оперный театр казался неоправданной роскошью, и даже энтузиазм Голинкина не был в состоянии обеспечить необходимые средства.

В 1947 г. в Израиле была создана Национальная опера во главе с Эдис де Филипп. Этот театр никогда не имел достаточно средств для нормального творчества. Приходилось ставить спектакли с малым составом оркестра, экономить на декорациях, костюмах, а самое главное – на зарплате певцов. При таких обстоятельствах можно лишь удивляться, что театр просуществовал до 1982 г. Более того, там ставились такие сложные спектакли, как «Отелло», «Риголетто» или «Тоска». В качестве курьеза отметим, что в этой опере начинал свой путь прославленный тенор Пласидо Доминго, который пел здесь три сезона. Театр держался благодаря постоянному притоку новых репатриантов из разных стран. Вновь прибывшие певцы были рады возможности выступить на оперной сцене и на первых порах мирились с низким заработком. Эдис де Филипп не позволяла «своим» певцам выступать за стенами оперы, так что немало хороших певцов оставили из-за этого израильскую Национальную оперу и, не имея других профессиональных возможностей, уехали за границу.

Но вряд ли выступления певцов «на стороне» решили бы кардинальные проблемы израильской оперы: слишком велик был разрыв между требованиями, которые предъявляются к современному оперному театру, и скромным, мягко говоря, бюджетом нашей Национальной оперы. Тем не менее благодаря самой деятельности нашего оперного театра несколько поколений израильтян познакомились с оперным искусством. К тому же многие выходцы из Германии, Чехословакии, Румынии, а в конце концов и из бывшего СССР, привыкшие к опере в своих странах, приходили на оперные спектакли, несмотря на их не столь уж высокий уровень.

И все же в стране столь блестящего Филармонического оркестра трудно довольствоваться посредственным оперным театром; время от времени в нем появлялись хорошие певцы, главным образом новые репатрианты: Миша Райцин, Иссер Бушкин, Робин Вайзель-Капсудо, Стелла Ричмонд и другие, но это не спасало положения.

Со смертью Эдис де Филипп умер и театр. Последние годы его существования сопровождалась бурной общественной дискуссией о правомочности в Израиле полупровинциального оперного театра. Вопрос о том, нужна ли Израилю опера, не стоял – всем было ясно, что страна нуждается в своей опере. Но в состоянии ли существующий театр подняться на необходимый уровень, даже если получит солидную субсидию? Вывод комиссии специалистов был однозначен – нет! С другой стороны, на создание нового оперного театра, действующего по системе больших репертуарных опер мира, средств не оказалось. Решение подсказала практика Филармонического и Иерусалимского оркестров, которые задолго до закрытия оперного театра ставили время от времени оперные спектакли, приглашая иногда певцов со всего мира. В этих спектаклях участвовали Леонтин Прайс, Лючиано Паваротти, Пласидо Доминго. Прекрасные израильские солисты, работающие в Европе, были счастливы возможности выступить дома с такими оркестрами высокого класса. Тамар Рахум, Сильвия Гринберг, Мена Меклер, Захава Галь, Миша Райцин – такой состав не посрамил бы любой солидный оперный театр в Европе. К сожалению, еще нет возможности держать таких певцов в Израиле целый сезон. Но можно приглашать их на отдельные постановки.

Уважающий себя оперный театр нуждается и в постоянном большом оркестре, но если перейти на систему отдельных постановок, то можно воспользоваться услугами существующих оркестров. К этому единственно разумному решению пришли не сразу. В течение трех лет делались попытки создать постоянно действующую труппу. Министерство культуры и меценаты собрали солидную сумму, которой тем не менее не хватало. Была сделана одна из распространенных ошибок – пригласили специалистов из-за рубежа. Дирижер Бостонского оперного театра Сарра Колдуэлл в течение года наезжала в Израиль, отбирая музыкантов и певцов. При всем уважении к ее опыту и организаторским талантам задача оказалась ей не по плечу: для этого нужен был человек, знающий местные условия, постоянно находящийся в Израиле и, разумеется, крупный музыкант. И такие были в Израиле. В первую очередь, Гарри Бертини, в то время – главный дирижер Иерусалимского симфонического

оркестра. Именно Гарри Бертини осуществил в Иерусалиме отличные постановки «Севильского цирюльника», «Риголетто», «Тоски» и, пожалуй, самого интересного на то время спектакля – оперы Игоря Стравинского «Похождения повесы». Филармонический оркестр в этот период увеличивает число оперных постановок, приглашая ведущих оперных солистов мира. Камерный оркестр также не остается в стороне, включившись в оперную деятельность. И тогда возникла мысль сделать Камерный базовым оркестром Новой Израильской оперы.

Вторым партнером новой оперной компании стал тель-авивский Камерный театр, предоставивший свое помещение и декорации. Первая сценическая постановка – «Дидона и Эней» Генри Перселла – прошла с несомненным успехом. Большое впечатление произвели костюмы и декорации, выполненные по эскизам израильского художника Давида Шарира. И вообще, эту постановку отличало то, что она была создана полностью израильскими силами. На следующую постановку, «Свадьбу Фигаро», руководство оперы пригласило двух иностранных певцов, давая понять, что решающим критерием при отборе певцов является профессиональный уровень. Успех превзошел все ожидания. Билеты на запланированные спектакли были распроданы на полгода вперед.

В это время в нашу страну приехал на гастроли оперный театр из Варшавы. Он привез оперу «Манекены» на текст польского писателя-еврея Бруно Шульца. Режиссером этого спектакля был Марек Гжешинский. «Манекены» произвели хорошее впечатление, и он был приглашен для постановки следующего спектакля Новой Израильской оперы «Взлет и падение города Махагони» Брехта-Вайля. Дирижировал спектаклем молодой израильский музыкант Лиор Шамбадал. Залы были переполнены – еще одно доказательство того, что для успеха не обязательно прибегать к испытанному и популярному оперному репертуару. С большим успехом прошел и спектакль «Травиата» Дж.Верди, которым открылся очередной Израильский фестиваль искусств. Новая Израильская опера получила подтверждение своей жизнеспособности. Теперь она должна была завоевать право на творчество. Ей был отдан перестроенный заново театральный зал на границе между Тель-Авивом и Яффа, зал «Нога»

(«Утренняя звезда»). Маэстро Гарри Бертини, один из тех, кто мечтал много лет о создании настоящего оперного театра в Израиле, был назначен ее музыкальным руководителем. Административное управление было поручено недавнему директору Камерного театра Ури Оферу, который выбрал себе в помощницы молодую, энергичную и талантливую Ханну Муниц, нынешнего генерального директора Новой Израильской оперы, прошедшую вместе с нашим театром путь, не всегда усеянный розами.

Этому «дитяти», Новой Израильской опере, буквально с дня ее рождения предъявляли довольно высокие требования, не делая скидок на возраст. Вероятно, в нашем коллективном подсознании существовала уверенность, что у Израиля есть богатый оперный опыт – ведь слово «новая» в названии говорит о некоей преемственности (хотя в действительности это объясняется лишь тем, что право называться «Национальным» сохранилось за прежним, благополучно почившим театром). Во-вторых, и критика, и меломаны, уже успевшие к середине 80-х годов поднатореть в оперном искусстве, побывав во многих странах мира, посещая, естественно, только виднейшие оперные театры и фестивали (а кто пойдет на что-то второклассное?), сравнивали нашу молодую труппу только с лучшими представителями жанра. Замечу, что крупных разочарований за все прошедшие 15 лет не было. Это объясняется, прежде всего, тем, что уже с первых полных сценических спектаклей Новая Израильская опера нашла, так сказать, «верный тон». Хорошо осознавая, что молодая компания, не имея опыта и, что более существенно, возможностей платить высокие гонорары звездам международного класса, не может рассчитывать на вокально-музыкальный успех, ее руководители пошли по пути музыкального театра, делая упор на второе. И даже если в первые годы существования театра музыкально исполнительский уровень спектаклей был далеко не всегда удовлетворяющим, смелые режиссерские решения и впечатляющее оформление часто спасали положение, превращая почти каждый оперный спектакль в яркое, долго обсуждаемое зрелище.

Можно долго и подробно вспоминать разные спектакли, перелистывать страницы, пересказывать рецензии, но мы торопимся вперед, отмечая только вехи и поворотные моменты. Одним из та-

ких судьбоносных факторов на пути Новой израильской оперы стала массовая волна иммиграции последнего десятилетия, которая принесла неоценимую лепту в качественный скачок Новой израильской оперы именно в области вокально-инструментальной. У Новой израильской оперы появилась возможность создать свой постоянный хор из вокалистов, приехавших из СНГ, получивших там отличную школу и подготовку. Сегодня это свободно преодолевающий вокальные и языковые сложности, легкодвигающийся по сцене ансамбль, жемчужина нашего оперного театра. И если сначала еще доводилось слышать сетования того или иного хориста на то, что его, недавнего солиста российского, украинского или казахского оперного театра, не признали и не оценили, то со временем, послушав солирующих на подмостках Новой израильской оперы певцов, они приходили к истинной оценке своих возможностей. Впрочем, были и приятные сюрпризы обратного порядка, когда руководство оперы поручало некоторым участникам хора сольные партии. В свой зал пришла и своя публика, появились первые держатели абонементов (сегодня их 17 тыс. и из-за размеров зала просто нет возможности увеличить их число).

Когда спорадические постановки сменили первые серии спектаклей и распланированный сезон, симфонический оркестр Ришон-Ле-Циона присоединился к постоянным участникам Новой израильской оперы, сохранив при этом свои собственные концертные серии. Когда в 1994 г. в Тель-Авиве был построен Центр сценических искусств, то не только оперный театр, но и оркестр начал проводить там свои собственные вечера симфонической музыки. Хотя местная критика и продолжала время от времени поругивать тот или иной спектакль, зарубежные солисты и дирижеры, калибр которых заметно повышался, все чаще начали называть Новую израильскую оперу в числе наиболее профессионально крепких и интересных оперных трупп мира. Среди режиссеров, работавших в Новой израильской опере, и такие знаменитые мастера как Франко Дзефирелли, Дэвид Паунтни, братья-близнецы Кристофер и Дэйвид Олдены, Хуго де Анна и др. С Новой израильской оперой считают достойным сотрудничать многие европейские оперные театры, среди них такие знаменитые, как Мариинский (совместная постановка «Кате-

рины Измайловой»), Венская опера, Национальная немецкая опера, парижская Гранд-Опера, английская Национальная опера... Что не менее, а может и более важно, появились и свои собственные оперные режиссеры, подтвердившие израильский успех международным признанием. Это и Омри Ницан («Любовный напиток» и «Итальянка в Алжире»), и Рина Иерушалми («Гензель и Гретл» и «Электра» Рихарда Штрауса, о которой чуть ниже), и Миха Левинсон («Дон Жуан» Моцарта). Появились и свои собственные звезды, часть из них – уроженцы страны, но и немало новых репатриантов, получивших заслуженное признание: Сюзанна Порецкая, Марина Левит, Лариса Татуева, Владимир Браун.

К оперному творчеству пришли и молодые израильские композиторы, у которых, наконец-то, появился достойный партнер для исполнения их произведений на иврите. К примеру, на Израильском фестивале искусств – 2000 силами Новой израильской оперы была представлена премьера оперы молодого израильского композитора Хаима Пермонта «Сын любимый мой, Эфраим». Новая израильская опера стала во всех отношениях национальной оперой, идущей на большие и сложные постановки. Филармонический оркестр, считавший себя безраздельным владыкой израильской музыкальной жизни, поначалу не очень-то всерьез воспринимал «покушение» на свое безраздельное владычество со стороны Новой израильской оперы. Когда там пришли к истинной оценке положения, то забились тревогой, ибо часть публики начала относиться куда более критично к предлагаемым ей филармоническим программам, а некоторые даже отказались от своих абонементов, отдав предпочтение опере. Естественно, между двумя коллективами началась конкурентная борьба, хотя и весьма корректная. Публика же от подобных «баталий» лишь выигрывает. Филармонический оркестр начал приглашать знаменитых звезд вокала на свои оперные постановки в концертных версиях, на что Новая опера ответила все более смелыми, новаторскими и впечатляющими спектаклями, а в 2000 г. и целым оперным фестивалем, обещая, что это станет традицией. В реконструированном заново римском амфитеатре в Кейсарии были поставлены две грандиозные оперные постановки – «Турандот» Пуччини, привезенная с фестиваля Мачерата в Италии (режиссер Хуго

де Анна) и «Электра» Рихарда Штрауса, оригинальная постановка Новой израильской оперы, режиссер Рина Иерушалми. Кстати, отправившись сейчас на свои первые большие зарубежные гастроли на фестиваль Савонлина в Финляндии, Новая Израильская опера повезла туда две «свои» оригинальные постановки – «Электра» и «Любовный напиток» Доницетти. На нынешнем фестивале в Кейсарии специальный концерт дала легендарная Джесси Норман, на следующий, как стало уже известно, приедет Хозе Каррерас. У генерального директора Новой израильской оперы, неутомимой и творчески плодотворной Ханны Муниц, далеко идущие планы. Сейчас, имея в своем активе достаточный опыт, Новая израильская опера представляет девять спектаклей в сезон, из них четыре – оригинальные работы, специально поставленные для нее. В этом сезоне среди них были «Дон Жуан» Моцарта, «Макбет» и «Отелло» Верди, а также опера израильского композитора Гиля Шохата «Альфа и Омега».

Из всех сценических искусств в нашей стране, оперное – самое молодое. Нет в этом ничего удивительного, ибо исторически сложилось так что певцы-евреи посвящали себя канторскому пению, а женщинам по еврейской традиции вообще не пристало петь со сцены. И тем не менее, немало певцов-канторов «грешили» любовью к оперному исполнительству, а в конце XIX в. по следам эмансипации нашли дорогу на оперные подмостки и еврейские певицы, к примеру Роза Раиза, родившаяся в Белостоке под именем Раи Бирштейн. Память услужливо подсказывает и имена таких знаменитостей, как тенора Йозеф Шмит, Ян Пирс или Ричард Такер, оставивших яркий след и в оперном исполнительстве и в канторском наследии. Становление высокопрофессионального и творчески ищущего национального оперного театра послужило своеобразным катализатором для молодых вокалистов, прежде искавших себя «в странах далеких». Но певцу, кроме хорошего голоса и вокальной школы, необходимо и знание репертуара, и актерское мастерство, и чувство ансамбля – без этого трудно, ох, как трудно сегодня пробиться на оперные подмостки. Но приобрести эти навыки можно только там, на сцене. Воистину, замкнутый круг.

Чтобы разорвать его, родилась идея создания ежегодного мастер-класса для вокалистов. Так, по инициативе Новой израильской оперы и тель-авивского муниципалитета, родился Израильский институт вокального мастерства, которым с дня его основания руководит Джоан Дорнеманн, педагог и режиссер знаменитой Метрополитен-Опера в Нью-Йорке. Начиная с 1987 г., ежегодно, в августе она приезжает сюда, чтобы заниматься со своими питомцами. От курса к курсу она прослушивает десятки, сотни записей, отбирая лучших из лучших для участия в этом классе оперного мастерства. В течении месяца ее «избранники» занимаются с известнейшими в мире педагогами по вокалу, опытными оперными режиссерами и прославленными оперными звездами. Но не только. Они готовят и целый ряд оперных спектаклей, выходя с ними затем и на публику, которая с нетерпением ждет этих оперных вечеров. Ничего удивительного, здесь предоставляется возможность познакомиться, пусть даже только в полусценической версии, со многими оперными произведениями, редко ставящимися на больших сценах. К тому же, кто откажется побывать на одном из первых выступлений певцов, имена которых вскоре украсят афиши многих оперных театров мира. За примерами далеко ходить не надо: имена Анат Эфрати, Дениса Седова, Сюзанны Порецкой, Хадар Халеви, Михаль Шамир, Ларисы Татуевой и многих других, совершенствовавших свое мастерство на этих курсах, уже давно известны в оперных театрах многих стран Европы, Северной и Южной Америки. Кстати, не только начинающие, но и заслужившие признание оперные певцы не упускают возможности позаниматься здесь, подготовить свои будущие роли с опытными репетиторами и режиссерами, услышать мнение своих прославленных коллег. Кроме целой группы постоянных педагогов, здесь давали мастер-классы Джузеппе ди Стефано и Елена Образцова, четыре года подряд приезжает и Любовь Казарновская, класс которой становится на это время местом паломничества вокалистов со всего мира.

Алия 90-х послужила восхитительным допингом музыкальной жизни страны в периферийных городах. Показателен случай с оркестром Ришон-Ле-Циона, города, расположенного в 20 минутах

езды от Тель-Авива и, казалось, не нуждавшегося в своем собственном коллективе. Но вместе с большим числом музыкантов приезжала и их публика, которая нуждаясь в пище духовной, не имела возможности ездить для этого даже в расположенные неподалеку музыкальные центры. С другой стороны, мэры периферийных городов, в надежде привлечь как можно большее число новых репатриантов, также поощряли на первых порах создание различных местных музыкальных коллективов. Так возникла масса различных ансамблей – от дуэтов и трио до оркестров, насчитывающих более 40 человек, – которые собираются время от времени для исполнения отдельных программ. Участники этих ансамблей – чаще всего, преподаватели музыки, иногда – артисты постоянных оркестров. Так, например, периодически выступают камерные оркестры Рамат-Гана, Холона, Герцлии, Бат-Яма, Хадеры и многих других городов. На севере страны возник ансамбль «Солисты Галилеи», в городке Рамат-Ха-Шарон был создан женский струнный ансамбль, который имел очень большой успех и распался из-за того, что у муниципалитета не оказалось достаточно средств на содержание «своего» коллектива; в столице спонтанно был собран Фестивальный камерный оркестр. Большинство такого рода ансамблей и даже оркестров держалось и держатся по сегодняшний день, в основном, на энтузиазме музыкантов. Но были коллективы, получившие со временем и официальное признание, а это значит государственную дотацию и муниципальную поддержку. Таков, к примеру, Камерный оркестр в Ашдоде, городе, который всего лет 20 назад был типичным морским портом. Сегодня Камерный оркестр Ашдода имеет не только постоянную публику у себя дома, но и выезжает с сериями концертов в близлежащие Нес-Циону и Лод, города, которые в недалеком прошлом даже приличного концертного зала не имели. В Ашдоде осмелились пойти на создание собственной Камерной оперы, во главе которой стоит в недавнем прошлом режиссер МАЛЕГОТа Рахель Каминкер. Поставленная ею в полной сценической версии «Травиата» Верди, где принимал участие и местный оркестр, и сборный хор, стала явлением, ибо там впервые солировала молодая талантливая певица Аня Скибинская, для которой это дебют стал трамплином на подмостки Новой

Израильской оперы. В этом же спектакле пел знаменитый бас из Мариинки (кстати, израильский гражданин) Виктор Черноморцев. У Рахель Каминкер далеко идущие планы и интересные задумки с целой серией одноактных опер.

А иногда действительность предлагает решения, куда более дерзкие, нежели первоначальный замысел. В самом начале 90-х годов израильский флейтист и дирижер Авнер Бирон создал в городе Реховоте камерный оркестр, в который отобрал блестящих музыкантов, окончивших ведущие консерватории бывшего СССР. Назову для примера три имени концертмейстеров групп: скрипач Арнольд Кобилянский, альтист Михаил Кугель и виолончелист Олег Столпнер. Имена, знакомые посетителям многих фестивалей в Европе. Уже с первых концертов об оркестре этом отзывались с пиететом. И все же, спустя несколько лет, в прессу просочились слухи, что муниципалитет Реховота не сможет в дальнейшем поддерживать свой оркестр. Избранный к тому времени директором Иерусалимской музыкальной академии Авнер Бирон не стал просить милостей у «отцов города», а обратился с предложением к мэру Иерусалима принять под свое покровительство готовый первоклассный коллектив. Сегодня Камерата-Иерусалим – один из ведущих ансамблей страны, выступает и в Тель-Авиве, и в Реховоте, и в других городах страны, много и с успехом гастролирует за рубежом, в том числе и в России.

Среди постоянно действующих израильских коллективов особняком стоит Камерный оркестр киббуцов. Большинство его участников – киббуцники. За последние годы в составе этого оркестра можно встретить и немало число выходцев из СНГ. Некоторые из них преподают музыку в своих киббуцах, другие, получив солидное музыкальное образование, работают по разным специальностям: от сельского хозяйства до компьютеров. Этот оркестр регулярно собирается на репетиции в киббуце Шфаим, в центре страны. Музыканты проводят там по два-три дня, отдавая себя полностью музыке. Камерный оркестр киббуцов выезжал с концертами за границу, выступал в Европе, Южной Америке, США и Канаде. В настоящее время Камерный оркестр киббуцов ни в чем не уступает своим городским коллегам, как в уровне исполнения, так и в разнообразии репертуара, выступая не

только в разных кибуцах, где есть отличные концертные залы, но и с сериями концертов в центральных городах страны.

Чем бы ни занимался музыкант: преподавал в музыкальной школе (их называют в Израиле консерваторией), играл в большом оркестре или был концертирующим солистом, всегда остается «для души» камерная музыка. Как в XIX-м в., когда где-нибудь в Вене собирались четыре почтенных гражданина, чтобы провести вечер за чтением «с листа» очередного квартета Моцарта или Шуберта, или, как крупнейшие музыканты, солисты века, Иоахим, Эрнст, Венявский и Пьятти с удовольствием проводили время за этим занятием, так и в сегодняшнем Израиле функционирует множество камерных ансамблей – от любительского до высшего профессионального уровня. Наверное, эта форма интимного общения нескольких музыкантов позволяет им высказать негромко, но внятно вещи, для которых нет необходимости в трюбонах. Камерная музыка, в силу своей природы обращенная к небольшой аудитории, может быть, поэтому и достигает самых больших высот. Как правило, концерты камерной музыки всегда привлекают много публики.

В Израиле нет ни одного оркестра, в составе которого не действовало бы несколько камерных ансамблей. Так несколько струнных ансамблей сложились в Филармоническом оркестре, там же возник Израильский фортепьянный квартет, квинтет деревянных духовых инструментов, ансамбль духовых и ударных инструментов, Израильское фортепианное трио и др. В Иерусалимском симфоническом оркестре очень активны два квинтета деревянных духовых инструментов, квинтет медных духовых, квартет тромбонеров. Есть свой постоянный струнный квартет в оркестре Ришон-Лециона, свои ансамбли в Иерусалимской Камерате, в беер-шевской «Симфонiette» и др. За последние годы появилось несколько блестящих ансамблей, участники которых встретились во время учебы в музыкальных академиях. Так возник Иерусалимский квартет, квартет Авив, Израильский духовой ансамбль и большое число других составов. Еще одно новое явление – фортепьянные дуэты. Если раньше мы гордились только одним – Браха Эден и Александр Тамир, то на сегодняшний день именно они воспитали целое поколение мастеров дуэтного музицирования. Кстати, подобная активность вовсе

не отличает только большие города – есть фортепьянный дуэт и в Беер-Шеве – Нина Темкина и Эстер Абрамсон.

С конца 50-х годов в Европе, в особенности в Нидерландах и в Великобритании, получил развитие новый вид музицирования – исполнение старинной музыки на инструментах той эпохи. До Израиля эта волна докатилась относительно поздно – в конце 70-х годов. Пионерами нового течения оказались репатрианты из СССР. За последние годы в Израиле появились десятки исполнителей на старинных инструментах. Центром этой деятельности стал, естественно, Иерусалим. Здесь существуют постоянные ансамбли, проводятся регулярные курсы, на которых преподают ведущие музыканты Европы и Америки, а также израильские исполнители. Более того, наши клавесинисты, скрипачи и флейтисты признаны на европейских сценах. Одним из пионеров популяризации искусства игры на старинных инструментах и аутентичного исполнения музыки эпохи Барокко был в прошлом москвич, концертмейстер группы вторых скрипок Иерусалимского оркестра Даниэль Фрадкин. Энтузиазм его был столь заразителен, что нашлось немало музыкантов, которые с увлечением начали изучать приемы игры на старинных инструментах, что привело к созданию первого профессионального ансамбля под управлением Даниэля Фрадкина. В Иерусалимском музыкальном центре Мишкенот Шаананим начали проводить курсы старинной музыки, на которых преподавали ведущие музыканты этого жанра из Великобритании, Нидерландов, Германии, Франции... Показательно и другое. В течение нескольких лет эти страстные поклонники старинной музыки играли перед весьма узким кругом слушателей. Со временем число поклонников росло и сегодня в наших концертных залах проводятся несколько впечатляющих серий, в которых принимают участие самые известные в мире ансамбли старинной музыки. Давид Шемер, бывший рижанин, совершенствовавшийся в Великобритании, создал в Иерусалиме ансамбль старинной музыки, выступающий на многих европейских фестивалях.

Евреи испокон веков были прекрасными музыкантами-инструменталистами. В то же время хоровое пение, уходящее своими корнями в литургическую музыку и столь распространенное в

странах христианского мира, было чуждо евреям. С созданием государства и развитием национальной музыкальной жизни изменилось отношение и к хоровому творчеству. В 1952 г. Аарон-Цви (Гриша) Пропес, основатель конкурса арфистов и Израильского фестиваля искусств, проводит первый фестиваль хорового пения «Зимрия». (Слово *земер* на иврите означает «пение, песня, напев», *клея земер* – музыкальные инструменты; отсюда *клеизмер* – музыкант на свадьбах.) В первом фестивале принимали участие только израильские хоры, самым известным из которых был Филармонический хор. Но со временем популярность «Зимрии» настолько возросла, что она стала привлекать многие зарубежные коллективы. «Зимрия» проводится каждые два-три года и число наших хоров, принимающих участие в ней, все увеличивается. Сегодня в стране существует более 150 различных хоровых коллективов. Расскажем только о самых известных из них.

Уже названный Филармонический хор был создан при симфоническом оркестре Филармонии и вначале выступал только с этим коллективом. Затем он выделился в самостоятельный ансамбль, постоянно расширяющий свой репертуар. Это не мешает ему по-прежнему принимать участие в программах вокально-инструментальной музыки оркестра Филармонии. В 1956 г. дирижер Гарри Бертини создает хор «Ринат». Вместе с Камерным ансамблем (будущим Камерным оркестром) этот хор должен был стать основой Камерной оперы. И хотя идея оперы так и не осуществилась, оба коллектива – оркестр и хор – продолжают успешно выступать. В 1975 г. хору «Ринат» было присвоено звание «Национального хора», а год спустя его возглавил дирижер Стенли Спербер. Именно при нем «Ринат» добился самых значительных успехов, принимая участие во многих фестивалях не только в Израиле, но и в других странах, где наши хористы выступали с известными оркестрами и такими дирижерами, как Шарль Мюнш, Карло Мария Джулини, Леонард Бернстайн, Даниэль Баренбойм и др. За последние годы, с нынешней волной алии из СНГ, в Израиль приехало немало хоровиков, весьма усиливших существующие коллективы. К примеру, совершенно преобразился хор Рамат-Гана, который из любительского стал вполне профессиональным коллективом. Новые дет-

ские хоры, созданные выходцами из СНГ, стали достойными соперниками уже существующих «Анкора» и «Моран», двух молодежных хоровых коллективов, пользующихся признанием. Ну, а самым знаменитым и всеми любимым из новых хоров стал «Мусика Этерна» под управлением Ильи Плоткина, специализирующийся на русской хоровой литургии. Концерты этого хора в многочисленных иерусалимских соборах привлекают неизменно сотни слушателей. Из множества хоровых фестивалей самыми известными остаются иерусалимская «Литургика» и фестиваль в монастыре и церкви арабской деревни Абу-Гош, в 10 километрах от Иерусалима. И когда видишь десятки тысяч слушателей, заполняющих фестивальные залы, трудно поверить, что все лишь лет 30 назад в Израиле по религиозным соображениям не исполнялись великие баховские сочинения «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну». И поверьте, в это изменение отношения израильской публики к хоровой музыке вообще и христианской литургии в частности волнам алии из бывшего СССР принадлежит лепта немалая.

Скрипка всегда считалась еврейским инструментом. Израиль славится своими скрипачами: Ицхак Перельман, Пинхас Цукерман, Шмуэль Ашкенази, Мирьям Фрид, Шломо Минц, Гиль Шахам... Тем не менее рядом с этими большими талантами не было достаточного количества высокопрофессиональных скрипачей, необходимого для многочисленных израильских оркестров и ансамблей. Положение изменилось с приездом большой группы педагогов-скрипачей из СССР и, в первую очередь, профессоров Петра Бондаренко и Феликса Андриевского. Их имена в СССР ассоциировались с двумя крупнейшими скрипичными школами — Ойстраха и Янкевича. На принципах этих двух школ эти педагоги воспитали уже целое поколение молодых израильских скрипачей. Именно в классе Феликса Андриевского встретились два талантливых молодых скрипача – Изя Рашковский и Анни Шнарх. Молодые люди полюбили друг друга, поженились и, по приглашению прославленного Иехуди Менухина, услышавшего их исполнение на одном из летних курсов в Великобритании, переехали преподавать в Лондон, где оба стали профессорами Королевской академии. Однако все время мечтали создать что-то в Израиле. Такой случай представился, когда к

ним обратился житель киббуца Эйлон в Западной Галилее, директор районной музыкальной студии, Гилад Шиба. Он предложил Изе и Анни проводить ежегодно в его киббуце мастер-класс для скрипачей. К этому проекту присоединился известный израильский скрипичный мастер Амнон Вайнштейн, мастер спорта по стрельбе из лука. И так, как на иврите смычок и лук носят одно название – «кешет», родилась идея совмещать на курсе преподавание на скрипке и стрельбу из лука. Поначалу это казалось курьезом, но со временем выяснилось, что в обоих случаях задействованы те же группы мышц. Начав с такого необычного сочетания, мастер-класс «Кешет-Эйлон» за 10 лет своего существования приобрел колоссальную международную известность. Если в первом курсе принимали участие около 20 молодых скрипачей, да и те в большинстве своем ученики преподавателей мастер-класса, то на последние подавали заявки до 400 и более скрипачей из 17-20 стран мира. По словам Изи Рашковской, отобрать из них 60-70 лучших – работа нелегкая. В 95-м году в «Кешет Эйлон» впервые участвовали молодые музыканты из России. С тех пор это стало традицией, как и приезд такого видного российского педагога, профессора Московской консерватории Эдуарда Грача. Среди участников «Кешет-Эйлон» и молодые музыканты, подающие большие надежды, и такие известные скрипачи, как Дэвид Гаррет или солистка Московской филармонии Евгения Гелен.

Знаменитая американская пианистка и педагог, ныне покойная Надя Райзенберг как-то сказала: «У вас в Израиле масса замечательно талантливых детей. Ваши педагоги в состоянии великолепно подготовить их до высокого уровня, тогда мы в Америке в наших академиях наведем на них должный лоск». Вряд ли у Нади Райзенберг были бы основания сказать такую фразу сегодня, когда в музыкальные академии Израиля приезжают для совершенствования молодые музыканты из многих стран мира. Но не только в академии. Северная Галилея стала местом проведения и мастер-класса для пианистов. Своим рождением этот мастер-класс обязан педагогу Тельавивской музыкальной академии Марине Бондаренко. Своей идеей о проведении мастер-класса она «заразила» уроженца Вильнюса, выпускника Джульярдской школы в Нью-Йорке, профессора Тель-

авивской музыкальной академии Эммануэля Красовского. Первоначальная идея состояла в том, чтобы привезти в Израиль ряд известных педагогов для занятий с молодыми израильскими пианистами. Но уже с первого курса, когда сюда приехала вместе с несколькими своими учениками знаменитая английская пианистка, постоянный член жюри конкурса в Лидсе, Фанни Уотерман, мастер-курс в колледже искусств Тель-Хай стал международным. Здесь преподают такие известные пианисты, как Оксана Яблонская, Йохевет Каплински, Дмитрий Башкиров, Виктор Розенбаум, Джон О'Конор, Хоахин Сориано, Зонтрауд Шпайдель, Александр Корсантия и израильтяне Эммануэль Красовский, Яали Вагман, Виктор Деревянко и Пнина Зальцман.

Основная заслуга в поощрении молодых израильских музыкантов – предоставление им возможности, не задумываясь о материальной стороне дела, посвящать себя музыке – принадлежит Американско-израильскому культурному фонду. Созданный в 50-е годы по инициативе знаменитого американского скрипача Исаака Стерна, этот фонд финансирует посредством стипендий обучение многих сотен молодых израильских музыкантов. В конце каждого учебного года специальные комиссии, куда входят ведущие израильские музыканты-педагоги, прослушивают сотни талантливых детей, кандидатов на стипендию из фонда имени Шарета, действующего в рамках Американско-израильского культурного фонда. В течение многих лет под его эгидой ежегодно проводился национальный конкурс имени Франка Шапира. Победители этого конкурса получали немалую денежную премию, сольные концерты и выступления с симфоническим оркестром Филармонии, а также билет для поездки на один из известных международных конкурсов или для занятий в классе знаменитых зарубежных педагогов. Лет 20 назад меценат из США Морис Клермонт решил основать в Израиле стипендиальный фонд для молодых музыкантов. Он обратился с просьбой о содействии к двум ведущим израильским преподавателям фортепьяно Арье Варди и Пнине Зальцман. Те, в свою очередь, связали Клермонта с руководством Американско-израильского культурного фонда. Так был основан конкурс Мориса Клермонта, победители которого пользуются большой известностью в стране и за

рубежом. Таким же образом, по готовности того или иного мецената пожертвовать солидную сумму в фонд поощрения молодых талантов, возник целый ряд конкурсов. С конца 90-х годов все молодежные конкурсы проводятся одновременно под общим названием «Весенние состязания», когда каждый приз предназначен для музыканта на другом инструменте.

Американо-израильский культурный фонд организует концерты молодых израильских исполнителей в США, помогает в проведении многочисленных мастер-классов в Музыкальном центре Мишкенот Шаананим в Иерусалиме. Как и Американо-израильский культурный фонд, Музыкальный центр в Мишкенот Шаананим создан по инициативе Исаака Стерна. Мастер-классы и курсы всевозможного рода – весьма распространенная в мире форма обучения, но едва ли где-нибудь в другом месте существует такого рода центр, работающий круглый год. Исаак Стерн, Джузеппе ди Стефано, Джозеф Гинголд, Альберт Марков, Менахем Преслер, Клод Франк, Эмма Керкби, Джудит Нельсон... Этот список занял бы не одну страницу. Все они преподавали и преподают в Мишкенот Шаананим. Здесь на стенах висят фотографии и тех, кто проводил незабываемые занятия и концерты: Артур Рубинштейн, Пабло Казальс, Криста Людвиг, Леонард Роуз, Джина Бахауэр, Иехуди Менухин, Григорий Пятигорский, Жан-Пьер Рампал... Центр уделяет большое внимание разработке новых методов преподавания. Самые интересные курсы записываются на видеопленку и служат великолепным учебным материалом для израильских педагогов. В последнее годы в Центре появилась специальная студия для изучения восточной музыки.

Но вернемся к деятельности Американо-израильского культурного фонда. И если уж зашла речь о конкурсах, то не забудем, что в Израиле проводятся два крупнейших международных конкурса музыкантов: конкурс арфистов и конкурс пианистов имени Рубинштейна. Первый был основан по инициативе Аарона-Цви Пропеса. Конкурс арфистов проводится каждые три года в Иерусалиме, это единственный в мире постоянный конкурс арфистов. В составе жюри были известнейшие арфисты мира, в том числе Вера Дулова, профессор Московской консерватории.

Конкурс имени Рубинштейна был основан по инициативе его близкого друга Якова Быстрицкого, в прошлом директора конкурса имени Шопена в Варшаве. Артур Рубинштейн, не любивший конкурсы и не веривший в их пользу, долго возражал против этой идеи, несмотря на огромную любовь к Израилю и готовность выступать здесь в любое время. Тем не менее Быстрицкому удалось убедить великого маэстро, который впоследствии, по словам его жены Анели Рубинштейн, был удовлетворен и формой проведения конкурса и уровнем его участников. Имена победителей этого конкурса – Эммануэля Акса, Герхарда Опица, Александра Корсантии, Игоря Четueva – сегодня известны во всем мире.

Ежевечерне открывают свои двери многочисленные концертные залы во всех центральных городах. Самые большие из них – Центр сценических искусств имени Голды Меир – дом Новой Израильской оперы, Гейхаль ха-Тарбут – Манн-Аудиториум – постоянный дом оркестра Филармонии, зал имени Реканатти в Тель-Авивском музее – центр камерной музыки и постоянный зал Камерного оркестра, расположенный неподалеку от него зал Бейт-Ариэля, Дворец искусств в Ришон-Ле-Ционе, один из самых современных и впечатляющих залов страны, Иерусалимский театр, в котором одновременно действуют три концертных и один театральный зал (один из концертных залов принадлежит Иерусалимскому симфоническому оркестру). Недавно был построен в Хайфе и новый Центр Конгрессов с большим концертным залом. В Иерусалиме же находится самый большой концертный зал страны – Биньяней ха-ума (Дворец наций) на 3200 мест. Еженедельные концерты даются и в музыкальном центре Тарг, расположенном в Эйн-Кереме, одном из самых живописных районов Иерусалима.

Прекрасные концертные залы есть фактически во всех израильских городах: Беэр-Шеве, Кфар-Сабе, Кармиэле, Ашкелоне, короче – везде. Концертные залы, которыми мог бы гордиться любой город, есть и во многих кибуцах: Шфаим, Кфар-Блюм, Эйн-Хашофет, Эйн-Гев, Кфар-Менахем... В каждом из кибуцных залов проводятся и свои фестивали искусств, самый известный и популярный из которых – фестиваль камерной музыки в кибуце Кфар-Блюм.

Музыкальная жизнь Израиля чрезвычайно динамична. Многие блестящие события и открытия наверняка ждут нас в ближайшие годы.

УЧЕНЬЕ, УНИВЕРСИТЕТЫ И МАССОВАЯ ИММИГРАЦИЯ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЗРАИЛЯ

Алек Эпштейн, Нина Хеймец и Натан Патлас*,

Кафедра социологии, Центр по академическим и образовательным связям со странами СНГ и Балтии, Иерусалимский университет.

Израильская система высшего образования претерпевает в настоящее время многочисленные изменения. Во-первых, за последние 10 лет число студентов вузов более чем удвоилось, дойдя до 190 тыс. человек по сравнению с 75-80 тыс. в конце 80-х годов.

---

* **Алек Эпштейн** с отличием закончил обучение в магистратуре на кафедре социологии Иерусалимского университета. В настоящее время закончил докторскую диссертацию, а также преподает на кафедре социологии и политологии в Открытом университете в Тель-Авиве и на кафедре социологии Иерусалимского университета. Лауреат премии им. Теодора Герцля Института истории сионизма и Государства Израиль за 1999 г. Выступал на различных симпозиумах историков, политологов и социологов во всех университетах Израиля. В 1999-2000 годах работал как приглашенный лектор в ЦИиЕЦе ИСАА при МГУ им. Ломоносова.

Нина Хеймец заканчивает обучение в магистратуре на кафедре социологии и на кафедре английской лингвистики Иерусалимского университета. Занимается изучением социолингвистических аспектов самоидентификации ученых и деятелей культуры из стран СНГ в Израиле. Статьи, совместно написанные Алеком Эпштейном и Ниной Хеймец, напечатаны в журналах «Language in Society», «International Studies in Sociology of Education», «Tourism, Culture and Communication», «Language Problems and Language Planning», «Истоки», «Социология: теория и практика», были представлены на конференциях в Израиле, России и Норвегии.

Доктор медицины Натан Патлас работает директором правительственно-университетского центра по академическим и образовательным связям со странами СНГ с момента его основания. Он был инициатором

Во-вторых, диверсификация системы высшего образования Израиля повлекла за собой открытие десятков новых колледжей самого различного профиля не только в центре, но и на периферии, что приводит к тому, что высшее образование становится доступно жителям всех регионов страны (дороговизна съемного жилья в больших городах делала весьма проблематичным получение образования вдали от дома для студентов из небогатых семей), а потому новые региональные колледжи во многом сняли остроту проблемы социального неравенства в системе высшего образования. В-третьих, наблюдается движение институтов высшего образования в сторону создания междисциплинарных кафедр и учебных направлений, с одной стороны, и преподавание дисциплин, считавшихся прежде «неакадемическими» (как, например, public relations) – с другой. В-четвертых, наблюдается некоторая стагнация в крупнейших университетах (где, в отличие от колледжей, ведется не только преподавательская, но и большая научная работа), вынужденных из-за финансовых трудностей все более сокращать свои исследовательские бюджеты. При этом следует помнить, что самый молодой университет Израиля (Открытый университет) уже отпраздновал свое 25-летие, а новые университеты не создавались уже четверть века. В-пятых, происходит все большее вовлечение израильской системы высшего образования в процессы глобализации; постоянная ориентация на публикации в западных научных изданиях (прежде всего, в США и других англоязычных странах) как обязательное условие профессионального продвижения научных сотрудников и преподавателей вузов, проведение в Израиле большого числа международных научных симпозиумов, равно как и успехи израильских ученых в американских и европейских университетах позволяют говорить о том, что израильская наука находится сегодня на переднем крае развития теоретических и прикладных исследований.

данного исследования и координировал сбор анализируемых в статье анкет. Его статьи опубликованы во многих медицинских изданиях. Был редактором спецвыпуска журнала «Scientific Israel», посвященного научному сотрудничеству Израиля и стран СНГ.

Израиль – одна из немногих стран, где университеты были открыты еще до провозглашения государственного суверенитета, причем на всем протяжении своей истории они сохраняли высокую степень политической независимости от властей¹. Государство Израиль провозгласило свою политическую независимость в мае 1948 г.; к тому времени прошло уже более 20 лет как Еврейский университет в Иерусалиме (заложен в 1918 г., открыт в 1925 г.) и Технологический университет (Технион) в Хайфе (заложен в 1912 г., открыт в 1924 г.) приняли первых студентов. Кроме двух крупнейших вузов, уже существовали и Научно-исследовательский институт в Реховоте (основан в 1934 г.), которому впоследствии было присвоено имя первого президента страны, уроженца России, выдающегося химика Хаима Вейцмана (1874-1952), и Институт социально-психологических исследований в Иерусалиме (основан в 1941 г.), впоследствии названный в честь основательницы медицинской организации «Хадасса» Генриетты Сольд (1860-1945). В первое десятилетие государственной независимости были основаны Бар-Иланский (1955 г.) и Тель-Авивский (1957 г.) университеты, в 1962 г. был открыт первый университет на севере страны – в Хайфе, а в 1970 г. – на юге, в Беэр-Шеве². В 1975 г. по британской модели был основан Открытый университет Израиля, который (в отличие от других вузов страны) принимает на свои курсы всех желающих без вступительных экзаменов, считая, что способность студента успешно сдавать текущие контрольные и экзаменационные работы и является индикатором его соответствия требованиям и стандартам, предъявляемым к своим ученикам вузами страны.

В 1948 г. в Еврейском университете в Иерусалиме и в Технологическом университете в Хайфе обучалось всего 1635 студентов, что составляло чуть более четверти процента всех еврейских жителей страны и лишь около 3% возрастной когорты молодых людей традиционного студенческого возраста (21-24 года). За 50 лет это число увеличилось более чем в 100 раз: по данным за 1997 г. в стране уже было 163725 студентов, а в настоящее время – 190 тыс., что составляет более 30% соответствующей возрастной когорты; если же включить в разряд студентов также учащихся средних специальных учебных заведений, не обучающихся на получение акаде-

мической степени, то их число превышает 55%³. Указанный рост числа студентов стал результатом пяти взаимодополняющих факторов: 1) массовая иммиграция, за 50 лет приведшая к более чем восьмикратному увеличению населения страны; 2) существенное увеличение числа выпускников средних школ, успешно сдающих экзамены на аттестат зрелости, являющийся обязательным условием для поступления в подавляющее большинство высших учебных заведений страны; 3) глубокие структурные изменения рынка труда в Израиле (входящем сегодня в двадцатку самых высокоразвитых стран мира), где диплом о высшем образовании служит обязательным условием получения сколько-нибудь приличного места работы; 4) растущая мотивация молодежи из среднего и низкого статусных слоев к получению высшего образования, которое справедливо воспринимается ими как ключ к улучшению их положения в стратификационной структуре общества; 5) рост числа студентов стал следствием создания большого числа новых институтов высшего образования⁴.

Следует отметить, что не университеты, а именно колледжи и институты приняли бóльшую часть новых студентов 90-х годов. В то время как число университетов остается неизменным, количество колледжей выросло с 14 в 1990 г. до 40 в 1998 г. Многие области народного хозяйства, охватывающие практически все сферы жизни, переживают в последние годы процесс «академизации». Работа в них настоятельно требует от специалистов глубоких знаний и широкой эрудиции, а, следовательно, и высшего образования. Высшие учебные заведения и колледжи Израиля создают новые программы и новые направления обучения, чтобы как можно быстрее удовлетворить не только сегодняшние, но и завтрашние потребности израильской экономики в специалистах с соответствующим образованием. Для работы во многих технических сферах специалистам, ранее получавшим образование на непродолжительных курсах, теперь требуется гораздо более глубокие и основательные знания. Системы подготовки по целому ряду технических специальностей изменились. Во многих колледжах созданы направления обучения на степень младшего инженера по данным специальностям. Одновременно возросли и требования

как к абитуриентам при приеме в колледжи, так и к студентам в процессе обучения, при подготовке дипломных работ и проектов, при сдаче выпускных государственных экзаменов. Возникновение и развитие сферы высоких технологий (high-tech), модернизация промышленности, внедрение электроники во многие отрасли народного хозяйства привели к необходимости создания новых междисциплинарных направлений обучения — в области компьютерных наук, электроники, химии, физики, пищевой технологии, экологии, биотехнологии и во многих других областях. Заметно возрос уровень учебных заведений, готовящих работников средств массовой информации, а также художественных вузов и колледжей, дающих образование в области изобразительных искусств, дизайна и пр. Использование современных технических средств в различных творческих профессиях (кино, телевидение, театр, музыка, фотография, дизайн, реклама и пр.) привело к необходимости создания новых, современных направлений обучения (мультимедиа, компьютерный дизайн, графика и пр.).

Педагогика и медсестринское дело стали профессиями, требующими высшего образования. Улучшилась подготовка кадров в сфере туризма и гостиничного хозяйства. Различные учебные заведения предлагают разнообразные комплексные направления обучения, например, иностранные языки и туризм, изучение географии и туризм, основы менеджмента и гостиничное хозяйство, финансы и гостиничное хозяйство и др. Если раньше образование в области права было сосредоточено лишь на юридических факультетах университетов, то ныне открыты колледжи, в которых также можно изучать юриспруденцию. Подобные колледжи дают своим выпускникам широкие знания в области адвокатуры, судопроизводства и законовещения. Каждый год сотни выпускников этих колледжей получают профессию юриста. В 1982 г. в неуниверситетском секторе учились только 2027 студента; в 1985 г. — 2881, в 1995 г. — 19402, а в 1997/98 г. — 41108 человек⁵. Аналогичный процесс роста числа студентов за счет, прежде всего, роста числа учащихся колледжей наблюдается и в Западной Европе⁶ и в США. Например, в то время как с 1971 по 1992 г. число студентов всех университетов США выросло на 37% (с 6 млн. до 8,5 млн.),

число студентов колледжей – на 265% (с 1,7 млн. до 6,2 млн.)⁷. Численность студентов на степень бакалавра, обучающихся в университетах, сократился с 88% в 1986 г. до 58% в 1998 г.⁸.

Процесс «академизации» колледжей – один из основных векторов, определяющих тенденции развития высшего образования в Израиле: повышение учебных требований и увеличение продолжительности обучения (прежде всего, в педагогических колледжах, число студентов которых выросло с 1990 г. более чем вдвое и в настоящее время превышает, включая арабский сектор, 26 тыс. человек⁹) привели к согласию Государственного совета по высшему образованию на присвоение первой академической степени (бакалавра) выпускникам большинства этих колледжей. Тенденция, существующая в настоящее время, очевидна: университеты (разумеется, нигде не декларируя это) не стремятся привлечь студентов, заведомо не заинтересованных в продолжении обучения на вторую и третьи академические степени, предпочитая, чтобы такие студенты поступали в колледжи. Вместе с тем, очевидное предпочтение потенциальных работодателей диплому престижного столичного университета приводит к тому, что тысячи абитуриентов, заведомо не стремящихся к научной карьере, ежегодно поступают в Иерусалимский и Тель-Авивский университеты – просто ради того, чтобы получить диплом университетов, входящих в сотню лучших вузов мира.

Израильские университеты и колледжи (за редчайшим исключением) не проводят каких бы то ни было вступительных экзаменов. Решение о приеме абитуриента на ту или иную кафедру того или иного вуза принимается компьютером на основе оценок, полученных на государственных выпускных экзаменах на аттестат зрелости (эти оценки варьируются от «40», что означает полный провал, до «100», однако благодаря сложной системе призовых баллов за углубленное изучение тех или иных предметов могут достигать и «125») и на едином государственном вступительном экзамене – «психометрическом тесте», проверяющем объем словарного запаса абитуриента на родном языке, знание английского языка, а также уровень его логического и математического мышления. Сумма баллов за этот тест варьируется от минимума в 200 очков до максимума в 800. Хотя минимальная оценка, необходи-

мая для поступления в высшее учебное заведение – 400 баллов, для поступления на наиболее престижные факультеты (медицинский и юридический) и кафедры (психологии, управления бизнесом, электроники и программирования) требуется не ниже 675 баллов за психометрический тест при средней оценке за аттестат зрелости не ниже 95. Вместе с тем, многочисленные колледжи позволяют изучать юриспруденцию, психологию и управление бизнесом и тем, чьи оценки значительно ниже. С другой стороны, менее престижные университетские кафедры (как правило, гуманитарные, а также естественнонаучно-теоретические) стоят перед серьезной проблемой недобора студентов и готовы принять каждого, кто получил хотя бы 450 баллов за психометрический тест и полностью сдал экзамены на аттестат зрелости.

Рейтинг престижности факультетов и кафедр – достаточно стабильный; из сколько-нибудь заметных изменений последнего времени можно выделить продолжающееся увеличение конкурса на кафедре программирования при некотором снижении требований к поступающим на юридические факультеты. Очевидно, что оба этих изменения являются непосредственным отражением динамики развития рынка труда в стране, где при постоянной нехватке дипломированных программистов, начальная зарплата которых (брутто) достигает 3 тыс. долл. в месяц, ощущается перенасыщение рынка дипломированными адвокатами, которым не так-то просто заработать и половину тех сумм, на которые программисты могут рассчитывать как на что-то само собой разумеющееся. Существующая в Израиле развитая система социальной защиты населения, основанная на прогрессивной системе налогообложения (максимальный налог с высоких доходов, включая выплаты за медицинскую страховку и в государственную пенсионную кассу, составляет 60%, в то время как зарплаты ниже 600 долл. вообще не облагаются подоходным налогом), несколько сглаживает различия в уровне доходов представителей различных профессий. Вместе с тем, при нынешнем состоянии рынка труда можно предсказать дальнейшее усиление отмеченных тенденций.

Оценивая рост числа студентов вузов, правомерно задать вопрос, на какой стадии процесса «экспансии» высшего образова-

ния находится в настоящее время Израиль; иными словами, является ли рост числа студентов до 190 тыс. пределом, либо же можно прогнозировать их дальнейший рост? По всей видимости, сегодняшняя ситуация, несмотря на более чем двукратное увеличение числа студентов за менее чем 15-летний период, все еще далеко не конечная точкой этого роста. Как уже упоминалось, процессы, аналогичные происходящим в Израиле, имеют место и в других западных странах, где система высшего образования отличается той или иной степенью селективности. С 1980 по 1993 г. в Великобритании, например, пропорция студентов от общего числа населения страны выросла на 90% (2,79% населения страны), во Франции – на 70% (3,62%), в Италии – на 49% (2,94% населения страны). На этом фоне процент студентов от общего числа жителей Израиля (3,16%) совсем не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Однако сравнение показателей Израиля и европейских стран с аналогичными пропорциями в США, где система высшего образования (за исключением наиболее престижных университетов) является значительно менее селективной, не ставя на пути потенциальных абитуриентов практически никаких препятствий, неопровержимо свидетельствует о большом неиспользованном потенциале молодых людей, все еще остающихся за рамками университетов и колледжей. Процент студентов от общего числа жителей в США характеризуется высокой степенью стабильности (5,3 – 5,5% в 1980-1995 гг.), что, благодаря высокой открытости американской системы высшего образования (из более чем 3 тыс. университетов и колледжей в США, лишь в 175 проводится специальный отбор¹⁰), позволяет рассматривать его как некий «потолок». На фоне приведенных данных видно, насколько далеки от этого «потолка» европейские страны и Израиль, что позволяет предсказать дальнейший рост числа студентов в Израиле до 300-320 тыс. человек. Впрочем, обязательное условие указанного роста – увеличение числа выпускников школ, успешно сдающих экзамены на необходимый для приема в вузы аттестат зрелости (рост процента 17-летних юношей и девушек, сдавших все экзамены на аттестат, с 35% в 1987 г. до 41,4% в 1999 г.¹¹ никак нельзя считать

достаточным), либо же изменение статуса этих экзаменов во всем, что касается поступления в высшие учебные заведения.

На сегодняшний день единственный университет в Израиле, поступление в который не требует сдачи каких-либо выпускных или вступительных экзаменов, – Открытый университет, основанный на принципе дистанционного обучения в сочетании с развитой системой очной и заочной поддержки студентов преподавателями и инструкторами¹². Открытый университет отличается организационной и административной гибкостью. Абитуриент не должен поступать на определенный факультет или на определенную кафедру. Поступление в Открытый университет – это, по существу, запись на изучение конкретных учебных курсов. Количество изучаемых в семестр курсов определяет сам студент. Программы большинства учебных курсов рассчитаны на один семестр, на протяжении которого студент должен выполнять академические требования, установленные для данного предмета. Студенту, окончившему какой-либо из курсов Открытого университета, начисляется определенное количество «академических баллов». Необходимыми условиями окончания учебного курса считается выполнение нескольких домашних контрольных работ и успешная сдача очного экзамена в конце семестра. Университет не требует от учащихся выполнения единой жесткой учебной программы в течение установленного промежутка времени. Темп обучения определяется студентом в зависимости от его желаний, способностей и потребностей. Система дистанционного обучения и самостоятельных занятий, разработанная Открытым университетом, позволяет каждому определить условия своей учебы, принимая во внимание ограничения, накладываемые работой, семьей, домашним хозяйством или армейской службой. Такая система обучения не ставит студента в зависимость от определенного места учебы или жесткого расписания. То, что недостижимо в обычном вузе, учеба в котором привязана к учебным корпусам, где находятся преподаватели и студенты, становится возможным в Открытом университете.

Как известно, в последние годы дистанционное обучение становится интегральной частью программ университетов в разных странах мира. Признанным лидером дистанционного обучения стал Британский открытый университет, основанный указом королевы в

1969 г. По данным американского центра образовательной статистики, дистанционные программы составляют более трети учебных программ в высших учебных заведениях США, почти 80% вузов используют компьютерные технологии как неотъемлемую часть учебного процесса. В США даже создан Национальный совет по дистанционному образованию. Сейчас наиболее престижные университеты решают задачу сохранения качества преподавания при дистанционной методике обучения¹³. В этой связи следует отметить, что, идя навстречу учащимся в отношении свободного приема и возможности составления индивидуального учебного плана, Открытый университет в академическом смысле ни в чем не уступает другим израильским высшим учебным заведениям. Специалисты университета традиционно уделяют особое внимание качеству преподавания и профессиональному уровню предлагаемых студентам учебных материалов. Диплом Открытого университета Израиля считается академическим дипломом международного уровня. Такая требовательность, однако, приводит к тому, что процент студентов Открытого университета (число которых, кстати, уже превысило 32 тыс.), успешно заканчивающих обучение на получение академической степени, сравнительно невелико: с 1992 по 1997 г. – степень бакалавра получили только 3068 человек¹⁴, однако большие усилия коллектива Открытого университета и неуклонный рост числа студентов позволяют надеяться, что в ближайшие пять лет это число может быть удвоено.

Важная проблема израильского высшего образования – еще далеко не преодоленное социальное неравенство. Многочисленные социологические исследования, проводимые в США и странах Западной Европы, показывают, что среди студентов (особенно если иметь в виду наиболее престижные вузы) непропорционально большой процент составляют выходцы из привилегированных слоев населения. Несмотря на то что плата за обучение в высшей школе почти нигде не является главным источником дохода учебного заведения, в некоторых частных университетах США она очень велика – до 25 тыс. долл. в год и оказывается непосильной даже для многих семей, относящихся к среднему классу. Тем не менее, принцип доступности высшего и среднего специального образования пробивает себе дорогу. В последние десятилетия

приняты законы, способствующие привлечению в высшую школу молодежи из малообеспеченных семей. В государственных высших и средних специальных учебных заведениях ряда западноевропейских стран плата за обучение либо полностью отменена (Германия, Австрия, скандинавские страны), либо значительно снижена, порой до символического значения. Часть студентов получает стипендии: во Франции — около 20 %, в Италии и Испании — 10 %; расширяется сеть дешевых студенческих общежитий и ресторанов. В США половина всех федеральных ассигнований на высшее образование идет на помощь студентам для оплаты их учебы; в соответствии с Законом 1965 г. о развитии высшей школы государство полностью оплачивает обучение молодых людей, поступивших в университеты и колледжи после службы в армии. Функционирует система займов, предоставляемых студентам корпорациями и благотворительными фондами¹⁵. Более того, в США, Канаде, Франции, Италии многие вузы (включая и ряд университетов) зачислят без экзаменов всех абитуриентов, имеющих свидетельства об успешном окончании полной средней школы; число вакансий на первых курсах не лимитируется. Таким образом, поступление в высшую школу начинает рассматриваться не как привилегия, а как естественное право молодежи.

Подобная система государственной поддержки студентов из малообеспеченных слоев населения создана и в Израиле. Приложенные усилия привели к тому, что процент студентов среди израильской молодежи – выходцев из восточных стран увеличился с 1964 по 1995 г. более чем в 7 раз!¹⁶ Вместе с тем, этот процент (5,8%) по прежнему значительно ниже, чем среди уроженцев страны – выходцев из стран Европы и Америки (15,1%), равно как и среди уроженцев страны во втором поколении (14,8%)¹⁷. Очевидно, что со временем неравенство между различными этнокультурными группами во всем, что касается получения высшего и среднего специального образования, сокращается¹⁸, однако процесс этот идет очень медленно. Более того, есть все основания полагать, что в последние годы формируется обратная динамика, способная еще более увеличить неравенство, существующее между различными статусными группами.

Как уже отмечалось, плата за обучение в израильских университетах сравнительно невелика, будучи единой для всех кафедр и факультетов. Размер платы за обучение устанавливает Государственная комиссия по высшему образованию, она же устанавливает размеры субсидий, получаемых университетами за каждого выпускника. На сегодняшний день минимальная сумма субсидии равна примерно 3 тыс. долл. за каждого выпускника факультета общественных наук; более высокая себестоимость обучения на других факультетах обуславливает больший размер субсидии, выплачиваемой за их выпускников университетам из государственного бюджета. Как уже указывалось, поступление на целый ряд пользующихся повышенным спросом кафедр и факультетов – чрезвычайно проблематично, в особенности для выходцев из небогатых слоев населения. Вместе с тем, за последние годы было открыто семь частных колледжей, не получающих государственных субсидий, а потому существующих исключительно за счет значительно более высокой платы за обучение. Очевидно, что едва ли найдутся желающие поступать в эти колледжи ради возможности изучать в них историю, географию, французский язык и литературу или физику – кафедры, принимающие почти всех потенциальных абитуриентов, а потому в частных колледжах открываются только считающиеся наиболее престижные кафедры. Как следствие, студенты из небогатых семей поставлены в заведомо неравное положение, и есть основания предполагать, что это неравенство сохранится и дальше.

Проблема неравенства в системе высшего образования тесно связана с дифференцированным уровнем получения полного аттестата зрелости в различных социо-демографических группах израильского общества. В то время как среди евреев 18-летнего возраста процент получающих полный аттестат составляет 44%, среди арабов он не превышает 22%. Кроме того, различное отношение к учебе и научной работе приводит к тому, что если среди евреев около 40% выпускников школ начинают учебу в одном из вузов в течение семи лет после завершения среднего образования, то среди арабов этот процент не превышает 25%¹⁹. В результате, процент арабских студентов намного ниже удельного веса арабских граждан от общего числа жителей страны – являя собой 17% населения Израиля, они

составляют лишь менее 7% студентов университетов²⁰. Вероятно, данная статистика частично объясняется тем, что при отсутствии в Израиле университета, занятия в котором проходили бы на арабском языке, немалый процент потенциальных студентов предпочитает получать образование в университетах, расположенных на Западном берегу, а также в Иордании и Египте.

Достаточно высокий конкурс среди поступающих, а еще более – сравнительно высокие требования к студентам в большинстве израильских вузов, привели к появлению в Израиле различных структур, в погоне за студентами готовых снизить свои требования до абсолютного минимума. Большинство таких структур действуют в Израиле под вывеской иностранных (как правило, британских) университетов, предлагая за 5-6 тыс. долл. в год (обычная плата за обучения в израильских университетах не достигает и 2,4 тыс. долл., причем эта сумма абсолютно идентична для студентов всех факультетов и кафедр) при учебе не более четырех-шести часов один раз в неделю, в течение года получить диплом бакалавра или магистра того или иного иностранного вуза. Пользуясь положениями либерального Закона о свободе деятельности (1992 г.; вторая редакция – 1994 г.), не скупясь на рекламные кампании в прессе, представители этих так называемых вузов, привели к появлению в Израиле параллельной системы выдачи дипломов, не подкрепленных практически никакими реальными знаниями. Более того, малейшие попытки преподавателей этих вузов (а все без исключения преподаватели этих «британских» вузов набираются в Израиле среди аспирантов и младших преподавателей университетов и ведут все свои лекции исключительно на иврите) требовать от студентов хоть какой-то отдачи и самостоятельной работы, наталкиваются на возмущенное противодействие с их стороны: уверенность этих «студентов» в том, что будущий диплом оплачен и, следовательно, гарантирован подтверждается соответствующей политикой администрации подобных структур, существующих исключительно за счет платы, вносимой «искателями дипломов». В этой ситуации преподаватели, нуждающиеся в работе, вынуждены закрывать глаза на чрезвычайно низкий уровень требований к абитуриентам и студентам подобных учебных заведений. По не до конца понятным причинам Государственный совет по высшему образованию, несмотря на

многочисленные угрозы, со своей стороны до сих пор не положил конец этой практике «распродажи дипломов», что приводит не только к девальвации статуса высшего образования, но и приносит огромный вред экономике страны (обладатели подобных дипломов, как и все остальные работающие жители, имеющие высшее образование, могут рассчитывать на прибавку к жалованию, достигающую порой сотен долларов ежемесячно).

Почему же израильские ученые, прошедшие изнурительный многолетний путь к получению магистерской степени и защите докторской диссертации (суммарный средний срок обучения на степени бакалавра и магистра составляет восемь лет, подготовка докторской диссертации занимает еще около пяти лет), соглашались участвовать в этой «ярмарке дипломов»? К сожалению, причина кроется в достаточно тяжелом материальном положении многих из них. Нельзя не отметить, что новые университеты не создавались в Израиле уже на протяжении четверти века, а количество ставок в существующих университетах не только не растет, но порой даже сокращается (примером тому может служить политика десятипроцентного сокращения ставок, проводимая в Иерусалимском университете в последние годы). Страдают от этого и студенты, которые порой учатся в переполненных аудиториях, но прежде всего – ученые, а в особенности – ученые-иммигранты. Непрерывный рост числа региональных и специализированных колледжей позволяет удовлетворить растущий спрос на высшее образование со стороны потенциальных студентов, однако между колледжами и университетами существует весьма значительное различие: в то время как все университеты получают от государства субсидии на развитие исследовательских проектов, колледжи не получают никаких государственных дотаций на научно-исследовательскую деятельность. В университетах можно работать научным сотрудникам, не ведя лекций и занятий со студентами, в колледжах – никогда; не имеющий университетского статуса Холонский центр технологического образования, в котором, по словам декана исследовательского сектора проф. Арье Шенкмана, проводятся исследования в области сверхпроводимости, наноструктурных покрытий, плазмы, методов повышения износо-

устойчивости и т.д. и треть коллектива которого составляют ученые – выходцы из стран СНГ²¹, является очевидным исключением из правила. В результате этого, потерпев неудачу при устройстве на работу в университет или лишившись в нем рабочего места, пусть даже и блестящие ученые, но не владеющие государственным языком страны – ивритом, не имеют никаких шансов устроиться на работу в колледжи, в которых ценятся исключительно преподавательские способности ученых, что подразумевает совершенное владение тем языком, на котором читаются лекции и проводятся дополнительные занятия.

Однако следует отметить, что проблема профессионального трудоустройства остро стоит и среди коренных жителей страны; достаточно сказать, что число аспирантов выросло за последние 20 лет более чем вдвое (от 2930 человек в 1979/80 учебном году до 6070 в 1997/98 учебном году), аналогично выросло и число получающих степень доктора наук (с 273 человек в год в 1974/75 г. до 356 человек – в 1984/85 г. и 579 человек – в 1994/95 г.), в то время как число научно-исследовательских ставок выросло с 1985 по 1997 г. лишь на 21% – с 7871 до 9546. Более того, число ставок младших преподавателей сократилось за указанный период более чем на 30% – с 2789 до 1926²². Данная ситуация не оставляет молодым ученым больших возможностей для маневра, вынуждая многих из них сотрудничать с существующими под британским флагом «фабриками продажи дипломов», а кого-то – и покидать Израиль, отправляясь в поисках более благоприятных условий для научной деятельности в другие страны. Кстати говоря, большой успех, как правило сопутствующий израильским ученым за границей, является лучшим индикатором высокого уровня профессиональной подготовки, полученной ими в израильских университетах. Правоммерно предположить, что увеличение инвестиций в развитие научных исследований станет фактором, в высшей степени благоприятно влияющим на сохранение в стране многих ее блестящих умов, и можно только пожалеть, что этого не происходит, да и вряд ли произойдет: отдел планирования Министерства финансов прогнозирует дополнительный 50-процентный рост числа студентов в ближайшие 10 лет (что соответствует выкладкам,

представленным в данной статье) при лишь 10-процентном увеличении инвестиций в развитие науки и университетов страны. Исходя из этого можно прогнозировать дальнейшее увеличение разрыва между потребностями израильских университетов и их финансовыми возможностями, что не сможет не сказаться отрицательно на сохранении интеллектуального потенциала страны.

Данная проблема особенно остро проявляется при интеграции в израильские научные учреждения ученых из стран СНГ²³. Проблемы эти обсуждаются на страницах газет уже не первый год; как правило, впрочем, акцент ставится почти исключительно на проблемы финансового характера. Нам кажется, однако, что при всей значимости этих проблем, не меньшую важность играют и проблемы нематериального характера, связанные как с объективными, так и с субъективными трудностями, возникающими в процессе межкультурного диалога ученых-репатриантов и их коллег – тоже, кстати говоря, далеко не всегда уроженцев страны. Именно эти проблемы в наибольшей степени объясняют тенденции кристаллизации русского еврейского сознания в Израиле и сегрегационные настроения живущей в Израиле российской еврейской интеллигенции.

В этой связи имеет смысл напомнить, что израильская наука, как и любая другая отрасль общественной и экономической жизни, на всем протяжении истории государства создавалась совместными усилиями ученых из разных стран. Среди отцов-основателей Еврейского университета в Иерусалиме, были профессора из Германии и Чехии, из США и Польши. Прошло 40 лет с момента основания Еврейского университета, пока в 1965 г. его впервые возглавил человек, учившийся в Израиле (профессор философии Натан Ротенштрейх) – все предыдущие ректоры иммигрировали в Израиль уже в достаточно зрелом возрасте. Среди ученых, создававших Тель-Авивский, Бар-Иланский, Хайфский, Беэр-Шевский университеты и Открытый университет Израиля, преобладали уроженцы Израиля и выходцы из западных стран. «Железный занавес», препятствовавший не только выезду евреев из бывшего Советского Союза, но и научным контактам между учеными из стран Восточной Европы и их коллегами из западных стран, на долгие годы разлучил ученых из СССР и Израиля²⁴.

Начиная с 1988 г. в Израиль прибыли более 13 тыс. ученых из бывшего СССР. С одной стороны, Министерство абсорбции способствовало реализации немалого числа различных проектов, призванных поддержать ученых-репатриантов – от базового фонда Государственного центра абсорбции ученых, выплачивающего стипендию ученым в различных промышленных и исследовательских лабораториях, до программы трудоустройства выдающихся ученых «Камеа», финансирующей зарплату специалистов, работающих в университетах на постоянной основе. С другой стороны, готовность израильских государственных структур к достойной профессиональной интеграции столь большого числа ученых-иммигрантов далеко не всегда может быть признана удовлетворительной.

В течение первых 10 лет нынешней иммиграционной волны (1989-1999) лишь 303 ученых из бывшего СССР получили постоянные штатные должности в израильских университетах, среди них 72 человека в находящемся в отдалении от центра страны Беэр-Шевском университете, но только 25 человек – в наиболее престижном Еврейском университете в Иерусалиме²⁵. Значительное число новоприбывших специалистов не могут получить должности, соответствующие их квалификации, знаниям и опыту. Вместе с тем, несмотря на то что за 10 лет большой алии различными инициативными группами был выдвинут ряд программ по интеграции ученых-иммигрантов в израильскую науку, а некоторые из этих – весьма недешевых – программ (проект Гилади, КАМЕА, программа БАШАН) были одобрены и утверждены правительством, за последние пять лет не было проведено серьезного и всеобъемлющего исследования профессиональной интеграции и самоидентификации российских ученых в Израиле²⁶. Работа, проводимая нами, базируется на подробном анкетировании репрезентативной выборки ученых-репатриантов и является первой попыткой оценить перспективы и проблемы трудоустройства ученых-репатриантов после 7-10 лет пребывания в стране, а также выявить социально-культурологические причины мешающие успешной адаптации ученых-репатриантов в израильскую науку.

В любой новой стране компасом, регулирующим социальную жизнь иммигрантов, являются определенные ценности, знания и

опыт, привезенные ими из страны, где они родились, выросли, прошли социализацию и сформировались как профессионалы в той или иной области. Этот набор ценностей, навыков и знаний, как правило, способствует их успешной интеграции, однако отдельные элементы из сформированного культурным репертуаром страны исхода могут противоречить нормам, ценностям или структурным особенностям, существующим в новых для них условиях. Степень успешности внедрения иммигрантов на рынок труда также зависит от «конвертируемости» их знаний и способностей в данном конкретном обществе. Результаты многочисленных исследований, проведенных в разных странах, позволяют сделать несколько общих выводов. Во-первых, чем выше сходство между структурой экономики и рынка труда в стране исхода и стране иммиграции, тем выше вероятность того, что квалификация, необходимая для выполнения определенной работы в стране исхода, будет признана достаточной соответствующими организациями в новой стране. Во-вторых, в то время как определенные профессии требуют идентичной квалификации в странах с различной социально-политической структурой (как, например, профессии электрика или программиста), специфика целого ряда профессий (например, юристов, бухгалтеров и медицинских работников) в каждой стране различна и требует детального знания местных законов и правил²⁷. В этой связи следует отметить, что профессия ученого является высоко «конвертируемой»; ученые, в особенности из сфер точных и естественных наук (кстати, составляющие подавляющее большинство среди специалистов, приехавших в Израиль из постсоветских республик) нуждаются для успешного продвижения их работы в тех же знаниях и условиях, которые были необходимы им в странах исхода. Почему же их интеграция в израильской науке является далеко не всегда успешной? Только ли отсутствие денег тому причиной?

Восприятие новыми репатриантами израильской науки и своих коллег-старожилов, равно как и стереотипы, присущие израильским ученым в отношении к их коллегам из бывшего СССР, несомненно, играют чрезвычайно важную роль в процессе интеграции ученых-репатриантов. Вместе с тем, проблема состоит в том, что израильские ученые и научные организации, занимающиеся аб-

сорбцией специалистов-репатриантов, не имеют никаких сведений о специфических обстоятельствах (включая политическую ситуацию), в которых развивалась советская наука в различные периоды. Многие израильские бюрократы от науки недооценивают понимание российскими учеными того очевидного факта, что давление и планирование извне губительны для науки. В таких областях, как генетика растений, где наука оказалась бессильна выполнить поставленные перед ней задачи, или экономика, где найденные решения не соответствовали политическим намерениям, попытка оказать на ученых давление в достижении поставленных целей приводила к прямо противоположному результату. Ни тяжелый жизненный путь российских биологов (таких как Владимир Эфроимсон, Илья Раппапорт, Николай Тимофеев-Рессовский и др.), продолжавших свои исследования в области генетики даже в годы лысенковского беспредела в отношении естественных наук, ни западные исследования о развитии советской науки²⁸, практически неизвестны тем израильским организациям, которые занимаются профессиональной интеграцией ученых из стран СНГ и Балтии.

Дополнительная проблема состоит в том, что по представлениям значительной части израильских ученых и чиновников, профессиональный уровень многих ученых из бывшего СССР не соответствует западным стандартам, что, правда, относится не ко всем дисциплинам: в то время как российские математики пользуются очень высоким авторитетом, отношение к биологам до сих пор страдает от последствий эпохи Лысенко. Как сказал в интервью журналу *Science* один из руководителей Технологического университета им. Вейцмана, «нет никакой надобности проводить специальное исследование, чтобы понять, что наша наука получила математиков высочайшей квалификации и биологов, достижения которых стремятся к нулю»²⁹. Сходным образом игнорируются израильскими коллегами приехавшие из стран СНГ социологи и экономисты. В этой связи представляется крайне важным организовать совместные семинары для ученых-репатриантов и их израильских коллег, посвященные сравнительному анализу развития той или иной научной отрасли в Израиле и в России.

Еще одной проблемой является то, что профессора израильских университетов и руководители наукоёмких производств зачастую утверждают, что подготовка, знания и опыт российских ученых имеют иную специфику, нежели та, которая может быть востребована в Израиле; что некоторые российские ученые принимают участие в разработке проектов, давно потерявших свою актуальность. По их мнению, советские специалисты не способны интегрироваться в свободную, конкурентную научную систему западного типа и сами говорят о своей неприспособленности к «рекламированию и продаже» собственных знаний и достижений. Израильские ученые нередко бывают озадачены тем, что они сами расценивают как отсутствие личной инициативы со стороны их коллег из бывшего СССР, которые «хотят, чтобы им давали конкретные указания» и просто «не знают, как самостоятельно подготовить исследовательский проект». Подобная точка зрения израильских ученых, вне зависимости от того, насколько она соответствует реальности (здесь необходимо подчеркнуть, что до самого последнего времени советские ученые, за редким исключением, практически не имели никаких контактов со своими коллегами из-за рубежа, а потому их восприятие израильскими учеными, как правило, основывается не на личных впечатлениях, а на быстро становящимися расхожими стереотипами), безусловно, серьезно влияет не только на межличностные взаимоотношения между коллегами, но и на возможность получения учеными-иммигрантами рабочих мест в израильских научных и академических институтах.

Многие российские ученые, особенно в сфере естественных и инженерных наук, на протяжении десятилетий функционировали прежде всего как члены научного коллектива, за которыми были закреплены конкретные участки работы. Подобная практика не является широко распространенной в Израиле, где каждый научный сотрудник старшего и среднего звена обладает знаниями и навыками, необходимыми для проведения полного цикла научного исследования – от подачи гранта до публикации результатов исследования в соответствующей научной периодике. Отсюда вытекает насущная необходимость организации краткосрочных семинаров, в ходе которых были бы детально рассмотрены «правила

игры», принятые в израильской науке (какие существуют фонды и каковы условия подачи заявок на гранты в каждом из них, какие международные конференции проходят регулярно и какова степень престижности каждой из них, на основании каких критериев происходит статусное продвижение ученых в университетах и научно-исследовательских институтах, к каким международным и национальным интернетовским дискуссионным и информационным группам полезно присоединиться представителям различных профессий и т.д.). Кстати, более половины респондентов, заполнявших составленные нами анкеты, в том числе и те, которые работают в израильских академических институтах, отметили недостаток информации в этой области.

Существующие проблемы в профессиональной абсорбции ученых частично вызваны отсутствием в государственных учреждениях адекватной информации. Трудно признать оправданным тот факт, что соответствующие ведомства ведут учет ученых-репатриантов, когда-либо получивших работу в рамках той или иной государственной программы поддержки ученых, но при этом нигде не фиксируется, какое число трудоустроившихся впоследствии работы лишилось. Иными словами, считается, что если однажды ученого приняли в то или иное исследовательское учреждение, значит, государство решило его проблему. Однако реальная картина далеко не такова. По данным нашего исследования, каждый пятый из трудоустроившихся на работу ученых ее впоследствии теряет – как правило, по той простой причине, что истекают сроки трехлетней стипендии Государственного центра абсорбции в науке. Поэтому предпосылка, согласно которой время работает лишь во благо, неверна. На самом деле, с течением времени пребывания ученых-репатриантов в Израиле, их профессиональная абсорбция далеко не всегда меняется к лучшему. Кроме того, важно отметить, что, по нашим данным, среди нашедших работу ученых, каждый пятый ее в дальнейшем теряет – и подобная статистика нигде не ведется; иными словами, 15% опрошенных нашли работу, в той или иной мере соответствующую их квалификации, однако потеряли ее, как правило, в связи с прекращением финансирования в рамках Государственного центра абсорбции ученых. При этом процент ученых, потерявших работу,

среди не владеющих английским, в 2,5 раза выше, чем среди знающих этот язык (21,6 против 9%). Израильские ученые (как и израильское общество в целом), видевшие на своем веку многочисленные волны иммиграции, терпимо относятся к незнанию иммигрантами иврита («все мы когда-то его не знали»), однако воспринимают знание английского языка как своего рода индикатор принадлежности к научному сообществу. В Израиле английский знают все ученые, и того же они ультимативно ждут от своих коллег из СНГ. Как результат, те из них, кто не соответствуют этим ожиданиям, чувствуют себя много хуже.

Хорошее знание английского является в Израиле своего рода «маркером» принадлежности не только к элите, но и к образованному среднему классу³⁰. Еще во времена Британского мандата (1920-1948) английский язык стал «языком межнационального общения» между жителями (евреями и арабами) и властью³¹. В первые годы государственной независимости (1948-1951) в Израиль иммигрировали сотни тысяч евреев-выходцев из арабских и мусульманских стран (от Марокко на севере до Ирана на юге), многие из которых (в особенности, принадлежавшие к среднему сословию) владели французским языком, при этом совсем не зная английский. Подобная ситуация, особенно учитывая напряженный характер взаимоотношений между британской мандатной властью и еврейским ишувом* с одной стороны, и усилия правительства, направленные на создание национальной культуры на иврите и освоение иврита всеми иммигрантами – с другой, имела все предпосылки для изменения статуса английского языка в Государстве Израиль. Однако действительность оказалась иной: усилия правительства по насаждению иврита привели к практически полному «стиранию» языков восточной диаспоры, в т.ч. – французского (его не знает практически никто из внуков тех, кто лишь полвека назад

---

* Ишув (букв. поселение) – еврейское население Палестины – Эрец Исраэль до создания Государства Израиль; принято различать «старый ишув», существовавший до начала первой волны репатриации, и «новый ишув», возникший в результате алии 1881-1948 гг.

владел им на весьма высоком уровне), а интеграция Израиля в глобализационные процессы, а также все более тесные политические, экономические, военные и культурные связи с американским правительством – основным союзником Израиля – и еврейской диаспорой США сохранили высокий статус английского языка в стране³². В то время как в СССР даже и в конце 80-х годов не более 55% школьников учили английский (примерно 35% учили немецкий, остальные 10% – французский и другие языки)³³, в Израиле английский учат все, причем учат, как правило, намного лучше, ибо удельный вес носителей языка (native speakers) среди преподавателей английского в Израиле достигает 40% – больше, чем в любой другой не англоязычной стране в мире! Успешная сдача экзамена по английскому языку (как письменного, так и устного) – неотъемлемое условие получения аттестата зрелости и поступления в любой университет. Многие работодатели считают приличное владение английским обязательным при приеме на работу, в особенности на должности, подразумевающие высокий оклад и статус. Знание английского языка (пусть и далеко не совершенное), способность подготовить статью и заявку на грант на английском языке, являются в глазах израильских ученых неотъемлемыми чертами тех, кто может претендовать на вхождение в научное сообщество и сколько-нибудь равноправный диалог с ними. Отсюда следует, что так как примерно 40% ученых-репатриантов не учили английский язык, при определении их квалификации и профессионального уровня необходимо принимать в расчет и публикации на немецком и французском языках, чей статус в израильском академическом мире, как правило, невысок. Израильские ученые должны осознать, что в бывшем СССР английский язык до самого конца 80-х годов не был обязательным предметом ни в школах, ни в вузах. С другой стороны, сами ученые-иммигранты должны учить английский – пусть даже и в ущерб ивриту.

Для достижения успеха в борьбе за получение исследовательских должностей и в попытках закрепиться на них, инициативная группа ученых из стран СНГ зарегистрировала в 1993 г. Союз ученых-репатриантов Израиля (СУРИ), целью которого стало лоббирование на формальном и неформальном уровнях вопро-

сов, касающихся профессиональной интеграции и улучшения условий труда ученых-иммигрантов. Сегодня СУРИ – это всеизраильская ассоциация ученых-репатриантов, состоящая из 40 региональных и профессиональных организаций; ее основная задача – долгосрочное сотрудничество с государственными институтами с целью дальнейшего развития израильской науки и экономики путем эффективного использования профессионального потенциала новых репатриантов. СУРИ борется за создание более практически ориентированной научной системы, которая могла бы помочь в достижении общенациональных целей и решении конкретных задач.

В течение многих лет Израиль считался сильным государством с малоразвитой сетью независимых общественных организаций³⁴. Однако со временем в Израиле, как и в других странах, происходит процесс формирования независимого гражданского общества. Израильский третий (неправительственный и некоммерческий) сектор увеличил свои ресурсы и расширил сферу деятельности, что привело к росту его веса в сегодняшнем обществе³⁵. В этой связи следует сказать, что процесс создания учеными-иммигрантами общественной организации, призванной, по их мнению, более эффективно выполнять те функции, которые не выполняются должным образом соответствующим государственным учреждением, вписывается в общую динамику происходящих в Израиле процессов. Основные задачи СУРИ сходны с задачами правительственного Центра по абсорбции ученых, а именно: создание условий профессиональной интеграции специалистов и эффективное применение их знаний и опыта на благо израильской науки и промышленности. Любопытно, что многие представители данной ассоциации, безусловно, принадлежащей к третьему (неправительственному) сектору, настаивают на том, что государственные учреждения должны играть значительно более активную роль в профессиональном трудоустройстве ученых-репатриантов. Во многом подобные настроения и устремления свидетельствуют о недостаточно адекватном понимании учеными-иммигрантами окружающего их социального контекста, ибо последняя волна иммигрантов из бывшего СССР прибыла в Израиль в то время,

когда ценности коллективизма отошли в прошлое, а вмешательство властей в частную жизнь граждан, равно как и влияние на их благосостояние, сведено к минимуму. Произошедшие идеологические перемены нашли свое выражение в политике «прямой абсорбции», в рамках которой вместо того, чтобы оказывать репатриантам услуги в сфере абсорбции, государство выделяет им денежное пособие, с помощью которого они должны планировать собственную жизнь, включая выбор жилья и места работы, по своему усмотрению, выбирая из тех возможностей, которые предоставляет свободный рынок. Принимая во внимание известный тезис Бернарда Барбера о том, что либеральные социальные структуры в наибольшей степени способствуют эффективному развитию науки, в то время как авторитарные, по определению, лишь подавляют научную инициативу³⁶, можно сказать, что подобная политика государства является достаточно удобной для развития творческого потенциала ученых-иммигрантов. Тем не менее, отдельные представители израильского русскоязычного научного сообщества убеждены, что политика «прямой абсорбции» должна быть прекращена; вместо этого «необходимо начать политику регулируемой абсорбции, которая могла бы быть реализована Центром абсорбции ученых, целью которого должно стать централизованное обеспечение ученых возможности работы по специальности»³⁷. Среди других задач СУРИ стоит упомянуть о создании блока информационных услуг, базы данных и коммуникационных сетей, а также содействие в налаживании контактов между учеными-репатриантами и их израильскими и зарубежными коллегами. Одним из важнейших проектов СУРИ должна стать организация сети курсов и семинаров для исследователей с целью изучения возможностей сети Интернет, патентного права, а также иврита и английского языка.

Важно отметить, что многие ученые, работающие в академических институтах, стремятся к большей профессиональной независимости. В результате, немалое число ученых-репатриантов объявляет о своей поддержке идеи создания альтернативных исследовательских и академических структур под патронажем меж-

дународного русскоязычного университета в Израиле, идея которого носится в умах многих³⁸.

Создание Союза ученых-репатриантов Израиля (равно как и появление аналогичных организаций израильской русскоязычной интеллигенции, таких как Союз учителей-репатриантов и сеть школ МОФЕТ, занимающиеся внедрением в Израиле новых образовательных программ, а также разветвленная сеть русскоязычной прессы, театров и издательств) представляет собой один из самых удачных примеров консолидации в среде постсоветской интеллигенции в Израиле. Важно отметить, что социологический анализ консолидационных тенденций в среде ученых из бывшего СССР должен стать интегральной частью всеобъемлющего рассмотрения общих динамик общинного развития и объединения русскоязычных жителей Израиля. Несмотря на все различия между ними, большинство иммигрантов ощущают свою принадлежность к единой «русской» общине, и это ощущение «русскости» во многом формируется из-за недостаточной востребованности израильским обществом. Наличие в стране колоссального числа адептов русской культуры имеет также чрезвычайно важный экономический аспект: существует большой спрос на культурную продукцию, язык и даже на традиционные для русской кухни продукты питания, что делает автономные «русские» структуры в Израиле экономически жизнеспособными. Появление русских общин (не только русско-еврейских) в Северной Америке и Западной Европе, а также возможность беспрепятственного передвижения между ними, явились новой страницей в жизни международного русскоязычного сообщества. Данные тенденции во многом способствовали кристаллизации русского самосознания в Израиле.

При анализе сложившейся ситуации необходимо подчеркнуть, что выбор русского языка как основного не означает автоматический приверженности идее секторального обособления. Местная русскоязычная пресса старается отражать весь спектр мнений общины по этому вопросу, колеблющийся от стремления к геттоизации до полной интеграции в израильское общество³⁹. Хотя большинство репатриантов довольно быстро овладевает ивритом, что помогает им в поисках работы и просто делает их жизнь

более разносторонней и насыщенной, постсоветская еврейская интеллигенция, тем не менее, негативно относится к национальной политике в отношении языка, обязывающей всех иммигрантов учить иврит, что напоминает им об аналогичном принудительном подходе советских властей в отношении тотальной русификации. Именно в силу успешного проведения в жизнь в Советском Союзе подобной политики подавления в отношении национальных языков, в том числе иврита и идиша, советская еврейская интеллигенция считала русский своим основным языком. В наши дни самосознание российской еврейской интеллигенции состоит из уникального сплава приверженности, с одной стороны, своим национальным корням, а с другой – великой русской культуре, в создании которой среди прочих принимали участие писатели и поэты-евреи. Таким образом, не стоит удивляться тому, что социолингвистические исследования выявили, что российские евреи (включая и тех, кто иммигрировал в Израиль) считают для себя русский язык более важным в плане культуры, нежели иврит⁴⁰. Другими словами, российская еврейская интеллигенция стремится к языковому равноправию и мультилингвализму: она хотя и признает иврит и базирующуюся на нем культуру, но, тем не менее, продолжает считать свое собственное культурное и языковое самосознание доминирующим⁴¹.

В целом, 51% опрошенных нами ученых-иммигрантов выразили удовлетворение собственной профессиональной абсорбцией в Израиле; еще 23% – более или менее довольны; лишь 26% – не удовлетворены своей профессиональным положением. Нельзя не признать эту ситуацию большим достижением. Начав свою трудовую жизнь в стране часто с малоквалифицированных работ, путем создания неформальных общественных организаций и неофициальных структур, иммигранты из бывшего Советского Союза, прибывшие в страну в 90-е годы, менее чем за 10 лет стали неотъемлемой частью израильского общества. По своим достижениям и человеческому потенциалу русскоязычные иммигранты во многом приближаются к израильскому среднему классу, и процесс их интеграции в него уже начался. В то же время, нет полной уверенности, что в следующих поколениях их «русскость» исчезнет сама

собой. Степень и формы, в которых «русскость» сохранится как отдельный культурный феномен (наряду с овладением репатриантами ивритом) зависит от тенденций развития как израильского, так и мирового сообщества. В том случае, если культурная секторальность израильского общества сохранится, нет никаких причин полагать, что «русские» израильтяне не станут одной из интегральных частей Израиля, продолжая при этом передавать своим потомкам русский язык и культуру. Это может осуществиться при наличии частично автономной системы образования, русскоязычных СМИ, городов с преимущественно «русским» населением и сохранении иммигрантами своего аутентичного мировоззрения и образа жизни. Такая тенденция будет зависеть от возможности продолжения тесных контактов с метрополией и русскими общинами других стран (еврейскими и нееврейскими). Если «русские» культурные и экономические позиции в мире окрепнут, а политика либерального мультикультурализма, взятая на вооружение в Австралии и в Канаде, привьется и в Израиле, «русская» община Израиля имеет все шансы консолидироваться и продолжить свое существование. Вне всякого сомнения, ученые будут одними из лидеров этой общины, и уже сегодня присутствие в парламенте страны профессоров Михаила Нудельмана (депутата от партии «Наш дом – Израиль»), Виктора Браиловского (депутата от «Движения за перемены») и Марины Солодкиной (депутата от партии «Израиль на подъеме») – очевидный индикатор этого набирающего силу процесса.

Для израильской русскоязычной общины университет – нечто большее, чем просто учебное заведение, где кто-то работает, а кто-то учится. Как отметил несколько лет назад Владимир Бейдер, «это – единственный по-настоящему открытый для новых иммигрантов путь в израильский истеблишмент», а посему его значение для процесса социальной и профессиональной интеграции выходцев из стран СНГ – огромно⁴². Именно поэтому, понимание процессов, происходящих в наши дни в израильской системе высшего образования, для выходцев из СНГ имеет первостепенное значение.

Израильская система высшего образования переживает в настоящее время бурные перемены, которые в краткой форме бы-

ли изложены в данной статье. Очевидно, что детальный анализ всего комплекса описанных процессов – дело будущего. Вместе с тем, мы надеемся, что изложенные в статье данные и представленный социологический анализ позволят читателю составить адекватное представление о развитии системы высшего образования Израиля в эпоху массовой миграции последнего десятилетия. Кроме того, не приходится сомневаться, что многие дилеммы и проблемы, стоящие перед израильской системой высшего образования, похожи на те, что существуют и в других развитых странах. Это позволяет надеяться на то, что представленный в настоящей статье израильский опыт может быть полезным для сравнительного обсуждения проблем высшего образования в современном мире.

---

¹ См. *Эпштейн, Алек.* Марш одиноких. Иерусалимская профессура в годы триумфа политического сионизма. – Вестник еврейского университета. Москва-Иерусалим, 1999, №20 с. 156-180.

² Исторический обзор развития системы высшего образования в Израиле см.: *Ben-David, Joseph.* Universities in Israel: Dilemmas of Growth, Diversification and Administration. *Studies in Higher Education*, 1986, vol. 11, is. 2 с. 105-130.

³ Подробнее см.: *The Higher Education System in Israel: Statistical Abstract and Analysis.* S. Herskovic (ed.) Jerusalem: Council for Higher Education, 1997.

⁴ Подробнее см.: *Guri-Rosenblit, Sarah.* Changing Boundaries in Israeli Higher Education. – *Mediterranean Journal of Educational Studies*. 1999, vol. 4, is. 2, с. 91-114.

⁵ Там же, с. 94-95.

⁶ Подробнее см.: *Gellert, Claudis.* Higher Education in Western Europe. – *Transforming Higher Education. Views from Leaders Around the World* M. Green (ed.), American Council on Education, 1997, с. 114-130.

⁷ Указанные данные см.: *Вульфсон Б.Л.* Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. М., 1999, с. 105.

⁸ Данные цифры представлены ответственным работником Государственного совета по высшему образованию Шломо Гершковицем в его выступлении на симпозиуме в Еврейском университете в Иерусалиме 8 ноября 1998 г.

---

⁹ Education and Culture – Selected Data. Israel: Central Bureau of Statistics, 1998, табл. 22.28.

¹⁰ См. книгу декана факультета общественных и гуманитарных наук Гарвардского университета Генри Розовски «Университет» М., Еврейский университет, 1995, с. 68.

¹¹ Аттестат зрелости получают все больше учащихся. – Вести (Израиль). 19.04.2000.

¹² Подробнее о принципах работы Открытого университета Израйля см.: *Halperin, Samuel*. Any Home a Campus: Everyman's University of Israel. Wash. Institute of Educational Leadership, 1985.

¹³ О сегодняшнем дне и перспективах дистанционного обучения в западных странах см.: *Distance Learning: Посторонним вход разрешен.* – Обучение за рубежом, 1999, № 6, с. 56-57 (статья является изложением материала, подготовленного американским центром по образовательной статистике в феврале 1998 г.); *Герасимова И., Буховцев А.* Диплом по модему. – Обучение за рубежом, 1999, № 2, с. 54-56; *Абарина И.* Новый взгляд на заочника. – Обучение за рубежом, 1999, № 8, с. 56-58; *Буховцев А.* Канадский диплом – заочно. – Обучение за рубежом, 1999, № 3, с. 56-57.

¹⁴ Education and Culture – Selected Data, табл. 22.42.

¹⁵ Подробнее о борьбе с социальным неравенством в системе высшего образования в странах Северной Америки и Западной Европы см.: *Вульфсон Б.Л.* Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века, с. 105-129.

¹⁶ Подробнее об этих тенденциях см.: *Guri-Rosenblit, Sarah*. Trends in Access to Israeli Higher Education, 1981-1996: From a Privilege to a Right. *European Journal of Education*. 1996, vol. 31, is. 3 с. 321-340.

¹⁷ Рассчитано по *Education and Educational Resources in Israel, 1990-1996.* – Israel: Central Bureau of Statistics, 2000, с. 66.

¹⁸ Подробнее см.: *Shavit, Yossi; Cohen, Yanon; Stier, Haya and Bolotin, Svetlana*. Ethnic Inequality in University Education in Israel. – *Jewish Journal of Sociology*. 1999, vol. 41, is. 1-2, с. 5-23; *Dar, Yechezkel and Resh, Nura* Exploring the Persistence of Academic Achievement Gaps: Social Differentials in Family Resource Returns in Israel. – *Research in Sociology of Education and Socialization*, 1996, vol. 11, с. 235-261; *Cohen, Y. and Habersfeld, Y.* Second-Generation Jewish Immigrants in Israel: Have the Ethnic Gaps in Schooling and Earnings Declined? – *Ethnic and Racial Studies*., 1998, vol. 21, is. 3 с. 507-528; *Guri-Rosenblit, Sarah*. Selectivity and Openness in Israeli Higher Education. – *Review of Higher Education*. 1991, vol. 22, с. 24-38.

---

¹⁹ Система образования Израиля в зеркале цифр. Иерусалим, 2000, с. 82 [на иврите].

²⁰ Подробнее см.: Mazawi, Andre Elias. University Education, Credentialism and Social Stratification among Palestinian Arabs in Israel. – Higher Education, 1995, vol. 29, с. 351-368.

²¹ Подробнее о Холонском центре технологического образования см.: Солганик, Ирина. Война университетов. – Вести – прил. «Окна». 17.12.1998, с. 6-9.

²² Все данные взяты из: Education and Culture – Selected Data, табл. 22.40.

²³ О проблемах ученых-иммигрантов см.: *Эпштейн, Алек; Патлас, Натан и Хеймец, Нина*. На переломе: Российские ученые за рубежом – проблемы профессиональной интеграции и самоидентификации. – Актуальные проблемы новой России. М., 2000, с. 207-217.

²⁴ См.: *Эпштейн, Алек*. Занавес остается железным. Что мешает успешному диалогу ученых-репатриантов и их израильских коллег. Вести. 23.05.2000, с. 6.

²⁵ *Лоевский, Ефим*. Проект КАМЕА: проблемы остаются. Вести. 11.04.2000, с. 6.

²⁶ Из исследований, проведенных в 70-е годы, выделим книгу: Nina Toren «Science and Cultural Context. Soviet Scientists in Comparative Perspective» (N.Y.: Peter Lang, 1988), которая суммирует результаты большого исследования автора, фрагменты которого публиковались в научной периодике с 1979 г. В начале 90-х годов министерством науки было заказано несколько исследований: два из них (в 1992 и 1995 гг.) проводил коллектив под руководством д-ра Шмуэля Шая, третье – проф. Нина Торен из Иерусалимского университета, четвертое – д-р Ирис Гева-Мей из Хайфского университета. К сожалению, значительная часть рекомендаций этих исследователей не были воплощены в жизнь.

²⁷ См.: *Raijman, Rebecca and Semyonov, Moshe*. Models of Labor Market Incorporation and Occupational Cost among New Immigrants to Israel. – International Migration Review. 1995, vol. 29, is. 2, с. 375-393.

²⁸ См., например, *Шноль, С.Э.* Герои и злодеи советской науки. М., 1997; *The Social Context of Soviet Science*. L. Lubtano and S. Gross-Solomon (eds.), Boulder, 1980.

²⁹ *Stone, Richard*. Israel Hits Reach Seam in Ex-Soviet Immigrants. Science, 1999, 284 с. 897.

³⁰ *Ben-Rafael, Eliezer*. Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. Oxf: 1994; *Cooper, Robert*. Language and Social Stratification

---

among the Jewish Population of Israel. – Readings in the Sociology of Jewish Languages. J.A. Fishman (ed.), Leiden, 1985, c. 65-81.

³¹ См.: *Spolsky, Bernard and Cooper, Robert*. The Languages of Jerusalem. Oxf., 1991.

³² См.: *Spolsky, Bernard*. The Role of English as a language of maximum access in Israeli language practices and policies». – *Studia Anglica Posnaniensia*, 1998, 33, c. 377-398; *Spolsky, Bernard and Shohamy, Elana*. Language in Israeli Society and Education. – *International Journal of the Sociology of Language*, 1999, 137, c. 93-114.

³³ Данные о ситуации с изучением иностранных языков в советских школах в 70-е годы см.: *Dunstan, John*. Paths to Excellence and the Soviet School. NFER Publishing Company, 1978, c. 112; о ситуации в 80-е годы см.: *Henning, Detlef*. Foreign-Language Teaching in the Baltic Republics in the Past and Present. European Education, 1994, 26, c. 55.

³⁴ См.: *Kimmerling, Baruch*. State Building, State Autonomy and the Identity of Society: The Case of the Israeli State. *Journal of Historical Sociology*. 1993, 6, 4, c. 396-429.

³⁵ См.: *Gidron, Benjamin*. The Evolution of Israel's Third Sector. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1997, 8, 1, c. 11-38.

³⁶ См.: *Barber, Bernard*. Science and the Social Order. N.Y., 1952.

³⁷ См., например: *Menshikov, Leon*. Job Placement of New Immigrant Scientists, Paper presented at the International Conference on Immigration, Language Acquisition and Patterns of Social Integration. Hebrew University of Jerusalem, June 29-30, 1994.

³⁸ См., например, полемическую статью *Подражанский, Сергей*. Судьба ученого евруса в стране квадратных помидоров. Вести (прил. «Окна»), 24.06.1999, c. 18-20 и 08.07.1999, c. 18-19.

³⁹ См.: *Lissak, Moshe and Leshem, Elazar*. The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration. – *Israel Affairs*, 1995, vol. 2, is. 2, c. 20-36.

⁴⁰ См.: *Ben-Rafael, Eliezer; Olshtain, Elite and Gejist, Idit* Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel. – *Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement*. P. Ritterband, N. Levin-Epstein and Y. Roi (eds.), L., 1997, c. 364-388.

⁴¹ См.: *Kheimets, Nina and Epstein, Alek*. Between Two Models of Nation-Building: Theoretical and Historical Frameworks for the Analysis of Multilingual Identity of Russian Jewish Intelligentsia in Israel. – *Language Problems and Language Planning (Holland)*, forthcoming, 2001.

---

⁴² *Бейдер, Владимир*. Израильская интеллигенция – происхождение вида. Вести (прил. «Окна»). 11.12.1997, с. 18-21.

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ИЗРАИЛЕ

Белла Котик-Фридгут,
Институт исследований развития образования,
Иерусалимского университета *

Сегодня иврит – официальный государственный язык и большинство населения владеет им, за исключением пожилых арабов и новых репатриантов. Новые репатрианты, как правило, дома говорят на языке страны исхода, особенно, если не вполне свободно владеют ивритом¹, а те, кто приехал давно, переходят на иврит, так как часто их дети и внуки не владеют уже языком страны исхода. Исключение составляют религиозные евреи ультра-ортодоксального сектора ашкеназского происхождения²: они продолжают использовать идиш в школьном обучении и в быту, а иврит для молитв (священный язык) и для общения с ивритоговорящим окружением. В израильском арабском секторе в образовании, культуре и в быту

---

* Выпускница психологического факультета МГУ, в прошлом – профессор Ростовского университета, **д-р Белла Котик-Фридгут** является одним из крупнейших в Израиле специалистов по психолингвистике. Она преподает на отделении языковой педагогики на кафедре образования Иерусалимского университета (в том числе спецкурс о наследии Л.С.Выготского), а также работает исследователем в Институте исследования развития образования в Иерусалимском университете. Ее исследования (большинство из них было проведено совместно с проф. Элит Ольштейн) посвящены проблемам языковой идентичности и мотивации к изучению языков выходцами из стран СНГ в Израиле. Статьи Беллы Котик опубликованы во многих научных журналах и книгах на русском и английском языках, а также на иврите.

доминирует арабский, однако большинство населения владеет также ивритом. Языковая палитра Израиля насчитывает 32 языка³, однако в данной статье будут рассмотрены лишь проблемы связанные с рядом основных, наиболее активно употребляемых языков.

На протяжении столетий иврит считался мертвым языком, хотя евреи в диаспоре использовали его для молитв, изучения религиозных текстов и общения с единоверцами из других стран, если у них не было другого общего языка. Хотя религиозные тексты, написанные на иврите, существуют более трех тысячелетий, а светские литературные произведения появились уже в VII в., возрождение иврита в качестве разговорного языка повседневного общения началось только в начале XX в.

Около 100 лет назад языковая ситуация была совсем иной: Палестина – тогда часть Османской империи – была населена главным образом арабоязычными и говорящими на ладино евреями-сефардами и арабами и евреями-ашкеназами, говорящими на идиш. Турецкий был языком официальных структур.

Какие процессы влияли на динамику языковой ситуации в Израиле? Как менялась многоязыковая мозаика в разные периоды истории с середины XIX в., и в какой мере языковая политика влияла на этот процесс, или же языковая политика была отражением объективно складывающейся ситуации? Попытке ответа на эти вопросы и посвящена данная статья.

Вслед за Бернардом Спольским и Иланой Шохами, авторами только что вышедшей книги «Языки Израиля: Политика, идеология и практика»⁴, мы будем различать *языковую практику* определенного общества – привычные схемы предпочтения определенных языков из всех возможных вариантов составляющих языковой репертуар данного общества, его *языковую идеологию* – взгляды на язык и его использование, и специальные меры влияния или модификации этой практики посредством формулирования определенной *языковой политики*. Термин «политика» требует уточнения: мы относим его к случаям явных утверждений использования языка, как правило (но не обязательно), в форме письменного документа. Более того, те, кто формируют эту политику, обладают определенной властью над теми, кто предположительно должен следовать их указаниям. Это может быть

законодатель, Министерство образования, руководитель коллектива, требующий (или разрешающий) вести заседания или документацию на том или ином языке, или даже глава семьи, если он явно регламентирует на каком языке должны общаться ее члены.

Если следовать этим определениям, то можно утверждать, что на разных этапах истории Израиля языковая идеология оказывала неодинаковое влияние на языковую практику общества. Пожалуй, наиболее сильным влияние идеологии сионизма было в период активного возрождения иврита. Формальная же *языковая политика* никогда не была существенной составляющей государственной политики. В этом смысле единственный реально действующий носитель языковой политики – Министерство образования, поскольку формируемая им политика переводится на язык цифр, имеющих прямое влияние на языковую практику, определяющей кому какие языки изучать, когда и сколько часов в неделю, на каких языках сдавать экзамены и т.д. Сам факт, что только в 1995/96 г. Министерство образования впервые сформулировало свою политику в области изучения языков и опубликовало соответствующий циркуляр, свидетельствует о том, что эта проблема не была в числе приоритетных. Скорее, существенные изменения в языковой ситуации потребовали от руководителей системы просвещения определить и сформулировать свою позицию.

Возрождение иврита

Элиезер Бен-Йегуда (1858-1922) предпринял первые попытки возрождения и модернизации иврита, находясь еще в России, а после переезда в Палестину он интенсифицировал свою деятельность и нашел активных сподвижников. Возрождение разговорного иврита стало, например, одной из главных целей общественной организации под названием «Лига защиты иврита». В 1924 г. ее лидеры обратились к еврейской общине с призывом «объединить свои усилия для введения иврита в повседневную жизнь, собираться чтобы обсуждать и вместе решать, какие меры необходимо принимать для достижения намеченной цели»⁵. Возрождение иврита было поистине всенародным делом. Вот, например, свидетельство из письма из Палестины в 1919 г.: «... Население коло-

ний настаивает на общении на иврите и возражает против употребления любого другого языка. «Иврит и только иврит» – их лозунг. Можешь представить, как трудно подружиться с кем-нибудь, если не можешь свободно общаться с ними»⁶.

В социальной политике сионизма даже и до создания Государства Израиль в 1948 г. доминировала идея отречения от столетий существования в диаспоре. Все репатрианты, независимо от страны исхода и от того на каком языке они говорили, должны были быть ассимилированы в едином «плавильном котле» в своей новой стране, чтобы образовался новый израильский еврейский народ. Такая политика форсированного социального строительства не является уникальным еврейским изобретением, она характерна для XX века и аналогична стремлению формирования новой американской нации в США и созданию новой общности – советский народ – в СССР.

Первое поколение репатриантов рассматривалось как «поколение пустыни» – в этом образе русский-израильский писатель Ашер Гинзбург, принявший псевдоним Ахад Хаам (в переводе с иврита – «один из народа») установил параллель между репатриантами, переселявшимися в конце XIX – начале XX вв., и евреями, пережившими исход из Египта в страну Израиля более 3 тыс. лет назад. Они должны были забыть о веках жизни в изгнании также как евреи, ведомые Моисеем, должны были скитаться по пустыне 40 лет, чтобы избавиться от воспоминаний о годах рабства в Египте, прежде чем смогли вступить на Землю Обетованную. Выражение «галутная ментальность» (галут – переводится как «изгнание») использовалось как ругательное и, соответственно, считалось позорным выглядеть или разговаривать как «галутный еврей». В качестве ритуала отречения от прошлого и начала нового этапа в жизни предполагалось гебраизировать имена и фамилии, и многие делали это с большим энтузиазмом. Так, русское имя Светлана превращалось в Ора или Орит (свет на иврите – «ор»), немецкая или идиш фамилия Штейн («камень») переводилась на иврит как Эвен, Села или Цур. Другие выбирали себе и своим детям библейские имена.

Таким образом, сионистская языковая политика была нацелена на установление и укрепление статуса иврита и как официально-

го языка, и как языка повседневного общения. Для этого было несколько причин. Исторические и культурные корни иврита восходили к библейскому периоду, когда еврейский народ существовал как нация в стране Израиля. Поэтому было вполне естественно, формируя новое государство на своей древней земле, выбрать свой древний язык. Ожидалось, что евреи приедут из разных стран рассеяния говорящих на разных языках, и для их объединения важно было, чтобы у них был общий язык. Поскольку иврит служил этой цели в течение веков рассеяния, выбор его в качестве общего языка представлялся естественным, хотя предлагались также английский и немецкий. Выбор языка обсуждался не только на официальном уровне, но и в семьях, которые должны были решить на каком языке общаться дома. После некоторых дебатов большинство отдало предпочтение ивриту, а меньшинству пришлось подчиниться.

Один из отвергнутых языков, на котором говорили выходцы из стран Восточной Европы (а они в то время составляли большинство) был идиш, поскольку считалось, что он связан с горьким прошлым еврейской истории. Позже объектами аналогичной борьбы в разное время становились арабский, английский, французский и русский языки.

Борьба с языком идиш была довольно жестокой. «Союз укрепления иврита» объявил его едва ли не «врагом народа». В 1937 г. этот союз развернул кампанию против использования идиша и обратился в муниципалитет Тель-Авива с предложением запретить публичные выступления и представления театра Габима на идише, воспринимая их как угрозу по отношению к ивриту⁷. Это была настоящая языковая война, и иврит вышел в ней «победителем». Сегодня идиш сохранился как язык общения только в наиболее консервативном ультраортодоксальном секторе ашкеназской религиозной общины. Идиш служит им языком повседневного общения внутри общины, а иврит – для молитв, религиозного образования и общения с ивритоговорящим окружением.

Когда в 1948 г. было образовано Государство Израиль, иврит стал его официальным языком. Поскольку Израиль был создан как центр репатриации евреев со всего мира, иммигранты, носители различных языков, приезжали и продолжают прибывать

из разных стран рассеяния. В первые годы было много людей, для которых этот язык не был родным или доминантным, и поэтому несколько раз в день транслировались специальные выпуски новостей израильского радио на «легком» иврите – с адаптированной лексикой и в несколько замедленном темпе – для облегчения восприятия информации на начальных этапах овладения языком. На ранних этапах развития культуры Израиля дискутировались различные идеи, касающиеся возможных путей развития языковой ситуации, например: использовать иврит в его традиционной форме или ввести латинский алфавит и направление письма слева – направо, как это принято в большинстве языков. Идиш был родным языком большинства, однако его близость к немецкому и болезненные эмоциональные ассоциации, связанные с Катастрофой еврейского народа во Второй мировой войне, сделали его распространение в Государстве Израиль практически невозможным.

Во время Британского мандата, продолжавшегося с 1917 по 1948 г., английский был официальным языком Палестины, и на нем говорили как представители власти, так и местное население и многие иммигранты. Естественно, что он рассматривался в качестве возможного основного языка Государства Израиль, но и этот язык был отвергнут как чужой, ассоциирующийся с колониальным правлением.

Однако даже в разгар сионистского энтузиазма не ощущалось официального диктата в использовании только одного языка. Кнессет не принимал специальных решений по этому поводу, из-за чего, как и во многих других сферах, продолжали действовать законы и постановления времен Британского мандата. В 1922 г. Королевский указ установил, что официальными языками в Палестине являются английский, арабский и иврит (именно в таком порядке)⁸. После поправки, принятой в 1949 г., английский язык потерял статус официального, иврит был провозглашен первым государственным языком, а арабский – вторым. С тех пор Государство Израиль приложило немалые усилия для укрепления доминантного статуса языка иврит.

Академия языка иврит, сформированная по решению Кнессета в 1953 г. в качестве официального органа для работы над развитием языка, продолжает работу неформального Совета языка

иврит (Ваад ха-лашон ха-иврит), основанного Элиэзером Бен-Йегудой еще в 1888 г. Академия определяет стандарты языка, публикует новые ивритские слова, заменяющие терминологию, основанную на иноязычных корнях. Многие (но не все) слова принимаются и становятся широко употребляемыми. В 1998 г., когда иврит уже давно утвердился в качестве первого языка страны, Кнессет еще раз вернулся к вопросу о защите национального языка, приняв поправку к Закону о телевидении и радиовещании – Закон о поддержке песен на иврите. Во исполнение этого закона один из каналов израильского радиовещания (третий канал) транслирует исключительно ивритские песни, а все остальные радиостанции транслируют также песни, исполняемые на других языках. Трудно сказать, насколько данный закон реально способствует поддержанию статуса национального языка или развитию национальной культуры, однако тот факт, что этот вопрос оказался на повестке дня израильского парламента полвека спустя после установления государственной независимости, служит неопровержимым индикатором того, что языковая ситуация в Израиле все еще не стабилизировалась окончательно.

Интенсивность процесса модернизации языка иврит не ослабевает с годами. Ее целью является приведение изолированного или несовременного языка к уровню развитых языков как средства современного общения. Так, модернизация иврита должна обеспечить возможность культурному, научному и экономическому сообществу Израиля войти в мировое сообщество взаимопереводимых языков. Развитие иврита в Израиле должно было восполнить пробел, когда веками на этом языке не общались, не писали писем и научных трактатов, не учились в школе и т.д. Необходимо было довести его до уровня функционирования языков, чье развитие никогда не прерывалось.

Необходимо отметить, что развитие иврита происходило в особой уникальной ситуации: подавляющее большинство носителей этого языка были и остаются двуязычными. Расширение использования иврита встречало психологическое сопротивление, варьировавшееся в зависимости от статусов различных вторых языков двуязычных носителей иврита. Статусы этих вторых языков также различны и можно

представить их как континуум⁹: от «малых языков» (например, амхарский, черкесский) до «языков широкой коммуникации» (раньше французский, потом немецкий, сегодня английский выполняют эту функцию) и некоторых языков «особого статуса» на разных уровнях этого континуума (французский, русский, арабский).

Языки Израиля сегодня

Сегодня изменилась общая атмосфера, касающаяся отношения к проблеме культурных различий. Иногда ивритоговорящие уроженцы страны – потомки выходцев из России начинают изучать русский язык, чтобы вернуться к утерянным корням. Изменилось также отношение к идишу, и сегодня в нем уже больше не видят «врага иврита». Популярность идиша растет и среди секулярной молодежи, его изучают как иностранный язык в некоторых школах. В 1995 г. Еврейское агентство субсидировало трехмесячную стажировку в Израиле группы изучающих идиш студентов из Москвы. Недавно в Иерусалимском культурном центре при муниципалитете состоялся первый спектакль на идише поставленный молодежной труппой «Идиш-лэнд». На государственном первом канале телевидения появилась субботняя передача, на которой обсуждаются проблемы истории языка идиш и связанного с ним культурного наследия, многие артисты выступают и поют на идише. Все это свидетельствует об оживлении интереса общества к языку идиш.

Представляется, что это явление нужно рассматривать в контексте общего изменения взглядов на культурные различия – в принципе, толерантность и даже интерес ко всему «иноному» характерны для культуры конца XX в., когда уже стала очевидна неплотность попыток искусственного формирования новых наций при игнорировании этнической идентичности каждой из них. Войны на Кавказе, признание прав этнических меньшинств в США, сохранность относительной обособленности сефардской и ашкеназской общин в Израиле – все это свидетельствует о значительной устойчивости этнокультурных различий, традиций и предпочтений.

Развитые в результате дискуссий современные подходы к проблемам мультикультурализма или культурного плюрализма основаны на фактическом признании культурно-этнической при-

вязанности как интегральной части психологии личности. Более того, все бóльшую популярность приобретает идея о возможности взаимного обогащения культур, об интеграции предполагающей сохранность составляющих¹⁰. Поддерживание связей с семьей, с культурой в которой человек вырос, помогает сохранить личностную целостность и идентичность. Отвержение собственной культуры и обесценивание личного прошлого опыта может быть разрушительным для личности. Даже в случаях эмиграции, как проявления бунта против культуры и страны исхода или, когда человек превращается в беженца, в случаях катастрофы или бедствий стремление забыть, избавиться от тяжелого эмоционального груза впоследствии переходит в потребность возврата к прошлому, переосмысления его и включения его в канву биографии. Трудно строить новое на руинах и из обломков. Сегодня уже ясно, что гораздо более эффективным путем является не механическое отвержение прежней культуры и самоидентификации, а попытка адаптировать, реконструировать культурно обусловленные привычки и обычаи, чтобы вписать их в новые условия жизни. Идеология «плавильного котла» не сработала и сегодня уже отброшена.

Если раньше воинственная защита иврита диктовалась страхом перед вавилонским столпотворением, то теперь, когда иврит прочно укрепился как доминантный общий язык, общество больше опасается левантизации – средиземноморского провинциализма как следствия недостаточной коммуникации с быстро меняющимся современным миром. Поэтому сегодня израильяне много более, чем раньше терпимы к многоязычию. Отмечается также положительное отношение к проблеме сохранения языков стран исхода¹¹.

Языковая ситуация в Израиле сегодня существенно отличается от той, что существовала до провозглашения государства Израиль и на ранних этапах его развития. Прежде всего, существенно снизилась тревога по поводу того, что иврит может быть вытеснен каким-либо другим языком. Иврит сегодня доминирует и как официальный язык, и как язык повседневного общения; его преподают не только в Израиле, но и в других странах, включая и Россию, всем, кто хочет его изучать. Каждый взрослый репатриант, а иногда и подростки старше 12 лет по приезду в Израиль получают

возможность в течение пяти месяцев бесплатно изучать иврит на интенсивных курсах («кульпанах»). Для вновь прибывших детей организовано обучение ивриту непосредственно в школах.

За последнее десятилетие в языковой ситуации в Израиле произошли существенные изменения. Во-первых, уроженцы Израиля, считающие иврит своим родным языком, сегодня составляют большинство населения. Во вторых, английский язык сегодня уже не ассоциируется с британским колониализмом. В третьих, в связи с общемировыми геополитическими изменениями вызванными распадом СССР, в Израиль переселились около миллиона русскоговорящих репатриантов. Эти евреи сумели сохранить свою национальную идентичность вопреки попыткам ассимилировать их в общую культуру. Для них характерно четкое чувство личной и культурной идентичности, и, как результат, они сопротивляются попыткам насильственно ассимилировать их и в израильскую культуру¹².

По данным наших исследований, для большинства молодых репатриантов родной для них русский язык представляет значительную ценность независимо от их мотивации овладеть ивритом¹³. Для них характерна установка на двуязычие. Это много читающая публика – многочисленные русские книжные магазины процветают, трудно сосчитать газеты и другие периодические издания на русском языке, но с уверенностью можно сказать, что это число близко к тому, что выходит на иврите и уж точно больше чем печатается в Израиле на других языках, включая английский. В последнее десятилетие именно изменение в языковой практике Израиля в связи с притоком русскоязычных репатриантов привело и к изменению языковой идеологии в сторону большей толерантности к многоязычию.

Есть радиостанция РЭКА, ориентированная на репатриантов, вещающая преимущественно на русском языке (десять часов на русском, два часа на амхарском для репатриантов из Эфиопии и два с половиной часа на французском). Кроме того, что благодаря кабельному телевидению русскоязычным израильтянам доступны три российских телеканала (ОРТ, РТР и НТВ), есть и ряд регулярных передач израильского телевидения на русском языке и ряд ивритских передач с русскими субтитрами.

Вследствие массового притока русскоязычных репатриантов даже и без принятия каких-либо формальных решений на многих товарах широкого потребления появились ярлыки и пояснения на русском языке; в 1995 г. Министерство транспорта начало широкую кампанию за безопасность движения, и все лозунги в средствах массовой информации и плакаты на автобусных остановках также переводятся на русский язык. В периоды избирательных кампаний в борьбе за электорат не только партии, представляющие преимущественно интересы репатриантов, но и все другие политические объединения в стране распространяют свои материалы на русском языке. По мнению Л. Глинерта, именно отсутствие централизованной политики привело к такому уникальному проникновению языка иммигрантов в его различных функциях в разные сферы общественной жизни¹⁴.

В университетах студенты всегда могли свободно выбирать, какой иностранный язык изучать кроме английского, который является обязательным уже в средней школе. Как правило, популярность разных языков определялась социо-политической ситуацией. Так, русский язык как иностранный всегда был популярен в Израиле, особенно в Еврейском университете в Иерусалиме: с 1950 по 1967 г. ежегодно 150-200 студентов изучали русский, однако в результате разрыва Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны число студентов, изучающих русский язык, резко снизилось. В наши дни, в эпоху массового притока русскоязычных репатриантов, только 50-60 студентов в Иерусалимском университете изучают русский как иностранный, что объясняется тем, что они едва ли смогут конкурировать в профессиональном плане с теми, для кого русский язык является родным.

Согласно циркуляру Министерства образования, языки школьного обучения в Израиле – иврит (в еврейском секторе) и арабский (в арабском секторе). Как факт признания потребности каждого сектора в языке другого, недавно был добавлен год изучения арабского в еврейских школах. Был подтвержден также статус английского как первого иностранного языка и разрешено преподавание его с третьего класса (по существующему положению, преподавание английского обязательно с пятого класса). Для

еврейских школьников, кроме обязательного изучения арабского языка в течение четырех лет с 7 по 10 класс, возможно изучение его по выбору в 5, 6, 11 и 12 классах, однако в отдельных школах могут заменить его французским языком. Для новых репатриантов изучение второго иностранного языка не является обязательным; кроме того, выходцы из стран СНГ могут заменить его на русский язык и изучать его либо как родной, либо как иностранный. Существует также соглашение между Россией и Израилем о взаимной поддержке изучения национальных языков, которое обязывает Израиль способствовать сохранению русского языка.

Особое место в языковой ситуации Израиля занимают арабский и английский языки.

Изучение и преподавание арабского языка в Израиле происходит в несколько необычной ситуации. Арабский – официальный язык страны, на нем говорят арабы – граждане Израиля, не говоря уже о том, что это доминирующий язык на всем Ближнем Востоке. Однако, вопреки большим потенциальным возможностям общения с носителями арабского языка вне рамок формального изучения, реально контакты эти весьма минимальные. Поэтому арабский изучается как иностранный, а не как второй язык. Затянувшийся политический конфликт довлеет над израильским обществом и влияет на языковую ситуацию в стране. Арабский язык характеризуется диглоссией: устный арабский отличается значительной вариативностью даже в пределах одной страны, в то время как письменный язык сохранился в классической форме, основанной на Коране, и одинаков в разных странах. Это обстоятельство затрудняет преподавание арабского языка. Израильские школьники изучают письменный литературный язык, но после двух-трех лет обучения начинают испытывать разочарование, так как все еще не могут общаться на арабском и слабо понимают устную речь. Вместе с тем, у многих школьников еврейских школ отмечается положительная мотивация к изучению арабского языка¹⁵ (т.е. они за развитие арабо-еврейских контактов, равноправие и оптимистичны по отношению к мирному процессу) и они убеждены, что знание арабского важно для облегчения контактов с живущими в стране и соседних странах носителями языками (интегративная

ориентация). В израильском контексте изучение арабского протекает более успешно у тех, для кого знание этого языка имеет отношение к системе жизненных целей (в области образования, в профессиональной карьере или в связи с проблемой национальной безопасности и обороны Израиля).

Хотя арабский – второй официальный язык в Израиле, реальные статусы арабского и иврита отнюдь не равны. В отдельных случаях требовались специальные решения Верховного суда, чтобы ввести надписи на арабском на дорожных указателях и в названиях улиц в городах или чтобы разрешить спор бизнесмена с муниципалитетом города Верхний Назарет и защитить его право на рекламу на арабском и не подчиняться требованию инструкции муниципалитета, регламентирующей доминирование на две трети иврита в рекламе.

После отмены Британского мандата и создания Государства Израиль, английский язык уже не является официальным языком, однако он присутствует на почтовых марках, денежных знаках, на дорожных указателях и объявлениях наряду с ивритом и арабским. Часто можно встретить только ивритские и английские надписи, без арабского, например, адреса на бланках фирм и государственных учреждений. Израильский суд принимает к рассмотрению собственноручные письменные завещания на английском языке.

Однако в некоторых случаях отсутствие официального статуса языка позволяет чиновникам, реализующим языковую политику, произвольно использовать эту неопределенность. Два показательных примера из личного опыта. Находясь в Патентной палате вместе с изобретателем (в качестве переводчика) я попросила чиновника принять письмо, написанное на английском. Он категорически отказался принять его письмо, аргументируя тем, что государственное учреждение работает с документами только на официальных языках, а английский таковым не является. Скорее всего, этот чиновник просто не владел английским в достаточной мере, чтобы оценить содержание и зарегистрировать его. Дома мы рассмотрели письмо-запрос эксперта палаты и убедились, что официальный бланк Патентной палаты включал название и адрес на английском. Официальное письмо было отправлено по почте, принято и на него был получен ответ, правда, на иврите. В другом случае, в Бюро регистраций Министерства транс-

порта предложили для ускорения переоформления документов предоставить нотариально заверенный перевод завещания на автомобиль, написанного на английском, чтобы завершить процесс на месте. Чиновники этого бюро не владеют английским в достаточной степени и вынуждены отправлять документы на английском в высшие инстанции и т.д. что, соответственно, затягивает процесс.

Английский сегодня – язык международного общения в сфере туризма, бизнеса, науки и технологии, и поэтому владение им открывает более широкие возможности. Кроме того, по мнению Бернарда Спольского, английский имеет особое значение для Израиля еще и потому, что он является языком большой еврейской диаспоры в США, Канаде, Великобритании и Австралии¹⁶. Кроме того, после многочисленной англоязычной репатриации после 1968 г. в преподавании английского в Израиле сложилась уникальная ситуация: для 40% учителей английского языка в еврейских школах он является родным; лишь 60% сами учили его когда-то как иностранный. По словам Б.Спольского, Израиль занимает первое место в мире среди неанглоязычных стран по числу носителей языка среди преподавателей английского в системе среднего образования. По данным, приводимым С.Доница-Шмидт и Е.Шохами, школьники, говорящие на иврите, считают английский тем языком, который им больше всего необходимо учить, арабы и русскоговорящие евреи ставят его на второе место после иврита¹⁷.

В результате двух волн репатриации в Израиль прибыло около 75 тыс. евреев из Эфиопии. Для большинства из них родным языком является амхарский, но около 10 тыс. из них говорят на языке тигрин. Амхарский язык не получил столь широкого распространения в Израиле как русский не только из-за меньшей численности репатриантов, но и из-за того, что многие взрослые выходцы из Эфиопии были неграмотными и впервые сели за парту в израильских ульпанах. Только в местах высокой концентрации репатриантов из Эфиопии можно увидеть объявления на амхарском языке. При поддержке Министерства образования выходят две газеты на амхарском: одна – ежемесячно, другая – раз в два месяца.

Заключение

Если следовать определению языковой политики, которое приведено в начале статьи, можно утверждать, что формальная языковая политика не имеет решающего значения в формировании языковой ситуации Израиля. Так, хотя английский исключен из списка официальных языков, он присутствует в различных сферах жизни Израиля в большей степени чем официальный арабский язык; статус русского языка не зафиксирован в официальных документах, однако в результате демографических изменений русский получил значительное распространение.

Проблема возрождения и модернизации иврита как общего языка для репатриантов из разных стран рассеяния занимала существенное место в идеологии сионизма и являлась важной составляющей процесса борьбы за становление единого народа в Государстве Израиль. Сегодня доминирование иврита в Израиле – уже несомненный факт. Современная языковая ситуация в Израиле характеризуется политической толерантностью (выбор, использование и распространение языков регулируется скорее объективной ситуацией, чем структурами власти), индивидуальным плюралингвализмом (большинство израильтян владеют несколькими языками) и общественным мультилингвализмом (в стране сосуществуют и употребляются в различных сферах жизни разные языки). Эта ситуация сохранится и в будущем.

---

¹ *Lewin B. Attitudinal Aspects of Immigrants' Choice of Home Language. – Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1987, 8, с. 361-378.*

² Обучение в системе религиозного образования в сефардской ультра-ортодоксальной общине происходит на иврите.

³ *Grimes B. Ethnologue: Languages of the World. Dallas, Texas: Summer Institute of Linguistics, 1996.*

⁴ См.: *Spolsky, Bernard and Shohami, Elana. The Languages of Israel Policy, Ideology and Practice. Clevedon: Multilingual matters / Bilingual Education and Bilingualism, 1999.*

⁵ Цит. по документу, находящемуся в историческом архиве муниципалитета Тель-Авива.

---

⁶ Отрывок из письма легионера Еврейских батальонов Британской армии в Палестине А.Фридгута к Б.Халтрехту в Монреаль опубликованное в «Canadian Jewish Chronicle» 8 августа 1919 г.

⁷ Цит. по документу, находящемуся в историческом архиве муниципалитета Тель-Авива.

⁸ *Nadel E. and Fishman J. English in Israel: A Sociolinguistic Study*, – *The Spread of English*. J. Fishman, R. Cooper and A. Conrad (eds.), Rowley: Newbury House, 1977, с. 137-167.

⁹ *Ferguson C. National Sociolinguistic Profile Formulas*. – *Sociolinguistics*. William Bright (ed.). Hague: Mouton, 1971, с. 309-315.

¹⁰ В последние 20 лет в международных научных журналах были опубликованы многочисленные статьи, посвященные принципам мультикультурализма; см., например: *Moodley, Kogila. Canadian Multiculturalism as Ideology*. – *Ethnic and Racial Studies*. 1983, 6, с. 320-331; *Smolicz, Jerzy. In Search of a Multicultural Nation – The Case of Australia from an International Perspective*. – *Cultural Democracy and Ethnic Pluralism – Multicultural and Multilingual Policies in Education*. Richard and Jerzy Smolicz (eds.). Bern, 1997, с. 51-76.

¹¹ *Hofman J. and Cais J. Children's Attitudes to Language Maintenance and Shift*. – *International Journal of the Sociology of Language*. 1984, 50, с. 147-153.

¹² *Kheimets N. and Epstein A. Between Two Models of Nation-Building: Theoretical and Historical Frameworks for the Analysis of Multilingual Identity of Russian Jewish Intelligentsia in Israel*. – *Language Problems and Language Planning* (forthcoming, 2001).

¹³ *Olshtain E. and Kotik B. The Development of Bilingualism in an Immigrant Community*. – *Language, Identity and Immigration*. E. Olshtain and G. Horenczyk (eds.). Jerusalem, 2000.

¹⁴ *Glinert L. Inside the Language Planner's Head: Tactical Responses to New Immigrants*. – *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1995, vol. 16, is. 5, с. 351-371.

¹⁵ *Kraemer R. Social Psychological Factors Related to the Study of Arabic among Israeli High School Students*. *Studies in Second Language Acquisition*. 1993, 15, с. 83-105.

¹⁶ *Spolsky B. English in Israel after Independence*. – *Post-Imperial English*. J. Fishman, A. Rubal-Lopez and A. Conrad (eds.) B., 1996.

¹⁷ *Shohami E. and Donitza-Smidt S. Attitudes, Stereotypes and Priorities of Jews Toward Arabic and Arabs toward Hebrew*. Tel-Aviv: The Shtainmintz Center for Peace in the Middle East, Tel-Aviv University, 1997. Вместе с тем, исследования об отдельных группах выходцев из России в Израиле (в частности, исследования об ученых-репатриантах) свидетельствуют, что хорошее знание

английского является даже более важным, чем знание иврита для их успешной профессиональной интеграции. См.: *Kheimets N. and Epstein A. The Role of English as a Central Component of Success in the Professional and Social Integration of Scientists from the Former Soviet Union in Israel.* – *Language in Society.* Cambridge University Press, 30 (2), forthcoming, 2001 (примеч. ред.).

IV. РОССИЙСКАЯ ОБЩИНА В ИЗРАИЛЕ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИЗРАИЛЕ: ПОИСКИ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

Нарспи Зильберг,

Кафедра журналистики Иерусалимского университета
и Колледж Израэльской долины *

Введение

В результате массовой алии из бывшего Советского Союза в Израиле в 1990-х годах произошло образование русскоязычной общины. В этом процессе значительную роль сыграла интеллигенция, которая представляет важную группу в составе алии и оказывает существенное влияние на процессы социо-культурной интеграции русского еврейства. Поскольку массовая иммиграция, включающая сильные элитарные группы интеллектуалов, – специфическое явление, представляет особый интерес рассмотреть влияние этой группы на проблемы культурного самоопределения формирующейся общины новых иммигрантов. В фокусе данной работы – попытка определить наиболее характерные модели интеграции русского еврейства

---

* Антрополог **д-р Нарспи Зильберг** закончила исторический факультет МГУ и аспирантуру Института этнографии РАН. Преподает в академическом колледже им. Гальперина Бар-Иланского университета, в колледже Израэльской долины и на кафедре журналистики Иерусалимского университета. На протяжении многих лет занимается проблемами миграции. Соавтор вышедшей во Франции книги «Русская интеллигенция в Израиле», автор ряда статей, опубликованных в «European Migration Review», «Israel Social Science Research» и других научных журналах.

и наметить дальнейшие перспективы его социо-культурного развития на основе анализа деятельности различных групп иммигрантской интеллигенции в Иерусалиме в период 1990 -1994 – х гг. Именно в Иерусалиме оказались активные круги интеллигенции и сложился своеобразный центр культурной жизни русской общины Израиля, наиболее ярко отражающий ее основные культурные установки и ценности. Материалы, ставшие основой для этой статьи – результат антропологического исследования, проведенного в начальный и в значительной мере критичный период абсорбции 1990-1994 гг. в иерусалимских клубах, кружках и семинарах, возникших по творческой инициативе самих новых репатриантов. Опыт предыдущей волны алии 70-х годов показал, что профессиональная и социальная адаптация иммигрантов прошла относительно успешно, но проблема их культурной интеграции оказалась наиболее сложной. Реализовав в значительной степени свой интеграционный потенциал в профессиональной сфере, к началу новой волны иммиграции советские евреи не проявились в израильской культуре и не смогли добиться статуса в общественно-политической жизни. Их творческий потенциал не был затребован и они оказались маргинальной группой в обществе. По определению Тamar Горовиц, произошла «интеграция без аккультурации»¹.

Иммиграционная волна 90-х годов сделала русскоязычное еврейство самой крупной субэтнической группой после уроженцев страны и стала основой формирования общины новых иммигрантов. В течение первых пяти лет с момента начала большой алии (в 1989 г.), когда в Израиль прибыло около полумиллиона иммигрантов из бывшего Советского Союза, проявились признаки организованной общинной жизни, возникла сеть добровольческих иммигрантских организаций и сложилась коллективная самоидентификация русскоязычной общины в Израиле. Уже к началу 1993 г. 35 объединений олим (клубов, социальных, просветительских, профессиональных ассоциаций, землячеств, издательских объединений и пр.) вошли в состав «зонтичной» организации – Сионистского форума советского еврейства, ставшего центром образования новой общины.

Формирование русскоязычной общины стало существенным фактором для развития интеграции как двустороннего процесса,

основанного на диалоге между российским еврейством и израильским обществом. Образование общины также было социально обусловленным результатом двустороннего взаимодействия принимающего общества и новоприбывших. В процессе ресоциализации новых иммигрантов сформировалась групповая этно-культурная самоидентификация русскоязычного еврейства в Израиле. Важными компонентами коллективного этнического самосознания российского еврейства стали, наряду с языком, общие культурные символы и общее историческое прошлое – коллективная память.

Опыт общины, которая всегда была важным фактором еврейской жизни глубоко заложен в еврейской традиции. Но у советских евреев он был утрачен на протяжении нескольких поколений в силу целенаправленной политики денационализации. Возрождение общинной жизни началось лишь в период перестройки в СНГ и примечательно, что параллельно с этим процессом шло строительство общинных структур в русско-еврейской диаспоре, прежде всего в Израиле, США и в Германии².

Община новых иммигрантов в рассматриваемый нами период находилась в стадии формирования, и поначалу у нее еще не было каких-либо признаков общинной организации. Вместе с тем, уже в то время ясно обозначились черты спонтанно возникшей общности, для которой более всего подходит определение *коммунитас*, возникающей в переходные (лиминальные) и нередко кризисные этапы, каким и является постиммиграционный период. Коммунитас в отличие от собственно общины (*community*) характеризуется аморфной, относительно гомогенной структурой и отсутствием строго определенных статусов, ролей и иерархий³. Коммунитас обычно является фазой на пути создания общины.

Для формирования русской общины как особой социально-культурной общности русскоязычного еврейства в Израиле представляется важным подчеркнуть организационный опыт иммигрантов в 80-е годы. С точки зрения статистики группа, прибывшая в 80-е годы, была несущественной, но в процессе формирования общинной структуры и организации общинной жизни ей принадлежит важная роль: она стала связующим мостом между эмиграционными потоками 70-х и 90-х годов. С началом перестройки во второй поло-

вине 80-х годов получают разрешение на выезд группы отказников и активистов алии, которые были наиболее проникнуты идеологией исхода и имели опыт организации совместных действий. По приезде в Израиль этой группе удалось объединить наиболее заметных деятелей в русской среде, независимо от их идеологических взглядов, партийной принадлежности и времени их прибытия и создать Сионистский форум (СФ). Именно активисты СФ в начале 90-х годов способствовали самоорганизации алии и ее адаптации как в преадапторный период подготовки к алии, так и на первом, наиболее напряженном, этапе жизни новых иммигрантов в Израиле, направляя деятельность добровольцев и волонтеров, нередко вступая в конфликт с истеблишментом и защищая интересы новых репатриантов. Сионистский Форум сыграл исключительную роль в формировании общины выходцев из бывшего Советского Союза⁴.

Один из активных сторонников строительства общины российского еврейства в Израиле, Владимир Глозман (в Израиле с 1973 г.), бывший директором СФ, мотивируя ее необходимость, отмечал: «Мой личный опыт сходен с опытом многих иммигрантов-старожилов, которые, успешно пройдя путь интеграции, только спустя много лет обнаружили, что они ощущают растущую потребность в идентификации с общиной, историю и основы культуры которой они разделяют. Эта потребность пришла от чувства фрустрации, что многие не преуспели, как могли бы преуспеть – их успех был ограничен лишь определенной сферой деятельности, а среди лидеров страны не было ни одного, кто мог бы говорить от имени советских иммигрантов... Община – это не гетто, где жизнь советских иммигрантов противопоставлена жизни Израиля. Это путь к тому, чтобы как индивидуальности и как коллектив принести максимальную пользу израильскому обществу и проявить себя в стране. Как индивидуумы мы потеряны, но вместе мы можем дать (и получить – гораздо больше).

Деятельность Сионистского форума подготовила организационное оформление общины и возникновение партии новых репатриантов из бывшего Советского Союза. Этап общины, вернее *коллективной* интеграции через общину стал ведущей стратегией иммигрантов из СНГ особенно на первом этапе их жизни в новой среде.

Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиски диалога

Интеллигенция – наиболее характерная группа в составе последней алии с ее высоким уровнем образования и профессионализма. Интересно отметить, что стереотип типичного «русского» репатрианта ассоциируется у израильтян прежде всего с представителями этой группы (врачами, учеными, музыкантами, учителями).

В постиммиграционный период интеллигенции выпала творческая роль в селективном отборе и поддержке наиболее важных и значимых символов этнической самоидентификации русско-еврейской общины, переосмыслении наследия русскоязычного еврейства. Она в значительной мере формирует систему культурных ценностей, норм поведения и ментальности, определяя актуальность этих образцов и норм, подчеркивая их положительную оценку в общественном наследии, а также необходимость активно отстаивать их как существенные для него элементы культуры. Следует отметить, что для русско-еврейской интеллигенции в Израиле характерна высокая самооценка. Являясь в России носителями преимущественно «прозападной» космополитической ориентации, они оценивают свое культурное наследие как универсальное и первичное по отношению со сравнительно молодой израильской культурой, которая многими иммигрантами из бывшего СССР воспринимается как «провинциальная».

Через развитую сеть масс-медиа, которую ей удалось создать и отстоять в Израиле, русскоязычная интеллигенция может оказывать активное воздействие на процесс культурной интеграции, став проводником и катализатором проникновения израильской культуры в русскоязычную иммигрантскую среду, или, наоборот, способствовать воссозданию русской культуры в Израиле, сделав русскую общину самодостаточной в культурном отношении группой, ориентированной на метрополию. Данная статья посвящена анализу наметившихся тенденций иммигрантской интеллигенции в культурной жизни «русского» Иерусалима.

Общая характеристика исследуемой группы

В процессе культурной интеграции в Израиле важным показателем является уровень ассимиляции новых иммигрантов, доминирующие национальные и культурные установки накануне репатриации.

В соответствии с уровнем ассимиляции можно выделить две основные группы иммигрантов: выходцы из традиционно еврейских мест расселения и ассимилированные евреи из крупных, главным образом, столичных городов – в Москве по данным переписи 1989 г. проживала треть всех евреев России, в Ленинграде – 20% российских евреев⁵. Переходной группой можно считать ашкеназов из сравнительно новых ареалов дисперсного расселения в крупных городах русской провинции, на Урале, в Сибири, а также в Средней Азии и Казахстане, сложившихся в основном во время эвакуации и переселения из районов Украины, Белоруссии и Молдавии в послевоенный период. По данным переписи 1989 г., накануне массовой эмиграции свыше половины российских евреев имели высшее образование.

В отличие от первой группы, где еврейская самоидентификация всегда была более устойчивой, вторая группа была денационализированной, а влияние государственного антисемитизма и великодержавного шовинизма было здесь наиболее сильным. При всех разительных контрастах культуры эмансипированного еврейства и «штетла» постоянно происходило их взаимодействие, шло увеличение второй группы за счет первой, приток в большие города прежде всего молодежи, а затем и «цепная» миграция целых семей.

Основная часть еврейского населения больших городов принадлежала к обеспеченному среднему классу. Высшее образование, престижная профессия и ее реализация в профессиональной карьере стали своего рода «религией» эмансипированной интеллигенции. Для многих профессия в условиях советского тоталитарного строя, стала смыслом жизни, подменив различные ее сферы в том числе национальное и религиозное самовыражение⁶.

Однако с распадом советской системы и подъемом национальных движений попытка денационализированного еврейства стать частью новой «советской» нации оказалась иллюзорной, вновь встали национальные проблемы и необходимость выбора своего пути⁷. В период перестройки в еврейской эмансипированной среде усилился поиск новых культурных ориентиров, стремление осмыслить свое еврейство (в чем не нуждалось в подобной мере менее ассимилированное еврейство первой группы, всегда сохранявшее свое специфическое понимание национального чувства).

В Израиле группа ассимилированной интеллигенции столкнулась с максимально тяжелыми социально-экономическими проблемами, оказавшись лишенной своего прежнего высокого социального и профессионального статуса. Это наложило отпечаток на восприятие израильской действительности, проблем плюрализма и либерализма, пониманию которых мешали стереотипы, усвоенные в тоталитарном обществе. У наиболее ассимилированной группы интеллигенции этот конфликт обострился противоречием между ее прежней «космополитической» ориентацией на западную (европейскую) культуру и национальным характером израильского общества, представляющего культурную мозаику разных еврейских общин.

Теоретический аспект проблемы

Мне хотелось бы подчеркнуть значение работ, которые кажутся наиболее важными для изучения культурных дилемм и динамики иммигрантских сообществ в переходные периоды, позволяющие открыть новые аспекты в понимании кросс-культурных ситуаций, складывающихся между иммигрантами и принимающими их обществами.

Диалогичность пограничного существования (по Бахтину): жизнь «на грани», на пороге, полная перемен и обновления, своеобразная амбивалентность существования между двумя мирами, карнавальность, выражающая неизбежность смены статусов и порядков удивительно созвучна дилеммам иммигрантского мировосприятия. Разработанные Михаилом Бахтиным категории для анализа литературных жанров кризисной эпохи и его идеи о *диалогизме* и карнализации культуры могут быть на наш взгляд использованы при интерпретации проблем иммигрантской культуры⁸.

Вторая теоретическая концепция, оказавшаяся полезной для анализа культурного конфликта, присущего иммиграции, принадлежит Виктору Тернеру, определившему взаимосвязь между социальными переменами и их культурными проявлениями с помощью понятий «социальной драмы», *коммунитас* и лиминальных (переходных) состояний, характерных для «пороговых» личностей, меняющих место жительства, социальное положение и статусы. Она

созвучна бахтинским идеям и углубляет понимание переходных эпох и ситуаций жизненных переломов, подробно определяя свойства *лиминальных* структур.

Метод и модели исследования

В настоящей работе, иммиграция рассматривается как динамическое явление, сопряженное с постоянными изменениями, неизбежными при переезде из одной страны в другую, при переходе от одной системы норм, оценок и приоритетов к другой. Если в фокусе исторического, демографического, социологического и психологического подходов к иммиграции прежде всего изучение ее как особого процесса, где каждая наука специализируется на исследовании своими методами одной из его сторон, то одно из преимуществ антропологического подхода к анализу иммиграции – стремление понять смысл происходящих с иммигрантом изменений в общем контексте его жизни и рассматривать иммиграцию как целостную систему, находящуюся в кросс-культурном взаимодействии с новой средой. Холистический принцип этого подхода коренится в самом смысле полевой этнографической работы, где понимание достигается через вживание в исследуемую культуру и исторический опыт «другого» общества или общественной группы.

Будучи сама новой репатрианткой, я не испытывала проблемы в установлении контактов с информаторами. Мое знакомство с жизнью общины позволило мне определить наиболее интересные и влиятельные группы интеллектуалов и выделить ключевые фигуры, инициировавшие самые важные проекты. Моя работа состояла как из бесед и интервью (открытых и полужформализованных) , так и включенного наблюдения за различными событиями культурной жизни «русского» Иерусалима.

Эти материалы дополнил анализ иммигрантской прессы, достаточно подробно освещающей культурные дилеммы новых репатриантов. Следует отметить, что многие журналисты сами активно участвовали в деятельности иммигрантских клубов, кружков и культурных ассоциаций, пропагандируя наиболее удачные начинания и критикуя промахи и недостатки. С другой стороны, создатели различных объединений (главным образом, музыкаль-

ных, литературных и театральных), люди творческие и социально активные, стремились сами освещать свои встречи и вечера и пропагандировать идеи, ища союзников и помощников для их осуществления. Особенно активное освещение эта часть жизни новых иммигрантов получила в газете «Вести». Журналисты этой газеты регулярно публиковали анонсы предстоящих лекций, концертов и диспутов, а также отчеты и критические отзывы на наиболее серьезные события культурной жизни русской общины. Эти выступления масс-медиа придавали общественный резонанс деятельности относительно небольших групп и имели несомненно важное значение в формировании социо-нормативных и культурных приоритетов всей русскоязычной общины Израиля.

Около 50 периодических изданий, ежедневное 12-часовое радиовещание, постоянные телепрограммы на русском языке представляют разнообразие голосов и позиций разных групп русской общины. Но позиции, предлагаемые русскоязычной масс медиа, в значительной мере формируются в живом контексте иммигрантской жизни, в непосредственном диалоге с иммигрантской средой, что и определило выбор поля для данного исследования. С одной стороны, в иммигрантских клубах, на лекциях и литературных вечерах, диспутах и концертах можно наблюдать как непосредственно воспринимаются веяния интеллигенции широкой публикой и определить не только культурные, но и социальные параметры явлений, меняющиеся роли и статусы участников представлений («cultural performances»), манипуляцию получаемой информацией, а с другой стороны, эта публика и является той почвой, которая питает силы формирующейся элиты.

Вариативность моделей интеграции в плюралистическом обществе

При анализе возможных моделей интеграции большой волны иммиграции 90-х годов следует учитывать иерархичность ее состава (различия статусов, социальных и культурных слоев) и его гетерогенность. Алия 90-х годов этнически неоднородна, она включает ряд субэтнических групп, принадлежавших к одной этнополитической системе – бывшему Советскому Союзу. Это раз-

нообразии типов накладывается в свою очередь на израильский поликультурализм, что приводит к еще более дробной иерархии вновь переосмысливаемой идентичности (израильтяне, ашкенази, восточные евреи, русские). В данной работе я не касаюсь вопросов культурной интеграции горских, грузинских и бухарских евреев, специфические проблемы которых очевидны и нуждаются в специальном исследовании. Однако важно отметить, что в Иерусалиме они в своем большинстве не примкнули к культурным ассоциациям, созданным ашкеназской интеллигенцией из СНГ, а создали свои собственные объединения и землячества, сложившиеся преимущественно вокруг этнических синагог. Также не затрагиваются мною и проблемы численно небольшой, но достаточно активной религиозной группы, процесс культурной интеграции которой в значительной степени предопределен.

В большой алии, дифференцированной культурно, этнически и социально существует целый спектр различных вариантов культурной интеграции. Одни группы хотят и могут принять готовые модели израильского общества (речь идет об массовых моделях культуры), другие в силу возраста или социально-экономических проблем вынуждены оставаться в культурной изоляции. Третьи – ищут пути выхода из культурной сегрегации на общеизраильскую сцену, новые ниши, разрабатывают проекты аттрактивные как для новых репатриантов, так и для израильтян. Четвертые – не заинтересованы в диалоге с Израилем, а ориентированы на космополитическую или общееврейскую диаспору (здесь можно отметить целый ряд имен известных деятелей культуры). Пятые – видят себя частью русской диаспоры за пределами России и культурно ориентированны на метрополию. При этом важно отметить, что для евреев, воспитанных в советском обществе 80-х годов, был характерен индивидуализм со всеми его оттенками от иронической отстраненности до открытого диссидентства. Быть не принятым истеблишментом зачастую было почти нормой, а массовое признание не являлось главным критерием успеха. Эта традиционная оппозиция по отношению к истеблишменту сохранилась у русского еврейства и в Израиле.

Рассматривая культурные объединения иммигрантской интеллигенции в первой половине 90-х годов можно выделить три основные модели:

(1) Постепенная «израилизация», поэтапная *ассимиляция* советских евреев и превращение их в «новых израильтян». Следует отметить, что этот идеал, ориентированный на вхождение в израильское общество и растворение в нем, был принят в качестве образца значительной частью иммигрантов 70-х годов (о чем свидетельствуют прежде всего их языковое поведение).

(2) *Самосегрегация*. Консервация привезенных из страны исхода культурных ценностей, норм и ментальности, предполагающая замкнутость в своей среде. Антитеза первой модели. Опыт подобных эмигрантских организаций достаточно типичен и предполагает создание максимально-привычной адаптационной среды для новоприбывших на основе прежде всего внутриобщинных связей, взаимоподдержки и взаимной помощи.

(3) *Интеграционная* модель предполагает постепенное приживание культурного наследия русского еврейства на израильской почве. Этот путь симбиоза требует максимальных усилий, поиска новых форм и установки к *диалогу*. Путь, лишь пунктирно намеченный в 70-х годах, получил возможности к реализации в условиях массовой иммиграции 90-х годов.

Все три модели могут быть охарактеризованы на примере иммигрантских организаций в Иерусалиме: первая – отвечала главным установкам Культурного центра советского еврейства, вторая – Санкт-Петербургского землячества и третья – Библиотеке Сионистского форума советского еврейства. При этом вполне очевидно, что выделенные выше модели схематичны, практически же в любой культурной ассоциации идет борьба всех трех тенденций и нередко различные направления переплетены между собой, но при этом всегда есть господствующая линия развития, определяющая ведущие черты. Перейдем к конкретному описанию иммигрантских организаций, представляющих предложенные модели.

«Израилизация» (как идеал ассимиляции).

Принципиальные черты этой модели можно проследить в деятельности находившегося в Иерусалиме Культурного центра в период 1991-1995 гг. Этот проект получил финансирование со стороны организации «Христиане за Израиль» и фонда Карев Иерусалимского муниципалитета, а также поддержку Сионистского форума советского еврейства. Решению открыть центр способствовал большой приток в Иерусалим интеллигенции из бывшего Советского Союза. Так впервые у русскоязычного еврейства в Иерусалиме появилась своя культурная площадка, а вместе с нею возникла и среда для творческого общения.

Руководителями проекта были люди, прибывшие в Израиль в 70-х годах еще детьми, и сформировавшиеся уже в израильской культурной среде, получившие израильское воспитание и образование. Дирекция так определила основную задачу Культурного центра: «Мы представляем Центр, где советские евреи могут изучать Израиль, научиться понимать израильскую культуру и стать ее частью». Основной задачей Культурного центра стала пропаганда израильской культуры.

Вторым важным направлением являлась помощь в поисках работы для профессионалов – новых репатриантов, уже получивших известность в стране исхода. Для оценки уровня их профессионализма была создана специальная отборочная комиссия из известных деятелей израильской культуры. Центр выступал здесь лишь в роли посредника между потенциальными работодателями и артистами-репатриантами. Как отмечал в интервью один из руководителей Культурного центра: «Мы превратились в бюро по трудоустройству людей искусства». Многим артистам, прошедшим комиссию, была предоставлена сцена для выступлений. Важно отметить, что акцент был сделан на работе с музыкантами и художниками, чья профессиональная интеграция не требовала знания иврита. Что касается литераторов, пишущих по-русски, то приглашались преимущественно те, кто приехал еще в 70-е годы. Как отмечалось дирекцией Центра, «нашим критерием является работа автора с израильской действительностью».

Была сделана попытка организовать просветительскую деятельность – лекции об Израиле, творчестве израильских писате-

лей. На протяжении всего периода своей деятельности Центр пытался сам определить те культурные ценности и символы, которые, по мнению его руководителей, могут быть востребованы Израилем, без участия в этом процессе новых репатриантов.

В конечном итоге Центр стремился стать организацией для помощи репатриантам, а не организацией *самих* репатриантов, выбрав бюрократизированный стиль отношений с новоприбывшими, которым отводилась роль пассивных потребителей израильской культуры. Почти не предоставлялись возможности для независимой творческой деятельности самих иммигрантов с их далеко не привычным для израильтян пониманием своего еврейства (без знания иврита и иудаизма) и приверженностью к русской культуре.

Напряженность в отношениях между иммигрантами и руководством Культурного центра нередко приводила к открытым конфликтам, подтекстом которых являлась попытка последних диктовать новичкам культурные нормативы и ценностные ориентации. Ярким примером тому может быть конфликт по поводу плакатов с портретами узников Сиона, активистов алии и диссидентов, вывешенных иммигрантами в помещении Культурного центра. Это была своего рода демонстрация «героев» новой алии, подчеркивающая преемственность в развитии русского сионистского движения, попытка самим определить свои нормативные ценности. Подобная активность иммигрантов вызвала резкое неудовольствие руководства, потребовавшего снять плакаты и имевшего, очевидно, свою точку зрения на то, какие личности должны быть примером для репатриантов в Израиле.

Все же можно отметить несколько попыток со стороны самих новых репатриантов изменить ведущую установку руководства Культурного центра и, с одной стороны, развивать в Израиле культуру страны исхода, а, с другой, начать диалог с новой культурной средой, переосмыслить свой иммигрантский опыт.

Примерами для первого направления может быть организация концертов гастролирующих артистов из бывшего Советского Союза и деятельность клуба бардовской песни, объединившего любителей этого особо популярного жанра и развивающего тра-

диции, сложившиеся в стране исхода. Те, кто приходит на концерты гастролирующих актеров или бардов, удовлетворяют свою ностальгию по утраченной культуре, но не намерены создать нечто новое на основе своего израильского опыта.

Примером второго пути, который условно можно охарактеризовать как попытку переосмысления своего культурного наследия в израильском контексте, может служить создание экспериментальных театральных студий артистов иммигрантов: в одной из них ставились пьесы из «олимовской» жизни, в другой – театрално-музыкальные капустники, в третьей – постановки на идиш, где поднималась тема «идишкайта», находящая живой отклик у аудитории, для которой это важнейшая часть национального «я».

К сожалению, последнее направление в деятельности Центра не получило развития, и он постепенно утратил свою значимость для новых репатриантов, уступив место крепнущим добровольческим иммигрантским организациям и, прежде всего, Библиотеке Сионистского форума советского еврейства, о которой пойдет речь ниже. В последний период своей деятельности в работе Центра активнее всего проявилась тенденция к коммерциализации, при нем возникли синематека, экскурсионное бюро (в основном для туристов из СНГ), кафе грузинской кухни, магазин русской книги, расширилась деятельность гастролеров. Центр по существу отказался от развития своей идеи быть проводником израильской культуры в иммигрантской среде.

«Русское гетто» (идеал сегрегации).

Независимо от своего желания воспринять путь постепенной ассимиляции в израильское общество, довольно значительная часть иммигрантов оказалась неспособной покинуть «русское гетто». Это наиболее неустроенная социально и экономически часть алии, для которой начальный период жизни в Израиле складывался особенно сложно, а проблемы культуры, естественно, отступили на второй план. Тем не менее и в этой ситуации все же возникли попытки сохранить свои культурные ценности. Наиболее активной оказалась здесь ленинградская и московская интеллиген-

ция старшего поколения, создавшая в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе свои землячества.

Санкт-Петербургское землячество в Иерусалиме возникло в 1991 году прежде всего как объединение, целью которого стало оказание взаимной поддержки. Созданное исключительно на добровольческой основе и не имеющее никаких финансовых средств (бесплатно предоставляется только помещение), оно тем не менее сумело создать свою систему взаимопомощи репатриантов. К 1994 г. число членов землячества выросло до 500 (всего в Иерусалиме проживает около 1,2 тыс. семей из Ленинграда).

В составе общества преобладают люди пожилые, много пенсионеров (45% – в возрасте от 45 до 65 лет и 33% – старше 65; две трети всех членов – женщины). Большинство принадлежало к среднему классу и получило высшее образование (36% – инженеры, 15% – артисты, художники, музыканты, писатели и журналисты, 14% – врачи, 13% – учителя, преподаватели и ученые).

Главной причиной создания объединения стала потребность в общении и связи с людьми, имеющими общее прошлое и культуру. Как заметила одна из активисток землячества, 62-летняя женщина: «Поначалу мы чувствовали себя потерянными в незнакомой стране и без языка. Многие нуждались в поддержке, дружеском локте. На нашем первом вечере, где мы собрались отметить русский Новый год, мы выбрали лозунг – строчки из песни Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!». Землячество в значительной мере выполняло компенсационную функцию, создавая возможность общаться в привычной среде.

Одной из сфер его работы стала организация лекций о музеях, архитектуре и истории Санкт-Петербурга, направленная на привлечение молодежи. Были налажены контакты с известными людьми – уроженцами города, как новыми иммигрантами, так и гостящими в Израиле туристами. Через туристов была также установлена связь по передаче писем, посылок, прессы. Год от года развивается туристический опыт землячества в Израиле, знакомство со страной, ее историей и культурой.

Но основной вектор всех интересов и активности направлен к стране исхода. В землячестве регулярно продолжают отмечать все важные события и праздники, которые было принято праздновать в Санкт-Петербурге (светский Новый год, День Победы Советской армии во Второй мировой войне, День основания города и его освобождение от блокады и т.д.). Эти праздники стали символами единения людей, имеющих общие воспоминания, историческое прошлое и культурный опыт. Особенно торжественно был отмечен праздник 50-летия победы Советского Союза над нацизмом. «Мы считаем, что это праздник всех стран, участвовавших в войне. Без этой победы не было бы Израиля. И мы делаем все для того, чтобы этот праздник стал государственным в нашей стране тоже», – сказал в своем интервью газете «Вести» один из организаторов землячества⁹.

В результате языкового барьера старшее поколение новых иммигрантов плохо адаптируется к общению в ивритоязычной среде. Вместе с тем, многие жалуются на ощущение «культурного вакуума». Отношение к израильской культуре несколько отчужденное: «У нас нет потребности в еврейском образовании. Вполне достаточно тех лекций, которые проводятся в муниципальных клубах... Израильская культура локальная, провинциальная, она чужда людям европейской культуры...». Общая ориентация в землячестве скорее космополитическая.

Русская Библиотека в поисках «третьего пути» (идеал интеграции).

На первом этапе своего существования Русская библиотека Сионистского форума (далее – Библиотека) была близка к типичным эмигрантским организациям. Языковые барьеры, дезориентация, десоциализация, состояние культурного шока в новой среде способствовали тенденции к отчуждению и ностальгии, что является «нормальным» для определенного периода иммигрантской жизни¹⁰.

В попытке преодолеть замкнутость, начался поиск каналов коммуникации с различными группами израильского общества, прежде всего со старожилками, говорящими по-русски, а также с те-

ми, кто был профессионально ориентирован на работу среди олим или заинтересован проблемами русского еврейства в Израиле.

С момента возникновения Библиотеки по инициативе самих новых иммигрантов вокруг нее сформировалась целая система клубов, кружков по интересам, объединений литераторов, художников, любителей театра и кино, библиофилов и т.д., – по существу возник новый центр «русской» культурной жизни. Библиотека с самого начала была ориентирована на привлечение всех групп русского еврейства: разной политической ориентации, как религиозных так и нерелигиозных, как известных деятелей культуры, так и тех, кто занимал более скромное положение, но имел опыт работы в библиотеках, детских студиях, творческих клубах. Открытость и плюрализм сделали ее притягательной для широкого круга интеллигенции. Основатели сразу же объявили о непартийном характере их собраний.

Здесь можно встретить тех, кто был близок кругу диссидентов, и тех, кто активно боролся за выезд евреев из Советского Союза, (Библиотека возникла при Сионистском форуме, созданном бывшими еврейскими активистами и отказниками) наряду с теми, кто был настроен конформистски и далек от этих проблем. Путь одних в Израиль был коротким, для других – связан с мучительными поисками, принимая порою крайние формы: от обращения к ортодоксальному иудаизму до демонстративного отказа от своего еврейства.

В работе Библиотеки стали участвовать литераторы и журналисты, артисты и музыканты, профессора университетов и ведущие общественные деятели. Среди них были как те, кто пользовался известностью в России, но не получил признания в Израиле, так и те, кто смог реализовать свои замыслы лишь после эмиграции. Причем разные культурные и социальные круги в этой среде выдвинули свое понимание развития русскоязычной общины. Создание Библиотеки можно рассматривать как опыт в орбите деятельности такой общины, культурные ценности и символы которой оказались приемлемыми для максимально широкого круга интеллигенции как первой, так и второй волны иммиграции (70-х и 90-х годов).

Помещение Библиотеки стало опытным полем для различных добровольческих объединений творческой интеллигенции и их проектов. Следует отметить, что значительная часть их не покинула стены Библиотеки, многие замыслы заглохли, не получив общественной поддержки, или оказались пустым прожектированием «продавцов воздуха» – явление характерное для иммигрантской среды, где рядом с идеями глубокими и реальными много авантюризма и утопии.

Ядро, вокруг которого произошло объединение инициаторов создания Библиотеки, составили национально ориентированные люди. Поэтому несмотря на то что Библиотека представляет издания на русском языке, служащем одновременно языком общения, основным является не сохранение русской культуры, а ее диалог с еврейством, Израилем и русско-еврейской диаспорой. В процессе культурной интеграции определяющими для этой группы были два фактора – высокий уровень образования и профессионализм, с одной стороны, и нежелание менять свою культуру, с другой. Важной стороной ее деятельности было создание различных клубов, кружков и организаций, позволяющих хоть как-то аккумулировать невостребованную общественную и творческую энергию. К началу 90-х годов в Израиле уже оказались многие активные деятели культуры, прибывшие из России и остро нуждавшиеся в аудитории, презентации своего труда и просто заработке. Естественно, что наиболее простым выходом для многих в первое время оказалась организация благотворительных концертов, лекций, различных кружков и студий для детей.

Целью интеллигенции стала широкая просветительская работа и пропаганда культурного наследия русского еврейства, создание издательств, проведение литературных и музыкальных вечеров, организация лекционных циклов, архива документов. Особо важным было положение о необходимости установления контактов с русскими и еврейскими организациями в Зарубежье и России. Все эти замыслы, несомненно, выходили за рамки проекта собственно Библиотеки – просто ее помещение и атмосфера открытости оказались благоприятными для подобного рода начинаний в русскоязычной среде.

Создателем и директором Библиотеки с самого начала стала новая иммигрантка, профессиональный библиотекарь из Москвы, сплотившая вокруг себя энтузиастов (лишь четыре человека получали минимальную зарплату от Сионистского Форума, большинство работало бесплатно). Под ее руководством началось формирование книжного собрания, значительную часть которого составили добровольные пожертвования (поступили подарки от издательства «Алия», Центра по изучению восточно-европейского еврейства, из Национальной библиотеки Еврейского университета, из Джойнта, Сохнута). Но большинство книг подарили сами новые репатрианты. Среди добровольных жертвователей немало старожилов – выходцев из России. Так как в их среде молодое поколение перешло на иврит, русскоязычная литература стала для них недоступной и они передали ее в дар Библиотеке. Новые иммигранты также постоянно пополняют собрание Библиотеки. Присылают книги и из России (после того, как информация об этом начинании появилась на московском телевидении, в газетах и Интернете).

Здесь следует отметить популярность чтения в бывшем Советском Союзе – «самой читающей стране в мире». Социологический анализ форм досуга показывает, что в традиционной системе ценностей чтение пользовалось особой популярностью и престижем, отчасти в силу культурной традиции, отчасти в результате пропаганды самообучения и самообразования доступного для всех. Домашние библиотеки были характерным явлением среди интеллигенции. Хорошая личная библиотека являлась символом, подчеркивавшим статус, престиж и ценностную ориентацию семьи, а полки и шкафы, заставленные книгами, занимали самое почетное место в квартире.

Собираясь в эмиграцию, люди обычно берут с собой вещи, которые связаны с их надеждами на будущее, являются неотъемлемыми атрибутами их культуры и представляют для них особую ценность. Для русско-еврейской интеллигенции такими вещественными символами, подчеркивающими их статус и ценностную ориентацию стали книги. Стремление сохранить эту традицию можно проследить у эмигрантской русской интеллигенции разных

волн (так, на основе эмигрантских собраний сформировались русские библиотеки и архивы в Праге, Риме, Париже – везде, где проявлялась культурная жизнь в русской эмиграции). Этим и объясняется то, что именно библиотеки, а не этнические синагоги стали центром кристаллизации общинной жизни секулярного в своем большинстве русского еврейства.

С началом алии в 90-х годов в Израиле открылась целая сеть новых магазинов русской книги – семь только в Иерусалиме), а сохнатовские и почтовые склады оказались в катастрофическом кризисе из-за невиданного количества книжных посылок (после публикаций в газетах с просьбой забрать книги, часть невостребованных и потерявших адресата изданий также была передана в Русскую Библиотеку). Таким образом, создание Библиотеки в Иерусалиме было актуальным и естественным процессом, встретившим спонтанный отклик в среде новых иммигрантов, ставших ее добровольными помощниками. Для секулярного постсоветского еврейства библиотеки, где по вечерам в читальных залах проходят семинары, лекции, концерты и просто интересные встречи, стали своего рода центрами культурного общения иммигрантов.

К концу 1992 г. собрание Библиотеки составляло уже 30 тыс. книг, а к 1998 г. это число удвоилось и коллекция постоянно продолжает пополняться. Поступают книги от всех русскоязычных израильских издательств, привлекаются всевозможные архивные материалы и старинные редкие собрания. В 1995 г. были созданы отделы редкой книги и библиотека искусств, которые участвуют в проведении выставок и семинаров. При содействии Библиотеки в ее помещении был создан по инициативе ассоциации «Мосты Культуры» Архив русского еврейства (около 200 тыс. единиц хранения – материалы и документы по истории, культуре и искусству).

Библиотека Сионистского форума – базовая для развития других русских библиотек по всему Израилю. Она оказывает помощь в становлении их собраний и пополнении фондов (в 1995 г. действовала 31 библиотека русскоязычной литературы, включая школьные собрания в 24 городах Израиля). Установились также тесные международные контакты и сотрудничество – прежде все-

го с Государственной библиотекой России, Библиотекой иностранной литературы, Центральной детской библиотекой и Центральной научной библиотекой Союза театральных деятелей России. Поддерживаются дружеские связи с посольствами России, Украины, Белоруссии и Казахстана, проводятся совместные встречи и презентации с известными деятелями культуры, науки и искусства – гостями Израиля, укрепляющие связи с интеллигенцией стран СНГ.

По данным опроса читателей, проведенного сотрудниками Библиотеки в начале 1993 г., по возрастному составу достаточно равномерно представлены все группы: студенты – 10,7%, учащиеся школ – 8,7, солдаты – 1,7, пенсионеры – 9, остальные 70% – работающие или ищущие работу, среди которых наиболее активные читатели – инженеры, учителя, преподаватели, представители свободных профессий. В 1992 г. было около 3 тыс. читателей, в 1997 г. – около 5 тыс. (в читальном зале обслуживается ежемесячно от 300 до 500 читателей)

Особый интерес представляет математический отдел Библиотеки, созданный на основе собраний известных математиков. Значение этого уникального в Израиле отдела, при котором работает научный клуб для молодежи следует рассматривать в более широком контексте альтернативной системы физико-математического образования, созданной русскими иммигрантами по всему Израилю с целью привить традиции русской математической школы – одной из ведущих в мире. Математическая библиотека – лишь часть этого процесса, который предполагает развитие в стране нового норматива более глубокой системы воспитания математиков, более фундаментального математического образования.

В Библиотеке отмечается постоянный рост числа студентов и молодежи, получающих как учебную, так и развлекательную литературу, а в читальном зале большинство посетителей составляют пенсионеры, приходящие читать русскоязычную израильскую и российскую периодику. Из девяти регулярно действующих при Библиотеке клубов следует отметить клубы библиофилов, музыкальный, любителей фантастики, художников и литературные

объединения. Постоянно действуют литературные программы: литературные вечера, посвященные юбилеям писателей, презентации новых изданий и творческие встречи, детский час, беседы об израильской литературе и т.д. Клубы посещает немало иммигрантов волны 70-х годов. При этом довольно отчетливо заметна разница интересов двух потоков иммиграции 70-х и 90-х годов. Например, важнейшим фактором формирования мировоззрения первого поколения иммиграции было участие евреев в демократическом и диссидентском движении в бывшем Советском Союзе, а для большинства иммигрантов второй волны, заставших распад советской системы, характерна неприязнь к любой идеологии. Поэтому вечера, посвященные истории демократического диссидентства и еврейского движения 60-80-х годов, посещают почти исключительно иммигранты-старожилы. Там, где идеологический акцент не столь выражен, взаимодействие представителей двух поколений интеллигенции складывается более успешно.

Известные литераторы, музыканты, журналисты и ученые алии 70-х годов нашли благодарную аудиторию среди новоприбывших. Некоторые из них выступили «менеджерами» различных проектов, привлекая различные израильские организации и фонды для финансирования своей деятельности в иммигрантской среде, но большинство работало бесплатно, перечисляя доходы от своих выступлений в фонд Библиотеки или на различные благотворительные цели, что можно рассматривать как проявление общинной солидарности и взаимопомощи.

Постепенно сложилось сотрудничество с Еврейским университетом, Музеем Холокоста «Яд-Вашем», Джойнтом, Институтом гуманитарного иудаизма и другими организациями, проводящими курсы лекций, семинары и даже совместные конференции. Особенно активными в начальный период деятельности Библиотеки оказались религиозные организации: по инициативе Института раввина Штейнзальца при Библиотеке работала «Пятничная академия интеллектуалов»; Институт «Генезис» создал курсы по истории Иерусалима для экскурсоводов, а религиозно-просветительское общество «Маханаим» (созданное группой русско-

еврейской интеллигенции, обратившейся к иудаизму) – дискуссионный клуб по еврейской истории, культуре и традиции.

Самой популярной формой работы стала система клубов, созданных самими новыми иммигрантами. Рассмотрим как организованы и работают некоторые из них. Например, Иерусалимский музыкальный клуб, ставший израильским аналогом известного в Москве клуба М.Фрида при Доме композиторов. Как объясняет его организатор Владимир Мак, «примечательно, что люди, которые двенадцать лет назад привели меня в клуб Фрида в Москве, стали первыми участниками наших заседаний в Иерусалиме. Старожилы сразу же подхватили эту инициативу». В деятельности клуба стали принимать участие как известные музыканты, мастера, профессора иерусалимской музыкальной академии, так и начинающие исполнители и дебютанты. Клуб построен на демократической основе и предполагает наряду с музыкальными выступлениями свободное музицирование, дискуссии и обсуждения музыки разных эпох и стилей. Нередко это – представление без рампы, где отсутствует деление на исполнителей и зрителей. «Не дать человеку потерять свой уровень... Должно быть место, где все мы сможем встретиться и поддержать нашу интеллектуальную общность» – так формулирует В.Мак главную задачу своего клуба. Музыкальный клуб продолжает работать уже около 10 лет практически без перерыва и рядом с ним в последнее время возник музыкальный клуб для детей.

Хотя стоимость билетов символическая, для многих встречи в клубе – «выход в свет»: они приходят на заседания в подчеркнuto нарядных костюмах (не забывая даже такую деталь, как галстук-бабочка), другие же, появляются с овощными сумками, по дороге с рынка. Одних привлекает особая атмосфера, возможность общения, других – просто дешевые билеты. Подобное смешение разных типов зрителей и участников, некоторая эксцентричность в поведении и общении вообще характерны для иммигрантской среды, где происходит быстрая смена положений и судеб, а сама жизнь выведена из своей обычной колеи.

Иерусалимский Клуб библиофилов, получивший известность в «русском» Израиле и России, также как и Музыкальный

клуб был создан Леонидом Юнивергом и его единомышленниками по типу популярных в бывшем Советском Союзе клубов любителей и знатоков книги. В круг его интересов входит знакомство с историей книги и книжного дела, обзоры новых русскоязычных изданий, обмен раритетами. Особое место отводится истории старопечатных еврейских книг, изданиям по иудаике, истории еврейского книгопечатания и роли издателей-евреев в России, и Русском Зарубежье, а также анализу развития русскоязычной прессы и книгоиздательства в Израиле. Большой общественный резонанс имели заседания, посвященные еврейскому самиздату и подпольным еврейским библиотекам в бывшем Советском Союзе – встречи и воспоминания авторов, редакторов и распространителей еврейских нелегальных изданий. Состав участников клуба библиофилов довольно пестрый: среди них есть известные литераторы, историки и филологи, издатели, художники книги, полиграфисты, книготорговцы, библиофилы и просто любители-коллекционеры. Обычно уровень заседаний довольно высокий, как например в серии встреч, посвященных книжным собраниям известных писателей и поэтов, их библиотечным пристрастиям или на специфически-библиофильских заседаниях по проблемам реставрации и антиквариата. Все заседания клуба тщательно подготавливаются и записываются на магнитофонные кассеты. Следует заметить, что у создателя клуба есть более амбициозная задача – создать в Израиле Музей книги («у народа книги должен быть музей истории книги»), но его проект уже несколько лет – практически без движения, а деятельность в клубе лишь отчасти компенсирует нереализованную мечту.

Различные творческие клубы создают благоприятную атмосферу для разрядки от стрессов иммиграции и культурного шока. Вместе с тем, среда, сложившаяся вокруг Библиотеки, очень гетерогенна: рядом с рациональными людьми собираются гадалки, экстрасенсы, предсказатели и «целители». Их деятельность тоже носит компенсационный характер, направленный на снятие социального напряжения.

Одно из направлений в работе Библиотеки – работа с детьми. При Библиотеке возникли художественные, музыкальные и

литературно-драматические кружки для детей разных возрастов, задача которых состоит в том, чтобы помочь им адаптироваться к новой реальности и сохранить в Израиле культурные ценности, важные для русского еврейства (знание русской литературы, классической музыки, приобщенность к традициям шахматной игры – популярнейшего вида спорта среди русских евреев и т.д.). Их руководителями наряду со специалистами – педагогами стали профессиональные артисты и художники. На первых порах для многих из них эта была единственная возможность работы по специальности. Для родителей же была привлекательна как более низкая стоимость занятий в этих кружках, так и то, что дети могли сохранить знание языка и общаться в русской среде (у некоторых подростков явно не складывались отношения со сверстниками-израильянами). Со временем очевидно интеракция как самих детей так и их преподавателей в израильской среде стала развиваться более успешно, и они перенесли свои занятия в муниципальные клубы и дома культуры.

Тем временем в литературном объединении появились «проблемная» иммигрантская молодежь. Не найдя своего места в обществе, они создали свою «*коммуниас*», программным выражением образа жизни которой вначале стал их «самиздатский» журнал «Хомер», а в последние годы – ежеквартальник «Солнечное сплетение». Сначала эта молодежь получила возможность проводить в помещении Библиотеки свои хеппенинги и концерты, позднее часть подростков стала появляться на литературных собраниях, главным образом посвященных русскому авангарду и, наконец, участвовать в работе литературного класса. В результате этого процесса общественный вызов и эпатаж этой молодежной группы был отчасти перенесен в сферу творчества, вполне легитимного для восприятия общества (вышел типографским способом первый номер их издания, который был критически проанализирован самыми серьезными критиками русской общины как специфический, хотя еще очень незрелый, литературный опыт). Развитие этой группы трудно предсказать, но показательна ее обращенность к русской общине, ее заинтересованность в диалоге.

Наряду с проектами оригинальными и доказавшими свою необходимость для общины, есть немало «бумажных» проектов и ассоциаций, главная задача которых – презентация их создателей и участников. Нередко они имеют исключительно компенсационный характер для тех, кто их представляет. Так, специалисты, имевшие в России престижное положение, но по разным причинам не сумевшие подтвердить его в соответствующей израильской среде, пытались создать для себя подобие образовательных, научных, просветительских или каких-либо других проектов для обслуживания интересов общины. Потеряв свой статус, иммигранты стремятся воссоздать среду, привычную для себя в стране исхода, в этих самостоятельных организациях. При этом, если один проект провалился, тут же создается другая «вывеска», призванная обеспечить особый статус хотя бы и в рамках общины.

Иногда среди вполне уважаемой публики Библиотеки можно встретить людей, которые проводят здесь большую часть своего времени – безработных и даже бомжей (людей без определенного места жительства). Дневное время они проводят в читальном зале, а по вечерам остаются на все без разбора заседания, концерты или семинары (большинство из мероприятий в Библиотеке бесплатные, всегда предлагается кофе, а нередко и легкое угощение). Спонтанная атмосфера хеппенинга, господствующая в Библиотеке, освобождает человека из-под власти всякого иерархического положения (статуса, возраста, имущественного положения), которое всецело определяло их поведение в доиммиграционной жизни и делает возможным в этой в равной степени новой для всех среде то, что М.Бахтин определяет как *карнавальные мезальянсы*. Иммигрантское бытие с его сменой ролей, поисками масок новой идентичности и смешением статусов нередко воскрешает аналогию с карнавальным мироощущением, где, согласно М.Бахтину, «законы, запреты и ограничения, определяющие строй и порядок обычной... жизни на время отменяются: отменяется всякая дистанция между людьми и вступает в силу особая карнавальная категория – вольный фамильярный контакт между людьми...»¹¹. Поведение, жест и слово поэтому становятся эксцентрич-

ными, неуместными с точки зрения логики обычной внекарнавальной жизни.

Три модели, описанные выше показывают важность в процессе интеграции таких очевидных факторов как возраст, социально-этническое происхождение, профессиональный и образовательный уровень различных групп иммигрантов, которые определяют их готовность воспринять изменения и влияния со стороны новой среды. Санкт-Петербургское землячество наиболее типично как реакция старшего поколения иммиграции (наиболее ассимилированной и закрытой группы интеллигенции). Ее групповыми символами стали европеизм, сепаратизм по отношению к израильской культуре, память и травма о пережитой войне и Холокосте. Эта типичная форма адаптационной организации хорошо известна в истории иммиграции и, как правило, исчезает уже во втором (реже в третьем) поколении иммигрантов.

Опыт Культурного центра можно охарактеризовать как *официальный* монологизм абсорбирующего общества, претендующий на обладание *готовой* истиной, которую иммигрантам предлагается усвоить. Здесь можно привести также несколько парадигматических примеров, как, например, образовательные курсы и семинары, созданные для подготовки иммигрантской элиты различными кругами израильского истеблишмента.

Этому пути противопоставлен более диалогический способ искания истины в среде самих новых иммигрантов на примере деятельности в Русской Библиотеке, ставшей своего рода «*коммунистас*» иерусалимской русскоязычной интеллигенции и прообразом формирующейся общинной жизни. Более элитарный вариант этой модели был положен в основу деятельности Клуба журналистики, драматургии и литературы русской творческой интеллигенции Иерусалима в квартале Мишкенот Шенаним (1992-1994 гг.), определившего своей задачей «возрождение интеллектуального общения, самоуважения и уверенности в себе, без которых никакой диалог культур невозможен». Созданный не на автономной общинной основе, как Русская Библиотека, а при поддержке израильского истеблишмента, этот клуб испытывал постоянное давление с его стороны

(предлагались обязательные циклы лекций на общеобразовательные темы). «Инакомыслие» и отказ от культурного шефства привели к конфликтной ситуации, в результате чего клуб был закрыт. Аналогичные иерусалимским процессы можно проследить в Хайфе, Тель-Авиве, Беер-Шеве, Реховоте. Особое значение имеют влияние и культуртрегерская роль русского еврейства на периферии страны, где возникают новые возможности для развития культурных инноваций .

Заключение

Ассимиляционная модель интеграции Культурного центра была бюрократизированной и селективной по отношению к различным группам иммигрантов. Она была ориентирована преимущественно на весьма малочисленную группу, готовую принять предлагаемую им стереотипизированную поведенческую и ценностную ориентацию. В Культурном центре автономная активность самих иммигрантов вызвала раздражение официоза, провоцировала конфликтные ситуации. Там не видели становления общины с ее собственными символами, лидерами и культурными героями, а воспринимали иммигрантов как материал для формирования среднего типичного израильянина или для заполнения лакун в уже сложившейся структуре израильского общества. Эта идеология привела к парадоксальному результату: по существу, организация, не получив поддержки со стороны иммигрантской общины, стала полной противоположностью своему идеалу, занимаясь весьма примитивной коммерческой деятельностью и сохраняя в новой стране культуру страны исхода.

Модель развития Санкт-Петербургского землячества также оказалась приемлемой для весьма ограниченной корпоративной группы, ориентированной на оказание взаимопомощи и психологической поддержки своим членам – преимущественно людям преклонного возраста. Здесь не происходят культурные инновации, статусы сохраняются в соответствии с теми, что были в стране исхода, ценностные ориентации и нормы поведения законсервированы.

Залогом успеха проекта Русской Библиотеки стала ее плюралистичность. По существу она явилась микрокосмом русско-

язычной общины, предоставив возможность самовыражения для всех групп, став ярмаркой идей и опытным полем для самых разных проектов. В спонтанном хеппинге, сложившемся вокруг Библиотеки, как на карнавале, отсутствует резкое разграничение статусов, установленных норм поведения и этикета, строгое разделение на зрителей и подлинных актеров. Эта своеобразная атмосфера *коммунас* оказалась привлекательной для творческой интеллигенции, сохраняющей и определяющей ценностную ориентацию русскоязычной общины в Израиле. Для писателей – это встреча со своей аудиторией, для профессионалов – художников и музыкантов – возможность диалога с нормативной публикой, у которой нет стереотипов, существующих в израильском обществе. При минимальных финансовых затратах, главным образом, на добровольческой основе и без оглядки на реакцию истеблишмента здесь идет процесс воспроизводства культурных и общественных традиций и символов самоидентификации русского еврейства в Израиле. Этот опыт – актуальный и может быть одним из примеров поиска модели национальной самоидентификации для нерелигиозной части израильского общества.

Спустя 10 лет после создания Русской Библиотеки можно сделать вывод, что предложенная ею модель интеграции стала ведущей стратегией иммигрантов, а созданные ею структуры и формы деятельности получили развитие и общественную поддержку русскоязычной общины: в 1998 г. в Иерусалиме расширилась сеть русских библиотек, возник Общинный дом, где разместились общественные организации, центр творческих объединений, в рамках которого действуют 18 творческих клубов, архив русского еврейства, развивается молодежный центр и другие проекты. С усилением политической активности иммигрантов и их деятельным участием в выборах на муниципальном и государственном уровне, они получили возможность политического лоббирования своими представителями наиболее важных культурных и социальных направлений.

---

¹ *Horowitz, Tamar*. Integration Without Acculturation: The Absorption of Soviet Immigrants. – *Soviet Jewish Affairs*. 1982, vol. 12, is. 3, c. 19-33.

² См.: *Gold, Steven J.* Community Formation among Jews from the Former Soviet Union in the United States – Russian Jews on Three Continents. Noah Levin-Epstein, Yaacov Ro'i and Paul Ritterband (eds.), L., 1997, c. 261-283.

³ Теоретическая модель этого процесса см.: *Turner, Victor*. Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Ithaca: Cornell University Press, 1969.

⁴ См. статью *Leshem, Elazar and Lissak, Moshe*. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. – *Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective*. Shalva Weil (ed.), Jerusalem: Magnes Press, 1999, c. 136-171.

⁵ Приведенные см.: *Tolts, Mark*. The Interrelationship between Emigration and the Socio-Demographic Profile of Russian Jewry. – *Russian Jews on Three Continents*. Noah Levin-Epstein, Yaacov Ro'i and Paul Ritterband (eds.), L., 1997, c. 147-177.

⁶ См. статью: *Voronel, Alexander*. Aliya of the Jewish Intelligentsia from the USSR. – *In Search of Self*. D. Prital (ed.). Jerusalem: Mount Scopus Publications, 1983 [1975]), c. 121-135.

⁷ См.: *Krupnik, I.* Constructing New Identities in the Former Soviet Union: The Challenge for the Jews. – *Jewish Identity in New Europe*. J. Webber (ed.). L.: The Oxford Center for Hebrew and Jewish Studies, 1994, c. 139-149.

⁸ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

⁹ Вести. 24.11.1994. В мае 2000 г. Кнессет принял закон, признающий День Победы над нацизмом израильским государственным праздником.

¹⁰ См.: *Bar-Yosef, Rivka*. Desocialization and Resocialization: The Adjustment of Immigrants. – *International Migration Review*, 1968, vol. 2, is. 3, c. 27-45. См. также статьи работающих в Израиле психологов, исследующих проблемы массовой миграции, Юлии Мирской, Алекса Козулина и Алекса Венгера, в том числе: *Mirsky, Julia and Prawer, Leah*. Immigrating as an Adolescent. – *Children of Perestroika in Israel*. Т. Horowitz (ed.). Lanham: University Press of America, 1999, c. 72-118; *Kozulin, Alex and Venger, Alex*. Immigration without Adaptation: The Psychological World of Russian Immigrants in Israel. – *Mind, Culture and Activity*, 1994, vol. 1, is. 4 c. 230-238.

¹¹ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского, с. 141.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ОБЩИНЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ

Владимир Ханин,

Кафедра политологии, Бар-Иланский университет*

Две последние волны массовой эмиграции восточноевропейского еврейства, в 1969-1979 гг. и с 1989 г. по настоящее время, сделали Израиль крупнейшим в мире центром русскоязычного еврейства. По данным Министерства абсорбции и Еврейского агентства, после 1973 г. из СССР/СНГ в Израиль прибыли около 1,1 млн. человек**, включая около 850 тыс. приехавших с 1989 по май 2000 г.***¹

---

* **Д-р Владимир Ханин** был одним из первых ученых из бывшего СССР, приглашенных на преподавательскую и исследовательскую работу в Оксфордский университет. В настоящее время он преподает на кафедре политологии Бар-Иланского университета и в Центре еврейской истории и цивилизации в ИСАА при МГУ им. Ломоносова. Кроме того, он – научный сотрудник Центра им. Каммингса Тель-Авивского университета, где готовит книгу об украинском еврействе. Написанные в последние годы статьи В.Ханина опубликованы в «Jewish Political Science Review», «Israel Affairs» и многих других научных журналах.

** Эти цифры были представлены заместителем министра абсорбции Израиля Мариной Солодкиной во время ее выступления в Герцлии в ноябре 1999 г. По имеющимся данным, около 100 тыс. из иммигрантов тех лет либо вернулись в СНГ, либо эмигрировали в другие страны.

*** По данным Еврейского агентства, с 1989 по май 1999 г. в Израиль репатрировалось 790475 бывших советских евреев и членов их семей. Среди них 240402 (30,4%) были выходцами из Российской Федерации, 249103 (31,5%) из Украины, 127927 (16%) из других европейских республик бывшего СССР, и 154465 (19,5%) из республик Средней Азии и Кав-

Факторы политического влияния русско-еврейской общины Израиля

Репатрианты из СССР/СНГ, как известно, оказали значительное влияние на развитие израильской экономики (прежде всего в области индустрии высоких технологий), культуры и социальной сферы. Не менее весома роль русскоязычной общины в политической жизни страны. Очевидно, что поддержка репатриантов стала едва ли не решающей для электоральных успехов Партии труда на выборах 1992 г. «Русские» голоса сыграли также критическую роль в победе лидера Ликуда Беньямина Нетаниягу на прямых выборах премьер-министра в 1996 г., равно как и в его поражении на новых выборах в мае 1999 г. кандидату от организованного Партией труда блока «Единый Израиль» Эхуду Бараку. Наконец, характер голосования новых репатриантов, по мнению обозревателей, во многом определит исход общенационального референдума, который должен будет утвердить итоги израильско-сирийского и израильско-палестинского мирных соглашений в случае, если такие соглашения будут достигнуты.

Политический вес «русско-еврейской» общины Израиля стал результатом действия нескольких факторов. Первым из них стал уже отмеченный беспрецедентный рост числа новых репатриантов из СССР/СНГ, которые к 1995 г. превысили 10-процентную долю в израильском населении, что стало «критической массой» для появления в стране политических групп, сделавших ставку на голоса русскоязычных израильтян. Значение этого фактора продолжает расти – в настоящий момент русскоязычная община составляет около 14% израильского электората, что соответствует примерно 17-18 мандатам в 120-местном израильском парламенте – Кнессете.

Другим, не менее важным фактором стало утверждение в общественном и политическом сознании израильтян идеи «поликультурализма» как естественной стадии развития местного еврейского общества. Судя по всему, окончательная легитимация

каза. Еще около 50 тыс. репатриантов прибыло из СНГ с мая 1999 по май 2000 г.

этой идеи совпала с массовой иммиграцией из СССР/СНГ в начале 90-х годов и в немалой степени способствовала формированию общинной идентичности и обособленных социально-политических институтов «русско-еврейско-израильской» общины.

В-третьих, свою роль сыграла политика «прямой абсорбции» алии, во многом делавшая ставку на «внутренние» интеллектуальные, экономические и социальные ресурсы репатриантов, что, в свою очередь, не могло не способствовать «автономизации» политических взглядов и политического поведения русскоязычных израильтян, и соответственно, способствовало развитию тенденции к организационно-политической институционализации местной русскоязычной общины.

Еще одним важным обстоятельством стало принятие новой системы раздельного голосования на выборах за кандидатов на пост премьер-министра и за партийные списки, впервые задействованной в 1996 г. Эта система во многом заставляет любого политика, стремящегося возглавить систему исполнительной власти страны, искать поддержки «секторальных», в том числе «русских», элит в обмен на фактическое признание за этими лидерами права на почти монопольное влияние в их общине.

Все сказанное способствовало быстрой политизации сообществ репатриантов из СССР/СНГ и развитию институциональной, социальной и экономической инфраструктуры «русской общины» в Израиле в 90-х годах. Среди входящих в нее с институтов отметим разного рода клубы, добровольные общества, образовательные учреждения (включая уникальную систему школ для одаренных детей – «Мофет»²), театральные коллективы, культурологические, ветеранские и молодежные союзы, а также профессиональные и творческие союзы (учителей, инженеров, ученых, писателей, кинематографистов и т.д.). Кроме того, существуют многочисленные газеты и другие СМИ, структуры социальной помощи, и разумеется, «русский» деловой сектор.

«Русские» политические движения и партии в Израиле

Для многих олим было логичным, что на следующем этапе этого процесса должно появиться и их собственное политическое

движение. Хотя идея создания самостоятельного «русского» партийного списка в Израиле появилась давно, первые такого рода опыты, предпринятые в 1981 и 1992 гг., завершились неудачей. Более результативным экспериментом стало создание в 1995 г. общественно-политического движения «Израэль ба-алия» (ИБА), которое накануне выборов 1996 г. было преобразовано в партию. Ядро этого движения было сформировано по инициативе Сионистского форума выходцев из СССР, организации, созданной известным в прошлом диссидентом и «узником Сиона» Натаном Щаранским в 1988 г. с целью поддержки ветеранов сионистского движения в СССР и осуществления проектов абсорбции евреев-иммигрантов из бывшего Советского Союза.

Партия весьма успешно выступила на выборах 1996 и 1999 гг., получив соответственно семь и шесть депутатских мандатов. Впоследствии идеологические и персональные противоречия в партии привели к ее расколу и формированию на базе отколовшихся от «центристской» по своей идеологии ИБА фракций новых политических партий³. Так, зимой 1999 г. из ИБА вышла большая группа членов партии во главе с депутатами Кнессета Юрием Штерном и Михаилом Нудельманом. Причиной раскола стало недовольство участием руководства ИБА в подписании соглашения в Уай Плантайшн с палестинцами, а также, по версии участников, «сосредоточением основных рычагов власти в руках партаппарата – сторонников председателя партии Н. Щаранского и председателя ЦК партии Ю. Эдельштейна»⁴. В марте 1999 г. фракция Штерна и Нудельмана объединилась с возникшим незадолго до этого движением «Наш дом – Израиль» (НДИ), основанном бывшим генеральным директором Министерства главы правительства уроженцем Молдавии Авигдором Либерманом. Основу НДИ составили бывшие активисты «русского» Ликуда, разочарованные политикой уступок палестинцам, которое проводило правительство во главе с лидером Ликуда Б. Нетаниягу, равно как и «невниманием» руководства партии к интересам ее «русских» членов. Помимо этих двух группировок, новая «русская» партия сумела интегрировать ряд независимых общинных репатриантских списков (таких как «Наш дом – Ашдо́д», «Община за Иерусалим»), появление которых в период выборов в

городские и местные советы стало неприятным сюрпризом для ИБА⁵. Наконец, НДИ также поддержала авторитетная группа сионистских активистов 70-х годов, разочарованных своей периферийной ролью в израильской «русской» политике.

Другим существенным фактором было то, что А.Либерман начал свою предвыборную кампанию с беспрецедентной атаки на израильский истеблишмент, названный им «олигархами» и включившим Государственную прокуратуру, следственный отдел полиции и многих других. Этот шаг вызвал большую волну солидарности с А.Либерманом и среди многих «нерусских» израильтян (депутатом Кнессета от НДИ стал и не являющийся выходцем из России Элиэзер Коэн). В результате, НДИ завершила избирательную кампанию, получив четыре депутатских мандата и, в блоке с правой фракцией «Национальное единство», статус одной из основных оппозиционных партий в стране.

Перегруппировка политических сил в «русской» общине Израиля не завершилась с окончанием избирательной кампании. Вскоре после майских выборов 1999 г. ИБА покинула «левая» фракция Бронфмана и Цинкера, которые в августе 1999 г. объявили о создании партии «Демократический выбор».

Помимо этих трех партий в Израиле 90-х годов время от времени возникали и другие репатриантские движения и списки, большая часть которых была основана представителями разных волн выходцев из СССР и постсоветских стран. Так, перед выборами 1996 г. возникли партия «Алия» во главе с Эфраимом Фаинблумом и движение «За единство и достоинство алии», основанное депутатом Кнессета от партии Ликуд Эфраимом Гуром, который, как и большинство его сторонников, был выходцем из Грузии. На выборах обе организации выставили совместный список «Единство и алия», который, однако, не сумел преодолеть полуторапроцентный электоральный барьер⁶.

В 1999 г. среди списков, которые конкурировали на выборах с ИБА и НДИ преимущественно за голоса новых репатриантов из бывшего СССР и СНГ была и партия «Тиква» («Надежда»), основанная известным «критиком израильского истеблишмента» Алексом Тенцером⁷. В выборах участвовало и движение «Лев» («Лев –

олим ле-маан Израэль») во главе с отцом и сыном Фатаховыми, которое определило себя как «движение русскоязычных сефардов» и пыталось говорить от имени выходцев из республик Средней Азии и Кавказа, которые, однако, в большинстве своем поддержали сефардскую религиозную партию ШАС*. Кроме того, была неудачная попытка основать «список горских евреев». Все эти движения и списки либо вообще не были зарегистрированы, либо не прошли электоральный барьер, исчезнув, таким образом, с израильской политической сцены. Единственные действующие репатриантские политические движения – это «парламентские» партии «Израэль ба-Алия», «Наш дом – Израиль» и «Демократический выбор». Эти движения вместе с «русскими» секциями ведущих израильских партий и представляют основной спектр взглядов, позиций, конфликтов и противоречий в русскоязычной общине современного Израиля.

Структура израильских «русских» элит

Наличие у русскоязычной общины мощного электорально-политического потенциала и развитие ее институциональной инфраструктуры обеспечило во второй половине 90-х годов выдвижение «русско-еврейской» элиты и ее прорыв в политические и административные структуры.

Отметим, что большинство формирующейся «русской» фракции израильского истеблишмента состоит из представителей алии 70-х годов. Судя по всему, именно массовая эмиграция 90-х годов позволила перевести процесс формирования «русских» элит в Израиле из латентного в актуальное состояние. Русскоязычные евреи и члены их семей, прибывшие в Израиль в 1989-1999 гг. обеспечили лидерам прошлой волны, уже более или менее освоившимся в Израиле, необходимую поддержку для их политического выдвижения. Этот фактор во многом снял противоречия между новыми иммигрантами и русскоязычными же «ветеранами», наметившиеся в начале 90-х годов.

---

* От партии ШАС в Кнессет пятнадцатого созыва были избраны выходец из Узбекистана Амнон Коэн и уроженец Грузии Ицхак Гагулашвили.

Верхний эшелон «русской» элиты, интегрированный в израильский истеблишмент, по подсчетам бывшего советника премьер-министра Израиля по вопросам алии и абсорбции Зеэва Гейзеля, включает примерно 200 человек⁸. Среди этих людей можно выделить несколько категорий.

Первую группу составляют политики национального и, отчасти, регионального уровней. Это одиннадцать «русских» депутатов Кнессета, в том числе бывший министр промышленности и торговли, а затем – внутренних дел Натан Щаранский, заместитель министра абсорбции Марина Солодкина, заместитель председателя Кнессета Юлий Эдельштейн. К этой группе примыкают пока единственный «русский» мэр (Бней-Аиша) и первые заместители и заместители глав ряда крупных городов Израиля (Иерусалим, Хайфа, Ашдод, Ашкелон, Нетания, Беер-Шева и др.). Еще одна близкая категория – высшие функционеры трех основных русских партий, всего около тридцати человек.

Следующую группу составляют высшие чиновники «русского» происхождения, входящие в руководство израильских государственных и квазигосударственных учреждений. В их числе сотрудники «Натива» (правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы), Сохнута (Еврейского агентства), Министерства абсорбции, дипломатической службы, Всеизраильского объединения профсоюзов и т.д. (всего около 80-100 человек).

Своеобразную категорию элиты представляет, по определению З.Гейзеля, т.н. «русская политическая тусовка». Часто не обладая формальным политическим статусом, эти люди имеют обширные личные, деловые и профессиональные связи, «вхожи» в различные политические, управленческие и прочие круги, и таким образом, могут оказывать влияние на процесс принятия решений. Одну из таких групп представляет Борис Красный, специалист в области избирательных технологий, обеспечивший в 1999 победу Эхуда Барака на «русской улице». Другую группу этой категории составляют лидеры тех или иных формальных и неформальных комитетов и обществ, которые переходя из лагеря в лагерь, обладают связями и влиянием и представляют определенные репатриантские круги.

Небольшую, но заметную часть элиты представляют также представители «русской» культурно-политической «богемы» (писатели, публицисты, артисты, художники и т. д.) Среди них такие «властители дум русской улицы», как эссеист и публицист Майя Каганская, Анна Исакова (ныне – советник Э. Барака по вопросам абсорбции), поэт и публицист Михаил Генделев, литературовед Михаил Вайскопф, многолетний редактор журнала «22: Москва-Иерусалим» Рафаил Нудельман и сменивший его на этом посту профессор Александр Воронель и другие, голос которых слышен как в «русских», так и в общеизраильских политических кругах.

Очевидным политическим влиянием пользуются также ведущие деятели основных «русских» СМИ (ежедневные газеты «Вести», «Новости недели», радиостанция РЭКА, «Аруц Шева», и т. д.). Среди них Эдуард Кузнецов, Дов Конторер, Евгения Кравчик, Софья Рон, Алекс Иш-Шалом, Лев Меламид и другие, всего 20-25 человек.

Следует отметить и небольшую группу бывших сионистских активистов, также часто не имеющих официальных политических или административных постов, но обладающих влиянием благодаря своей известности и авторитету (И. Менделевич, З. Гейзель, З. Дашевский и др.). Наконец, заметную роль начинают играть «русские» бизнесмены.

Наряду с отмеченным высшим слоем русскоязычной израильской элиты, которая, как отмечалось, практически совершила прорыв в израильский истеблишмент, в «русской» общине существуют и более широкие слои функциональных элит. Последние представлены в средних этажах структур государственного и муниципального управления, аппарате общественных организаций, среди активистов и функционеров «русских» и общеизраильских партий, а также деловых, производственных и академических кругах.

Новые репатрианты из СССР/СНГ пока практически не представлены среди военной элиты Израиля. Учитывая, однако, тот факт, что новые репатрианты составляют все более заметную долю состава боевых частей Армии обороны Израиля и немалую часть слушателей офицерских курсов, их появление среди высшего армейского состава – вопрос времени⁹.

Появление новых репатриантов как самостоятельной силы на израильской политической арене сопровождалось использованием различных методов борьбы за власть и влияние, соответствующих различным типам политических культур. Так, отмечались немногочисленные попытки применения нетрадиционных для Израиля, но традиционных для посткоммунистических стран методов политической деятельности. Вместе с тем, основная часть формирующейся «русской» элиты применяет традиционные методы проникновения в израильский истеблишмент. Один из признаков этой «игры по правилам» – та настойчивость, с которой лидеры «русских» политических движений и Щаранский, и Либерман отстаивают «общенациональный» характер их организаций. Это обстоятельство способствовало политической институционализации русскоязычных элит, имеющей как внешнее (на уровне общенационального истеблишмента), так и внутреннее (внутриобщинное) измерение.

Факторы внутриобщинных противоречий

Укрепление позиций «русских» элит привело, среди прочего, и к тому, что их различные группировки и фракции стали также выразителями внутриобщинных конфликтов и противоречий, которые стали все более заметными в последний период.

Первая группа противоречий определяется социально-демографическими различиями, такими как пол, возраст, образование, род занятий, уровень доходов, время прошедшее после репатриации, а также происхождением из того или иного региона бывшего СССР.

Вторая группа различий, во многом пересекающаяся с первой, связана с группами «традиционных» для израильского общества политических конфликтов. К их числу принято относить, во-первых, идеологические противоречия (между «левыми» и «правыми»), в израильском случае означающих прежде всего размежевание по вопросам путей решения арабо-израильского конфликта; во-вторых, проблемы, связанные с противоречиями между светскими и религиозными жителями страны (включая проблему понимания характера «еврейского демократического государства»); в-третьих, субэтнические (внутри еврейской общины станы) и

межнациональные (в основном, еврейско-арабские) противоречия; а также классовые конфликты.

Обе группы противоречий, в частности, отчетливо видны через модели голосования различных групп репатриантов за те или иные «русские» и/или общенациональные партии. Например, по данным опросов Тель-Авивского института социально-политических исследований, проведенным накануне выборов 1999 г.¹⁰, в то время как репатрианты-мужчины предпочли поддержать репатриантские и/или правые партии, женщины больше склонялись в пользу общенациональных и/или левых движений. Возрастные различия в 1999 г. проявились следующим образом: молодые люди в возрасте 18-24 лет в основном предпочитали общенациональные партии, разделив свои симпатии почти поровну между левыми и правыми движениями; репатрианты среднего возраста в большей степени склонялись к правой «русской» партии «Наш дом – Израиль», а люди старшего поколения предпочитали руководимую Н.Щаранским партию «Израэль ба-алия» (ИБА)

Как этот, так и другие опросы показали, что чем больше времени прошло с момента иммиграции в Израиль, тем чаще репатрианты из бывшего СССР были склонны солидаризироваться с общеизраильскими партиями, и меньше – с общинными. Так, очевидным фаворитом тех, кто провел в Израиле менее пяти лет, и особенно тех, кто репатрировался после 1996 г., была ИБА. Среди тех, кто на момент выборов 1999 г. имели семи-десятилетний и более стаж пребывания в Израиле, разброс политических предпочтений был намного большим.

Стаж пребывания в Израиле имеет и еще два измерения: этнонациональное и классовое. Очевидно, что экономическое положение иммигрантов из СНГ, как правило, тем хуже, чем меньше лет прошло с момента их репатриации. Этот статус, соответственно, влияет на поддержку ими тех или иных партий. Так, репатрианты с низким уровнем доходов на выборах 1999 г. чаще предпочитали «Израэль ба-алия», в то время как выходцы из СССР/СНГ с более высоким уровнем доходов чаще голосовали за «Наш дом – Израиль». При этом, репатрианты относящиеся к более зажиточному слою (доход более 2000 долларов на семью в месяц) чаще,

чем менее экономически устроенные члены общины отдавали свои голоса общеизраильским партиям.

Другая важная характеристика группы русскоязычных израильтян, проводших в стране менее пяти лет, – более высокая, чем среди «ветеранов» 70-х – начала 90-х годов доля неевреев, по некоторым данным, превышающая 30%*. Соответственно, различия в национальной и этнокультурной идентичности двух групп также весьма существенны. Так, опрос новых репатриантов, проведенный группой сотрудников отделения социологии и антропологии Тель-Авивского университета в мае 1999 г. показал, что две трети (63%) их респондентов, которые прибыли в Израиль в 1989-1992 гг. считали себя прежде всего «евреями» и/или «израильтянами», и лишь 37% – прежде всего «русскими». И наоборот, уже две трети (62%) респондентов, представляющих иммиграцию из СНГ 1997-1999 гг., настаивали на своей прежде всего «русской» идентичности¹¹. Есть основания предполагать, что представители первой группы доминировали среди тех 48,8% «русских» респондентов, которые в ходе опроса проведенного Институтом социально-политических исследований в ноябре 1999 «были обеспокоены возможностью потери Израилем своего еврейского характера», а второй – среди тех 33% опрошенных, которые не имели ничего против превращения Израиля из еврейского государства в «государство всех граждан»¹².

Политические последствия таких различий в самосознании также очевидны. Так, опросы общественного мнения новых репатриантов, проведенные по заказу избирательного штаба партии Ликуд накануне выборов 1999 г. показали, что те респонденты, которые считали себя скорее «русскими», чем «евреями» или «израильтянами», и «иммигрантами», скорее чем «репатриантами», в большинстве случаев предпочитали «левого» Э.Барака «правому»

---

* В целом неевреи (преимущественно этнические славяне), которые прибыли в страну на основании действующей версии Закона о возвращении (как члены семей евреев или их потомки во втором и третьем поколениях) за последнее десятилетие, по оценкам Натана Щаранского (интервью первому каналу израильского телевидения, 4 декабря 1999 г.), составляют около четверти общины новых репатриантов.

Б.Нетаниягу в качестве главы правительства. И напротив, 80% респондентов, считавших себя «евреями» и/или израильтянами, равно как и репатриантами, а не иммигрантами, собирались на выборах голосовать за Б.Нетаниягу¹³.

Другие опросы также показывают, что в 1999 г. симпатии избирателей-неевреев – выходцев из СНГ, в отношении общенациональных партий в большей степени склонялись в сторону леворадикального блока МЕРЕЦ и либеральной антиклерикальной партии «Шинуй» («Перемены»); среди «русских» партий – в сторону декларирующей центристскую идеологию партии «Израэль ба-алия» в большей степени, чем очевидно правой партии «Наш дом – Израиль», а внутри ИБА – в сторону «лево-антиклерикальной» фракции Романа Бронфмана, в противовес «правым» Н.Щаранскому и Н.Эдельштейну. Следует отметить, что программа партии «Демократический выбор», основанной Романом Бронфманом и Александром Цинкером после их выхода из «Израэль ба-алия» также делает вполне ощутимые акценты на чувства и интересы все более значительной группы неевреев и этнически смешанных семей – недавних выходцев из СНГ. Это позволило некоторым обозревателям назвать «Демократический выбор» «русской партией без кавычек»¹⁴.

В известном смысле, процесс политического размежевания по этим вопросам в общине новых репатриантов представляет три основные тенденции в развитии их идентичности в Израиле. Одна из них, более характерная для репатриантов, имеющих сильное еврейское и израильское самосознание, предполагает почти полное их «растворение» в местной еврейско-израильской среде. Противоположная тенденция заметна среди части нееврейских иммигрантов из СНГ и «глубоко ассимилированных» евреев-членов смешанных семей. Для сознания многих членов этой группы характерен очевидный негативизм ко всему, что связано еврейством и Израилем, и весьма слабое желание интегрироваться в местное общество. Наконец, промежуточная тенденция, заметная среди «умеренных фракций» обеих групп («еврейско-израильской» и «русской») русскоязычной общины, и доминирующая в ней, может быть обозначена как «интеграция без аккумуляции». Эта

доминирующая среди «русских» израильтян тенденция может стать основой для спорадического возникновения «секторальных» институтов как легитимного проявления местного культурного и политического плюрализма.

Три эти течения в самосознании репатриантов из Восточной Европы в какой то мере воплощаются израильскими «русскими» партиями, соответственно, «Наш дом – Израиль», «Демократический выбор» и «Израэль ба-алия», и определяют их «этническую базу». Вместе с тем, внутри каждой из этих партий в какой-то мере присутствуют все три отмеченные тенденции.

Этот фактор межпартийных и внутрипартийных противоречий проявился во время проходившей в конце 1999 – начале 2000 гг. общественной дискуссии вокруг идеи изменения Закона о возвращении. Начало дискуссии положило заявление израильского министра по делам диаспоры Михаэля Мельхиора, который в октябре 1999 г. объявил Закон о возвращении «каналом массовой иммиграции в Израиль людей, не имеющих ни малейшего отношения к еврейству даже в предельно широком его понимании»¹⁵.

Как можно было ожидать, лидер «Демократического выбора» Роман Бронфман отнесся резко отрицательно к любым изменениям Закона о возвращении, закрывавшим бы путь в Израиль его потенциальным избирателям. Напротив, «Израэль Бейтейну» поддержал необходимость редактирования закона с целью укрепления еврейского характера государства. Наконец, Натан Щаранский от имени ИБА и, фактически, большинства русскоязычной общины страны, отметив наличие проблемы иммиграции неевреев, предложил компромиссный вариант «срочной реформы Закона о возвращении без изменения его основной сути»¹⁶.

Помимо «национальных» противоречий, в политическом поведении новых репатриантов в конце 90-х годов стали заметны и «этнические» различия между «русскими ашкенази» (выходцы из европейских республик бывшего СССР) и «русскими сефардами» (бухарские, кавказские и грузинские евреи). Помимо появления у последних своей партии («Лев – олим ле-маан Израэль»), сюрпризом последней избирательной кампании стала массовая поддержка, которую выходцы из Средней Азии и Кавказа оказали «обще-

израильской» ультраортодоксальной сефардской партии Шас. Кроме того, «русские сефарды» несколько чаще чем «русские ашкенази» голосовали за правые партии – общеизраильскую партию Ликуд и «общинную» партию НДИ.

Размежевание в «русской» общине между сефардами и ашкенази имело и светско-религиозную коннотацию. В программах как ультраортодоксального Шас, так и партии «Лев – олим ле-маан Израэль» важное место занимала ориентация на религиозные ценности, в то время как среди выходцев из европейских республик бывшего СССР эта идея была не особенно популярна. Вместе с тем, и среди последних в 1999 г. политические различия в сочетании с отношением к еврейской религиозной и культурной традиции были существенны. Так, один из опросов «русских» избирателей, проведенных накануне выборов 1999 г. зафиксировал готовность большинства респондентов, определивших себя как «абсолютно нерелигиозные» проголосовать за ИБА или одну из «левых» общеизраильских партий, в то время как респонденты в той или иной степени соблюдающие еврейскую традицию в большей степени солидаризировались с НДИ, Ликудом или другими правыми партиями.

Противоречия между «русскими» партиями по вопросу о взаимоотношении религии и государства также очевидно возрастают. Если «Демократический выбор» настаивает на изменении существующего статус-кво в пользу секулярного населения¹⁷, лидер НДИ А.Либерман считает, что необходимость сохранения еврейского характера Израиля делает невозможным отделение религии от государства в том виде, как это понимают «антиклерикальные» движения¹⁸. В свою очередь, программа партии Н.Щаранского, провозглашая неприятие любых форм «религиозного диктата» и необходимость более широкого введения гражданских браков, разводов и т.п., тем не менее, заявляет о своем уважении к еврейской традиции и статусу религиозных общин¹⁹.

Следует, наконец, учитывать что «русские» партии – «Демократический выбор», «Наш дом – Израиль» и «Израэль ба-Алия» – занимают соответственно «левую», «правую» и «центристскую» позиции по отношению к путям разрешения арабо-израильского конфликта, а также и роль идеологического фактора в уровне поддержки

новыми репатриантами общеизраильских политических партий. Все это заставляет прийти к выводу, что идеологическая ориентация «русских» израильтян хоть и приближается к правой и правоцентристской зоне израильского политического спектра, этим не исчерпывается. В этом смысле тенденции политического размежевания в русскоязычной общине, при всех отличиях, сближаются с характером аналогичных размежеваний в израильском обществе в целом.

Заключение

Все сказанное отнюдь не предполагает исчезновения «русских» организаций и самостоятельной «русской» политики в Израиле уже в ближайшем будущем. В каком-то смысле, община репатриантов из СССР/СНГ еще длительное время может оставаться культурно-политической общностью, одновременно включенной в местное общество и отделенной от него. В то же время, организационно-политическая институционализация русско-еврейской общины в Израиле также не означает и создания «русского этнокультурного гетто» на периферии израильского общества.

Существующая тенденция, как показал опыт театра «Гешер» или школ «Мофет», имеет противоположную направленность: легитимация «русских» общинных институтов через придание им общенационального статуса. Аналогичную трансформацию могут претерпеть и «русские» партии, постепенно приобретая общенациональный статус, либо превращаясь в организации, связанные с более широкими политическими блоками. Первое – более вероятно в случае сохранения нынешней системы прямых выборов премьер-министра, второе – имеет больше шансов в условиях возвращения к чисто парламентской республике.

В целом, перспектива сохранения и развития русско-еврейской общины в Израиле во многом зависит от сохранения русско-еврейской идентичности у нынешнего поколения их носителей и их потомков. Это, в свою очередь, будет связано не столько с сохранением русского языка, культуры и психологической связи с Россией/СССР/СНГ, сколько с сохранением присущих советскому еврейству менталитета и ценностей, равно как и их территориальной и профессиональной концентрации.

---

¹ См.: Mid-Year Summary of JAFI Activities in the FSU. January-May 1999, с. 13; MIG-News, 10.05.2000, No. 2, с. 5.

² См.: *Эпитейн, Алек.* Российские учителя как реформаторы израильской системы образования: Десять лет ассоциации «Мофет. – Еврейское образование. СПб., 2000, № 1 с. 271-298.

³ Подробнее см.: *Khanin, Vladimir.* Israeli 'Russian' Parties and the New Immigrant Vote. – Israel Affairs, 2000 (forthcoming).

⁴ Интервью автора с депутатом Кнессета д-ром Юрием Штерном (Иерусалим, июль 1999 г.).

⁵ См.: *Ойгензихт, Виктор.* Противостояние. – Новости недели. 11.04.1999, с. 7.

⁶ См.: *Rogovin-Frankel, Edith.* The 'Russian' Vote in the 1996 Israeli Elections. – East European Jewish Affairs. 1996, vol. 26, № 1, с. 12-13.

⁷ Программу партии «Надежда» см.: Вести. 30.03.1999.

⁸ Интервью автора с д-ром Зеевом Гейзелем (Тель-Авив, декабрь 1999 г.).

⁹ См.: *Хахат, Равит.* Ха-цава ха-адам (Красная армия). – Ба-махане. 21.01.2000, с. 17-22.

¹⁰ Результаты опросов были любезно предоставлены автору директором Института социально-политических исследований Элизером Фельдманом.

¹¹ Результаты опроса, проведенного проф. Йохананом Пересом и Сабиной Лисицей, были изложены в статье Алекса Прилуцкого «Старожилы и репатрианты: противоположности не сходятся?» (Вести 20.01.2000). Подробнее см. в статье С.Лисицы и Й.Переса в настоящей книге.

¹² См. результаты этого исследования на сайте Института социально-политических исследований в интернете: <http://www.ispr/all.html>.

¹³ Автор благодарен г-ну Якову Свирскому, руководителю «русского штаба» партии Ликуд в 1999 г. за предоставленные в его распоряжение итоги опросов, проведенных по заказу партии.

¹⁴ См.: *Люкиссон, Петр.* Русские партии размножаются делением. – Русский израильтянин. 13-19.07.1999, с. 9.

¹⁵ Цит. по: «Гаарец». 25.10.1999.

¹⁶ *Рон, Софья.* Два раскола, три партии и Закон о возвращении. Вести. 02.12.1999, с. 4.

¹⁷ *Бронфман, Роман.* Непарламентское выступление. Вести. 01.06.2000.

¹⁸ См.: Вести. 31.05.2000.

¹⁹ См.: Израэль ба-алия: два года на политической карте. Иерусалим, 1998, с. 12-16.

V. ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВЫХОДЦЕВ ИЗ СССР/СНГ В ИЗРАИЛЕ

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ Выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны

Сабина Лисица и профессор Йоханан Перес*

Характерные черты иммиграции из СНГ

Основная тема этой статьи – процесс интеграции иммигрантов из СНГ 90-х годов в израильском обществе. Чтобы понять успехи и неудачи на пути профессиональной, социальной и куль-

---

* **Сабина Лисица** закончила обучение в магистратуре на кафедре социологии Тель-Авивского университета. В настоящее время она работает в нескольких исследовательских и прикладных социологических проектах.

Профессор Йоханан Перес – один из крупнейших израильских обществоведов, в недавнем прошлом – председатель Израильской ассоциации социологов. Его работы, посвященные анализу тенденций общественного мнения в Израиле, межэтническим отношениям и социологии семьи, были опубликованы в ведущих научных журналах в Израиле и за его пределами. Автор шести книг, последняя из которых (написана в соавторстве с проф. Э.Юхтманом-Яаром) – *Between Consent and Dissent. Democracy and Peace in the Israeli Mind*. (N.-Y. – Oxf.: Rowman and Littlefield, 2000).

Эта статья представляет собой часть исследования на тему «Факторы единства и противоречий в израильском обществе», проведенного по заказу центра им. Рабина по исследованию Израиля и фонда «Эберт». Мы благодарим проф. Элизэра Бен-Рафаэля за помощь, советы и замечания. Статья написана на иврите и переведена на русский язык Сабинной Лисицей. Редакция перевода Алека Эпштейна.

турной интеграции, необходимо правильно оценить ее характерные особенности. Можно сказать, что каждая иммиграция представляет собой встречу между двумя общественными системами со своими демографическими, экономическими, политическими и культурными особенностями. Однако при пристальном рассмотрении алии в Израиль складывается впечатление, что перед нами беспрецедентное по своей сложности явление, состоящее из нескольких аспектов.

С точки зрения демографии, иммиграционная волна, которую мы рассматриваем, представляет собой крупномасштабное явление, поскольку она включает в себя большую часть населения СНГ, имеющего право на эмиграцию. Кроме того, еще в самом начале иммиграционной волны стало ясно, что речь идет о группе, которая составит значительный процент от израильского населения – уже в 1991 г. репатрианты составляли около 10% еврейского населения Израиля, а сейчас их удельный вес вырос до 20%. Немаловажно и то, что прибывшее в Израиль чьяло репатриантов – около 1 млн. человек – представляет собой критическую массу, способную создать разнообразные элиты – политическую, деловую и культурную, которые обеспечат сохранение традиций и преемственность образа жизни выходцев из стран СНГ¹.

До эмиграции евреи, жившие в странах СНГ, по своему образованию и профессиональному статусу принадлежали к среднему классу. Согласно подходу Марины Солодкиной, «евреи СССР в основном входили в высший и средний профессиональный класс, благодаря в четыре раза более высокому, чем в среднем по СССР, проценту лиц, получивших высшее образование. Они были устроены в СССР как врачи, учителя, инженеры, ученые и работники культуры, что обеспечивало до 1992 г. (начало экономической реформы) нормальный для СССР уровень жизни»².

Процент образованных людей и профессионалов среди репатриантов превосходил соответствующий процент и среди населения СНГ, и среди израильских старожилов. По данным, приводимым бывшим директором ЦСУ Израиля проф. Моше Сикроном, процент имеющих высшее и среднее специальное образование

среди репатриантов доходит до 55%, тогда как среди еврейского населения Израиля в 1989 г. (до начала массовой иммиграции) он составлял лишь 28%³.

Репатрианты, как и прочие жители СНГ, воспринимали СССР как своего рода империю. Международный статус СССР придавал им уверенность, что они живут в одной из крупнейших держав мира, которая вносит большой вклад в развитие науки и культуры и установлении норм международной политики. С другой стороны, нельзя проигнорировать тот факт, что Советский Союз пережил тяжелейший экономический и политический кризис, причем соревнование с США в гонке вооружений закончилось в пользу последних. Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что еврейство СНГ переживало свой собственный кризис, ибо с крушением советского строя в многонациональной стране пробудились националистические движения, зачастую носившие антисемитскую окраску, которые испугали евреев и поставили под вопрос их дальнейшее экономическое и культурное существование⁴. Особенную остроту эти явления приобрели в республиках Кавказа и Средней Азии, в которых еврейское меньшинство нередко воспринималось как пособники русских.

Евреи СНГ, которые в прошлом представляли одну из самых крупных и активных еврейских общин, в последних трех поколениях подверглись сильному давлению со стороны властных структур, направленному на стирание еврейской идентификации и ее признаков (молитва в синагоге, публичное празднование еврейских праздников, использование языков иврит и идиш)⁵. Это давление привело к сближению евреев с основными направлениями русской (или местной) культуры, а также к возникновению двойственного и иногда даже отрицательного отношения к своему еврейству. Зачастую же результат оказывался прямо противоположным: происходило своего рода «пробуждение» небольших групп с ярко выраженным национальным самосознанием, выражавшемся как в отчетливой национально-религиозной самоидентификации, так и на преданности сионистской идеологии⁶.

Мотивация для эмиграции и связанные с ней ожидания

Каждая эмиграция приводится в действие как отталкивающими (Push), так и притягивающими (Pull) силами. Отталкивающие силы связаны с кризисом в СНГ и проблематичными отношениями между евреями и неевреями в этих странах⁷. Согласно результатам исследования Роберта Брима, которое проводилось в 1993 г. среди евреев Москвы, Киева и Минска, основные факторы, способствующие принятию решения об эмиграции – экономические (59% тех, кто решил эмигрировать) и политические (20%) причины⁸. Источник притягивающих сил – прежде всего надежды и ожидания, связанные с Израилем. Сионистские мотивы национального пробуждения получили горячую поддержку американского еврейства, которое предоставило евреям СНГ значительную материальную и образовательную помощь, но предпочло, чтобы конечной целью большинства из них стал Израиль, а не США.

Ожидания советских евреев относились как к объективным возможностям Израиля (государство, о котором постоянно говорят, несмотря на его небольшие размеры), так и к особому подходу к советским евреям в этой стране. В противоположность иммигрантам в других странах, в которых коренное население их лишь «терпит», право на репатриацию евреев из СНГ в Израиль не только закреплено в Законе о возвращении, но и фигурирует в платформах большинства политических партий в стране. Кроме того, все новоприбывшие получают определенную экономическую поддержку от государства в первое время после прибытия в страну.

На основании этих фактов большинство новых репатриантов рассчитывало на теплый прием, трудоустройство по специальности и продолжение привычной культурной жизни, по преимуществу связанной с русской культурой. Естественно, эти ожидания не могли сбыться полностью. Одной из основных причин этого было большое число прибывших иммигрантов. Фактически, физическая, образовательная и культурная сферы, а также рынок труда в Израиле не были готовы к приему иммиграционной волны такого масштаба⁹.

Встреча с Израилем

Часть из вышеперечисленных особенностей приобрела новое значение при встрече репатриантов с коренными израильтянами. Восприятие Израиля репатриантами из СНГ оказалось несколько иным по сравнению с восприятием его старожилыми. Репатрианты восприняли Израиль как маленькое государство (по сравнению с необъятными просторами СНГ), с несколько провинциальной культурой, с удивлением отметив, что это государство еще не решило окончательно проблемы своей безопасности, границ и незыблемости политического строя¹⁰. С точки же зрения израильтян-старожилых, новые репатрианты из СНГ не соответствовали общепринятым ожиданиям: они не признали превосходство местных норм и местной культуры и не проявили готовности приспособиться к израильской действительности.¹¹

Некоторые группы новых репатриантов оказались в культурной самоизоляции и не проявили никакого интереса к диалогу с коренными израильтянами¹². Прежде всего, речь идет о молодых людях, для которых эмиграция сопровождалась потерей социально-профессионального статуса (врачи, ученые, деятели искусства и представители других специальностей, которые не смогли профессионально трудоустроиться в Израиле). Эта группа чувствует глубокое отчуждение от всего происходящего в Израиле, уединяясь в своеобразном русском «гетто» и обеспечивая внутри него все свои социально-коммуникативные потребности. Согласно прогнозу Рафаила Нудельмана, «с продолжением репатриации в ближайшие годы эта группа вырастет в количественном отношении, но в ней не будет качественных изменений. .. и никакие внешние силы, по-видимому, не смогут повлиять на самоидентификацию этой группы»¹³.

Подобно другим иммиграционным движениям, репатрианты из СНГ встретили наиболее интенсивную негативную реакцию со стороны тех из старожилых, с которыми они чаще всего сталкивались в начале своего пути в Израиле – с жителями бедных «районов и городов развития»¹⁴. Большинство в этих слоях населения составляют выходцы из стран Азии и Африки, культура которых особенно далека от культуры репатриантов из СНГ. Те ресурсы,

которые облегчили абсорбцию репатриантов в экономическом плане, ухудшили их отношения с соседями, которые с трудом сводят концы с концами. Небольшой размер семей, высокий уровень образования и большой профессиональный опыт новых репатриантов обеспечили их высокую социально-экономическую мобильность в Израиле, но одновременно вызвали и зависть соседей-старожилов, которые видели в них конкурентов, как бы «пролезших без очереди».

Всего вышеизложенного вполне достаточно, чтобы предсказать, что интеграционный процесс будет сопровождаться конфликтами как между новыми репатриантами и старожилами, так и между различными секторами израильского общества в целом. Аппарат власти и общественное мнение коренных израильтян определили русскую иммиграцию как «еще одну волну репатриантов, которую нужно абсорбировать». Тогда как репатрианты из СНГ размышляли об этом в более равноправных понятиях: встреча двух групп, которая способствует обоюдным изменениям, и в конце концов приводит к интеграции между ними¹⁵.

Среди репатриантов, конечно, существует конкуренция в распределении пользующихся особым спросом ресурсов: в основном, за положение в сфере занятости, жилья и образования. Но кроме этого, существуют разногласия между теми, кто выбрал для себя сближение с израильской культурой и теми, кто сохраняет свою сугубо русскую идентичность. Так, Нарспи Зильберг описывает несколько интеграционных моделей в плюралистическом обществе, от «принятия существующей модели израильского общества» и до «самоопределения как части русской диаспоры за пределами России и культурной направленности в сторону своей бывшей родины»¹⁶. Кроме того, Н.Зильберг и Э.Лешем указывают на существование трех стратегий: ассимиляции, интеграции и изоляции, которые находят отражение в средствах массовой информации на русском языке и выражают ощущения различных групп репатриантов¹⁷.

Среди старожилов происходят столкновения интересов, связанные с иммиграцией. С одной стороны, группы, ожидающие от репатриантов политической, культурной и общественной под-

держки (в основном, в секторе образованных светских выходцев из стран Европы и Америки), а с другой – едва ли не в каждом секторе израильского общества есть и те, кто видят в российских репатриантах потенциальную угрозу и конкуренцию.

Социологи обычно относятся к конфликтам как к фактору, тормозящему интеграцию. В нашем случае, однако, возникли определенные обстоятельства, в которых конфликты помогли вхождению репатриантов в общество старожиллов. Репатриантам удалось использовать существующий раскол и противоречия в израильском обществе в своих интересах. Речь идет о политических, экономических, религиозных, этнических и национальных конфликтах. Этот калейдоскоп многочисленных противоречий соединился в уравновешенную политическую структуру. Образовались две большие коалиции: с одной стороны, – политически умеренные светские, ашкенази, а также арабы, а с другой – сефарды, религиозные и соблюдающие традиции, придерживающиеся крайней политической ориентации. Такая жесткая политическая структура дала репатриантам возможность стать стрелкой весов в политической игре¹⁸. Количественная пропорция новых репатриантов из СНГ многократно превысила небольшое и неустойчивое различие между большими политическими лагерями. С идеологической, общественной и политической точки зрения репатрианты не были связаны ни с одним из политических лагерей и имели свою, особую точку зрения на экономические, внутри- и внешнеполитические события, отличную от таковых как в левом, так и в правом лагере.

С одной стороны, политическая позиция левого лагеря сфокусирована на территориальных уступках соседям- арабам, что может превратить Израиль в еще более меньшее государство. Ясно, что тем, кто рос и мужал в огромной стране, и воспринимал весь Ближний Восток как ее задворки, будет трудно привыкнуть к мысли, что такое крошечное государство, как Израиль, может себе позволить еще более уменьшить свою территорию. Вместе с тем, не менее важные факторы препятствовали отождествлению репатриантов из СНГ с правым лагерем. Демографическая структура этого лагеря (высокий процент как религиозного населения, так и

выходцев из стран Востока), воспринималась репатриантами как чуждая. Даже те репатрианты, которые присоединились к политическим позициям правых, затруднялись в принятии его стиля и методов.

Таким образом, складывается следующая картина: репатрианты из СНГ далеки от полюсов израильского общества – они не богатые, и не бедные; они не отличаются ярким еврейским самосознанием и не питают симпатии к израильским арабам; они не воинственные правые и не крайне левые. С точки зрения экономического положения и трудоустройства, это не иммиграция по нужде, которую принимают исключительно из гуманных и социальных соображений. С другой стороны, их нельзя определить, как благоденствующую, обладающую значительным капиталом и не нуждающуюся в помощи группу. Речь идет о группе, стоимость которой для государства и ее вклад более или менее уравновешены¹⁹. То есть, оказывается, что основная позиция удаления от полюсов – это не только просчитанная стратегия репатриантов, но и их объективное место в расколотов общественной структуре современного Израиля.

Многоступенчатая самоидентификация: основные вопросы исследования

В современном обществе все увеличивается число людей со сложной, многоступенчатой самоидентификацией, иногда даже противоречивой. Самоидентификация состоит из многих компонентов, которые находятся в определенной иерархии по отношению друг к другу. Компоненты этой иерархии могут взаимозаменяться и взаимозамещаться с течением времени и изменением жизненных обстоятельств. Очевидно, что многоступенчатая самоидентификация наиболее характерна для иммигрантов, которые переходят из одной культуры в другую. Самоидентификация репатриантов из СНГ должна была отразить еще более сложные обстоятельства, чем у других иммигрантов. Еще в стране исхода самоидентификация этой группы включала два компонента – русский и еврейский²⁰. Как правило, именно русский компонент обеспечивал определенный социальный и культурный статус в обществе²¹. У

еврейской составляющей была двойственная функция: с одной стороны она подвергала своих носителей опасности антисемитизма, а с другой – символизировала принадлежность к избранному меньшинству и связь с состоятельными еврейскими общинами за рубежом²². Репатриация в Израиль изменила соотношение между этими двумя элементами самоидентификации – теперь именно еврейская составляющая способствовала обретению социального и культурного статуса, а русский компонент из достоинства превратился скорее в обузу²³. Одновременно в жизненном пространстве нового репатрианта появилась третья возможность – израильская самоидентификация.

Один из основных принципов европейского сионизма – это создание «еврея нового типа», плод обретения и ощущения независимости на своей древней Родине – идентификация, свободная от специфических особенностей различных диаспор. Таким образом, элита старожилов и значительная часть прежних волн алии воспринимали израильскую самоидентификацию как воплощение успеха идеологии «плавильного котла», ведущее к стиранию этнической обособленности выходцев из различных стран. Зачастую подобные ожидания старожилов противоречит стремлением к социо-культурному выражению большинства репатриантов, которые добиваются встречи на равных между собой и старожилами. На этом основании возникает несколько вопросов. Во-первых, как вписывается израильский компонент в идентификацию новых репатриантов? Во-вторых, насколько удалось избежать ущерба взаимодействию этих двух групп в процессе интеграции этой волны алии? Кроме того, в исследовании рассматриваются следующие конкретные вопросы.

В какой мере произошла трансформация самоидентификации новых репатриантов и какие формы она приняла? Какие факторы влияют на самоидентификацию, или, конкретнее, в каких условиях новые репатрианты становятся израильтянами? Насколько новые репатрианты осведомлены о существующих в израильском обществе противоречиях? Насколько дифференцировано отношение новых репатриантов к различным секторам израильского общества? Насколько стереотипно отношение раз-

личных секторов израильского общества к новым репатриантам из СНГ? Насколько обе стороны готовы учиться друг у друга и если да, то в каких областях?

Методология исследования

Исследование межкультурных взаимоотношений сопряжено с решением двух противоречивых задач. С одной стороны, исследователи стремятся приспособить методы исследования к различным культурам, к их языку и общественному восприятию. В то же время, очень важно проследить, чтобы возможно было сравнение между двумя исследовательскими процессами, чтобы различие между исследуемыми группами не было бы следствием различных исследовательских методов.

Кроме того, далеко не просто добиться равновесия между актуальностью и злободневностью исследуемой темы и значимостью исследования на длительный промежуток времени. Поэтому, мы старались избегать, с одной стороны, злободневных, а с другой, гипотетических – «вечных» вопросов, отрезанных от повседневной жизни.

Учитывая обилие исследуемых переменных, в конце концов мы сформулировали анкету, включающую около 60 вопросов, в каждом из которых респондентам предлагалось выбрать наиболее близкий к их собственным мироощущениям вариант ответа. Анкета была переведена на русский язык, затем перевод был проверен еще одним русскоговорящим сотрудником исследовательского коллектива. После составления предварительной анкеты она прошла проверку при помощи нескольких интервью (с глазу на глаз) с новыми репатриантами, каждое из которых продолжалось 60-80 минут. После внесения необходимых изменений был согласован окончательный текст анкеты. Опрос проводился по телефону, так как наличие телефонов у подавляющего большинства живущих в Израиле репатриантов из СНГ позволяет считать, что подобный метод анкетирования не станет причиной искажения репрезентативной выборки.

Выборка включала 400 новых репатриантов из СНГ, которые приехали в Израиль после 1989 г. (т.е. это была простая слу-

чайная выборка, вероятная статистическая погрешность – 5%), и 800 старожилов, т.е. тех, кто родился в Израиле или репатрировался в Израиль до 1989 г. (вероятная статистическая погрешность – 3,5%). Опрос был проведен в мае 1999 г.

Выборка разбросанного меньшинства неминуемо ставит перед исследователем проблему фильтрации. Выборка при помощи «набирания номера вслепую» обеспечит примерно одного репатрианта на шесть-семь телефонных соединений. Чтобы увеличить эффективность телефонного опроса, некоторые исследователи проводят опросы в местах большой концентрации новых репатриантов, таких как Ашдод или Нацрат-Илит, где выходцы из стран СНГ и Балтии составляют более трети населения города. Главный недостаток такого подхода заключается в том, что люди, живущие в местах скопления новых репатриантов, обычно подвержены более медленным интеграционным процессам, и поэтому на основании исследования только этих групп трудно прийти к выводам о секторе репатриантов в целом. Поэтому мы воспользовались подготовленной исследовательским институтом «Телесекер» репрезентативной выборке, основанной на списке, который охватывает живущих на всей территории страны новых репатриантов из СНГ, прибывших в Израиль после 1989 г. Степень репрезентативности данной выборки была проверена при помощи сравнения с соответствующими данными Центрального статистического управления Израиля по следующим параметрам: пол, возраст, страна/республика исхода, время прибытия в страну.

Результаты исследования

Самоидентификация новых репатриантов

Одним из основных вопросов исследования был: присоединилась ли израильская составляющая к тем двум компонентам, которые новые репатрианты привезли с собой, и, если да, – какая иерархия существует между ними?

Для этого был задан вопрос: С какой из ниже перечисленных групп Вы себя наиболее отождествляете: русские, израильтяне, евреи? Выберите самую подходящую. К какой еще из ниже перечисленных групп Вы себя относите?

Доминантная самоидентификация

Репатрианты выбирают в равной степени русскую и еврейскую самоидентификацию. В противоположность этому, процент выбравших израильскую идентификацию намного меньше. То есть репатрианты пока еще сохранили те две идентификации, которые у них были до приезда в Израиль, и большинство не упоминают израильскую составляющую в качестве доминантной.

Чтобы рассмотреть данные об идентификации репатриантов в более широком контексте, сравним их доминантную идентификацию с аналогичными данными среди старожилков (табл. 1).

Таблица 1

Доминантная идентификация	Репатрианты из СНГ (N = 400)	Ашкенази (N = 436)	Сефарды (N = 364)
Этническая (русская, ашкеназская, сефардская)	47%	25%	11%
Еврейская	45%	24%	43%
Израильская	8%	51%	45%
Другая	--	--	1%
Итого	100%	100%	100%

Заметны значительные отличия между репатриантами и старожилками в проценте выбравших израильский компонент: 8% среди репатриантов, 45% среди евреев из восточных общин и 51% среди

ашкенази. При этом предпочтение этнического элемента намного сильнее среди новых репатриантов по сравнению со старожилами: 47% среди репатриантов из стран СНГ, 25% среди ашкенази и 11% среди евреев – выходцев из стран Азии и Африки. В отношении еврейского элемента, обнаружилось сходство между репатриантами и сефардами (45% среди репатриантов, 43% среди сефардов), тогда как среди ашкенази процент отдавших предпочтение еврейскому элементу намного ниже – только 24%. Можно сказать, что израильская составляющая самоидентификации не является единственной опцией даже для старожилов, хотя она и более характерна для них.

Очевидно, однако, что доминантная самоидентификация репатриантов подвержена влиянию времени их пребывания в Израиле. Чтобы ответить на этот вопрос, были отдельно проанализированы ответы репатриантов, прибывших в Израиль в 1989-1992 гг., в 1993-1996 гг. и в 1997-1999 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Доминантная самоидентификация	Иммигрировали		
	в 1989-1992 N = 224	в 1993-1996 N = 125	в 1997-1999 N = 51
Этническая (русская, ашкеназская, сефардская)	37%	59%	62%
Еврейская	52%	36%	34%
Израильская	11%	6%	4%
Итого	100%	100%	100%

Еврейский компонент идентификации (в противоположность русскому) наиболее ярко выражен среди репатриантов, которые дольше других находятся в Израиле. Есть два возможных объяснения этому явлению:

1) постепенное приспособление к различным формам израильской реальности, подчеркивающей еврейство и уменьшающей связь со страной исхода;

2) Селективная иммиграция в каждой из трех групп, когда в начале иммиграционной волны прибывали в основном те, у кото-

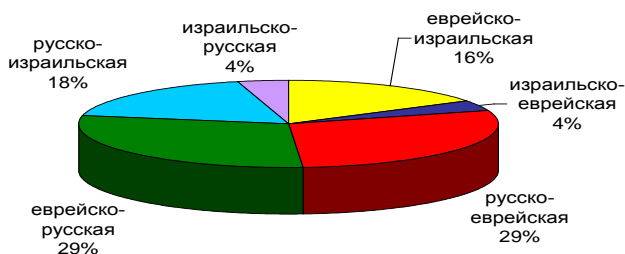
рых было более сильное еврейско-сионистское самосознание, которые, с одной стороны, были больше готовы к риску, связанному с эмиграцией в новую страну, и с другой, уже отчаялись увидеть восстановление еврейской национальной жизни в СНГ. В более поздний период потенциальные репатрианты уже были знакомы с условиями жизни в Израиле, в то время как социально-экономическое положение в СНГ ухудшилось. Поэтому можно предположить, что иммиграция из СНГ стала менее селективной и включала людей с менее развитым еврейским самосознанием.

В данный момент в нашем распоряжении нет данных, позволяющих окончательно определить, какое из этих двух объяснений верно. Мы предполагаем, что каждое из них частично способно объяснить значительные отличия между репатриантами, которые прибыли в начале «большой алии» и теми, кто иммигрировал позже.

До сих пор мы анализировали доминантный элемент самоидентификации. Анализ, который сочетает в себе не только первый, но и второй компоненты, позволяет более точно понять динамики социо-психологической самоидентификации выходцев из стран СНГ и Балтии в Израиле.

График 2

Комбинированная самоидентификация

Полученная картина не только более сложная, но и более динамичная, свидетельствующая об изменениях как на личном,

так и на групповом уровне. По-прежнему более половины опрошиваемых (58%) определяют себя как евреи-русские или как русские-евреи, но уже среди значительной части (42%) обнаружен израильский элемент в самоидентификации. Напрашивается вывод, что перед нами динамичное явление, ибо когда репатрианты еще жили в странах исхода, вероятно, ни один из них не отождествлял себя с израильтянами.

Национальная солидарность

Представленные результаты отчетливо демонстрируют, что новые репатрианты из СНГ сохраняют свои прежние идентификации (еврейскую и русскую). Вместе с тем, напрашивается вопрос о том, чувствуют ли они солидарность с израильским обществом. Данная тема была проверена при помощи следующих вопросов:

1) в какой степени Вы чувствуете себя неотъемлемой частью израильского общества? (далее: солидарность с обществом). Возможные ответы были от: «абсолютно не чувствую» и до «чувствую в очень большой степени» (табл. 3)

2) хотите ли Вы, чтобы Ваши дети жили в Израиле? (далее: будущее детей) Возможные ответы были от: «абсолютно не хочу» и до «очень хочу» (табл. 4)

3) если бы у Вас был выбор, в какой стране Вы хотели бы жить? (далее: желание жить в Израиле) (табл. 5)

Полученные данные в отношении первых двух вопросов представлены в следующей таблице.

Таблица 3

Солидарность с израильским обществом	В низкой степени	В средней степени	В большой степени	Не знаю	Итого
Репатрианты (N = 400)	33%	31%	33%	3%	100%
Старожилы (N = 800)	5%	16%	79%	--	100%

Таблица 4

Будущее детей	Не хочу	В средней степени	Хочу	Не знаю	Итого
Репатрианты (N = 400)	18%	11%	71%	--	100%
Старожилы (N = 800)	4%	5%	91%	--	100%

Таблица 5

	Репатрианты из СНГ (N = 400)	Старожилы (евреи) (N = 800)
Израиль	67%	82%
СНГ	9%	--
Другая страна	18%	16%
Не знаю	6%	2%
Итого	100%	100%

Из представленных таблиц видно, что в то время как лишь треть репатриантов видят себя неотъемлемой частью израильского общества, среди старожилов высокую степень солидарности с израильским обществом демонстрируют 80% опрошенных. Вопреки этому яркому различию, как среди репатриантов, так и среди старожилов, желание видеть будущее детей в Израиле выражено сильнее, чем чувство солидарности с израильским обществом..

Можно рассматривать это различие как оптимистичное: в настоящем среди подавляющего большинства новых репатриантов (и даже среди небольшой части коренных израильтян!) проявляется некоторое отчуждение от сегодняшнего израильского общества, но это отчуждение и неприятие не опровергают надежды, что будущее следующего поколения – на Земле Израиля.

Более двух третей новых репатриантов хотят жить в Израиле, 9% хотели бы жить в стране исхода, 18% хотели бы жить в какой-либо другой стране. Следует отметить, что процент репатриантов, которые сами хотят жить в Израиле (67%), немного меньше процента тех, которые бы хотели видеть будущее своих детей в этой стране (71%). Ту же самую тенденцию мы видим и среди старожилов (соответственно 82% и 91%)²⁴. Процент репатриантов, которые хотят жить в Израиле (67%), меньше соответствующего процента среди старожилов (82%).

При анализе связи между солидарностью с израильским обществом и доминантной идентификацией выяснилось, что

солидарность наиболее сильна среди тех репатриантов, в самоопределении которых доминирует израильский элемент (62%), затем – среди выбравших еврейскую самоидентификацию (57%). Среди выбравших русскую идентификацию чувство солидарности с израильским обществом проявляется слабее всего (36%).

Как среди новых репатриантов, так и среди старожилов выяснилось, что желание видеть будущее детей в Израиле наиболее сильно среди тех, в самоопределении которых доминирует еврейский элемент. За ними – выбравшие израильскую идентификацию, и, наконец, идентифицирующиеся со своей этнической группой (русские, ашкенази, сефарды). Что касается связи между желанием жить в Израиле и доминантной идентификацией, среди новых репатриантов были получены результаты, подобные указанным выше в отношении будущего детей.

Когнитивные дистанции между новыми репатриантами и старожилами

Израильское общество, в котором в той или иной степени происходит процесс интеграции новых репатриантов, не является однородным. Напротив, оно состоит из разных групп, отличающихся друг от друга по этническим, религиозным, политическим и национальным признакам. Собственно, способность репатриантов улавливать различия между этими группами свидетельствует об определенной мере их интеграции в израильское общество.

В этой связи мы хотели проверить: отдаляются ли репатрианты по-разному от различных секторов старожилов? Чувствуют ли они близость к тем группам, с которыми у них есть общие характерные черты, и отчуждаются ли больше от тех, кто отличается от них с точки зрения религиозной, этнической и политической? Кроме того, мы хотели узнать, есть ли различия между различными секторами старожилов в том, что касается их близости или, наоборот, отчужденности от новых репатриантов?

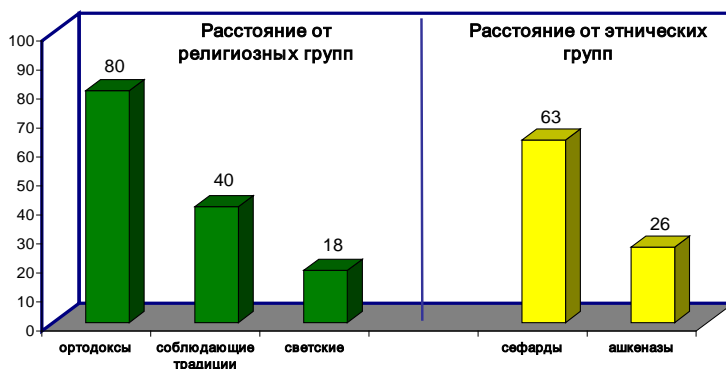
В целом, мера отдаленности одной группы от другой – один из способов измерить противоречия, существующие в об-

ществе. В этом исследовании, когда мы говорим об отдаленности, мы имеем в виду восприятие дистанции членов определенной группы от других групп.

Вопрос о мере отдаленности был сформулирован следующим образом: «Люди обычно чувствуют себя близкими к одной группе и далекими от другой. Определите, в какой мере Вы чувствуете себя близким или далеким от следующих групп, если 1 – чувствую себя одним из них, и 5 – очень далек. (Позднее все данные были трансформированы в единую шкалу от 0 до 100, где 0 – минимальное расстояние и 100 – максимальное расстояние).

График 3

Когнитивное расстояние новых репатриантов от религиозных и этнических групп старожилов

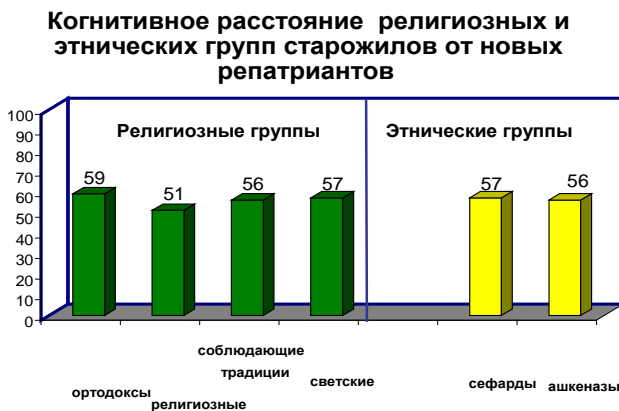
Сравнивая когнитивные расстояния новых репатриантов от различных групп старожилов, можно прийти к выводу, что мера отдаленности от различных религиозных и этнических групп далека от однородной.

Что касается дистанцирования репатриантов от религиозных групп, данные исследования показывают, что наиболее близкая к репатриантам группа – это светские, затем – соблюдающие традиции, тогда как наиболее отдаленная от них группа – ортодоксы ($18 < 40 < 80$). То есть отдаленность репатриантов от религиозных групп усугубляется по мере увеличения степени религиозности этих групп.

Анализ связи между когнитивными расстояниями и доминантной самоидентификацией показывает, что выбравшие русскую идентификацию более далеки от ортодоксов и от соблюдающих еврейские традиции, чем отождествляющие себя с евреями. (расстояние от ортодоксов: «русские» 86 > «евреи» 75; расстояние от соблюдающих традиции: «русские» 44 > «евреи» 37). Анализ расстояния репатриантов от двух основных этнических групп показывает, что степень отдаленности от ашкенази намного меньше отдаленности от сефардов (26<63).

Важно отметить, что интеграция – это обоюдный процесс, ее успех определяется как отношением репатриантов к коренному населению, так и старожилов к иммигрантам. В этой связи чувство отчужденности старожилов от новых репатриантов является не менее значимым, чем чувство отчужденности репатриантов от старожилов.

График 4

В целом можно отметить, что существует сходство между дистанцированием различных групп старожилов от новых репатриантов. Расстояние религиозных групп от репатриантов: ортодоксы 59 > светские 57 > соблюдающие традиции 56 > религиозные 51. Различия между соседними группами не являются статистически выраженными (вероятность ошибки более 0.05). Только различия между двумя крайними группами стати-

стически достоверны (ортодоксы 59 > религиозные 51). Расстояние двух этнических групп от новых репатриантов практически одинаково: сефарды 57 $\cong$ ашкенази 56.

Из представленных результатов опроса видно, что различия между исследуемыми группами невелики. Возможно причина этого в том, что силы, притягивающие и отталкивающие различные группы старожилов от новых репатриантов, также похожи. Отталкивающие силы заключаются в следующем:

- 1) репатрианты воспринимаются как носители чуждой культуры;
- 2) репатрианты воспринимаются как конкуренты, претендующие на ограниченные ресурсы;
- 3) репатрианты отстаивают свою независимость и отказываются заключать обязывающий их союз с той или иной группой;
- 4) стремление репатриантов сохранить культуру страны исхода не раз воспринималось как заносчивость.

Притягивающие силы заключаются в следующем:

- 1) согласно сионистской идеологии и национально-израильскому подходу репатрианты увеличивают еврейское население, что укрепляет безопасность государства;
- 2) каждая группа видит в новых репатриантах потенциальных союзников (именно потому, что репатрианты не хотят связывать себя обязательствами ни с одной из них).

Конечный результат этого многообразия различных доводов – среднее (близкое к 50) когнитивное расстояние всех групп старожилов от репатриантов.

Удаленность новых репатриантов от различных политических лагерей

Большая иммиграционная волна из СНГ прибыла в Израиль в период, когда ни один из существующих в стране политических лагерей на протяжении 10 лет не мог добиться сколько-нибудь очевидной победы на парламентских выборах. Многочисленные секторы политической структуры (религиозные, ортодоксы, арабы, жители «городов развития» и т.д.) были связаны с одним из политических лагерей – правым или левым – и в конечном итоге почти уравнивали друг друга.

Репатрианты из СНГ, как сектор не связанный ни с одним из лагерей, стали важнейшей силой, имеющей решающее влияние на судьбу электорального противоборства. Именно их голоса решили исход выборов 1992, 1996 и 1999 гг., когда во всех трех случаях побеждал тот кандидат в премьер-министры, которого, в большинстве своем, поддерживали репатрианты из СНГ. По этим причинам голоса репатриантов и политическая ориентация, которая стоит за этим, приобретают большую значимость для всего израильского общества.

При рассмотрении меры отдаленности репатриантов от политических лагерей выясняется, что расстояние репатриантов и от правых, и от левых достаточно велико. В целом, репатрианты немного ближе к правым, чем к левым (61 > 55). Возникает вопрос: объясняется ли это равновесие равномерным разделением репатриантов между правым и левым лагерями или оно вытекает из политического «равнодушия», неспособности найти свое место на непрерывной линии «правые – левые»? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним отдаленность от политических групп, согласно предполагавшемуся голосованию на выборах 1999 г. (напомним, что опрос проводился за неделю до выборов 1999 г.) среди новых репатриантов и старожилов (табл. 6).

Таблица 6

Голосование за кандидата в премьер-министры	Отдаленность			
	от правых		от левых	
	Репатрианты (N = 400)	Старожилы (N = 800)	Репатрианты (N = 400)	Старожилы (N = 800)
за Б.Натанягу	41	27	69	75
за Э.Барака	67	72	51	28
Итого	55	48	61	52

Полученные данные свидетельствуют, что дистанция репатриантов от политических лагерей, за которые они собирались проголосовать, больше дистанции старожилов (или, другими словами, их отождествление с политическим лагерем, который они поддерживают, не так сильно!). Степень отдаленно-

сти репатриантов, проголосовавших за Б.Натаниягу (лидер правого блока Ликуд), от правых значительно больше того же показателя у старожилов (41>27). Одновременно, степень отдаленности репатриантов, проголосовавших за Э.Барака (лидер Рабочей партии), от левых больше отдаленности старожилов (51>28).

Кроме того, выяснилось, что репатрианты проголосовавшие за Б.Натаниягу, ближе к правым, чем репатрианты проголосовавшие за Э.Барака, близки к левым (51>41). Репатрианты, проголосовавшие за Б.Натаниягу, отдалены от левых примерно также, как проголосовавшие за Э.Барака отдалены от правых (69>67).

Чтобы получить более полную картину отдаленности репатриантов от политических лагерей в сравнении со старожилами, сравним данные о партийно-политических предпочтениях этих двух групп (табл. 7).

Таблица 7

Голосование за парламентские партии	Отдаленность			
	от правых		от левых	
	репатрианты N = 400	старожилы N = 800	репатрианты N = 400	старожилы N = 800
Ликуд	28	26	69	70
Наш дом Израиль	50	--	60	--
Израэль ба-алия	52	--	62	--
Израэль эхат	71	75	31	24
Мерец	77	82	25	18
Итого	55	48	61	52

При голосовании за парламентские списки менее заметны различия в мере отдаленности от политических лагерей между репатриантами и старожилами. Среди обеих групп обнаружались значительные различия в мере отдаленности от правых и левых среди голосовавших за Ликуд (правые), Рабочую партию (левые) и леворадикальный блок Мерец. Кроме того, выяснилось, что отдаленность репатриантов, которые проголосовали за партии, представляющие алию – Израэль

ба-алия и Наш дом – Израиль, от правых меньше их отдаленности от левых. (соответственно: $52 < 62$; $50 < 60$). Фактически же репатрианты «соблюдают дистанцию» от обоих политических лагерей в большей степени, чем старожилы. Этот общий вывод приобретает особое значение при сравнении меры отдаленности от того лагеря, которому они отдали голоса. Среди репатриантов сохраняется большее расхождение между голосованием и близостью и поэтому меньшее различие между близостью к тому лагерю, за который отдали свои голоса, и тому лагерю, против которого проголосовали. Психологически репатрианты сохраняют свой статус «стрелки весов», их политический выбор не окончателен и не обязательно свидетельствует об их голосовании в будущем.

Готовность учиться друг у друга

В литературе, рассматривающей отношения между этническими группами (включая взаимоотношения иммигрантов с коренным населением), в культурных различиях между группами принято видеть только аспект, отягощающий сближение и абсорбцию. Вместе с тем, по нашему мнению, кроме трудностей, в культурных различиях скрыто также и преимущество: различия могут принести обоюдную пользу, когда каждая группа вносит в общий котел свои достоинства. Результат может отразиться в общественном сознании как обоюдная готовность учиться друг у друга, когда обе группы выигрывают от сотрудничества.

Чтобы выяснить в каких областях репатрианты воспринимаются старожилками как лидирующие, и в каких областях им есть чему поучиться у старожилов, обеим группам был задан вопрос: есть ли им чему поучиться у другой группы? Обе группы спрашивались о готовности поучиться в следующих областях: отношение к еврейским традициям, семейная жизнь, наука и технология, отношение к работе, дисциплина*. Была использована следующая

---

* Эти области были выбраны в результате проведения предварительных интервью.

шкала ответов: 1 – нечему учиться, 2 – можно немного поучиться, 3 – можно многому научиться. После трансформации была получена следующая шкала: 0 – нечему учиться, 100 – можно многому научиться.

График 5

**Чему репатрианты могли бы поучиться у старожилов?
Чему старожилы могли бы поучиться у репатриантов?
По шкале 0-100, 0 - нечему учиться, 100 - можно многому научиться**

При анализе средних баллов можно прийти к выводу, что в отношении готовности одной группы поучиться у другой существует сходство между старожилами и новыми репатриантами (41 > 38).

Интересно, что ответы обеих групп дополняют друг друга. Репатрианты воспринимаются как лидирующие в области науки и технологии, дисциплины и отношения к работе. Если репатрианты видят в старожилах ведущих в том, что касается отношения к еврейским традициям и прочной семейной жизни, то старожилы со своей стороны считают, что в этих областях им нечему учиться у репатриантов. Другими словами, отказ репатриантов перенимать израильскую культуру (и, с другой

стороны, нежелание старожилов сделать русскую культуру доминантной) не являются тотальными. В определенных (и важных!) областях обе стороны готовы пойти навстречу друг другу.

Отношение старожилов к продолжению иммиграции из СНГ

Один из возможных способов проверить отношение коренного населения к иммигрантам заключается в выяснении степени согласия старожилов с продолжением иммиграции. Старожилам был задан вопрос: «В какой степени Вы согласны с продолжением иммиграции, если это может привести к снижению уровня жизни коренного населения страны?» Полученные данные представлены в табл. 8.

Таблица 8

	Ашкенази N = 436	Сефарды N = 364	В целом N = 800
Согласны	59%	40%	51%
Согласны в средней степени	15%	30%	21%
Не согласны	21%	30%	25%
Не знаю	5%	--	3%
Итого	100%	100%	100%
Средний балл по шкале 0-100, 0 – совершенно не согласен, 100 – совершенно согласен	65	54	60

Старожилы проявили высокую меру готовности к продолжению иммиграции, даже если это может привести к снижению уровня жизни. Тем не менее, эта готовность далека от того, чтобы быть всеми принятой. Половина опрошиваемых согласны заплатить такую цену за продолжение иммиграции, еще 21% – не возражают и 25% – против. Ашкенази согласны с продолжением въезда репатриантов из СНГ в Израиль в большей мере, чем сефарды (65 > 54).

Готовность новых репатриантов порекомендовать оставшимся в СНГ репатрироваться в Израиль и их собственные ожидания на будущее

Из представленных в настоящей статье данных видно, что репатрианты хотят жить в Израиле и чтобы их дети жили в этой стране. Встает вопрос: насколько новые репатрианты готовы порекомендовать своим товарищам, оставшимся в СНГ, эмигрировать в Израиль? В этом вопросе можно видеть индикатор баланса между положительным и отрицательным опытом русской алии в Израиле (табл. 9).

Таблица 9

Рекомендовали ли бы Вы походям на Вас людям, оставшимся в СНГ, эмигрировать в Израиль?	
Рекомендовал бы	23%
В средней степени	74%
Не рекомендовал бы	3%
Итого (N = 400)	100%
Средний балл по шкале 0-100, 0 – совершенно не рекомендую, 100 – очень рекомендую	56

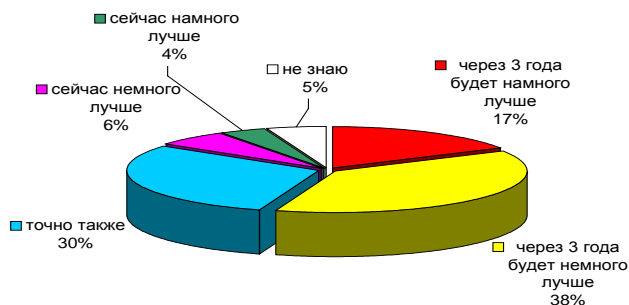
Большинство новых репатриантов заняли нейтральную позицию. Возможно, что это подавляющее большинство, которое не выразило определенного мнения объясняется индивидуализмом новых репатриантов. Они готовы взять на себя ответственность за свою жизнь и за жизнь своих детей, но не за других. Вместе с тем, следует отметить, что среди тех, кто занял определенную позицию, большинство порекомендовало бы репатрироваться в Израиль.

В процессе их интеграции в израильском обществе репатрианты добиваются определенных успехов и сталкиваются с немалыми трудностями. Возникает вопрос: а все-таки, в конце концов, репатрианты видят этот процесс как положительный и двигающий вперед или они считают, что топчутся на месте? Чтобы ответить на этот вопрос, мы спросили новых репатриантов: «Когда Вы ду-

маете о себе сейчас по сравнению с тем, что будет через три года, когда по Вашему мнению будет лучше?» (см. график 6).

График 6

Степень оптимизма новых репатриантов

55% опрошиваемых верят, что через три года будет лучше, чем сейчас, 30% – не ожидают изменений в ближайшем будущем, и только 10% – пессимисты. Средний балл оптимизма равняется 65 (по шкале 0-100, 0 – крайняя степень пессимизма, 100 – крайняя степень оптимизма).

Следует отметить, что степень оптимизма связана с возрастом: найдена отрицательная статистически достоверная корреляция Пирсона между возрастом и степенью оптимизма (коэффициент корреляции: -0.38). Кроме того, важно и то, что найдена положительная корреляция между стажем пребывания в стране и степенью оптимизма: чем больше стаж в Израиле, тем больше степень оптимизма (коэффициент корреляции: 0.20).

Заключение

Результаты проводимого нами исследования не дают возможности прийти к однозначным выводам о состоянии и направлении интеграционного процесса. Становятся ли новые репатрианты израильянами? Не сожалеют ли о своем решении приехать в Израиль?

Видят ли они в Израиле новый дом, в котором можно и стоит поселиться и помочь в его строительстве? Или они видят в своей иммиграции падение, а не взлет, решение, плата за которое превышает полученный выигрыш, ошибку, из которой ищут выход?

Полученные данные содержат подтверждение как оптимистической так и пессимистической точки зрения; Израиль для большинства репатриантов 90-х годов, по-видимому, не новая – старая Родина, с которой воссоединяются после нескольких поколений ностальгии, но и не временное пристанище. Израиль для этих репатриантов не «плавильный котел», но и не «гетто».

Доминантная идентификация для большинства репатриантов (92%) – русская или еврейская, и только 8% прежде всего определяют себя как израильтяне. В нашем распоряжении нет сравнительных данных об идентификации репатриантов 30-х и 50-х годов спустя семь-восемь лет после их приезда в Израиль. Из соответствующих данных об идентификации иммигрантов-евреев из бывшего СССР в США (г. Чикаго) с подобным стажем просматривается похожая картина: треть опрошиваемых определили себя как евреи-американцы, треть как русские-американцы, остальные как советские-американцы. И только небольшое количество представили себя в первую очередь американцами²⁴. И все-таки израильские журналисты и общественные деятели, которые были ознакомлены с результатами исследования, выразили разочарование. Элита старожиллов, по-видимому, ожидала более быстрых изменений в идентификации репатриантов.

Выяснилось, что несправедливо судить о многоступенчатом явлении только по его верхнему слою, который не отражает всей сложности, глубины и многогранности идентификации многих современных людей. Израильская идентификация была упомянута (как первое или как второе предпочтение) 40% опрошиваемых. Если предположить, что в СНГ почти никто из опрошиваемых не чувствовал себя израильтянином, получается, что меньше, чем за десятилетие изменилась сложная структура идентификации репатриантов.

Процесс выработки новой идентификации начинается со второго предпочтения. Вероятно, это все, чего можно ожидать от первого поколения иммигрантов. Медленное и постепенное при-

соединение израильского элемента к идентификации репатриантов кажется еще более вероятным, если принять в расчет следующий факт: только половина старожиллов (!) отдали предпочтение израильской идентификации в качестве доминантной. Общепринятое мнение, что «прежде всего, все мы израильтяне» не отражает действительности даже среди старожиллов...

Политическое самовыражение репатриантов также свидетельствует о стремлении выделить израильский элемент. Две партии репатриантов из СНГ называются «Израэль ба-алия» и «Наш дом Израиль». Имя старой Родины отсутствует в обоих названиях. Интересно провести параллель с именами партий репатриантов из разных стран прежних лет: «Новая алия» (выходцев из Центральной Европы в 40-х годах), «Тами» («Движение израильской традиции» выходцев с Ближнего Востока 70-х годов), Шас («сефарды, соблюдающие Тору» в наши дни). Репатрианты из СНГ подчеркивают израильский элемент больше, чем другие иммигрантские движения. Можно утверждать, конечно, что название партий представляют собой в большей мере декларацию, чем попытку самоопределения. Вместе с тем, мы считаем, что то как представляет себя политическое движение, в определенной мере свидетельствует о том, что представляют собой его избиратели.

Как же выглядит картина взаимных расстояний между репатриантами и различными секторами старожиллов? Выяснилось, что репатрианты имеют представление о существующих в израильском обществе противоречиях и социальных конфликтах и, естественно, относятся по-разному к различным группам старожиллов. Это отношение проявляется в меньшей дистанции от старожиллов, похожих на них (ашкенази, светские) и большей дистанции от старожиллов, отличающихся от них (сефарды, религиозные). Таким образом репатрианты «занимают свою нишу» в Израиле.

Мы объясняем определение когнитивной и общественной дистанции как выражение стратегии, направленной на то, чтобы предотвратить противостояние с израильским обществом в целом (1 млн. против 4 млн., если примем в расчет только евреев). Различные дистанции выражают желание создать коалиции с одними секторами старожиллов против других секторов.

Тем не менее, следует избегать однозначных выводов, так как близость репатриантов к светско-ашкеназскому сектору противоречит коалиции двух «русских» партий с правым крылом политической карты, включающим также религиозный сектор. Таким образом, интеграционный процесс репатриантов из СНГ проходит весьма не однозначно: союз с одним сектором по одному поводу и с его политическим оппонентом по другому...

Можно увидеть общую стратегию (на этот раз старожилов и репатриантов как одного целого), в обоюдной готовности двух этих групп учиться друг у друга.

Явление «специализирующихся меньшинств» было рассмотрено историками и социологами в важных работах, опубликованных на рубеже 60-х – 70-х годов²⁵. Вместо того, чтобы стать «средним» жителем принимающей страны, меньшинства (во многих случаях иммигранты в недавнем прошлом) могут развить свои отличительные особенности и сделать их своим относительным преимуществом в новом обществе. Непреклонное желание меньшинства сохранить свои особенности представляет собой обязательное, но недостаточное условие успеха стратегии «специализирующегося меньшинства». Нужно также и признание этого преимущества меньшинства другими секторами и их готовность воспользоваться его плодами. Ответы на вопрос, чему можно научиться у другой стороны (старожилам у репатриантов и репатриантам у старожилов) как будто согласованы между двумя сторонами.

Достоинства, которые приписывают себе репатрианты («не чему учиться в этих областях у старожилов») и которые признают старожилы («можно многому научиться») это: наука и технология, трудолюбие и дисциплина. Похоже, что здесь экзаменуется и сравнивается не только трудовая дисциплина и технологический уровень СНГ, но и сильно развитое у евреев бывшего Советского Союза стремление всегда быть первыми. Другими словами, репатрианты извлекают пользу не только из своего положения в стране исхода, но и превращают свою высокую приспособляемость в средство, чтобы влиться в новое общество. В свою очередь, репатрианты готовы учиться у старожилов отношению к традициям

иудаизма и семейным ценностям. Нет сомнения, что эта готовность выражает принятие двух основных ценностей израильского общества: еврейская национальная гордость и центральное место семьи²⁶. Таким образом, полученные данные свидетельствуют об интеграции не совсем симметричной: иммигрантское меньшинство вносит важный вклад в материальную сферу, тогда как большинство старожилов является ведущим в формировании системы духовных ценностей.

Каким же видится будущее по обе стороны «баррикад»? Принято приписывать израильтянам большую симпатию к алии вместе с подозрительностью и отмежеванием от олим (новых репатриантов)... Для того, чтобы преодолеть силу общественного мнения, поддерживающего алию, мы «прикрепили» к иммиграции ярлычок с ценой и спросили: «Будете ли Вы заинтересованы в продолжении иммиграции из СНГ, если она приведет к понижению уровня жизни старожилов?» Выяснилось, что во всяком случае на словах половина старожилов готовы и в будущем платить такую цену за алию и абсорбцию*, тогда как процент несогласных намного меньше (четверть).

Обратимся к репатриантам: «Как они видят свое будущее?» Прежде всего, они связывают свое будущее (67%) и еще больше будущее своих детей (70%) с Израилем. Таким образом, решение иммигрировать не было для большинства репатриантов временным выбором, и даже если было таким, развитие действительности (как русской, так и израильской) многое изменили.

Другой способ подытожить израильский опыт репатриантов – проверить чувствуют ли они продвижение вперед или отступление. Незначительное большинство считает, что их положение улучшилось, треть не видит изменений в своем положении и незначительное число считает, что их положение ухудшилось. В общем, репатрианты подходят к действительности относительно оптимистично.

---

* В действительности не ясно, привела ли алия СНГ к снижению, хотя бы временному, уровня жизни старожилов.

Готовность посоветовать репатрироваться в Израиль друзьям, оставшимся в СНГ, свидетельствует, во всяком случае с первого взгляда, о гораздо меньшем оптимизме. Подавляющее большинство репатриантов не высказало определенного мнения на этот счет. Мы приписываем эту нейтральную позицию индивидуализму репатриантов – нежеланию брать на себя ответственность за чужие судьбы. Как уже было отмечено, при анализе ответов того меньшинства, которое рискнуло высказать определенное мнение, выясняется, что число порекомендовавших намного превышает число тех, кто не советовал бы иммигрировать в Израиль.

Наше исследование поднимает различные аспекты, как способствующие, так и препятствующие интеграционному процессу между репатриантами и старожилами. С одной стороны репатрианты вносят важный вклад в израильское общество; с другой, – они обостряют существующие расколы и конфликты и вносят новые. Эта двойственность вытекает в большой мере из сочетания противоречивых, на первый взгляд, стремлений: присоединиться к израильскому обществу и одновременно сохранить непрерывную и действенную связь с культурой страны исхода. Это противоречие выражается посредством следующих процессов:

1. Заполнение возникшей культурной русской ниши (газеты, книги, театр, музыка, специализированные магазины) в экономических, политических и юридических общеизраильских рамках.

2. Выдающиеся достижения в различных областях (наука, искусство, high-tech, спорт). В этих областях репатрианты подняли критерии успеха и для старожилов.

3. Сочетание развития русской ниши и индивидуального успеха на общем рынке обогащает и разнообразит израильскую культуру. Это разнообразие расширяет собственно представление «израильский», т.е. то, что разрешено, вероятно и возможно в рамках израильской культуры. После того, как закончились первые шаги интеграции, понятие «израильский» стало менее ограничивающим, но одновременно и более размытым. Израильская элита вынуждена расстаться с некоторыми нормами, которые в прошлом усиливали ее и укрепляли ее авторитет.

4. Добавление сектора репатриантов в культурную систему привело к структурным изменениям в ней. До появления репатриантов из СССР/СНГ доминантный статус ашкеназийско-светской культуры был ослаблен. Появление репатриантов, характеризующихся еще более крепкой связью с европейской культурой, вернуло ашкенази центральное положение.

5. В политической сфере репатрианты прибегли к другой стратегии, которая стала возможна благодаря отсутствию обязательств перед двумя политическими лагерями, т.е. свободу действий и маневров. В противоположность полярной светско-европейской позиции в культурной сфере, они попытались захватить политический центр посредством приобретения статуса «стрелки весов». Во время трех последних выборов большинство репатриантов голосовало за кандидата от оппозиции, и таким образом, играло решающую роль в его избрании. Они поступали так, несмотря на то что каждый раз в оппозиции был другой политический лагерь. Результаты нашего исследования показали, что избиратели-репатрианты сохраняют большую дистанцию от того лагеря, которому отдают свои голоса, чем избиратели-старожилы.

Таким образом, характерные черты интеграции репатриантов включают борьбу за влияние, использование существующих в израильском обществе противоречий, для того чтобы с их помощью добиться статусной мобильности. Живущие в Израиле выходцы из стран СНГ готовы и внести свой вклад, и учиться у других.

---

¹ См. статью Владимира Ханина «Политические элиты, общественные структуры и социально-политические конфликты в общине выходцев из СССР/СНГ в современном Израиле» в этой книге.

² *Солодкина, Марина.* Факторы нематериального характера, затрудняющие интеграцию алии 90-х в израильское общество [1994]. – Цивилизационный дискомфорт. Советские евреи в Израиле в 90-е годы. Тель-Авив. 1996, с. 106.

³ *Сикрон, Моше.* Человеческие ресурсы «алии» и процессы интеграции репатриантов в сфере занятости. – Портрет алии. Иерусалим. 1998, с. 127-181 [на иврите].

---

⁴ *Гудков, Лев.* Отношение к евреям в России (по материалам социологических исследований 1990-1998 гг. – Евреи СССР на перепутье. [Иерусалим], 2000 № 4 (19), с. 231-249 [на иврите].

⁵ *Голд С.Д.* Советские евреи в США. – Евреи СССР на перепутье. [Иерусалим], 1995, № 2 (17), с. 70-85; *Лешем Э. и Сикрон М.* Процессы абсорбции репатриантов из бывшего СССР, 1990-1995, основные данные. Портрет алии, с. 442-462 [на иврите].

⁶ См.: *Гительман, Цви.* Еврейско-советская самоидентификация в переходный период. Евреи СССР на перепутье. [Иерусалим], 1994 № 1 (16), с. 148-154 [на иврите]; *Ротенберг, Вадим.* О самоидентификации евреев из бывшего СССР в Израиле. – Евреи СССР на перепутье [Иерусалим], 2000 № 4 (19), с. 213-220.

⁷ *Горовиц, Тамар и Лешем, Эли.* Выходцы СССР в культурном пространстве Израила. – *Портрет алии*, с. 291-326.

⁸ См.: *Brym, Robert.* Jewish Emigration from the Former USSR: Who? Why? How Many? – N.Lewin-Epshtein, Y.Roi and P.Ritterband (eds.), – Russian Jews on Three Continents L., 1997.

⁹ См.: *Tzaban, Yair.* The Quandaries of an Israeli Minister of Absorption. – Russian Jews on Three Continents; *Зильберг, Нарспи и Лешем, Эли.* Кажущаяся община и община в действительности: пресса на русском языке и обновление общинной жизни среди репатриантов из СНГ в Израиле. Общество и благосостояние. 1997 1, с. 9-37 [на иврите].

¹⁰ См.: *Лешем Э. и Сикрон М.* Процессы абсорбции репатриантов из бывшего СССР, 1990-1995, основные данные.

¹¹ В этой связи см., например: статью *Солодкина, Марина.* Факторы нематериального характера, затрудняющие интеграцию алии 90-х в израильское общество.

¹² См. статью Нарспи Зильберг «Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиски новых моделей интеграции» в этой книге.

¹³ *Нудельман, Рафаил.* «В поисках себя» – Евреи СССР на перепутье – [Иерусалим], 1997, № 3 (18) с. 19-40 [на иврите]. См. также статью Р.Нудельмана «Переписывая заново: Израильское общество в продолжающихся поисках самоидентификации» в этой книге.

¹⁴ См.: *Левин-Эпштейн Н., Менахем Г. и Браам Р.* Репатриации – да, репатриантам – тоже да? Исследования Тель-Авива-Яффо: общественные процессы и социальная политика. Тель-Авив; 1993, с. 191-209 [на иврите]; *Лиссак, Моше.* Репатрианты из СНГ – между сепаратизмом и интеграцией. Выделение ресурсов социальным службам, 1994-1995. (Иерусалим, Центр изучения общественной политики Израила, 1995, с.

167-174 [на иврите]; *Демриан Н. и Розенбаум-Тамари Ю.* Отношение израильской общественности к алии. – Евреи СССР. Иерусалим, 1993, № 15 с. 178-183 [на иврите].

¹⁵ *Lissak, Moshe. and Leshem, Elazar.* The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration. – Israel Affairs, 1995 vol. 2, is. 2, с. 20-36.

¹⁶ См. статью Нарспи Зильберг «Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиски новых моделей интеграции» в этой книге.

¹⁷ См.: *Зильберг, Нарспи и Лешем, Эли.* Кажущаяся община и община в действительности.

¹⁸ Подробнее см.: *Horowitz, Tamar.* Ideologies, Identity and Frustration as Factors Influencing the Voting Patterns of Immigrants from the Former Soviet Union. – Asher Arian and Michail Shamir (eds.), Elections in Israel, 1996. Jerusalem; 1999; *Khanin, Vladimir.* Israeli 'Russian' Parties and the New Immigrant Vote. – Israel Affairs. 2000 (forthcoming).

¹⁹ *Зусман, Цви.* Влияние иммиграции из СССР на экономическое положение израильских старожилов – Портрет алии, с. 182-207 [на иврите].

²⁰ *Farago, U.* Changes in the ethnic identity of Russian immigrant students in Israel (1973-1975). – Jewish Journal of Sociology. 1978 vol. 21, iss. 2, с. 37-51.

²¹ См. статью Вадима Ротенберга «О самоидентификации евреев из бывшего СССР в Израиле».

²² См.: *Ritterband, Paul.* Jewish Identity among Russian Immigrants in the US. – Russian Jews on Three Continents N. Lewin-Epshtein, Y. Roi & P. Ritterband (eds.). L., 1997.

²³ См. статью Рафаила Нудельмана «В поисках себя».

²⁴ *Гительман, Цви.* Еврейско-советская самоидентификация в переходный период.

²⁵ *Blalock H.M.* Towards a Theory of Minority Group Relations. N.Y., 1967; *Bonachich E.* A Theory of Middleman Minorities. – American Sociological Review. 1973 vol. 38, с. 583-594.

²⁶ О ключевой роли семьи в израильском обществе (по сравнению с другими современными обществами) см. *Peres Y. and Katz E.* Stability and Centrality, The Newclear Family in Modern Israel. – Social Forces 1981, с. 687-704.

ЦЕННОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ «РУССКИХ» РЕПАТРИАНТОВ: ОПЫТ ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Моше Кенигштейн*

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций, установок и стереотипов русскоязычных репатриантов, находящихся в Израиле менее года. Исследование проводилось в середине 90-х годов в учебном центре киббуцного движения Рамат-Эфаль. Часть материалов исследования была опубликована в брошюре «Лексикон алии 90-х» (1996 г.) и в книге «Лексикон «русской» алии» (1999 г.). Различные аспекты исследования обсуждались на встречах социологов и в СМИ Израиля. В настоящей статье излагаются наиболее важные, с точки зрения автора, методологические проблемы и выводы исследования.

В теоретическом плане внимание специалистов может привлечь методология исследования и обработки данных. Собственно результаты исследования представляют собой своеобразную «карту» общекультурных и социально-политических ориентаций новых репатриантов. Их анализ позволяет прояснить смысл понятия «русской общины» в рамках дискуссии о существовании «единой русской общины» в Израиле и других странах. Можно ли описать и типологизировать специфические ориентации и установки «русских» израильтян в социально-политической сфере? Какова их ди-

---

* Д-р **Моше Кенигштейн** живет и работает в г. Ариэле. Данная статья базируется на анализе результатов большого исследования, проведенного автором среди учащихся ульпанов. Базовые материалы исследования были собраны автором в вышедшей на русском языке и иврите брошюре «Лексикон «русской» алии» (Иерусалим, 1999).

намика? В каком направлении они трансформируются под влиянием новых обстоятельств жизни?

Эти вопросы актуальны не только в контексте анализа настоящего и будущего израильского общества, но и для понимания глобальных процессов миграции культур, ценностей и стереотипов, особенностей интеграции маргинальных групп в различных социальных и культурных условиях.

Проблема и цели исследования

Тема исследования возникла в середине 90-х годов, на пике общественного интереса к «русской» алии, когда под влиянием ее «критической массы» появились первые признаки радикальных перемен во всех сферах жизни Израиля. Публикация промежуточных результатов исследования, целью которой был выбор предпочтительного варианта их анализа и представления, вызвала весьма активные и неформальные реакции специалистов: социальных работников, учителей, социологов и политиков. Общей чертой этих реакций – в диапазоне от резко негативных до восторженных – был интерес и раздражение, какое обычно испытывают люди, сталкиваясь с тем, что противоречит сложившимся установкам и стереотипам поведения и отношений. К середине 90-х годов в израильском обществе широко распространились негативные стереотипы и образы «русских» в Израиле, – не только на уровне обыденного сознания и в СМИ, но даже среди израильтян, профессионально занятых приемом репатриантов и их интеграцией. Одна из причин стереотипного восприятия – как известно, недостаток информации или нежелание ее усваивать.

Количественные, в частности, социально-демографические и профессиональные характеристики «русской» алии достаточно хорошо известны, но что собой представляет культура и язык, ценности и стереотипы огромной массы людей, вырванных из привычной среды обитания и оказавшихся в совершенно иных условиях, – «terra incognita» для большинства израильтян. Поэтому в проекте «Лексикона» была поставлена задача представить ценностные ориентации и установки «русских» израильтян, зафиксировать их обыденное сознание, язык и стереотипы. В соответствии

с проектом исследования планировалось, что на втором этапе по тому же методу будут протестированы и группы израильтян-старожилов, а полученные результаты будут сопоставлены. Предполагалось, что исследование сможет выявить сходства и различия в ценностных ориентациях «русских» и коренных израильтян. По замыслу авторов, публикация результатов сравнительного исследования может способствовать разрушению стереотипов в отношении к «русским» израильтянам и снижению уровня ксенофобии в израильском обществе.

Методологическая основа исследования – идеи Гарольда Гарфинкеля, создателя этнометодологического подхода в социологии, в соответствии с которой вербальные, т.е. высказываемые людьми, определения и интерпретации реальности можно рассматривать как уникальный феномен обыденного сознания. В этих определениях реальности индивиды объясняют для себя смысл их собственной деятельности, действий других людей, а также смысл объектов и ценностей реального мира. При этом не затрагивается вопрос об объективной «правильности» или научности этих определений¹ – суть этнометодологии заключается в изучении обыденного, так сказать, «первобытного» сознания людей, из которого можно извлечь все, что ищет социолог. Анализу подлежит вербальное поведение, а также сопутствующие ему реакции. Как известно, «классическая» социология не принимает на веру то, что человек говорит сам о себе. Известно, что респондент стремится «угадать» ожидания интервьюера и дать ответы, принятые в обществе или в окружении тестируемого. Г.Гарфинкель придумал и успешно использовал, как правило, шокирующие методы, провоцирующие спонтанную, естественную реакцию индивида в условиях острого дефицита времени. Это позволяет обнаружить в глубинах сознания ориентации и установки, о содержании которых не всегда подозревает даже сам их обладатель.

Данное исследование основывается на анализе ответов, данных израильтянами – выходцами из России, находящимися в новой для них стране считанные месяцы. Суть метода данного исследования проста: с учащимися ульпанов, т.е. школ иврита для новых репатриантов, проводилась короткая «разогревающая»

раздражающая» беседа, после которой каждый из них в течение 5-10 минут должен был дать до 10 письменных ответов на вопрос «Что это?» или «Кто это?», определяя предложенное ему понятие. Этот относительно простой субъективный тест оказался удивительно эффективным. В группах, где он проводился, наблюдался настоящий взрыв творчества, подобный «мозговому штурму», в котором активно участвовала большая часть респондентов. Каждая такая встреча приносила в «Лексикон» десятки высказываний, среди которых можно найти «энциклопедические» определения и яркие красочные метафоры, «свежеиспеченные» афоризмы и старые штампы. Часто они поверхностны, непоследовательны и внутренне противоречивы, иногда удивительно глубоки и точны. Так же можно охарактеризовать и поведение людей, которое в огромной степени обусловлено их обыденным сознанием.

Причины эффективности этнометодологии в исследовании социально-психологических ориентаций и стереотипов репатриантов в Израиле следует рассматривать на фоне общих, по-видимому, для всех эмигрантов обстоятельств. У человека, переехавшего в другую страну лишь несколько месяцев назад, резко активизируется процесс «переоценки ценностей», происходит болезненная ломка привычных ориентаций и установок. Одновременно с этим эмигрант старается «сохранить лицо», стремится к самоопределению и самовыражению. Прежде он жил в условиях социальной и культурной определенности, относительной упорядоченности, когда казалось, что все более или менее ясно, на все волнующие вопросы можно без особого труда найти необходимые ответы. Внезапно привычный мир рухнул, и приходится выстраивать его и себя в нем заново. В этих условиях эмигрант, как правило, испытывает острое желание высказаться, быть услышанным, подтвердить социальную значимость и ценность своего опыта и личностных качеств.

Другое условие применимости этнометодологии в исследовании эмигрантов – хорошее знание и понимание их языка, а также смыслового контекста высказываний. Когда группа специалистов (а в нее входили социологи, психологи, культуролог) начала интерпретировать материалы исследования, между ними возникли

серьезные разногласия, доходившие до конфликтов. Это было связано с тем, что для части экспертов русский язык – родной, и они понимали не только прямой смысл высказываний, но и часто скрытый подтекст, двусмысленность, многозначность определений. Специалисты, родной язык которых – иврит, естественно, не могли этого знать, и их раздражали бесконечные объяснения и уточнения «русских» коллег, якобы тормозивших работу. Израильтяне не могли «прочувствовать» в переводе смысловую многообразие такого, например, определения: «грех – это прелюбодеяние в особо крупных размерах», или понять смысл определения, ясного «русским» евреям: «иудаизм – это грань, отделяющее евреев от лиц еврейской национальности». Разумеется, не всегда даже носители одного языка понимают игру слов и юмор, заключенный в сочетаниях разной лексики. В частности, русскоязычные новые репатрианты и старожилы Израиля, которые знакомились с материалами «Лексикона», далеко не всегда одинаково понимали и интерпретировали высказывания. Здесь наблюдается то, что Г.Гарфинкель называл «фоновыми ожиданиями»². Люди общаются и понимают друг друга, поскольку общению способствуют одинаковые фоновые ожидания – у нас не только общий лексикон, не только слова, из которых составляется фраза, но и подтекст, содержащийся в этих словах. Чтобы понимать, нужно знать не только язык, но и «культурные коды» носителей языка. Поэтому интерпретация высказываний в рамках этнометодологии считается особенно тонкой операцией, зависящей от профессионализма и интеллекта социолога. В этом аспекте «этнометодология» особенно уязвима, так как допускает различные интерпретации одних и тех же высказываний. Поэтому в рамках проекта «Лексикона» были использованы дополнительные методы проверки обоснованности и достоверности полученных результатов.

Интерпретация результатов исследования

Напомним, что первичный материал «Лексикона» – определения и высказывания «русских» репатриантов, представленные в виде письменных ответов на вопрос «Кто это?» или «Что это?». Число понятий, использованных в исследовании – 87. Документ –

носителем первичной информации – субъективный тест «10 ответов». Методом простой случайной выборки опрошено около 1200 человек, при этом выборка смещена в сторону респондентов молодого и среднего трудоспособного возраста (18-50 лет). Общее число всех ответов – более 9 тыс.

В процессе последующей обработки близкие по смыслу ответы сводились в группы, выражающие некоторый обобщенный угол зрения, часть объема понятия. Главной задачей на этом этапе было сохранение в максимальной степени «буквы и духа» высказываний. В этом виде материалы исследования были опубликованы в книге «Лексикон “русской” алии»³.

Приведем в качестве примера понятие **«грех»**.

1. Грех – активное зло: преступление, насилие, причинение вреда, ущерб (41% ответов). Например: действие, направленное против человека, общества или природы и влекущее тяжелые последствия: преступление, убийство, измена, воровство, подлость, клевета, насилие, уничтожение природы и т.д.

2. Грех – нравственная категория: нарушение норм общественной или религиозной морали (24% ответов). Например: нарушение общепринятых норм морали и поведения, отрицание, пренебрежительное отношение к общезначимым и личным моральным ценностям; несоблюдение религиозных заповедей и традиций, безверие, святотатство, Беспринципность, аморализм, лживость, прелюбодеяние; неуважение родителей, эгоизм, недостойное, «низкое» поведение, непорядочность.

3. Грех – непротивление злу, уклонение от добра, бездействие (8% ответов). Например: равнодушие к злу, нежелание помочь людям, которые нуждаются в тебе; грех – не думать о будущем, не любить и жить с нелюбимым, не иметь детей, не осчастливить ни одного человека, жить на земле и не оставить память о себе.

4. Грех – это психическая травма, чувство вины, раскаяние (7% ответов). Например: душевная травма, самоунижение, негативное влияние на душу, раскаяние, угрызения совести, душевные страдания; страх расплаты, чувство вины, мысли о плохом; грех – преступление против себя, против своей совести и морали.

5. Грех – релятивное понятие (6% ответов). Например: грех – относительное, «растяжимое» понятие, у каждого человека и общества – свое; смысл греха меняется с развитием человека и общества; грех может быть приятным и полезным; это психологический барьер; ложь – почти не грех.

6. Грех – неизбежность, необходимость (2% ответов). Например: грех – это сама жизнь, без греха жизнь невозможна. Где человек, там и грех. Всякий человек грешен. «Все мы грешны на этой земле».

На втором этапе высказывания репатриантов классифицировались по стереотипности их содержания.

Приведем в качестве примера понятие «израильтяне».

1. Стереотипные позитивные определения: «свободные», «раскованные», «патриоты Израиля», «трудолюбивые», «любящие детей», «доброжелательные», «прямые и открытые» и т. д.

2. Стереотипные негативные определения: «некультурные», «склонные к обману», «необязательные, непунктуальные», «эгоисты», «самоуверенные», «неискренние», «меркантильные», «равнодушные к репатриантам» и т. д.

3. Стереотипные нейтральные определения: «народ, граждане, население Израиля», «люди, родившиеся и приехавшие в Израиль», «люди, приехавшие из разных стран и вынужденные жить вместе», «эмигранты – носители культуры и ментальности стран исхода», «люди с другой культурой» и т. д.

4. Нестереотипные определения: «люди, не соответствующие моему представлению о евреях», «люди, единство которых проявляется только во время войны», «люди, которые несмотря ни на что близки мне по духу и крови».

Соотношение числа негативных, позитивных и нейтральных высказываний – 2 : 3 : 5. Соотношение стереотипных и нестереотипных высказываний – 7 : 3.

Завершающий этап – анализ и интерпретация ответов. На этом этапе ставилась задача типологизации ориентаций репатриантов на основе контекстуально-смыслового анализа их высказываний. Приведем фрагмент интерпретации определений понятия «израильтяне».

Во-первых, отношение репатриантов к имиджу израильтян отличается значительным разнообразием, гетерогенностью, что находит выражение в различных, иногда противоположных определениях. Так, позитивные оценки типа «израильтяне – люди высокой культуры» соседствует с определением «израильтяне – дикари», или «отзывчивые» – с «равнодушными». Основной вывод: у «русских» репатриантов отсутствует единый стереотип израильтян, некое одномерное, упрощенное представление о них.

Во-вторых, следует отметить, что в целом преобладают позитивные и нейтральные, «объективистские» определения. Большинство позитивных определений связано с темой любви к стране: «израильтяне – это люди, испытывающие огромное чувство любви к своей стране», «они считают Израиль лучшей страной в мире». Вторая тема – жизнерадостность и раскованность израильтян. Они, по распространенному мнению респондентов, умеют отстаивать свои права, открыты и эмоциональны.

В-третьих, нельзя не отметить и то, что среди негативных определений более часто указывается на низкий культурный уровень, «неотесанность» израильтян, их «вспыльчивость», «грубость», «наглость», «невежливость», «крикливость» и т.п. Вторая акцентированная тема – снобизм, самомнение, чувство собственного превосходства, присущее израильтянам, по мнению респондентов. Как пишет один из них, «израильтяне считают себя представителями высшей расы, считают, что они во всем и всегда правы».

И, наконец, в четвертых, репатрианты, за редким исключением, не идентифицируют себя как израильтян, как правило, дистанцируются от них. Указывая на обычные, достаточно широко распространенные качества израильтян, многие респонденты вместе с тем считают их людьми совершенно иного типа, с которыми у «русских» мало общего. Этот вывод соответствует данным других исследований, подтверждающим низкий уровень израильской идентификации «русских» репатриантов⁴.

Проблематика идентификации репатриантов представлена также в анализе определений собственно понятия «репатрианты из СССР/СНГ».

1. Стереотипные позитивные определения: «будущее Израиля», «культурные, образованные, творческие люди», «огромный невостребованный интеллектуальный потенциал», «работоспособные, умеющие работать», «готовые на любую работу», «не боящиеся трудностей, умеющие преодолевать препятствия», «инициативные», «оптимисты, надеющиеся на лучшее», «приехавшие в Израиль ради будущего детей» и т. д.

2. Стереотипные негативные определения: «социально замкнутые», «люди, которым чужды идеалы и ценности», «антисионисты», «психологически слабые, неуверенные в себе», «люди с завышенной самооценкой», «претенциозные», «ущербные», «индивидуалисты», «избалованные», «завистливые», «неблагодарные», «пессимисты», «авантюристы» и т. д.

3. Стереотипные нейтральные определения: «эмигранты», «беженцы», «граждане бывшего СССР», «нормальные, обычные люди», «неоднородная масса, с разными характерами, взглядами и ценностями», «евреи и неевреи», «сионисты и космополиты», «люди со своей культурой и традициями», «врачи, инженеры, учителя» и т. д.

4. Нестереотипные определения: «люди, стремящиеся обрести родину, избавиться от чувства неполноценности», «испытывающие одновременно радость и боль, разочарование и освобождение, надежду на будущее», «отчаявшиеся найти счастье дома», «оказавшиеся в пропасти и стремящиеся выбраться, почувствовать почву под ногами», «люди, которые нужны Израилю только для политического и демографического превосходства над арабами», «люди без корней», «люди, которые потрясли Израиль, так как превысили “критическую массу”».

Соотношение позитивных, негативных и нейтральных высказываний – 4 : 3 : 3. Соотношение стереотипных и нестереотипных высказываний – 7 : 3.

«Коллективная» самооценка репатриантов структурно сбалансирована, в ней нет существенного преобладания позитивных, негативных или нейтральных высказываний. Вместе с тем, следует отметить наличие двух противоположных по направленности типов ориентации респондентов на «русскую» репатриацию.

В позитивной ориентации подчеркивается «огромный потенциал алии», ее образование и культура, «элитарность». В негативной ориентации, напротив, содержится критическая оценка морального и культурного потенциала «русской» репатриации, выражается сомнение в ее способности принести пользу Израилю.

Анализ ответов указывает на низкую степень социальной, национальной и этнической идентификации репатриантов не только со странами исхода (и это несмотря на то, что по меньшей мере половина репатриантов из стран СНГ сохранила гражданство этих стран, в частности российское и украинское) и с Израилем, гражданами которого они стали, но и с историей, культурой и религией еврейского народа (на основании принадлежности к которому они получили право на иммиграцию в Израиль) и с «русской» общиной в Израиле, от которой они, как правило, дистанцируются. Можно сделать вывод о том, что в начальный период эмиграции во многих случаях происходит ломка или даже утрата идентификации, которая восстанавливается в течение длительного периода, трансформируясь под влиянием разнообразных социально – культурных и психологических факторов. При этом на первом этапе доминирующей может быть «русская» идентификация – не только как своего рода ответ на распространенный в израильском обществе стереотип, называющий «русскими» всех выходцев из СССР/СНГ, но и как реакция на «официальную» утрату многими из них еврейской национальности (как известно, в соответствии с галахическими критериями, евреями считаются только те, у кого мать – еврейка), на потерю социального статуса и определенную дискриминацию неевреев в Израиле, помноженную на стремление сохранить свою связь с русским языком и культурой.

Необходимо отметить, что приобщение к еврейской культуре и традициям усиливает еврейскую составляющую самоидентификации репатриантов. Наконец, благодаря повышению социального статуса и преодолению культурного отчуждения, все больше репатриантов считает себя прежде всего израильянами, а потом уже евреями или русскими, религиозными или светскими, правыми или левыми и т.д.

Израильская идентификация репатриантов – фактор времени и направленности развития израильского общества. В той мере, в какой будут устраняться условия, закрепляющие «стартовый» статус репатриантов, будет сокращаться их социально-психологическое и культурное отчуждение от жизни общества. Общинная автономность эмигрантов, помимо естественного желания сохранить язык, культуру и традиции – это реакция на ксенофобию, негативные стереотипы и дискриминацию, которая в той или иной мере затрагивает и другие группы населения. Показательно в этом смысле – **отношение «русских» репатриантов к арабам**, представленное в их высказываниях.

1. Арабы – угроза Израилю, всем евреям (21% ответов): арабы – это война, террор, ненависть и страх. Они ненавидят Израиль и евреев, хотят уничтожить и будут воевать, несмотря на все соглашения. Арабам нельзя доверять и уступать, они ненадежны и способны на самые грязные действия. Арафат – хамелеон. Арабы живут в Израиле «с ножом за пазухой». Палестинское государство – только повод для уничтожения Израиля. Это враг номер один для евреев. Вражда будет вечной, и пока Израиль силен, он непобедим.

2. Арабы – плохие люди (13% ответов): арабы – антисемиты, агрессивные и воинственные, опасные и беспощадные. Люди, лишенные моральных принципов, продажные, лживые, хитрые, коварные, вероломные, двуличные. Безграмотные, неопрятные, неприятные внешне и внутренне. Люди «второго сорта». Ассоциируются со всем ненавистным.

3. Арабы – наши соседи, возможные партнеры и друзья (13% ответов): арабы еще долго не будут друзьями, но могут не быть врагами. Большинство арабов предпочитает мирное сосуществование с Израилем. В будущем, возможно, они хорошие соседи, партнеры в политике, экономике и торговле. Они вправе жить на территории Израиля, имеют право на самоопределение и свою культуру. Нельзя преследовать целую нацию за преступления террористов. «Образ врага» в лице арабов сильно преувеличен.

4. Арабы – обычные, нормальные, разные люди (8% ответов): это вполне нормальные разные люди – есть хорошие и плохие, богатые и бедные, дружелюбные и агрессивные, террористы и

мирные жители, наши враги и сторонники. Это народ, который хочет жить как все. Их можно понять – любая нация, поставленная в те же условия, вела бы себя так же. Террористы есть у всех народов, это не национальная черта. Национальность менее существенная характеристика, чем уровень развития и культуры.

5. Арабы – хорошие люди (6% ответов): арабы – те же евреи, братья евреям. Есть очень умные, образованные, культурные. Израильские арабы – мирные, трудолюбивые, исключительно гостеприимные, верные в дружбе, отзывчивые и открытые. Хорошие работники, строители. Я встречал только хороших арабов. Я отношусь к ним хорошо, так как жил среди них.

По меньшей мере треть высказываний респондентов представляют собой негативные стереотипы и штампы расистского характера, достаточно широко распространенные и среди старожилков Израиля. Нередко эти стереотипы поддерживает и «культивирует» израильская пресса, в том числе «русская», некоторые общественно-политические движения и партии. В качестве примера можно привести недавно опубликованную статью Н.Блюменталь, председателя комиссии Кнессета по алие и абсорбции, название которой – «Ненависть не исчезнет никогда!», – исчерпывает ее содержание и смысл⁵.

Негативные стереотипы, независимо от направленности, разрушающе действуют как на индивидуальное, так и на групповое сознание. Они противодействуют реалистической оценке сложных социальных явлений, сближению различных этнокультурных групп, усиливая напряжение и отчуждение между ними.

Процесс формирования идентификации репатриантов в Израиле носит многоступенчатый характер, что подтверждается данными и других исследований. При этом на каждой ступени можно обнаружить своеобразный «мозаичный тип» идентификации, включающий помимо этнической доминанты культурную, религиозную и политическую составляющую: от застывшего «советского» и «постсоветского космополитического» до «ультрапатриотического» и «религиозно-националистического». Этот вывод получает подтверждение, в частности, в период выборов в Кнессет, когда не только «русские», но и все прочие израильские

политические партии и движения находят своих сторонников среди «русских» репатриантов и получают поддержку части «русского» электората.

Процесс дифференциации типов идентификации «русских» репатриантов отражает изменение их положения в социально-экономической структуре и этнокультурном составе израильского общества, динамику интеграции репатриантов в Израиле. Чем быстрее улучшается экономическое положение и социальный статус репатриантов, тем чаще они идентифицируют себя как израильтяне. Чем выше уровень образования, полученного репатриантами в Израиле, чем полнее и глубже их понимание истории и культуры страны, тем быстрее они расстаются с тем, что можно назвать «стереотипами галутной идентификации», тормозящими процесс интеграции.

Социальный статус эмигрантов не остается неизменным, как показывают данные исследований в странах еврейской эмиграции, для «русских» характерны более высокие темпы социальной мобильности, особенно в США и Израиле. «Русские» активно продвигаются по социальной лестнице, становятся частью среднего класса, местной политической, экономической и культурной элиты, интегрируются в новой среде и живут по ее правилам. Действительно, «русские» создали в Израиле, как, впрочем, и в других странах, множество производственных, торговых, сервисных, культурных, образовательных, общественных и политических организаций, ориентированных в основном на «русских». В них заняты тысячи русскоговорящих граждан Израиля, обеспечивающих интересы и потребности сотен тысяч их бывших и нынешних соотечественников. Однако это не закрытая, не автономная система, она открыта для всех желающих, более того, стремится интегрироваться в соответствующих израильских структурах.

Использование русского языка – в СМИ, в общественно-политических организациях, естественно, привлекает русскоязычных граждан, так как облегчает общение и взаимопонимание, помогает определить и решить общие для репатриантов проблемы, однако это еще не свидетельствует о единстве политических, «секторальных» интересов «русских» израильтян.

В этом контексте утверждение о существовании «единой русской общины» в Израиле представляется по меньшей мере спорным. Нет никаких объективных оснований и данных исследований, подтверждающих гипотезу о постоянном и долговременном единстве общинных интересов сотен тысяч людей, эмигрировавших с территории бывшей советской империи. Эти люди, как правило, не были объединены какими бы то ни было общинными интересами в странах исхода, и в эмиграции процесс их социальной, экономической и культурной дифференциации естественно продолжается.

Не вызывает сомнений наличие специфических «репатриантских» проблем: языковых, культурных, психологических, социальных. Однако наиболее существенные проблемы и интересы репатриантов совпадают с общеполитическими и социально-экономическими интересами израильского общества. Поэтому наряду с естественной и даже необходимой культурной автономией репатриантов идет процесс интеграции, в котором участвуют все этнические группы.

Примечания

¹ *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Englewood Cliffs, 1967.*

² Там же, с. 53.

³ *Кенигштейн М. Лексикон «русской» алии. Иерусалим, 1999.*

⁴ См., например, статью Сабины Лисицы и Йоханана Переса «Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны» в этой книге.

⁵ *Блюменталь Наоми. Ненависть не исчезнет никогда!. Вести. 28.08. 2000.*

VI. ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЕВРЕЯМ И ИЗРАИЛЮ

ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ В РОССИИ

(по материалам массовых социологических опросов)

Профессор **Владимир Собкин** и **Юлия Евстигнеева**,
Центр социологии образования РАО*

Статья основана на анализе материалов трех социологических опросов, проведенных по заказу Межведомственного аналитического центра социальных инноваций. Содержание вопросов разработано авторами статьи, сбор и статистическая обработка эмпирических данных осуществлены ВЦИОМ. Опросы проводились в июле, сентябре и ноябре 1999 г. по всероссийской выборке, включавшей респондентов Москвы, Санкт-Петербурга, больших и малых городов, жителей сельской местности. В июльском опросе участвовало 2407 респондентов, в сентябре – 2409, в ноябре – 2388.

В ходе исследования изучался широкий спектр тем, касающихся выяснения отношения населения России к «еврейскому вопросу»: отношение к религии; к межнациональным конфликтам; оценка различных периодов российской истории; влияния евреев

---

* Д-р психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования **Владимир Самуилович Собкин** руководит Центром социологии образования РАО и факультетом социальной психологии Еврейского университета Москвы. Автор 12 книг и более 200 статей, ряд из которых издан и за рубежом. Сферы научных интересов проф. В.С.Собкина: социология образования, психология искусства, детская, возрастная и педагогическая психология.

Юлия Михайловна Евстигнеева закончила факультет социальной психологии Еврейского университета Москвы. Научный сотрудник Центра социологии образования РАО.

на жизнь в современной России, толерантность отношения к евреям и целый ряд других аспектов.

В статье мы затронем лишь некоторые из тем.

Оценка влияния евреев на жизнь современной России

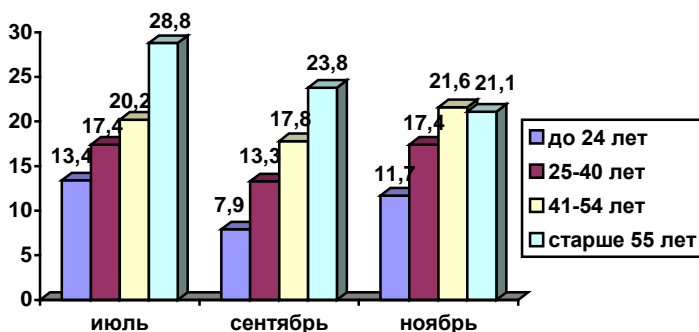
В ходе исследования респондентам был задан ряд вопросов, фиксирующих оценку роли евреев в экономической, культурной и политической жизни России.

Рассмотрим, как распределились мнения относительно утверждения о том, что «евреи имеют *слишком большое* влияние в России». «Полностью согласны» с таким утверждением, по данным ноябрьского опроса 18,6% респондентов. Еще 16,9% склонны «скорее согласиться» с данной точкой зрения. Таким образом, около трети респондентов склонны негативно (в разной степени) оценивать влияние евреев на жизнь современной России, считая, что оно не соответствует их реальному статусу национального меньшинства.

Следует обратить внимание на то, что оценка негативного влияния увеличивается в более старших возрастных когортах. Эта тенденция устойчива и повторяется во всех трех опросах (см. рис. 1).

График 1

Мнения респондентов разных возрастных групп относительно «слишком большого влияния евреев на жизнь современной России» (%)

Наряду с предыдущим вопросом «о влиянии», респондентам предлагалось оценить вклад евреев в развитие российской науки и культуры.

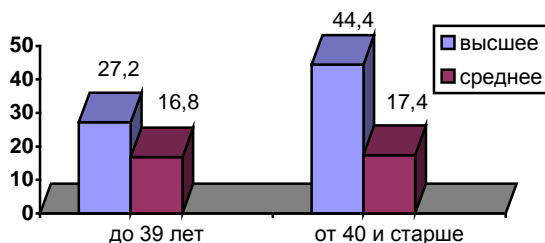
Анализ данных показывает, что среди респондентов с высоким уровнем образования заметно больше доля тех, кто однозначно позитивно оценивает вклад евреев в развитие российской науки и культуры. Так, среди респондентов с высшим образованием «полностью согласны» с утверждением о том, что «евреи внесли большой вклад в развитие российской науки и культуры» 35,4%, со средним и средним специальным образованием – 17,7%, с образованием ниже среднего – 16,5%. Доля «скорее согласных» распределяется в этих группах соответственно: 33,8, 28,6 и 18,8%.

Таким образом, если в группе респондентов с высшим образованием в целом в разной степени позитивно оценивают вклад евреев в развитие российской науки и культуры 67,2%, то среди респондентов с образованием ниже среднего их доля в два раза меньше – 35,3%.

Достаточно интересна зависимость изменения позитивного отношения к вкладу евреев в развитие российской науки и культуры как от уровня образования, так и от возраста (см. рис. 2).

График 2

**Зависимость позитивного отношения к вкладу евреев
в развитие российской науки и культуры
от уровня образования и возраста (%)**

Как видно из рис. 2, среди респондентов старшего (от 40 лет и старше) поколения, имеющих высшее образование, заметно выше доля тех, кто «полностью согласен» с большим вкладом евреев в развития российской науки и культуры. В этой возрастной группе такой точки зрения придерживается почти каждый второй.

Отметим, что однозначно несогласных («совершенно не согласен») с таким мнением немного – 8,9%. Еще 10-12% (по разным опросам) склонны поддерживать («скорее согласен») подобную точку зрения. Иными словами, каждый шестой-седьмой респондент, и эта тенденция достаточно устойчиво воспроизводится во всех опросах, не склонен оценивать вклад евреев в российскую культуру и науку как существенный. Сторонников же позитивной оценки значительно больше – около половины. Причем, их больше среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга – 65,2% (среди сельских жителей – 36,3%).

Помимо этого, респондентам задавались вопросы относительно правового и экономического положения евреев в России. Отвечая на вопрос о том, считают ли они, что «сейчас в наибольшем выигрыше оказались евреи», 40,6% опрошенных затруднились выразить свою точку зрения, «полностью согласны» с этим утверждением – 10,8% и еще 15,5% склонны «скорее согласиться». Таким образом, практически каждый четвертый респондент считает, что в ходе экономических преобразований в выигрыше оказались евреи.

Отвечая на вопрос о том, считают ли они, что «в настоящее время существенную власть и влияние в России получили евреи», 36,9% респондентов затруднились ответить на этот вопрос, около 30% опрошенных в разной степени согласны с этим утверждением («полностью согласны» – 14,8%, 14,9% «скорее согласны»). В то же время треть опрошенных (33,3%) либо «не согласны», либо «полностью не согласны» с подобным утверждением.

Оценка жизненных перспектив евреев в России

В ходе опросов респондентов просили высказать свое мнение по поводу того, каким им видится будущее евреев в России в ближайшие 10-15 лет. Около половины (41,4%) затруднились от-

ветить на этот вопрос. Около трети (31,1%) считают, что будущее евреев в России не имеет какой-либо специфики: «оно будет таким же, как будущее других национальностей». Подобная точка зрения наиболее распространена среди респондентов с высшим образованием в возрасте до 39 лет – 45,0%.

Таким образом, реально лишь около четверти респондентов высказали в ходе опроса конкретные соображения, относительно специфики будущего евреев в России в ближайшие 10-15 лет. При этом мнения распределились следующим образом: считают, что «евреи растворятся (ассимилируются) в других национальностях за счет смешанных браков» – 4,5%. Другие считают, что «все евреи (или почти все) уедут из России» – 7,2%. Наконец, 1,8% опрошенных указывает на то, что «в ближайшие годы усилится гонение, преследование евреев».

Таким образом, в целом можно заметить, что практически каждый седьмой из опрошенных не видит каких-либо позитивных перспектив для существования евреев как нации в России: их либо ждет ассимиляция, либо иммиграция, либо усиление гонений.

Примерно столько же придерживающихся противоположной точки зрения – они прогнозируют позитивные тенденции. Однако собственно национальных перспектив развития отмечают немногие. Так, считают, что «произойдет возрождение, рассвет еврейской национальной культуры» всего лишь – 1,9%. Большинство же думает, что «евреи усилят свое влияние в бизнесе и власти». Подобной точки зрения придерживается каждый девятый – 12,1%.

Особенности отношения отдельных групп национальных меньшинств к евреям

Вопрос касается достаточно сложной структуры отношений, связанных как с феноменом идентификации положения национальных меньшинств в России, так и с фактами наложения запретов на межнациональные отношения. Эти феномены отчетливо проявляются на двух уровнях: отношение к религии и бытовое взаимодействие.

Отношение к иудаизму и исламу. Респондентам задавались вопросы об опасности распространения для русской культуры иудаизма и ислама.

Таблица 1.

Степень согласия респондентов с мнением о том, что «для русской культуры наиболее опасно распространение иудаизма/ислама»

	Иудаизм	Ислам
Полностью согласен	20,3	19,7
Скорее согласен	11,6	13,8
Скорее не согласен	12,1	13,3
Совершенно не согласен	11,5	12,8
Затрудняюсь ответить	44,5	40,2

Как видно из представленных данных, мнения респондентов относительно двух разных религий – иудаизма и ислама – практически идентичны. Так, треть респондентов видит для русской культуры угрозу со стороны этих двух религий.

В рамках обозначенной темы особый интерес представляет мнение респондентов, ориентированных на политический «Мусульманский блок “Меджлис”». Они не только не склонны рассматривать распространение ислама как опасности для русской культуры, но и не считают, что «подобная угроза существует со стороны иудаизма». В этом смысле можно думать, что идентификация себя как представителей неправославной религии в России, заставляет их солидаризироваться и с мнением о том, что иудаизм (также как и ислам) «не представляет угрозы для русской культуры».

Толерантность относительно присутствия евреев в микросоциальном окружении

Респондентам задавался вопрос о том, как они относятся к заключению смешанных браков с евреями. Каждый пятый из опрошенных «затруднился» ответить на этот вопрос (20,1%). «Считают недопустимым» заключение подобных браков немно-

гие – 5,0%. Примерно столько же считает заключение подобных браков «желательными» – 4,0%. Большинство опрошенных – 70,9% считают, что «в браке национальность не имеет значения».

Сколько-нибудь значимых различий в ответах мужчин и женщин не обнаружено (соответственно: 72,5 и 69,6%). Более «демократичны» в вопросе заключения смешанных браков с евреями жители Москвы и Санкт-Петербурга, по сравнению с сельскими жителями (соответственно: 74,2 и 66,3%). В возрастном плане респонденты от 25 до 40 лет – среди них считают, что «в браке национальность не имеет значения» – 74,2% (для сравнения, среди респондентов старше 55 лет – 66,0%). Заметны различия между респондентами в зависимости от уровня их образования. Так, среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием придерживаются точки зрения о том, что «национальность в браке не имеет значения» – 77,2%; среди лиц с образованием ниже среднего – 65,0%.

Стоит обратить внимание на то, что наиболее резко выражено *негативное* отношение к вступлению в брак с евреями среди респондентов, сориентированных в своих политических ориентациях на «Мусульманский блок “Меджлис”» – 72,6%.

Наряду с вопросом о вступлении в брак, задавался вопрос о совместной работе с представителями еврейской национальности. В целом, мнения об отношении респондентов к тому, чтобы «рядом с ними работал(а) еврей-еврейка» распределились также, как и при ответе на предыдущий вопрос. Указали на то, что им бы «этого не хотелось» – 4,5%. Отнеслись бы «к этому с одобрением» – 5,8%. Большинство же (70,1%) ответили, что «им не важна национальность тех, с кем они работают».

Здесь следует также обратить внимание на то, что сторонники «Мусульманского блока “Меджлис”» склонны негативно относиться к работе вместе с евреями – 67,0%. Эти данные интересно сопоставить с отношением сторонников данного политического блока к различным религиям, в частности к иудаизму. Напомним, что в отношении к иудаизму, как к религии, мусульмане проявляют высокую толерантность, очевидно понимая, что иудаизм занимает примерно такое же положение в России, относительно право-

славия, как и мусульманство. В то же время, по отношению к контактам с евреями на бытовом уровне (вступление в брак, совместная работа), среди политически ориентированных на мусульманство респондентов, проявляется к евреям наиболее выраженная негативная реакция.

Таким образом, взаимоотношения национальных меньшинств в России носят достаточно сложный характер. С одной стороны существенную роль играет специфика религиозной ориентации национального меньшинства – если это не православие, то, вероятнее всего, отношение к иудаизму, как к религии, не будет носить явно выраженного негативного характера. Но это мнение на уровне «идеологии». На уровне же микросоциальных отношений, наоборот, барьеры на взаимодействие будут носить охранительный характер, накладывая определенные запреты на взаимодействие с другими национальностями, которое может привести к «размыванию» собственной национально-этнической группы. Подчеркнем, что этот феномен выявлен нами не просто на мусульманах, а именно на тех представителях мусульманства, которые идеологически сориентированы на ислам, как на политическое движение.

Периоды советской политики и репрессии евреев

Респондентам задавался вопрос: «Считают ли они, что в нашей стране были такие времена, когда евреи подвергались особым преследованиям? Если были, то когда именно?». Каждый третий затруднился ответить на этот вопрос – 34,3%. Мнения остальных распределились следующим образом: 17,6% считают, что «такого периода никогда не было» и что «преследование евреев в нашей стране сильно преувеличено»; указывают на «дореволюционный период» – 6,4%; на «период революции и гражданской войны» – 6,8%; на «период правления Сталина» – 38,1%; на «хрущевский период» – 2,7%; на «брежневский период» – 4,9%; на «наши дни» – 2,5%. Таким образом, распределение ответов на этот вопрос показывает, что гонения на евреев в основном связываются респондентами с «периодом сталинского режима».

Показательно, что жители Москвы и Санкт-Петербурга, по сравнению с респондентами, проживающими в малых городах и селах, реже отмечают, что «преследование евреев в нашей стране преувеличено» – 12,7% (в малых городах 18,3%, в селах – 22,0%), и в то же время они склонны чаще связывать «сталинский» период с репрессиями евреев – 48,1 % (для сравнения, среди жителей малых городов – 35,7 %, среди сельских жителей – 35,0%).

Оценка преступных действий фашистской Германии

Практически подавляющее большинство опрошенных оценило деятельность фашистского режима как преступную (лишь 0,6% не считают этот режим преступным). В то же время каждый девятый респондент «затруднился» ответить на данный вопрос. Подавляющее же большинство (70%) в качестве главного преступления указало на развязывание Второй мировой войны. При этом более половины опрошенных (58% мужчин и 52% женщин) указали на то, что главным преступлением фашистской Германии они считают «порабощение славянских и других народов». Высокий процент респондентов считает, что основное преступление фашизма – «полное истребление евреев как народа» (42,4% среди мужчин, 43,6% среди женщин). Наибольшее число сторонников данной точки зрения среди респондентов с высшим образованием – 51,9% (среди не имеющих среднего образования – 37,1%).

Сопоставляя различные аспекты отношения респондентов к представителям еврейской национальности, можно сделать вывод, что в современном российском обществе существует достаточно тотальная и мало дифференцированная оценка в массовом сознании отдельных аспектов жизни еврейского народа в России, которая в существенной степени определяется социальным статусом и общими ценностными ориентациями. Иными словами, если у определенной группы имеется либо позитивное либо негативное отношение к евреям, то оно, как правило, распространяется практически на все аспекты деятельности евреев и их социокультурной активности: история народа, место во властных структурах, вклад в культуру и т.п.

БУДУЩИЕ РЕПАТРИАНТЫ – КТО ОНИ?
ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЭТНОЛОГА
(миграционное поведение у потомков
этнически смешанных браков)

Елена Носенко,
Институт Востоковедения РАН*

Проблема этнической идентичности имеет большое значение для многих полиэтнических государств, которые нередко сталкиваются с различными аспектами интеграции этнических меньшинств. Она особенно актуальна для России, в которой перспективы интеграции этнических меньшинств во многом зависят от социально-экономической и политической ситуации внутри страны. А ситуация, сложившаяся в России после распада СССР, характеризующаяся экономической и политической нестабильностью, социальной и правовой незащищенностью большинства населения, а в последнее время – также нарастанием державных тенденций в речах политиков и распространением националистических движений, в том числе агрессивно экстремистского толка, негативным образом сказываются на

---

* Кандидат исторических наук **Елена Эдуардовна Носенко** закончила аспирантуру в Институте этнологии и антропологии РАН в 1992 г. Сфера научных интересов включает в себя проблемы еврейской традиционной культуры и современной еврейской идентичности. Автор готовящейся к печати книги «Вот праздники Бога», готовящейся к печати в московском издательстве «Восточная литература». Автор ряда статей, опубликованных в журналах «Восток», «Этнографическое обозрение», «Вестник древней истории» и других, а также разделов в коллективных тематических монографиях. Данная работа выполнена при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (грант RSS 1122/1999).

«национальном самочувствии» многих российских этнических меньшинств. Российские евреи в силу известных исторических обстоятельств наиболее чувствительно отзываются на перечисленные явления и процессы. В течение последнего десятилетия эти процессы служили мощным «выталкивающим» фактором, обусловившим массовую эмиграцию. Миграционное поведение российских евреев неоднократно становилось предметом исследования в трудах российских и зарубежных ученых¹. Как правило, в этих исследованиях обращалось внимание на связь миграционного поведения с экономическими, политическими и социальными факторами. Между тем, корреляция миграционного поведения российских евреев с таким важным фактором, как этническая идентичность, изучена значительно хуже.

В течение послевоенных десятилетий, и особенно с 60-х годов, различные аспекты еврейской идентичности весьма активно изучались социологами, антропологами и психологами в ряде стран². В последние несколько лет эта тема стала предметом внимания российских исследователей, преимущественно психологов и социологов³. Особое развитие такие исследования получили в США в рамках кросс-культурной психологии и психологической антропологии, причем различные аспекты еврейской идентичности изучаются главным образом на материале еврейской общины⁴. При этом смысл, вкладываемый зарубежными учеными в термин «этническая идентичность», несколько отличается от значения долго бытовавшего в отечественной науке понятия «национальное самосознание», что объясняется разницей подходов к изучению этнических групп (этносов в отечественной литературе). На страницах небольшой статьи, естественно, нет возможности даже в самом общем виде остановиться на этих вопросах. Напомню лишь, что в ряде зарубежных исследований понятия «этническая идентичность» и «этничность» отождествляются⁵. Более подробно различные подходы к изучению этнической идентичности, этничности, этнических общностей в российской и зарубежной науке освещаются в ряде отечественных исследований, увидевших свет в последнее десятилетие; однако, пожалуй, наиболее полный обзор теорий и подходов к данной проблематике содержится в диссертации Б.Е.Винера, посвященной этнической идентичности этниче-

ских меньшинств, к сожалению, до сих пор не опубликованной⁶. Кроме того, работа Б.Е.Винера затрагивает такой важный и до сих пор не достаточно изученный аспект проблемы, как этническая идентичность у потомков смешанных браков.

Дело в том, что потомки этнически смешанных браков, в которых один из супругов является евреем, становились объектом изучения довольно редко⁷. Между тем, этот вопрос имеет большое научное и практическое значение, поскольку число смешанных браков среди евреев России продолжает неуклонно возрастать; соответственно увеличивается и доля лиц, рожденных в смешанных браках. Можно даже сказать, что многие аспекты интеграции российских евреев и их миграционное поведение в будущем будет в значительной мере зависеть от характера этнической идентичности потомков смешанных браков.

Данная статья представляет собой часть более широкого исследования, посвященного моделям еврейской идентичности у потомков смешанных браков (причем, для моих целей не имело значения, являются ли они галахическими евреями или нет). Этническая идентичность этой категории лиц отличается значительным своеобразием по сравнению с идентичностью людей, у которых оба родителя евреи. Так, она нередко выражена гораздо менее отчетливо, чем у людей, родившихся в мононациональных браках, и может варьировать в зависимости от возрастной и социокультурной принадлежности, а также от характера воспитания и социализации. Этническая идентичность у потомков смешанных браков – это, как правило, также проблема личного выбора, который не зависит от самого факта рождения, но обусловлен рядом внутренних и внешних факторов. Люди, родившиеся в смешанных браках, иногда делают такой выбор неоднократно в течение жизни, т.е. их этническая идентичность отличается известной неустойчивостью.

Как я уже упоминала, проблемы этнической идентичности изучались в России в основном психологами и социологами с использованием методов, апробированных в этих дисциплинах. К сожалению, эти вопросы значительно реже становились объектом внимания этнологов. В изучении этой проблематики мной был использован качественный подход – метод «устной истории» (*Oral*

History), который с успехом начали применять в зарубежной социологии и культурной антропологии еще в 20-е годы XX в. С 70-х годов, преимущественно в зарубежных антропологических исследованиях, наметилось оживление интереса к *Oral History*, произошла его, так сказать, «реабилитация», совершенствование и появление новых разработок и исследований⁸. Данный метод предполагает более свободную, нежели при проведении опроса с помощью анкетирования, форму общения исследователя с респондентом и предполагает работу со сравнительно небольшой и компактной группой. На мой взгляд, этот метод более адекватен при исследовании таких проблем, как этническая идентичность и поведенческих вопросов, поскольку респонденты получают возможность высказываться в свободной форме, в том числе делиться воспоминаниями, переживаниями, рассказывать о своих сомнениях, приводить эпизоды из своей жизни, имеющие отношение к предмету исследования. Метод «устной истории» не дает представления о количественном соотношении тех или иных групп респондентов или точной корреляции внутри этих групп с возрастом, полом и другими параметрами и не позволяет построить модель количественных соотношений и корреляций. Однако его использование позволяет выявить общие тенденции в изучаемой группе лиц, понять движущие мотивы тех или иных решений и в результате построить модели поведения. В отличие от социологических опросов, в которых высказывания одного респондента в одном интервью не имеют самостоятельного значения, но рассматриваются в совокупности со многими другими, в антропологических исследованиях, в которых используются методы *Oral History*, тщательному анализу подвергается каждое интервью.

Я проводила исследования в Москве и Санкт-Петербурге – российских городах с наиболее многочисленным еврейским населением. На сегодняшний день мною было проинтервьюировано 67 человек (32 в Санкт-Петербурге и 35 в Москве). Причем, если в Санкт-Петербурге я искала респондентов преимущественно с помощью еврейских организаций (учебных, благотворительных, молодежных), то в Москве – в основном по принципу «снежного кома», сравнительно немного обращаясь в еврейские организации.

Большинство опрошенных составляли женщины (42 человека) в возрасте от 17 до 72 лет. Подавляющее большинство респондентов (63 человека) имели высшее или неоконченное высшее образование. Профессиональный состав опрошенных весьма различен – врачи, инженеры, программисты, научные работники, социальные работники, работники культуры, экономисты, бизнесмены и пр. Довольно значительный процент опрошенных работал не по своей основной специальности. На момент опроса 38 человек состояли в браке, 11 были разведены, остальные в браке не были. У 43 респондентов имелись дети. Основная масса респондентов определила совокупный доход своей семьи как «средний», «ниже среднего» и «низкий», иногда «очень низкий» и «постоянно снижающийся», в то же время как немногие респонденты утверждали, что доход их семьи «выше среднего» и «значительно выше среднего».

У семи респондентов в графе «национальность» в паспорте записано «еврей», у остальных – «русский», «украинец», «белорус», «грузин» и др. (У нескольких респондентов на момент опроса имелись новые паспорта, где графа «национальность» отсутствует). Практически никто из детей респондентов не имел в графе «национальность» в паспорте запись «еврей» (правда, трое предпочли именно ее). Большинство супругов респондентов тоже не имели «еврейской» записи в паспорте, хотя в ходе беседы в нескольких случаях выяснялось, что один из родителей супруга был евреем.

В ходе интервью в соответствии с исследовательской программой респондентам был задан ряд вопросов, сгруппированных в несколько блоков. Один из них касался определения миграционных настроений (возникало ли у респондента когда-нибудь желание навсегда покинуть Россию и почему, в какую страну хотел бы он уехать; чего респондент ожидает от эмиграции для себя, для своих детей). Еще один блок вопросов был направлен на изучение отношения респондента к возрождению еврейской жизни в России. Именно последний блок вопросов, позволяющий выявить миграционные настроения респондента, послужил предметом настоящего исследования.

Анализ проведенных интервью позволил мне выделить среди опрошенных несколько типов этнической идентичности.

При этом каждому типу идентичности в целом соответствовала определенная модель миграционных настроений и миграционного поведения.

1) Лица, которых иногда называют «потерянными евреями» (*lost Jews* в англо-американской антропологии). Этот тип идентичности я бы условно обозначила как «русский» – именно так обычно определяют свою этническую принадлежность сами опрошенные этой группы. Люди с таким типом идентичности никогда не считали и не ощущали себя евреями, не интересовались и не интересуются еврейской культурой и традициями, нередко утверждая, что «все еврейское» им чуждо. В тех случаях, когда они называют себя верующими, они декларируют приверженность православию.

Они практически не помышляют об эмиграции, хотя не отрицают возможности временного проживания за границей с целью заработка.

2) Лица с идентичностью, которую они иногда называют «интернациональной», «космополитической»; но чаще, по их словам, они просто не задумываются над этим вопросом. В семье они тоже росли в русском культурном окружении, считают Россию своей родиной и, хотя не отрицают своего еврейства, как респонденты первой группы и даже иногда проявляют некоторый интерес к еврейским реалиям, как правило, не помышляют об эмиграции.

Иными словами, миграционное поведение у людей с этим типом идентичности в принципе мало отличается от поведения лиц, принадлежащих к первой группе. Однако люди, принадлежащие ко второй категории, чаще опасаются проявлений антисемитизма и других проявлений экстремизма и дальнейшего ухудшения политической ситуации в России и поэтому иногда обсуждают вопрос об эмиграции в различные страны, чаще в Израиль, но решаются на этот шаг редко, оставляя свое еврейское происхождение в качестве «запасного варианта».

3) Группа лиц, идентичность которых можно определить как «расколота», или «переходная» идентичность. На разных этапах жизни и в разных обстоятельствах, по их словам, чувствовали себя то русскими, то евреями. Они выросли в ассимилированной среде, в которой не придавали особого значения этнической принадлеж-

ности. На формирование их идентичности значительное влияние оказывают, с одной стороны, проявления политического экстремизма и в особенности антисемитизма, с другой – информация о еврейской культуре и истории (в частности, о Холокосте). В ряде случаев они бывают вовлечены в деятельность еврейских организаций в качестве работников, учащихся еврейских учебных заведений и пр. Можно сказать, что такой тип идентичности более характерен для гуманитарной интеллигенции, особенно интересующейся своими «корнями». Внутренний конфликт нередко ведет к расколу этнической идентичности и неопределенности в миграционном поведении. В целом их ценностные ориентации мало отличаются от ориентаций, доминирующих в предыдущей группе, в своем бытовом поведении они практически не отличаются от окружающего их русского населения. Таким образом, идентичность у второй и третьей категории лиц носит ситуационный характер, хотя сами «ситуации», определяющие тип идентичности в обеих группах различны.

Реально миграционное поведение третьей группы лиц во многом зависит от политической ситуации и перспектив в России, хотя на выбор страны нового местожительства нередко влияет их идентичность.

4) Лица, стремящиеся вернуться (или, по их утверждению, вернувшиеся) к еврейской идентичности. Они изначально воспитывались в русскоязычной среде и были сильно ассимилированы, хотя и сохранили некоторые знания о еврейской традиции (в основном благодаря пожилым родственникам и знакомым). В последние годы в некоторых случаях под воздействием определенных факторов – доступа к популярной литературе, посвященной различным аспектам еврейской истории и культуры, поездок в Израиль, проявлений антисемитизма и пр. – у них произошло постепенное изменение этнической идентичности. Они стремятся узнать еврейскую культуру и традицию, нередко изучают иврит и часто принимают участие в деятельности разнообразных еврейских организаций и учреждений – учатся в еврейских вузах, работают в еврейских общинных и культурных учреждениях и т.п.

Иногда они выполняют некоторые предписания иудаизма, хотя обычно не имеют достаточно четкого представления о них.

Такие лица нередко ориентированы на эмиграцию, в основном, в Израиль, хотя иногда они утверждают, что хотели бы остаться в России и участвовать здесь в общинной жизни.

Иными словами, миграционное поведение респондентов, как правило, обнаруживает определенную корреляцию с выделенными типами идентичности.

На вопрос, не было ли у них когда-либо желания эмигрировать из России, респонденты, относящиеся к первой группе, обычно отвечали отрицательно.

Так, женщина 33 лет объясняла свое желание остаться следующим образом:

– Был какой-то момент – десять лет назад (т.е. в конце 80-х годов. – *Е.Н.*) под влиянием моды или какого-то общего настроения, потому что у меня уехали мои двоюродные и троюродные братья, мамин брат, родственники в Австралию. Модно было ехать, мы решили – поедem, модно было, но потом я подумала, а чем мне тут плохо? (A1, 7.05.99)*.

Другие опрошенные обосновывают свой выбор тем, что в Израиле, как и в других странах, они не смогут получить нормальную работу и овладеть языком (например, A12, 17.08.99). Пожилые респонденты вообще не видят в этом никакого смысла. Таков, например, ответ женщины 68 лет, характерный для этой группы:

– Что Вы, сама я, конечно, не собираюсь ехать – я не знаю языка, боюсь климата – я не переносу жару. Моя родина Россия, что мне в Израиле делать? (A20, 28.10.99).

В тех немногих случаях, когда респонденты из первой группы рассказывали о своих колебаниях относительно перспектив эмиграции, они указывали почти исключительно на экономические факторы:

---

* Буква А в круглых скобках означает ссылку на личный архив, арабские цифры, следующие за буквой – порядковый номер интервью, дата – день, месяц и год проведения интервью.

– Потому, что там понаслышке жизнь лучше, заработки лучше, ну все лучше, а не потому что меня кто-то притеснял морально или как-то по-человечески (А1, 7.05.99).

– Этот вопрос (об эмиграции. – *Е.Н.*) как-то встал, когда в прошлом году происходили эти события – нестабильность с рублем была (обвал августа 1998 г. – *Е.Н.*). Очень тяжело было, и мы поняли, что мы имеем право уехать в Израиль. Но с другой стороны, сразу встает острая проблема – там нет работы. Моему папе очень тяжело будет найти работу, потому что он уже в таких годах. Но он считает сам, что было бы хорошо, если бы его дети не жили в России. Чтобы им было куда уехать. Я бы сама тоже хотела уехать. Не в Израиль, в Европу, наверное. Я не знаю определенно, но я бы хотела уехать. В Израиле, во-первых, язык. Языковой барьер. Нужно время, чтобы выучить язык. Потом, просто есть страны, которые больше я люблю. Например, Англия. Я там была, изучала язык. Это такая страна, куда бы я хотела уехать. Потому что в России все очень нестабильно, не знаешь, что будет завтра. Тяжело найти работу, как-то найти себя в жизни. Там это более реально (А37, 2.02.2000).

В подавляющем большинстве случаев респонденты из этой группы обычно говорили, что не видят для себя смысла в эмиграции:

- Для нас эти раздумья пройденный этап, я знаю однозначно, что мы не уедем никуда, не хотим, хотя подруга предлагала грин карту в Америку, но мы подумали и решили, что нет (А1, 7.05.99).

Что касается Израиля, то респонденты из первой группы там, как правило, не бывали, практически не имеют о нем информации, но хотели бы туда, как и в любую другую страну, съездить в качестве туристов.

Так, респондентка 57 лет (по профессии детский психолог), никогда не задумывавшаяся об эмиграции, приверженная, по словам, русской православной культуре, утверждала, что Израиль для нее такая же «экзотика, как Таиланд или там Турция. «Наверное, интересно было бы тоже это посмотреть» (А4. 29.07.99).

Несколько иной ответ дала респондентка 24 лет:

– Хотела бы (съездить в Израиль. – *Е.Н.*), как в любую другую страну, посмотреть, как люди живут. Не потому, что я принадлежу к этой национальности, а потому что это во всем мире спорная такая национальность – стоит посмотреть (А2, 16.06.99).

Респонденты, относящихся к первой группе, обычно не имеют никакого представления о существовании каких-либо форм общественной и культурной еврейской жизни и не видят в ней особого смысла, поскольку, по их мнению, евреи (те, которые не уедут из России) неизбежно растворятся среди окружающего большинства:

- Я не знаю, что это такое (еврейская жизнь. – *Е.Н.*). Чем это отличается от обычной жизни? Соблюдать эти законы Субботы – это личное дело каждого – это же не запрещается. Если у людей есть настрой – почему бы нет (А1, 7.05.99).

- Если кто-то хочет этого, то да, конечно. Тем более, что сейчас есть такая тенденция – возрождение культурных традиций. Человек может остаться в России и вести какой-то еврейский образ жизни. Но как у народности в России будущего у них, наверное, нет, потому что это понятные исторические тенденции, когда меньшинство растворяется в большинстве, постоянное смешение кровей в сторону преобладания русской крови и постоянное пребывание в русской атмосфере. Наверное, постепенно это все будет стираться, этому будет придаваться все меньшее значение, как это в нашей семье происходит (А3, 16.05.99).

Некоторые респонденты считают, что большинство российских евреев не уедет: Вот мнение женщины 61 года, активно пользующейся помощью еврейской благотворительной организации.

– Я думаю, что большинство евреев останется здесь, потому что здесь их корни, потому что здесь их родина (А23, 31.10.99).

Респонденты из второй группы тоже, как правило, не собираются эмигрировать. Они мотивируют свое предпочтение, в общем, сходным образом.

Характерно высказывание молодой женщины (24 года):

– Я не хочу уезжать из этой страны, это моя родная страна. Какая мне разница, где жили мои предки. Мои родители и я живем здесь, мы привыкли к этой традиции, к этой культуре, а как живут евреи там, я просто не знаю. А то, что было с предками – разве ко мне это имеет отношение? Ну, может быть, единственное, что я хотела бы изучить – это еврейскую культуру, хотя бы, чтобы знать, кто были твоими предками. Но чувствами я здесь, меня ничто не связывает с евреями, с их родиной (А2, 16.06.99).

Других, к тому же, смущает в Израиле перспектива не получить работу по специальности, другая ментальность, жаркий климат. Например, девушка 20 лет, недавно начавшая активно посещать еврейскую молодежную организацию, отзывается об идее выезда отрицательно:

– Нет, я, скорее всего, не поеду. Я знаю, что там очень тяжело. Во-первых, из-за жары, я ее не переносу. А потом очень большие трудности с работой, там многие, кто уехал, работают не по специальности. А мне с моей специальностью (респондентка работает преподавательницей музыки. – *Е.Н.*) там будет очень трудно устроиться (А24, 31.10.99).

Сходным образом высказываются респонденты более старших возрастных групп, хотя многие указывали, что вопрос об отъезде в их семьях обсуждался:

– Ну, какие-то разговоры (об отъезде. – *Е.Н.*), безусловно, бывали, ...но не очень серьезно, потому что мы оба гуманитарии, не очень видим сферу своего применения там. Ребята у нас маленькие, поздний брак, надо их как-то довести, а они уже сами будут решать (А36, 17.02.2000).

В отдельных случаях респонденты этой группы указывали, что они уедут из России только в случае резко ухудшившейся здесь обстановки. Еврейское происхождение для них, таким образом, своего рода «запасной вариант», возможность быстро покинуть Россию. Так, женщина 22 лет, заканчивающая экономический вуз и собирающаяся, по ее словам, жить и работать в России, говорила, что эмиграция для нее возможна только в самом крайнем случае:

– И на случай отъезда у меня осталось свидетельство о рождении, где записано, что мама еврейка (А22, 29.10.99).

О перспективах евреев в России они, в общем, отзываются так же, как и представители первой группы. О возрождении еврейской культуры в России они обычно знают немного (иногда практически ничего). И, хотя они нередко утверждают, что возрождение еврейской культуры нужно, но в целом они не видят в этом особого смысла, так как считают, что евреи постепенно растворятся среди русского населения. Вот мнение одного из таких порошенных 55-летнего предпринимателя:

– Все зависит от того, куда пойдет Россия. Если не будет никаких особых катаклизмов, то это будет определяться в достаточной степени самими евреями, насколько они захотят ощущать себя народом, сохранять привычки и традиции, не ассимилируются. Хотя, конечно, процесс ассимиляции идет естественным образом, когда малая национальность живет в большой стране, это неуклонно происходит (А40, 27.02.2000).

Люди с переходным типом идентичности, напротив, высказываются и ведут себя различно. Так, девушка 18 лет (принявшая православие, но на определенных этапах своей жизни стремившаяся, по ее словам, быть еврейкой) собирается после окончания вуза эмигрировать в Израиль. Характерно, что она учится в двух высших учебных заведениях, включая Еврейский университет, до поступления туда учила иврит и владеет им на уровне разговорного, ходила на мероприятия, организованные Еврейским агентством, включая празднования еврейских праздников. Основным мотивом для эмиграции для нее служит надежда на улучшение материального положения и бóльшая, по сравнению с Россией, политическая стабильность. Кроме того, по ее утверждению, ей ближе израильский менталитет (респондентка трижды была в Израиле и жила там несколько месяцев):

– Я здесь не вижу будущего, я вижу будущее в Израиле, это нормальная страна со стабильной жизнью. Потом мне не нравится атмосфера в России, здесь жить тяжело – морально, цинизм везде, менталитет особый. В Израиле по-другому, там мораль лучше. Мне их современная культура близка. Я обща-

лась там с молодежью и не чувствую разницы в культуре – в современной, не считая иудаизма (подчеркнуто мной – *Е.Н.*). Просто мне там действительно нравится... Это стабильность, это уверенность в завтрашнем дне. Одно дело думать, как рассчитывать, как ты будешь платить за квартиру, это сложно, но заработанное у тебя никто не отнимет. Там можно в кредит взять квартиру. Здесь это невозможно – ни по деньгам, ни по ситуации, там нет такого. (А13, 25.10.99).

Другие опрошенные колеблются в принятии решения. Их отношение к Израилю характеризуется определенной двойственностью, проистекающей из самого типа их самоидентификации – одновременно с Россией и русской культурой и с культурой еврейской. Кроме того, немалую роль в их решении играет страх оказаться не востребованными профессионально. Так, мужчина 37 лет, театральный художник, говорил о своих намерениях следующим образом:

– Я думал об этом много, но понимаете в чем дело – если бы у меня были сионистские убеждения, я бы, конечно, уехал. Но я все-таки принадлежу к русской культуре. Я существую в поле русского языка. Поэтому я бы чувствовал себя там не востребованным. Хотя если бы возникла бы какая-то ниша – в профессиональном плане, я смог бы там заниматься театром, зная язык, то не исключено, что и поехал бы. Но не из сионистских убеждений. Все-таки в России я себя чувствую дома, когда не сталкиваюсь с антисемитизмом. Это – моя земля. Хотя та земля (Израиль – *Е.Н.*) – тоже моя (А14, 26.10.99).

Такого рода высказывания наиболее характерны, как уже отмечалось, для людей гуманитарных профессий, принадлежащих к средневозрастным категориям. Респонденты-негуманитарии ведут себя нередко в зависимости от возраста. Так, люди средних возрастных категорий неоднократно заявляли, что поехали бы в Израиль, будь они помоложе: их смущает языковой барьер и неясная перспектива трудоустройства: их ограничивает также наличие нееврейских родственников.

Респонденты старших возрастных категорий, как правило, отрицают для себя возможность уехать из России, мотивируя это,

в общем, теми же причинами, что и опрошенные из двух других групп: возрастом, перспективой одиночества, непреодолимым языковым барьером, а также тем, что в России у них живут все родные и близкие. Женщина 62 лет, которая, по ее словам, много перенесла из-за проявлений антисемитизма, тем не менее, была категорична:

– Нет, что Вы, конечно, я никуда не собираюсь. Я языка не знаю, И вообще как это – все бросить и уехать? Ребенка с собой брать – так ему 26 лет. Бросить все, бросить своего сына и уехать в Израиль, одной быть, тем более у меня никогда не было друзей. А евреи меня всегда считали русской (A16, 27.10.99).

Тот факт, что в Израиле они не будут считаться евреями (речь идет о тех опрошенных, у которых мать нееврейка), смущает и некоторых желающих уехать в Израиль респондентов молодых и средних возрастных групп:

– Я не считаю это правильным. Почему, если у моего отца отец еврей, и он полукровка, то он записан русским, а у кого-то мать еврейка, то есть он тоже полукровка, но он записан евреем. Я с этим не согласна (A13, 25.10.99).

В определенной степени потенциальных эмигрантов смущает и предвзятое отношение, которое существует в израильском обществе по отношению к новым репатриантам из России:

– К таким относятся не очень хорошо. Если *ола хадаша* (новая репатриантка – иврит. – *Е.Н.*) из России, то нас не любят, потому что мы из России – русские свиньи, русские проститутки, и к тебе уже определенным образом примеряются. И надо доказывать, что я не такая. Это было для меня достаточно большой проблемой (A13, 25.10.99).

Некоторые респонденты вообще критически отзываются о политике поощрения репатриации со стороны Израиля. Так, девушка 21 года, желающая, по ее словам, после получения образования в России уехать в Америку, отзывалась об этом так:

– У меня двойное отношение к этому. С одной стороны, хорошо, что есть страна, куда евреи могут уехать, государство и земля их, наконец-то. Но с другой стороны, всех сейчас по-

гнать туда – я считаю, что это неправильно. Наши организации сегодняшние еврейские, которые работают на отправку людей в Израиль, мне не внушают большой симпатии, потому что это уже до нелепости доходит. Всех в Израиль – чем больше, тем лучше, это бред. Непонятно, зачем. Если это действительно было нужно после войны, когда это был энтузиазм, была идея. Сейчас чем они могут привлечь? Люди да – едут туда. Хорошо, что можно ехать, хорошо, что граница открыта, хорошо, что помогают – это замечательно. Но многие едут только из-за того, что там, может быть, жить лучше, легче. И это правильно, человек должен искать, где ему лучше. Но все это как-то, по-моему, потеряло уже свою идею. Забыли все, зачем это надо (A25, 1.11.99).

О возможности возрождения еврейской жизни в России респонденты из третьей группы отзываются тоже различно. Большинство опрошенных полагает, что такая возможность имеется:

– Думаю, что полной ассимиляции не может быть. Все равно диаспора сохранится так или иначе. Пока евреи есть – будут изучать, будут ходить, будут молиться – в любом виде, даже и в смешанных браках будут люди приходить к языку потом, может быть даже к религии. По всякому может быть. Я не считаю, что это такая страшная проблема – исчезновение евреев в России – для России, разумеется. Для Турции ведь не страшно, если все курды вдруг возьмут и уедут. Это страшно будет для евреев, если им некуда будет поехать – вот это страшно. А если будет куда поехать, то я думаю, что все в порядке, потому что вся родина еврея – это свиток Торы, как Ходасевич писал. Понятие эмиграции – это ведь тоже понятие условное. Ходасевич уезжал из России с томиками Пушкина и сказал, что это вся моя родина (A14, 26.10.99).

Другие, в целом, не отрицая самой возможности возрождения еврейской культуры в России, нередко полагают, что это может усилить негативное отношение к евреям:

– Это (возрождение еврейской жизни. – *Е.Н.*) делается сейчас, и делается хорошо. Но это опять вызывает неоднозначную организацию у русского народа. Я не знаю, во что это выльется

политически. Например, друг моего мужа, он с антисемитским уклоном – он говорит, почему по радио объявление, что приглашаются в школу или в лагерь, или учиться в Израиле – почему только евреи, он говорит – разве это не проявление национализма? Почему еврей может в русской школе учиться, а нееврей не может пойти в еврейскую школу? То же с благотворительностью... Ведь если говорить о евреях в России, то в принципе, какой он еврей – только по происхождению, он уже привык к русскому образу жизни. Мы же все равно живем в одном государстве по общим меркам. Ну, один пошел в синагогу, а другой пошел в церковь – ну и что? А вся культура, все магазины – все общее. Ведь в Израиле всех, кто приехал из России, называют русскими, а не евреями, приехавшими из России. Я вообще считаю, что в России этот вопрос – русские – евреи не должен стоять вообще. Хотя это у нас всю жизнь стояло и стоит, и, наверное, будет стоять. Хотят национальность вроде бы выбросить из паспорта, но все равно будут в фамилию, имя, отчество вчитываться – а не еврей ли он (A17, 27.10.99).

– Это (возрождение еврейской культуры – *Е.Н.*) нужно, чтобы помочь таким людям, как моя сестра, которые хотят сохранить свою национальную принадлежность, чтобы они не забывали о ней, чтобы им было как бы легче. Но это очень сложно. Потому что люди вокруг этого не понимают. Сложно быть одному среди других. Ты будешь один, исключительный, на тебя будут смотреть косо, к тебе будут относиться хуже, наши русские по крайней мере. То есть это можно сделать, но очень сложно (A13, 25.10.99).

Соответственно, многие респонденты, относящиеся к третьей группе, нередко скептически высказываются о будущем евреев в России, полагая, что их удел – постепенная ассимиляция, хотя это процесс достаточно долгий.

Иногда, впрочем, респонденты высказывались в том плане, что евреи в России сохранят свою идентичность [см. процитированное высказывание о том, что диаспора всегда будет существовать, поскольку родина еврея – это свиток Торы (A14, 26.10.99)].

Впрочем, большинство опрошенных делает акцент на светском характере культуры остающихся в России:

– Русские евреи – это особенная вещь. То есть интеллигенция русская и евреи – это почти синонимы. Они, может быть, не будут религиозными, но они будут вносить вклад в развитие русской культуры. Возможно, что евреи не погибнут совсем, не исчезнут как народ. Я говорю о религиозных – здесь может быть община. А нерелигиозные всегда будут сознавать себя евреями (A25, 1.11.99).

Лица, декларирующие свою еврейскую идентичность, однако, далеко не всегда ориентированы на эмиграцию. В тех случаях, когда они выбирают этот путь, то не всегда отдают предпочтение Израилю. Мотивы для эмиграции они называют разные: общую нестабильность в России, надежды реализовать свой потенциал за рубежом, значительно реже – антисемитские настроения в России. В Израиле они, как и респонденты двух предыдущих групп, иногда опасаются не найти работу по специальности, иногда – подвергнуться дискриминации со стороны коренных израильтян.

Так, студентка Еврейского университета предпочла бы уехать в Америку:

– В России я не хочу оставаться. Я человек такой, охотно идущий на помощь, мне хочется помогать общине. Но я просто не могу, я так устала от такой жизни, что жить здесь просто не могу. Не из-за антисемитизма, а просто я хочу нормальную человеческую жизнь, если есть такая возможность – уехать из России. Мне кажется, здесь ничего хорошего не будет. Не в смысле для евреев, а вообще для всего народа, который здесь живет. Я хочу уехать, но почему-то я в Израиль не очень хочу. Потому что в Израиле трудно. Может, поехать в Америку. В Америке большие общины еврейские. Я знаю английский. Может быть, я смогу преподавать, у меня будут хорошие знания, я закончу Махон, по проекту «Новый Еврейский университет», а потом поеду в Америку. Во-первых, у меня будет профессия – преподаватель еврейской истории, а нас в Израиле много таких специалистов, вряд ли моя профессия будет там очень востребована. Я думаю, что она будет больше востребована в Штатах.

Скорее всего, это причина (желания ехать не в Израиль. – *Е.Н.*). Потом в Израиле климат очень жаркий, мне будет трудно его переносить все время после Питера (А15, 26.10.99).

Другие респонденты, напротив, полагают, что именно Израиль – наилучшая страна для еврейской эмиграции. Как правило, такая убежденность связана с наличием у них друзей и родственников в Израиле или с религиозными убеждениями. Именно так считает респондент 21 года, исповедующий иудаизм и, по его словам, неоднократно думавший об отъезде:

– Одно время мы активно думали ехать в Израиль. А куда еще? Во-первых, в Израиле уже очень много наших знакомых и друзей, родственников. И, наверное, если ехать, то поначалу, конечно, туда. Хотя, сейчас это уже не так актуально, другое к этому отношение. По-моему, это зависит от периодов политической стабильности – нестабильности. Сейчас опять начинаю подумывать – в смысле ехать. Да, там проблемы. Я на самом деле не очень изучал еще израильские реалии, мало об этом знаю. Но мне хотелось бы сначала здесь выучить язык и получить достойное, серьезное образование, может быть, ехать с какой-то небольшой научной карьерой. Конечно, хотелось бы заниматься тем же, чем я занимаюсь здесь.

На вопрос о том, не хотел бы он уехать в США или Германию, был дан ответ:

Насовсем в Германию совсем не хочется. То есть поехать поработать, поучиться – с удовольствием, куда угодно. Но здесь опять же религиозные взгляды – если эмигрировать на постоянное место жительства, то только в Израиль (А26, 2.11.99).

Некоторые респонденты из этой группы, однако, не намерены никуда уезжать. Так, молодая женщина 21 года, окончившая еврейскую школу и работавшая в еврейской благотворительной организации, говорила, что для того, чтобы уезжать куда-либо, надо сначала получить хорошую специальность. В принципе эмиграцию она, как и многие другие респонденты, считает необязательной, так как евреи вполне могут жить в России:

– Просто политическая ситуация, она в Израиле намного стабильнее. Страна такая молодая. И природа эта – из пустыни

сделано все. И пожилым очень хорошо. Про Израиль говорят, что это страна пожилых и молодежи, это так и есть. Если говорить конкретно об Израиле, то можно сказать, что там все свои. Но евреям можно и здесь верить и соблюдать (A22. 29.10.99).

Еще более определенно высказалась женщина 55 лет, в настоящее время работающая в московской еврейской организации:

– Понимаете, ведь в Израиле я русская (у матери респондентки в паспорте записано «русская». – *Е.Н.*), у меня были бы проблемы с этим. Там у меня вообще проблем гораздо больше было бы, чем здесь. Здесь у меня стабильная работа, даже жилье. Там мы себе никогда не можем себе позволить такого (A39, 25.02.2000).

Таким образом, люди, принадлежащие к последней категории, как правило, ожидают от эмиграции жизни в условиях большей политической и экономической стабильности, а также реализации своего потенциала. В отдельных случаях определенную роль играют религиозные убеждения. Однако в принципе сохранять еврейский образ жизни, по их мнению, можно, оставаясь в России.

– Пока здесь живут евреи, в этом есть смысл. Я не сторонник такой повальной агитации за эмиграцию – дескать, все уезжайте. Тем людям, у которых здесь родственники, которые не могут уехать или просто хотят жить здесь, им надо помочь сохранять свою национальную идентичность и здесь оставаться евреями (A26, 2.11.99).

По вопросу о будущем евреев в России мнения респондентов расходятся, хотя нередко они полагают, что его просто нет:

– Я думаю, что в конечном итоге евреи уедут из России, рано или поздно, может останутся единицы. Потому что большая алия идет, очень много молодежи уезжает. Остаются только бабушки-дедушки, которые уже тут осели, и продолжают тут жизнь свою. Но, в общем, мне кажется, все меньше и меньше евреев в России становится. Очень многие хотят уехать. Есть такие, которые не хотят, но это единицы (A15, 26.10.99).

Многие из них отмечают, что возрождение еврейской жизни в России связано прежде всего с деятельностью общинных институтов:

– Даже в Петербурге есть ортодоксальная община, так вот они поддерживают традиции, несут Тору полностью, от начала и до конца. Наверно, нация и держится на таких людях. Потому что они соблюдают все, что положено по Торе, а остальные – они уже более светские (А22. 28.20.99).

В целом, характеризуя миграционный потенциал потомков смешанных браков, в которых один из супругов – еврей, можно констатировать, что он достаточно невысок, а миграционная активность этой категории лиц низка. Условно говоря, мало кто «сидит на чемоданах» в ожидании рейса на Тель-Авив или Нью-Йорк. В тех же случаях, когда люди задумываются об эмиграции, то ими, как правило, движут чисто практические побуждения (надежды на более высокий заработок, большую политическую стабильность, реализацию своего потенциала). Идеологическая мотивация среди опрошенных встречается крайне редко. Их миграционное поведение, безусловно, коррелирует с возрастом – так, у респондентов средних и старших возрастных категорий миграционный потенциал практически равен нулю; он несколько выше среди респондентов 18–35 лет. Положительная корреляция наблюдается также между уровнем доходов и миграционной активностью: практически все опрошенные, указавшие свой доход как «выше среднего», не проявляли желания уехать из России. Впрочем, эти выводы вряд ли представляются неожиданностью, они вполне соотносятся с результатами, полученными другими исследователями на примере потомков мононациональных браков.

А вот взаимосвязь между миграционным поведением респондентов и их профессиональной принадлежностью прослеживается менее отчетливо. Так, люди гуманитарных профессий, которые в другой стране далеко не всегда могут рассчитывать на трудоустройство по специальности, тем не менее, чаще высказывают намерение эмигрировать, чем респонденты, обладающие более «востребованными» специальностями. В данном случае наблюдается интересная зависимость между типами этнической

идентичности, о которых я уже говорила, а также профессиональной принадлежностью респондентов и их миграционным поведением. К группам с первым, «русским» и вторым, «переходным» типами идентичности обычно относятся респонденты технических и медицинских профессий, не всегда в настоящее время работающие по специальности (врачи, программисты, инженеры, экономисты, бизнесмены). Как правило, они далеки от проблем еврейской культуры, возрождения еврейской жизни, общины и пр. Их миграционный потенциал крайне низок, особенно в первой группе. К третьему и четвертому типам идентичности нередко принадлежат респонденты гуманитарных, творческих профессий, чаще «вовлеченные» в «еврейские» проблемы.

Здесь также наблюдается любопытная взаимозависимость. Интерес к еврейской культуре, общинной жизни, еврейским традиционным ценностям в большинстве случаев связан с участием респондентов в деятельности тех или иных еврейских организаций – учебной или преподаванием в еврейском учебном заведении, работой в еврейской организации, регулярным посещением таких организаций (молодежных, общинных, культурных, курсов иврита), сопровождающихся разного рода мероприятиями (встречами Субботы, празднованиями еврейских праздников, экскурсиями, лекциями и пр.). Можно даже сказать, что типы этнической идентичности и соответственно, поведения, в том числе миграционного, существенно отличаются у этих двух категорий опрошенных. По-видимому, правомерно говорить о некоем «конструировании» еврейской идентичности у некоторых потомков смешанных браков. Это конструирование – в тех случаях, когда оно имеет место – происходит на общем для подавляющего большинства респондентов фундаменте русской культуры, в том числе поведенческой, а также русского языка и традиций. Никто из респондентов не получал традиционного еврейского воспитания, не посещал еврейскую школу и изначально не имел представления о еврейских традиционных ценностях. Таким образом, не подростковый возраст в данном случае является той стадией жизненного цикла, когда происходит формирование еврейской идентичности⁹. Это формирование – опять подчеркиваю, в тех случаях, когда оно происходит, имеет

место в более поздних возрастных группах и очень часто обусловлено, как я уже отмечала, вовлеченностью респондентов в еврейскую культурную и общинную жизнь. Особого внимания в этом контексте заслуживает сама проблема этой вовлеченности, а именно, почему и каким образом люди, выросшие совсем в иной традиции, оказываются ее активными участниками; но этот вопрос будет рассмотрен в другом месте.

Таким образом, еврейским культурным, образовательным, общинным институтам принадлежит центральная роль в построении новой еврейской идентичности у лиц, родившихся в смешанных браках.

Не столь однозначна эта роль в формировании у этих людей миграционного поведения. Как уже отмечалось, у лиц, принадлежащих к третьей и четвертой группам, миграционный потенциал также не очень высок и обусловлен скорее практическими мотивами. Возможно, в ряде случаев информация об Израиле, полученная, благодаря непосредственному опыту респондентов (поездке в страну), или опосредованно (письма и рассказы родственников, друзей и знакомых; сведения, предоставленные в еврейских, в частности в израильских организациях), позволяет респондентам трезво оценить свои шансы на трудоустройство и успешную адаптацию в израильском обществе. Кроме того, возрождение многих институтов еврейской жизни в России дает возможность «вновь обретенным евреям» принимать в ней активное участие, не покидая страну. Таким образом, можно сказать, что роль еврейских организаций в активизации миграционном поведении потомков смешанных браков может быть различной. С одной стороны, деятельность этих организаций совершенно очевидно способствует «конструированию», или, если угодно, «возрождению» еврейской идентичности у некоторых категорий опрошенных. С другой – знакомство с этими организациями в ряде случаев помогает получить объективную информацию о том, что ожидает потенциальных эмигрантов. Наконец, многие люди осознают, что у них есть возможность «быть евреем», проживая в России. В результате, принимая окончательное решение: эмигрировать или остаться, а также делая выбор, куда ехать – люди, взвешивают все эти доводы и, как правило, руководствуются чисто практи-

ческими соображениями (возможность трудоустройства, получение более высокого заработка, хорошего образования и т.д.). Иными словами, определенный рост еврейской идентичности у некоторых групп респондентов, в целом, не сопровождается ростом миграционной активности. Она, как и в других группах, в значительной степени зависит от политической и экономической ситуации в российском обществе.

---

¹ См., например: *Della Pergola S.* The Global Context of the Migration to Israel – E. Leshem, J. Shuval (eds.), *Immigration to Israel. Sociological Perspectives.* New Brunswick: Transaction, 1998, с. 51-92; *Tolts M.* The Jewish Population of Russia. 1989-1995. *Jews of Eastern Europe*, 1996 31, 3, с. 5-19; *Tolts M.* *Jews in Russia: a Century of Demographic Changes – 1999 1*, Диаспоры, с. 180-198; *Синельников А.* Некоторые демографические последствия ассимиляции евреев в СССР – Вестник Еврейского университета в Москве, 1997 № 15; *Куповецкий М.* Еврейское население бывшего СССР после семи лет массовой эмиграции – Вестник Еврейского университета в Москве, 1997 № 14; *Gitelman Z.* *Immigration and Identity.* Los Angeles, 1995; *Markowitz F.*, *A Community in Spite of Itself. Soviet Jewish Emigres in New York.* Wash., 1993; *Куповецкий М.* Евреи бывшего Советского Союза: численность и расселение в мире. – *Евреи СССР на перепутье* (Иерусалим). 4 (19), с. 128-135 [на иврите].

² «Вера, ценности, соблюдение еврейских традиций и социальные взаимоотношения среди еврейского населения Израиля» (Иерусалим, 1993); *Ben-Raphael E.* *Social Mobility and Ethnic Awareness. The Israeli Case.* – *Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering.* N.-Y., 1985, с. 57-79; *Brym R.*, with the assistance of *Ryvkina R.* *The Jews of Moscow, Kiev and Minsk. Identity. Antisemitism. Emigration.* – L., 1994; *Cohen S.* *American Modernity and Jewish Identity.* N.-Y., 1983); *Rosenberg S.E.* *The New Jewish Identity in America.* N.-Y., 1985; *Chlenov M.* *Jewish Communities and Jewish Identities in the former Soviet Union.* – *Jewish Identities in the New Europe* in J.Webber (ed.) Wash., 1994, с. 127-138; *Krupnik I.* *Constructing New Identities in the Former Soviet Union. The Challenge for the Jews.* Там же, 139-149; *Lamm N.* *The Jewish Jew and the Western Culture: Fallible Predictions for the Turn of the Century.* Там же, 101-106; *Schweid E.* *Changing Jewish Identities in the New Europe and the Consequences for Israel.* Там же, 42-54; *Webber J.* *Modern Jewish Identities* Там же, 74-85; *Gitelman Z.* *Immigration and Identity.* Los Angeles, 1995; *Jews and Jewish Life in Russia and the SU.* Y. Roi (ed.) L., 1995; *Markowitz F.* *If a*

Platypus is Both a Reptile a Mammal. Can a Person Be Both a Russian and a Jew. – East European Jewish Affairs, 1996 vol.26, 2, с. 27-40.

³ Например: *Собкин В.С., Грачева А.М.* К психологии еврейской идентичности. – Этнос, идентичность, образование. М., 1998, с. 105-141; *Баклушинский С.А., Орлова Н.Г.* Особенности формирования этнической идентичности в мегаполисе. – Там же, с. 248-267; *Гительман Ц., Шапиро В., Червяков В.* Иудаизм в национальном самосознании российских евреев. – Вестник Еврейского университета в Москве. 1994 № 7, с. 121-144; *Рывкина Р.* Евреи в постсоветской России – кто они? (М., 1996).

⁴ *Cohen S.M.* Content or Continuity? N.-Y., 1991; *Kelman H.S.* The Place of Jewish Identity in the Development of Personal Identity; *London, P. Chazan B.* Psychology and Jewish identity education; *Meyer M.* Jewish identity in the modern world.

⁵ См., например: *Gans H.J.* Symbolic ethnicity and symbolic religiosity: Towards a comparison of ethnic and religious acculturation. – *Ethnic and Racial Studies*. 1994 vol. 17, 4, с. 577-592; *Eller J.D. and Coughlan R.M.* The Poverty of Primordialism: the Demystification of Ethnic Attachments. – *Ethnic and Racial Studies*, 1993 vol. 16, 2, с. 183-202.

⁶ *Винер Б.Е.* Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга). Дисс. на соискание степени канд. ист. Наук. СПб., 1998, рук. См. также: *Коротеева В.В.* «Воображенные», «изобретенные», и «сконструированные» нации». – Этнографическое обозрение, 1993 № 3, с. 154-165; *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996; *Таболкина Т.В.* Этническая проблематика в современной американской науке: Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985.

⁷ В качестве одного из таких примеров можно привести интересную работу Эммы Клейн, построенную на материале изучения английских евреев: *Klein E.* Lost Jew The Struggle for Identity Today. L., 1996.

⁸ В последние годы литература, посвященная этому методу и его применению в различных областях исследований, весьма обширна. Упомяну лишь некоторые из них, в их числе известные работы Р.Грилла, П. Томпсона, Д.Берто, Л.Лангнесса и Г.Франк и ряд других: *Grele R.L.* Envelopes of Sound. The Art of Oral History. N.-Y., 1991; *Langness L.L., and Frank Gelya* Lives. Novato, 1981; *Ritchie D.A.* Doing Oral History. N.-Y., 1995; *Thompson P.* The Voice of the Past. Oral History. Oxf., 1988; *Bertaux D.* From the Life History Approach to the transformation of the Sociological Heritage. – *Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences.* D.Bertaux (ed.) London – Beverly Hills, 1981.

---

⁹ Этот вывод раходится с результатами, полученными исследователями на примере еврейских подростков, родившихся в мононациональных браках. См, например: *Собкин В.С. и Грачева А.М. К психологии еврейской идентичности. – Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998.* Эти расхождения могут, на мой взгляд, в значительной степени объясняться тем, что исследования подростковой идентичности проводились исследователем в специфической среде, а именно в еврейской школе. Материалы моего исследования показывают, что результаты, полученные мной при проведении интервью среди людей, вовлеченных в деятельность еврейских организаций, и, напротив, далеких от этой деятельности, очень сильно разнятся. Несомненно, на формирование еврейской идентичности подростков, учащихся в еврейских школах, очень сильное влияние оказывает среда.

VII МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Алексей Корнилов *

Израильская статистика не содержит прямых указаний на национальный состав населения страны и численность отдельных этнических групп; вместо этого публикуются данные о численности религиозных общин, выходцев из разных стран и регионов мира в составе еврейского населения страны.

Характерная как для израильской статистики, так и этнологии тенденция интерпретировать этнические различия внутри населения страны как культурные или религиозные имеет свою логику. Для еврейской общности религия традиционно выступает в качестве этнической доминанты, в то время как другие этнические маркеры (язык, элементы материальной культуры, отчасти даже физический тип) играют второстепенную роль. Для Ближнего Востока в целом конфессиональные различия также играют более значительную этноразличительную роль, чем лингвистические, легшие в основу европейской этнологической таксономии. В тоже время, отсутствие в современной науке консенсуса относительно характера еврейской общности крайне затрудняет изучение этнологии евреев вообще и в Израиле в частности. Так, в израильской этнологической литературе

---

* **Алексей М. Корнилов** – аспирант и младший научный сотрудник Отдела изучения Израиля Института Востоковедения РАН. Преподает курс средневековой еврейской истории в Российском государственном гуманитарном университете.

различия между еврейскими общинами как в диаспоре, так и в Израиле, часто характеризуются как этнические, а сами общины, особенно «экзотические» (с точки зрения европейских и американских стереотипов в отношении евреев): фалаша, йеменские и т.д., фактически рассматриваются как отдельные этносы. При этом подчеркивается, или по крайней мере не ставится под сомнение, что евреи представляют одну «нацию», для которой обычные этнические маркеры имеют второстепенное значение.

Поэтому, прежде, чем перейти к обзору этнографических различий и устойчивых группировок внутри израильского еврейства, во избежание терминологической путаницы, особенно неприятной в период смены теоретических установок, которую в настоящее время переживает отечественная этнология, оговорюсь, что здесь и далее в качестве рабочей гипотезы, предлагаю рассматривать этнические различия как одну из форм внутривидовой конкуренции у людей, аналогичную стайности у ведущих групповой образ жизни животных. Можно также сказать, что в антропосфере, этнизм играет роль, сходную с межвидовыми различиями в мире животном – автономные элементы, активно взаимодействующие внутри неравновесной системы сообщают ей внутреннее динамизм, движение, иначе говоря – жизнь. Однако если у животных межпопуляционному и межвидовому скрещиванию (факторам, потенциально угрожающим увеличением энтропии биосистемы) препятствует различный хромосомный набор и относительная изоляция отдельных участков ареала, то у человека, представляющего из себя единый вид, довольно плотно населяющего всю поверхность планеты и выживавшего преимущественно за счет своих умственных, а не физических способностей, более или менее устойчивые границы между «видами» (этносомами) обеспечивает самосознание, в данном случае этническое – ассоциация/диссоциация индивидуумом себя с объективно существующими этническими общностями, – и выполняющее функции, сходные с опознавательными системами типа «свой-чужой», используемыми в вооруженных силах. В то же время, хотя самоидентификация и лежит в основе национальности, ставить знак равенства между ними нельзя. Самосознание – явление глубоко личное, субъективное; не всегда можно быть уверенным, имеешь ли ты дело

с сородичем или с человеком, по каким-то причинам выдающим себя за такового... Поэтому этническая идентификация «иноного» подразумевает набор признаков, конституирующих для наблюдателя данную конкретную национальную общность – этнических маркеров: разговорный язык, антропологические особенности, специфический культурно-хозяйственный тип, сложившиеся формы быта, религия и другие элементы духовной культуры.

Как правило, один из этих формальных признаков служит в рамках данной национальности этнической доминантой – тем, что конституирует этнос и в конечном итоге отличает своих от чужих, – причем язык и общность происхождения – не самый популярный выбор, особенно в настоящее время. Чаще всего доминантой становится этническая психология – набор стереотипных реакций и бессознательных предпочтений (вкусов). Этническая психология может выражаться в религиозных формах или в большей или меньшей степени смешиваться с национальной религией; в отечественной этнологии этнические общности, у которых религиозное самосознание замещает этническое или значительно контаминирует его, определяются как этноконфессиональные общности. С точки зрения теоретических представлений отечественной науки об этноконфессиональных общностях, разработанных С.И. Бруком, Н.Н. Чебоксаровым и Я.В. Чесновым, и получивших дальнейшее развитие в работах П.И. Пучкова, Л.И. Шерстовой и Ю.М. Кобищанова, евреи, особенно в диаспоре, могут, пожалуй, рассматриваться и как наиболее типичный пример этноконфессиональной общности.

Еврейское население Израиля

По данным на май 2000 г. еврейская община Израиля насчитывала 4913,8 тыс. человек, что составляло 78,57% всего населения страны. В формировании еврейского населения Израиля огромную роль играла иммиграция. Достаточно вспомнить, что еще 52 года назад – на момент провозглашения независимости Израиля – еврейское население Палестины составляло несколько менее 650 тыс. человек, а перед началом первой волны алии (1882-

1903 г.) так называемый «старый ишув» насчитывал всего 24 тыс. евреев.

Соответственно, на еврейском населении Израиля не могло не отразиться этнографическое разнообразие, характерное для еврейских общин в диаспоре. Внутри еврейского населения Израиля сохраняется деление на этнолингвистические группы, землячества (общины выходцев из конкретной страны) и более или менее замкнутые религиозные общины (своеобразные этноконфессиональные общности), часто служащие организационной базой землячеств; указанные деления могут как сосуществовать*, так и перекрываться**. Антропологические различия также играют для еврейства Израиля роль, которую применительно к другой общности можно было бы смело назвать этноразличительной; впрочем, их значение в Израиле не так велико, как, например в США, поскольку значительно выделяются расовым типом группы, удельный вес которых в составе израильского населения не велик.

В отечественной и зарубежной литературе параллельно используется несколько систем классификации еврейского населения Израиля. Наиболее общим служит деление на ашкенази – группу, восходящую к еврейским общинам Германии и Речи Посполитой, разговорным языком которых были диалекты еврейско-немецкого (идиш, иначе также дайч или «жаргон»), сефардов, группу восходящую к еврейской общине Пиренейского полуострова, языком которой был еврейско-испанский (известен также как спаньола, ладино, хуезмо или джудезмо), распавшуюся в XV в., и так называемых восточных евреев, языки которых точно совпадают с российским определением восточных языков (еврейско-арабские и еврейско-персидские диалекты, грузинский, маратхи, малаялам, амхара и т. д.).

---

* Например, йеменские евреи или бербероязычные выходцы с острова Джерба как правило имеют собственные синагоги, конгрегации которых закрыты для «инородцев».

** Так, религиозную партию Шас поддерживают выходцы из разных стран Магриба, причем среди евреев марокканцев есть как представители традиционно арабоязычных общин, так и сефарды, исторически бывшие носителями еврейско-испанского диалекта.

Подсчеты численности этих групп весьма приблизительны, поскольку само деление имеет несколько искусственный характер – оно плохо коррелируется с делением по странам эмиграции и реально существующими землячествами. Например, еврейская община выходцев из Венгрии, относимая к ашкенази, в основном перешла с идиш на венгерский уже к концу XIX в. Наиболее проблематично определение сефардской общины – насчитывая в 1984 г. около 250 тыс. человек, она охватывала выходцев из нескольких стран Средиземноморья: Италии, Греции, Турции, Болгарии и Югославии, – хотя не все еврейские общины этих стран имеют какое-либо отношение к Сфарату (Испании) или, как в случае с югославскими олим последних лет, мало что сохранили из его культурного наследия. Деление на сефардов и ашкенази имеет значение в основном с точки зрения обрядовой, причем сефардскому обряду следует большинство общин восточных евреев (за исключением йеменских и до недавнего времени фалаша).

Для этнографии израильского еврейства более интересно принятое местной статистикой деление по происхождению на выходцев (или потомков выходцев) из Азии/Африки; из Европы/Америки/Океании; рожденных в Израиле и у родителей-израильтян, поскольку данное деление основано фактически на различиях в культурном багаже, сложившихся формах быта и специфическом стереотипе поведения, которые играют важную роль в иерархии самоидентификаций израильтян.

По этим категориям «метаэтнического» характера могут быть разнесены реально существующие землячества, т. е. объединения выходцев из конкретной еврейской общины или страны рассеяния, сохранившие характерные этнографические черты и значительную внутриобщинную солидарность (в еврейско-израильском контексте выступающую в качестве синонима этнической солидарности).

Группа евреев – уроженцев Израиля ([*цабарим**], в русскоязычной литературе также *сабра*) охватывает большинство еврей-

---

* Ед. ч. муж. *цабар*, букв. «кактус».

ского населения страны. На 31 января 1998 г. 3023,9 тыс. жителей, что составляло 63,2% всех евреев страны, являлись уроженцами Израиля**. Данные израильской статистики показывают необыкновенно быстрый рост численности *сабр*: если вскоре после провозглашения независимости Израиля (8 ноября 1948 г.) их насчитывалось 253,7 тыс. человек, то в 1961 г. число *сабр* почти утроилось (730,4)*, в 1972 г. 1272,3 тыс., а в 1990 г. – 2442,9 тыс. человек.

Удельный вес *сабр* в составе еврейской общины Израиля, за исключением периодов особенно массовой алии, постоянно возрастает: с 1948 по 1983 доля *сабр* увеличилась с 37,8 до 57,5%, после начала массовой алии из стран СНГ она несколько снизилась – с 61,9% в 1990 г. до 61,7% в 1995 г. – но потом опять начала расти. Однако, этот рост в значительной степени «статистический» – поскольку в данную категорию включаются вообще все евреи, рожденные в Израиле, вне зависимости от того, в какой мере они сохраняют связи с тем или иным землячеством, число *сабр* растет быстрее любых других групп еврейского населения во многом за их счет. В реальности лица, рожденные в Израиле, могут и субъективно (идентифицируя себя), и объективно (будучи идентифицируемы

** Данные относительно численности репатриации, прироста и удельного веса как отдельных еврейских общин-землячеств, так и более общих группировок (выходцы с определенного континента; сабра, сефарды, ашкенази), если только это не оговорено специально, взяты из Статистического ежегодника ЦСУ Израиля за 1999 г., раздел 2.0 (“Population”)

* Цифра приводится в ежегоднике ЦСУ Израиля (раздел 2.24); она может вызвать недоумение, так как даже с поправкой на массовую алию (причем, поскольку в указанный период нередко репатриировались общины целых стран, в числе олим был довольно высок удельный вес лиц небрачного возраста) и без учета военных потерь и вызванных ими демографических волн, предполагает естественный прирост еврейского населения на уровне 4% в год. Между тем, уровень рождаемости для еврейской общины в 1948-1952 гг. равнялся 34 тыс. рождений в год, а максимальный, достигнутый в период с 1953 по 1958 год составлял 43 тыс. рождений.

окружающими) принадлежать к какой-либо «национальной» общине.

Сознавая искусственный характер категории *сабр*, не отражающей реальную численность «коренных израильтян» и затрудняющей оценку количественного соотношения общин, существующих *de facto*, израильская статистика отделяет израильтян во втором поколении, часть которых учитывается в составе выходцев из той или иной страны, от израильтян в третьем и более поколениях – «детей *сабр*». Хотя и эта группа фактически является категорией статистического учета – аккультурация даже у детей *сабр* отнюдь не всегда бывает полной, – она точнее совпадает с общностью коренных израильтян, в значительной мере утративших связь с диаспорой. Удельный вес евреев израильского происхождения в общей численности еврейской общины страны не так высок: 27,7% в 1998 г., т. е. лишь незначительно выше чем у «русской» общины, но зато он растет быстрее и не перестает увеличиваться даже при массовом наплыве иммигрантов: 22,3% в 1990 г., 25,3% в 1995 г., 26,8% в 1997 г.

Феномен «детей *сабр*» (евреев израильского происхождения), которых можно рассматривать как своеобразное этническое ядро израильской нации – уникальный в своем роде пример национального строительства, когда довольно пестрому переселенческому сообществу, каковым был новый, «сионистский» ишув, сознательно прививалась культура, одинаково чуждая каждой из еврейских общин и во многом искусственно созданная национальнo-мыслящими еврейскими интеллектуалами. Эта «ничья» культура, должна была «оздоровить» характер еврейского народа, что по мнению идеологов сионизма первой половины XX в. означало преодоление полиморфности еврейской общности – «слияние диаспор» (*мизуг галуיות*). Иными словами, этнический облик современного израильтянина во многом создавался как бы «сверху», в соответствии с некоей сионистским видением того, каким должен быть «настоящий еврей».

Несмотря на то что до 1948 г. основная масса еврейского населения Палестины, впрочем как и большинство сионистских общественных и культурных деятелей, были выходцами из стран

Восточной и Центральной Европы, сионистское культурное строительство в догосударственную эпоху и в первые годы независимости во многом определялось неприятием традиционной культуры неассимилированного ашкеназского еврейства.

Отрицание ашкеназской культуры, как и сама идея реформирования еврейства были широко распространены в среде национально мыслящей еврейской интеллигенции еще до появления и в первые годы сионистского движения, уходя корнями в идеологию *Хаскалы* («еврейского просвещения»)*. Ощущение, что воспитание «нового еврея», порвавшего с многовековым наследием «ненормального» существования в диаспоре, носителя принципиально новой культуры – есть задача не менее важная для возрождения еврейской нации, чем построение национального государственного образования, было присуще самым разным течениям внутри сионизма, прежде всего неполитическим: «духовному сионизму» Ахад ха-Ама и его немногочисленным последователям, вообще скептически относившихся к возможности воссоздания еврейской государственности где бы то ни было, еврейским «нищанцам» вроде Бреннера или Бердичевского, левым, «рабочим» сионистам марксистского (последователей Н.Сыркина и Б.Борохова) и немарксистского толка, ставших после второй алии доминирующим элементом как в поли-

---

* Культурное и идеологическое течение, получившее распространение среди части еврейского населения Восточной и Центральной Европы в конце XVIII – третьей четверти XIX вв. *Маскилим* (деятели еврейского просвещения) в основном принадлежали к людям, получившим более или менее систематическое представление о европейской культуре, отошедшим от еврейской традиции, но слабо или совершенно неассимилированным. Стремясь разрушить культурную изоляцию ашкеназского еврейства и приобщить его к достижениям западноевропейской цивилизации, но не желая в тоже время утратить национальную самобытность, они пропагандировали новую культуру, вестернизированную и во многом космополитическую по содержанию, но выраженную в национальных формах, под которыми понимались древнееврейский язык (иврит) и признание «лучшего» из древнего и раннесредневекового наследия еврейской литературы и общественной мысли. Хотя логическим развитием *Хаскалы* было еврейское ассимиляторство, из среды «просветителей» вышли многие сионисты.

тической, так и культурной жизни ишува, – хотя и методы, и конечная цель национальной и культурной реформы далеко не всегда понимались ими одинаково. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что над ашкеназской по происхождению интеллигенцией тяготел комплекс национальной неполноценности, характерный для многих сегрегированных этно-социальных групп и впервые описанный еще до войны немецкими и немецко-еврейскими психиатрами, применительно именно к евреям (европейским), – как *Judische Selbsthass*, «еврейская самоненависть».

Соответственно, деятели искусства, закладывавшие основание израильской культуры в первые 50 лет после Базельского конгресса, сами выходцы из стран Восточной Европы, охотнее черпали вдохновение в библейских и околобиблейских сюжетах, жизненном укладе «экзотических» восточных евреев и даже арабов-бедуинов, нежели культурном наследии мира польских или украинских местечек.

Впрочем, несмотря на идеологические установки своих создателей и декларируемые цели, израильская культура первой половины XX в. испытывала сильнейшее европейское и – косвенно – еврейско-ашкеназское влияние и в любом случае оставалась чужда евреям-выходцам из азиатских и африканских стран. По мере возрастания удельного веса восточных общин в населении страны и их культурного самоутверждения, концепция строительства израильской культуры менялась – она мыслилась более плюралистической, отчасти даже эклектической, основанной на множественности эстетических взглядов и художественных традиций, на равном участии в ее создании всех еврейских этнолингвистических и этнокультурных групп.

В настоящее время можно говорить о полной идентификации ивритоязычной израильской культуры и общности евреев израильского происхождения – последние стали не только главными ее потребителями, но и основными созидателями.

Поскольку новый ишув начал складываться лишь около 120 лет назад, этнографический профиль израильского еврейства еще продолжает формироваться. Важнейший этнографический маркер общности евреев израильского происхождения – ивритоязычие. Его утверждение также может служить типичнейшим примером

целенаправленного формирования этнического облика израильского еврейства «сверху».

Попытки придать древнееврейскому языку статус если не разговорного, то современного предпринимались еще *маскилим*. Попытки в том же направлении во второй половине XIX в. века предпринимались узкой прослойкой интеллигентов-гебраистов из числа *ховевей-цион* – однако со стороны основной массы евреев эти усилия имели самую ограниченную поддержку, в значительной степени из-за сакрального характера *лешон-кодеш*, и даже у большинства национально мыслящих еврейских интеллектуалов понимания не встречали – гебраизм считался курьезным лингвистическим экспериментом, вроде эсперантизма*.

Хотя на заре сионистского движения – от создания общества *Хиббат-Цион* и до смерти Теодора Герцля – вопрос еврейского национального языка не был в числе приоритетных, а некоторые течения сионизма, в частности *Поалей-цион*, в качестве такового долгое время предпочитали видеть идиш, благодаря традиционно высокому престижу древнееврейского языка у всех неассимилированных групп еврейства и самоотверженности Элиэзера Перельмана (Бен-Йехуды) и его сподвижников, создавших «Комитет языка иврит», уже в 1913 г., в ходе «войны языков», развернувшейся между энтузиастами-гебраистами и благотворительным обществом «ха-Эзра» по поводу того, на каком языке будет вестись преподавание в Технионе**, стало очевидно, что языком израильского еврейства в недалеком будущем станет именно иврит. После Первой мировой войны, с установлением британского мандата, иврит был признан одним из трех официальных языков Палестины. С тех пор его возрождению в сионистской программе нацио-

---

* Во время первого своего приезда в Израиль в 1893 г. Ашер Гинзбург (Ахад ха-Ам) отмечал, что язык как учеников, так и учителей ивритических школ настолько убог, что их жалкие попытки общаться на иврите напоминают разговор заик.

** Хотя начавшаяся Первая мировая война оставила конфликт нерешенным, когда занятия в Технионе наконец начались (в 1924 г.), они велись на иврите.

нально-культурного строительства отводилась едва ли не главная роль.

В настоящее время иврит – в полной мере родной не только для евреев израильского происхождения, но и для большинства *сабр* в более широком смысле***. Сфера применения иврита в современном Израиле постоянно расширяется, а сам язык после 1948 г. демонстрирует устойчивую тенденцию к саморазвитию, в частности – быстрое изменение как словарного запаса, так и грамматики, а в последние 10 лет, некоторое тяготение к конвергенции с английским и арабским, в основном за счет постоянного проникновения американизмов и арабских заимствований через молодежный сленг.

Ашкеназскую общность (как израильтян во втором поколении ашкеназского происхождения, так и европейско-американских евреев, рожденных за границей) отличают самые низкие в израильском обществе репродуктивные показатели (что объясняется как высокой степенью вестернизации, так и сравнительно более высоким средним возрастом) и наиболее высокий социальный статус. Вместе с тем, в смысле ориентированности на западные ценности, особняком стоят *харедим* – ультраортодоксы ашкеназского происхождения, составляющие одну из последних неассимилированных групп ашкеназского еврейства, сохранивших идиш в качестве разговорного языка.

Как уже отмечалось выше, на момент провозглашения независимости Израиля *ашкенази* и другие выходцы из стран Европы и Америки составляли 85% населения ишува. Однако из-за массовой репатриации из арабских стран уже к 1952 г. доля ашкенази сократилась до две трети, а к началу 80-х – до 40% еврейского населения страны. Уменьшение удельного веса «европейских» евреев

*** В тоже время, для значительной части израильтян во втором поколении, как азиатско-африканского, так и западного происхождения, характерен билингвализм – при совершенном владении ивритом, в качестве второго, «домашнего», языка сохраняется какой-либо из языков диаспоры (см. статью Б. Котик-Фридгут «Динамика языковой ситуации и языковой политики в Израиле» в этой книге).

несколько замедлилось в связи с притоком олим из стран СНГ, однако, необходимо помнить, что и в число иммигрантов из СССР/СНГ входят представители общин, которые по этнолингвистическому признаку должны квалифицироваться как «восточные». Кроме того, по целому ряду важных признаков русскоязычные иммигранты представляют особую общность, которая может быть сопоставлена с другими еврейскими метаэтническими группировками. Группа русскоязычных выходцев из СССР/СНГ – самая крупная и наиболее культурно обособленная из европейских еврейских общин в Израиле в настоящее время.

Несмотря на то что численность выходцев из стран Азии и Африки (иммигрантов в первом поколении) в сегодняшнем Израиле сравнительно невелика, самоидентификация с ними большинства родившихся уже в Израиле сефардов (иммигранты во втором и третьем поколениях) позволяет рассматривать их как одну из крупнейших этнокультурных общин страны. В составе восточного еврейства могут быть выделены:

1) Евреи – уроженцы арабских стран, на долю которых в 1984 г. приходилось до 40% еврейского населения Израиля, из которых половину составляли выходцы из Марокко (473,2 тыс. человек, из них в Израиле родилось 269,6 тыс.). В 1998 г. число марокканских евреев достигло 500,7 тыс. человек, из которых 329,1 родились в Израиле. Марокканская община быстро ассимилирует арабоязычных евреев выходцев из Алжира и Туниса, численность которых в 1998 г. составляла 151 тыс. человек, из них 112,2 тыс. человек родились в Израиле.

Йеменские евреи могут быть отнесены к израильским старожилам – в стране они впервые появились в конце XIX в. В 1895 г. в Иерусалиме проживало 400 семей – выходцев из Йемена. Новая большая группа прибыла из турецкого Северного Йемена в 1907 г. из-за засухи и еще 9,5 тыс. – в 1924-1928 гг., в годы «четвертой алии». Основная же масса йеменских евреев репатрировалась в 1949-1950 гг. По договоренности с зейдитским правителем Северного Йемена в Израиль на самолетах было перевезено 48 тыс. евреев, что составляло более 95% из всех проживавших в стране евреев. В дальнейшем объем йеменской алии резко сократился: в

1961-1964 гг. репатриировалось 732 человека; в 1965-1971 гг. – 334; в 1972-1979 гг. – 51; 1980-1984 гг. – всего 12 человек. На сегодняшний день считается, что еврейская община в Йемене прекратила свое существование.

Другим примером практически единовременной репатриации целой общины может служить еврейство Ирака – в 1948-1960 гг. в Израиль въехало более 129 тыс. иракских евреев, 124 тыс. из них – в рамках нелегальной операции «Эзра и Нехемия». В дальнейшем в Израиль репатриировались в 1961-1964 гг. – 520 человек из общины иракских евреев; 1965-1971 гг. – 1609, в 1972-1979 гг. – 939, в 1980-1984 гг. – 81 человек.

2) На ираноязычных евреев приходится менее 5% израильского еврейства, в том числе: иранских – 133,6 тыс. человек, включая 81,4 тыс. уроженцев Израиля иранского происхождения; бухарских – около 20 тыс.; горских – 15 тыс. человек (их отличает высокая степень консолидации и сохранение патриархальной семьи на кавказский манер); афганских – около 5 тыс. человек.

К восточным евреям относится также живущие в Израиле:

а) курдистанские евреи (около 80 тыс.), долгое время сохранявших в качестве разговорного языка арамейский диалект;

б) грузинские евреи (около 40 тыс.), судя по некоторым признакам возможно ведущим свое происхождение от грузин-геро^{*}; грузинских евреев отличает высокая степень общинной солидарности;

в) индийские евреи (43,9 тыс. человек в 1998 г., в том числе 25,8 тыс. рожденных в Израиле), объединяющую две самостоятельные общности: малабарских евреев, или *Бене-Израэль*, говорящих на языке маратхи, и *кочинских*, говорящих на малайялам, сохраняющих кастовое деление, причем бóльшая часть относится к дравидскому антропологическому типу;

---

* Отсутствие фамилий типа Коэн и Леви(т); употребление грузинского письма; близость антропологического типа к западнокавказскому, но не к арменоидному и средиземноморскому, характерных для ашкеназов и сефардов и т. д.

г) наиболее известную группу темнокожих евреев составляют так называемые *фалаша*, или эфиопские евреи; в 1998 г. их насчитывалось 66,8 тыс. человек, включая 17,9 тыс. уже родившихся в Израиле. Небольшая группа эфиопских евреев поселилась в Израиле еще в 60-х годах. Первые пополнения стали прибывать начиная с 1980 г. (прибыло 258 человек). В 1981 г. в Израиль из Эфиопии прибыли 647 человек, в 1982 г. – 949, в 1983 г. – 2201 человек. С ноября 1984 по январь 1985 г. в рамках «операции Моше» 8 тыс. фалаша, которым в условиях разразившейся засухи грозила голодная смерть, были эвакуированы в Израиль самолетами; в мае 1991 г. таким же образом в Израиль прибыли еще 14,2 тыс. человек («операция Соломон»). При этом эфиопских евреев в Израиле отличает высокий коэффициент естественного прироста, который в 1986-1998 гг. составил около 3,02% в год. При сохранении нынешних темпов, что весьма вероятно, если учесть, что медианный возраст фалаша составляет всего 18 лет, даже если не будет новой алии, к 2010 г. численность общины достигнет 100 тыс. человек.

Самая малочисленная этническая группа восточного еврейства – крымчаки (1 тыс. человек) – выходцы из Крыма, исповедующие ортодоксальный иудаизм и пользующиеся в быту говором крымско-татарского языка*.

Социальный статус восточных евреев (если исходить из распределения самостоятельного населения по наиболее и наименее категориям профессий) до настоящего времени ниже, чем у евреев израильского или евро-американского происхождения, причем эта тенденция отчетливо прослеживается как у собственно иммигрантов, так и у сабра – потомков выходцев из Азии и Африки.

---

* К восточным общинам примыкают малые этнические общины, исповедующие религии исторически отделившиеся от иудаизма и с точки зрения израильского права относящиеся к евреям. Это этноконфессиональная общность *караимов* – около 20 тыс. человек, об отношении которой к еврейству с точки зрения Галахи в израильском раввинате продолжается полемика, и группа *самаритян* – 550 человек (часть сохраняет иорданское подданство).

Эта ситуация складывалась под влиянием следующих факторов:

а) особенности социально-экономического и культурного развития стран, из которых прибывали восточные евреи, наложившие свой отпечаток и на местных еврейских общинах: низкий образовательный уровень**, невысокий, с точки зрения требований, предъявляемых индустриальным обществом, уровень профессиональной подготовки, консерватизм и интеллектуальная косность, присущие патриархальному укладу, – не позволяли большинству выходцев из стран Азии и Африки претендовать на высокое положение в израильском обществе;

б) специфика духовной жизни восточных общин, их замкнутость, большая религиозность и тяготение к религиозному фундаментализму делали культуру израильского еврейства, во многом секулярную и ориентированную на западные ценности, непонятной и малопривлекательной в глазах восточных евреев, создавали у них ощущение, что они являются единственными хранителями национальных ценностей. В результате не просто затруднялась интеграция восточных евреев в израильскую нацию – скапливаясь на нижних ступенях социальной лестницы, они начинали приписывать собственные неудачи культурно-расовой сегрегации со стороны ашкенази.

В результате сохранения культурных и социальных барьеров между восточными евреями и другими группами наметилась отчетливая тенденция к этническому саморазвитию выходцев из стран Азии и Африки, проявляющаяся в настойчивом стремлении к политическому самоутверждению – сначала в виде особых «сефардских списков»; позднее – в виде поддержки созданного в 1968 г. лево-

---

** Более или менее значительная прослойка интеллигенции существовала только у иракской еврейской общины. Большинство представителей еврейской интеллигенции стран Северной Африки эмигрировали не в Израиль, а во Францию.

радикального движения «Черных пантер»^{*}; и наконец, в виде создания религиозных «общинных» партий, типа марокканской ТАМИ и потеснившей ее в качестве выразителя интересов ортодоксального еврейства арабских стран Шас («Сефарды – хранители Торы»).

Углублению межэтнических противоречий внутри еврейской общины Израиля в последнее время во многом способствует алия.

Как мы уже отмечали выше, для современного Израиля – алия это не просто осуществление сионистской мечты, но насущная политическая необходимость, поскольку только поддержание алии на достаточно высоком уровне позволяет поддерживать демографическое преобладание еврейской общины до тех пор, пока численность арабского населения страны не стабилизируется в силу естественного старения. Однако поскольку эмиграционный потенциал стран Азии, Африки и Восточной Европы (за исключением благополучной Венгрии) практически исчерпан, а из Америки и Западной Европы алия практически прекратилась из-за отсутствия как национальных, так и экономических стимулов, Израиль оказался в демографической зависимости от репатриации из стран СНГ. Менталитет «русских» евреев под воздействием многолетней антирелигиозной и интернационалистической пропаганды приобрел некоторые специфические черты. Для самоидентификации российских евреев религия часто играет маргинальную роль, порой заметно меньшую, чем культурная принадлежность. Не так сильно развито неприятие к христианству (на «русском» еврействе отражается характерный для постсоветской России Ренессанс православия последних лет и миссионерская деятельность западных христианских сект). Кроме того, в СНГ, как и в других развитых странах, для евреев характерен чрезвычайно высокий уровень смешанных браков; по

---

^{*} В 1977 г. «черным пантерам» даже удалось провести своего депутата в Кнессет, правда в составе объединенного списка с Коммунистической партией Израиля («Хадаш»).

некоторым данным – более 60%. В результате в качестве членов семей олим с каждой новой волной репатриации из СНГ въезжает все больше и больше лиц, не являющиеся евреями с точки зрения израильского законодательства или вообще не имеющих еврейских корней. Согласно данным ЦСУ Израиля, в 1998 г. среди олим, прибывших из СНГ неевреи по Галахе составили 51%, причем лишь у 65% из них отец был евреем. В 1999 году эти показатели составили 52 и 62% соответственно¹.

Хотелось бы также отметить, что алия из бывшего СССР последних 10 лет становится все менее еврейской во многом из-за своего массового характера. Для «русских», точнее бывших советских, евреев вообще характерен высокий процент смешанных межэтнических и межконфессиональных браков. Отток же евреев в Израиль дополнительно уменьшает шансы евреев, остающихся в странах СНГ – потенциальных олим или родителей будущих олим, вступить в брак с представителями своей национальности.

Наиболее активное противодействие иммиграции в Израиль не являющихся евреями по Галахе выходцев из стран СНГ пытаются оказывать религиозные партии, опирающиеся на поддержку восточных еврейских общин, прежде всего Шас. Руководство Шас (в лице то одних, то других своих лидеров) обвиняет «русских» в импорте «проституции, бандитизма, христианства» (в одном ряду!), в «свиноедстве и в попрании еврейских традиций», лоббируют в Кнессете ограничения на въезд и натурализацию членов семей репатриантов, не являющихся этническими евреями.

С одной стороны, в основе конфликта между «марокканской» и «русской» общинами лежат соображения политического характера. Наплыв иммигрантов из стран СНГ уменьшает электоральное значение восточных общин. Считается, что «война» между Шас и «русской» партией «Израэль ба-алия» началась из-за портфеля министра внутренних дел в 1998 г. Однако, раз возникнув, конфликт быстро приобрел этническую окраску. Неслучайно, что для консолидации своих ортодоксально понимающих еврейскую идентичность сторонников руководство Шас выдвинуло против выходцев из стран СНГ обвинения религиозного характера. Лидеры ортодоксов вполне сознательно навязывают

израильскому общественному мнению представление о «русской» общине как о чем то инородном, противостоящем «настоящему» евреям. Отсюда и требования об изменении Закона о возвращении.

Неприятие ортодоксальной еврейской средой «негалахических» евреев из СНГ породило среди последних совершенно неожиданную ответную реакцию – демонстративную диссоциацию с еврейством как в «мягких» формах (нарочитого потребления некошерных продуктов) до наигранной юдофобии – вплоть до появления на стенах домов граффити антисемитского содержания.

Нееврейское население Израиля

На май 2000 г. нееврейское население Израиля составляло 1342,4 тыс. человек, что составляет 21,45% из общего населения страны, которое уже превысило 6259 тыс. человек.

В 1998 г. самую большую группу нееврейского населения Израиля (1227,4 тыс. человек от общей численности населения Израиля 5970,7 тыс. человек) составляли мусульмане – 883,9 тыс., соответственно 14,8% всего населения и 72% всего нееврейского населения страны. Вторая по численности нееврейская группа – арабы-христиане (127,4 тыс., или 2,13% всего населения страны и 10,38% всего нееврейского населения страны). Численность дружеской общины достигает 97,8 тыс. человек, соответственно 1,64% общего числа жителей Израиля и 7,97% от всех его нееврейских жителей. С 1996 г. израильская статистика выделяет в особую категорию так называемых «лиц неопределенного вероисповедания»; к ней относятся в основном прибывающие в Израиль на основании Закона о возвращении члены семей евреев – дети от смешанных браков (так как в иудаизме еврейство определяется по матери, то в семьях, где евреем является только отец, дети не признаются евреями) и по каким-либо причинам не прошедшие или не желающие подвергаться процедуре гиюра. В 1996 г. численность лиц неопределенного вероисповедания составляла 75 тыс. человек (или 1,32% всего населения страны), в 1998 г. – уже 118,2 тыс. человек (или 1,98%).

В число «мусульман», под которыми в израильских источниках понимают исключительно суннитов, кроме арабов, входят

также израильские черкесы, которых в 1983 г. насчитывалось примерно 2 тыс. и несколько более 3 тыс. человек – в 2000 году.

Израильские черкесы сосредоточены в двух населенных пунктах: в Кфар-Кама – около 2200 человек, преимущественно шапсуги, и в Рейхани – 800 человек, преимущественно абадзехи. В обоих населенных пунктах черкесы составляют подавляющее большинство населения; кроме того, отдельные черкесские семьи проживают также в Хайфе, Цфате и Тверии.

Как и везде на Ближнем Востоке «черкес» в Израиле понятие довольно условное – кроме собственно адыгов, в их число входит некоторое число босняков-мусульман, крымских татар и турок, расселенных в Палестине еще османским правительством вместе с черкесами в качестве военных колонистов. Важно отметить, что несмотря на отличное знание арабского, черкесы не просто сохраняют собственный язык, но и вообще сильно обособлены от арабских единоверцев – процент смешанных браков в их среде не превышает 2%. Этнической замкнутости черкесов способствует как специфический менталитет, характерный для горских народов Кавказа, включающий презрение к невоинственным и политически бесправным группам населения, что создало отчуждение между кавказскими колонистами и палестинскими феллахами, так и привилегированный – относительно израильских арабов – статус черкесской общины в Израиле, выражающийся в обязательной военной службе и в значительных правительственных субсидиях. Выделение израильским правительством черкесов в особую общность еще более отделило последних от арабского населения, и в дальнейшем они ни разу не подали повода усомниться в своей лояльности государству. До настоящего времени они совершенно не поддерживают контактов со своими сородичами в арабских странах (даже в Иордании) и в СНГ. В среде кавказской диаспоры в арабских странах до сих пор ходят слухи о том, что во время Войны Судного дня (1973 г.) имели место боевые столкновения израильских черкесов со своими сирийскими сородичами.

Несколько обособленное положение в составе мусульман занимают также арабы-бедуины (в 1983 г. их численность достигала 45 тыс. человек, или 7,3% всего арабского населения Израиле).

ля), подразделяющиеся на 36 племен, и образующие особую социально-правовую общность, имеющую некоторые преимущества перед христианами и арабами-мусульманами – бедуины имеют право служить добровольцами в рядах израильской армии и пограничных войск, они также сохраняют некоторые формы общинного самоуправления. Размер правительственных субсидий, выделяемых бедуинам, несколько превышает удельный вес их общины в нееврейском сегменте израильского населения.

Под «христианами» в израильской статистике с 1996 г. объединены последователи действительно христианских религиозных течений, представленных греко-православной и католической церквями, униатскими церквями: армяно-католической, греко-католической, маронитской и сиро-католической и халдейской церквями, монофизитскими армяно-григорианской, сирийской-яковитской, коптской и эфиопской церквями и протестантами, и так называемыми бехайтами – последователями своеобразного религиозного течения, развившегося на почве иранского шиизма². По этнической принадлежности подавляющее большинство христиан относит себя к арабам*. Из других этнических общностей в группе «христиан» можно выделить также армян (численность которых составляла в 1984 г. около 3 тыс. человек), греков (2 тыс. на тот же год), эфиопов (несколько сотен мирян, не считая духовенства). В составе израильских христиан постепенно возрастает удельный вес лиц неарабского происхождения, главным образом за счет натурализовавшихся членов семей репатриантов из стран СНГ. Впрочем, несмотря на традиционную неприязнь ортодоксального иудаизма к христианству вообще и к выкрестам в частности и крайне негативное отношение к религиозному ренегатству со стороны государства и общественного мнения, еврей-христиане в Израиле не были чем-то совершенно исключительным даже до

---

* После начала гражданской войны в Ливане среди арабоязычных маронитов наметилась тенденция к диссоциации с арабами и видению себя в качестве потомков финикийцев и ханаанейн.

начала массовой алии из бывшего СССР – еще в 1986 г. до трети израильских католиков составляли евреи из Польши и Венгрии³.

Последнюю группу нееврейского населения, выделяемую израильским ЦСУ, составляют друзы, представляющие из себя замкнутую общину этноконфессионального характера и сосредоточенные преимущественно в горах Западной Галилеи^{**}. Вероучение друзов рассматривается в Израиле как самостоятельная мистическая религия; генетически оно связано с одним из направлений «крайнего» шиизма – исмаилизмом, от которого друзы отделились в XI в. (по другим данным – в IX в.⁴).

Несмотря на арабоязычие, друзскую общину традиционно отличает значительная обособленность от арабов – как христиан, так и мусульман. С одной стороны, общинной замкнутости друзов способствует своеобразное учение их секты, в частности его эзотерический характер и как следствие – требование внутриконфессиональной эндогамии, с другой, – сам факт географической ограниченности секты – ее последователи традиционно концентрировались в горных районах Южного Ливана и Сирии, отчасти Северной Палестины – указывает на то, что экстравагантный выбор вероисповедания в значительной степени мотивировался желанием горцев противопоставить себя другим обитателям региона.

Кроме конфессиональных различий, напряженность в отношениях с христианским и мусульманским населением Палестины усугублялась некоторыми особенностями менталитета друзов, которому в полной мере свойственны характерные для горских народов воинственность и несколько презрительное отношение к жителям городов и равнинных деревень. Последнее обстоятельство привело к некоторому сближению друзской общины и руководства ишува еще в эпоху британского мандата и в дальнейшем

---

^{**} Друзы проживают в девяти чисто друзских деревнях и восьми смешанных, значительную часть населения которых составляют арабы-христиане. Кроме того, существует еще два небольших друзских «анклава»: в районе горы Кармель (деревни Далит ал-Кармель и Асафия) и в городе Шфарам⁵.

было использовано израильским правительством для укрепления неформального союза с друзской общиной.

В настоящее время друзы образуют особую общность, социальный статус которой выше, чем у мусульман и христиан – друзы в обязательном порядке проходят службу в рядах израильской армии (следует отметить, что друзы служили добровольцами в частях Хаганы уже во время Войны за независимость) и относительно лучше субсидируются, чем другие, более многочисленные национальные меньшинства.

Политика израильского руководства в отношении нееврейского населения страны подчинена решению двух основных стратегических задач. С одной стороны, власть фактически стремится сохранить доминирующее положение еврейской общины и еврейский характер израильской государственности, с другой – политическое руководство страны (как от правого, так и от левого лагеря) прилагает немалые усилия к тому, чтобы максимально сгладить негативные последствия фактического социально-правового неравенства граждан по национально-религиозному признаку. Соответственно, государственная власть выражает определенную готовность пойти навстречу различным национально-культурным и религиозным общинам в их требованиях экстерриториальной автономии, однако не признает возможность трансформации Израиля из «еврейского демократического государства» в «государство всех его граждан».

Нееврейским общинам обеспечиваются широчайшие возможности самостоятельного культурного развития и внутреннего самоуправления вплоть до частичной судебной автономии. Так, национально-религиозным меньшинствам гарантировано право на создание школ с национальными кадрами учителей, преподаванием на родном языке, с сохранением национальной и культурной специфики учебного плана; арабскому языку придан официальный статус. Министерство образования и культуры материально поддерживает арабских писателей, финансирует печатный орган их объединения («Аш-Шарк»), субсидирует арабские фольклорные коллективы. Уже вскоре после победы в Войне за независимость израильским правительством были

предприняты меры по воссозданию общинной организации суннитов, долгое время бывшей главным политическим оппонентом сионистского движения в Палестине и разложившейся еще в эпоху британского мандата, после того, как во время арабского восстания 1936-1939 гг. распался Верховный мусульманский совет, – были учреждены и включены в систему судопроизводства четыре шариатских суда: в Акко, Назарете, Тайбе и Яффо; такой же статус в системе израильского судопроизводства, аналогичный раввинским судам, получили христианские и друзкий религиозный суды. Была также подтверждена автономия христианских церквей, гарантированная еще османскими соглашениями с великими европейскими державами; школы, содержащиеся общинами ряда христианских деноминаций, приняты на баланс Министерства образования, а в общеобразовательных школах, где есть ученики-христиане, государство обеспечивает возможность преподавания Ветхого и Нового завета.

Наконец, друзской общине религиозная и судебная автономия израильским правительством была предоставлена впервые – ранее, и при турках и при британских мандатных властях, религиозные вопросы и гражданский статус друзов находился в ведении суннитских кадиев.

Таким образом, хотя израильское законодательство не обеспечивает равноправие граждан вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания, политика израильского правительства в отношении национальных меньшинств может быть охарактеризована как «либеральная сегрегация».

Второе, репрессивное направление израильской политики в отношении нееврейского меньшинства в значительной мере оправдывается соображениями национальной безопасности. Даже сегодня, несмотря на некоторые успехи ближневосточного мирного урегулирования, противостояние Израиля если не со всем арабским миром, то со значительной его частью, фактически сохраняется.

Поэтому «презумпция нелояльности» в отношении граждан арабского происхождения по-прежнему не может считаться излишней перестраховкой. В этом контексте не только прямое ограничение гражданских прав израильских арабов, в частности их

исключение из всех сфер общественной и хозяйственной жизни на прямую связанных с обороноспособностью и внутренней безопасностью страны, но и сама политика поощрения национально-культурной автономии неевреев в конечном итоге обеспечивают внутреннюю безопасность государства. Предоставление неодинаковых права различным нееврейским общинам может трактоваться как попытка расколоть потенциально наименее лояльный сегмент общества; по возможности ослабить интерес нееврейского населения к общегосударственным делам, замкнув его на решение внутриобщинных проблем, культивируя тем самым у представителей национальных меньшинств комплекс «внутренней иммиграции»; наконец, создать противоречия между отдельными общинами, или способствуя усилению уже существующих, противопоставить их друг другу, и поддерживая наиболее слабые и малочисленные общины, приобрести себе союзников, тем самым расширив социальную и этническую базу государства. Не случайно в положении национальных меньшинств в Израиле хорошо прослеживается следующая тенденция: чем малочисленнее та или иная этническая или религиозная группа, тем благоприятнее ее правовой статус. Поскольку в Израиле чрезвычайно высок престиж «людей в погонах», выстраивание различных нееврейских группировок в иерархическую структуру позволяло также усилить мобилизационный потенциал страны – привилегированный статус той или иной нееврейской общины, как уже отмечалось выше, во многом определялся отношением к воинской повинности.

Однако успехи израильской национальной политики в противопоставлении национальных меньшинств друг другу остаются довольно скромными. Практически, добиться лояльности к государству именно от общин, а не от индивидуумов, удалось только от черкесов и друзов, т. е. групп, которые себя с арабами и так не ассоциировали. Впрочем, после начала войны в Ливане (1982 г.), когда в конфликт Израиля с палестинскими беженцами и ливанскими мусульманами на стороне последних была втянута ливанская друзская община, среди друзов-израильтян наметилось значительное охлаждение в отношении как государства, выразившееся в кампании уклонения от воинской службы, так и еврейской общины вообще.

Напряженность в отношениях с друзской общиной, несмотря на все усилия израильского правительства, так и не удалось полностью разрядить и после окончания Ливанской войны. В то же время, между друзами и арабами как будто наметилась тенденция к сближению, по крайней мере, со стороны последних – в середине 70-х годов в Израиле был создан так называемый Комитет арабской друзской инициативы, имевший откровенно антигосударственный характер – комитет ставил перед собой задачу способствовать уклонению друзской молодежи от воинской повинности. До начала Ливанской кампании организация влачила жалкое существование, но после 1983 г. – его приобрела определенный политический вес.

Со стороны израильского правительства также предпринимались попытки посеять рознь между арабами-мусульманами и арабами-христианами, носившие, правда, довольно вялый и бессистемный характер*. Передача в 1999 г. израильскими властями части территории в Назарете, на которой христианское руководство местного муниципалитета собиралось построить культурно-туристический центр для паломников, под строительство мечети может служить наглядным и наиболее свежим примером подобной политики.

Для израильских и палестинских арабов вообще характерна более высокая, чем в соседних странах, солидарность христианской и мусульманской общин, и более высокая степень вовлеченности в политическую деятельность представителей первой, нежели второй. Это не совсем обычная для Ближнего Востока ситуация начала складываться еще в эпоху османского господства в Палестине и теснейшим образом связана со становлением палестинского национального движения, основы которого были заложены представите-

---

* Так, если мусульманское население было сразу же «освобождено» от несения воинской повинности, то представители христианского меньшинства теоретически сохраняют право вступления в ЦАХАЛ в качестве добровольцев, хотя в отношении христиан-арабов это право никогда не реализовывалось.

лами христианской арабской интеллигенции** . В 20-40-е годы арабы – представители православной общины Палестины: Халиль ас-Сакакини, Иса ал-Иса, Якуб Фаррадж, и других христианских деноминаций (например, Эмиль Хури, католик) также играли видную роль в палестинском национальном движении.

Еще одной очевидной причиной для беспокойства израильского руководства остается быстрый рост нееврейского населения страны, главным образом за счет высокого естественного прироста.

Коэффициент естественного прироста нееврейского населения (по группам) на 1 тыс. населения в год представлен в табл. 1⁶.

Таблица 1.

Религиозная группа	1955–1959 гг.	1960–1964 гг.	1965–1969 гг.	1970–1974 гг.	1975–1979 гг.	1980 г.	1990 г.	1997 г.
Мусульмане	38,3	45,3	44,9	43,7	39,5	34,7	34,0	34,2
Друзы	39,8	39,9	38,3	37,4	36,8	34,8	27,8	30,0
Христиане	27,1	28,0	24,5	19,9	18,2	16,1	17,7	15,4

Естественный прирост у мусульман и друзов, несмотря на некоторое его снижение, наметившееся в 1964 г. и продолжавшееся у мусульман до 1990 г., а у друзов – до настоящего времени, превышает общий прирост еврейского населения (с учетом положительного иммиграционного баланса), составлявший 2,5% в 1990-1995 г. и 2 % – в 1996-1997 гг. Среди христианского населения соотношение рождаемости и смертности уже почти 30 лет

** Опасаясь консолидации мусульманского населения Османской империи под этатистскими и панисламистскими лозунгами младотурок, они попытались противопоставить «османизму» последних арабскую национальную идею. Поэтому неслучайно, что первое националистическое движение арабов Сирии-Палестины – «Союз арабской родины» – было учреждено в Париже арабом-христианином Нагибом Азури. Зародыш Палестинского национального конгресса и Арабского исполнительного комитета – «Христианско-мусульманская ассоциация», созданная в 1919 г. при активном участии офицера британской военной разведки капитана Брентона, несмотря на двойное название также состояла преимущественно из христиан.

практически не отличается от показателей, характерных для еврейской общины. Кроме того, до 1996 г. численность христиан очень быстро возростала «статистически» – за счет отнесения к этой категории лиц, чье вероисповедание или этническая принадлежность считаются «неопределенными»: с началом массовой алии из стран СНГ иммиграция составила 75,2% естественного прироста «христиан» в 1990 г., 87,2 – в 1991 г., 85,3 – в 1992 г., 79,8 – в 1993 г., 64,0 – в 1994 г., 63,3% – в 1995 г. Однако и после выделения лиц, субъективно относящих себя к евреям, но не считающихся таковыми с точки зрения Галахи и израильского законодательства, в самостоятельную категорию учета, иммиграция продолжает обеспечивать значительную часть общего ежегодного прироста христиан: 26,2% – в 1996 г. и 26,0% – в 1997 г.

В результате, несмотря на массовую волну иммиграции последних 10 лет, продолжается снижение удельного веса евреев в общем составе населения страны. Если в 1990 г. евреи составляли 81,6% населения Израиля, то в 1999 г. – 78,9%. Эта тенденция не может не тревожить израильское руководство, так как, учитывая сложившиеся демократические традиции израильского общества и стремление нормализовать отношения с арабским миром, она создает объективные условия для превращения Израиля в не слишком отдаленной исторической перспективе из национального еврейского государства в двунациональное политическое образование. Едва ли этот вариант приемлем для израильского еврейства, прежде всего, для его национально ориентированной части (электората правых и праворадикальных партий и религиозных ортодоксов). Кроме того, учитывая соседство Палестинской автономии, такое государство едва ли будет жизнеспособным. Впрочем, возможность отказа в обозримом будущем от еврейского характера израильской государственности в настоящее время выглядит малореальной. По крайней мере, когда лидер Арабской демократической партии (АДП) Азми Бешара зимой 1999 г. публично заявил буквально следующее: «Демократическим государство может считаться лишь тогда, когда все его граждане имеют равные права... недопустимо положение, когда все живущие на этой земле

арабы считаются гражданами второго сорта, а первые приезжающие сюда евреи немедленно получают все права». Возмущение израильских политиков было так велико, что некоторые из них выступили с инициативой запретить АДП участвовать в выборах в Кнессет, а премьер-министр Б.Нетаниягу, желая несколько разрядить создавшееся напряжение, назвал А.Башару... представителем экстремистского меньшинства, «в то время как большинство арабов лояльны государству»⁷.

Поскольку коэффициент естественного прироста еврейской общины (1,97% в 1955–1959 гг., 1,64% в 1975–1979 гг., 1,1% в 1990–1995 гг. и 1,14% в 1996–1997 гг.) значительно уступает такому же показателю у нееврейского населения, а более высокий медианный возраст (28,7 лет у евреев против 17,9 у мусульман и 26,6 лет у христиан в 1991 г.) не позволяет надеяться на изменение ситуации с рождаемостью в пользу евреев, основным средством противодействия «демографической угрозе» со стороны арабов-граждан остается массовая иммиграция. Примечательно, что по расчетам Д.Фридлендера и К.Гольдшайдера, если бы ни иммиграция, арабское население Израиля уже к 1970 г. достигло бы 35%⁸.

Нельзя не отметить, что социальный статус нееврейского (арабского по преимуществу) населения Израиля традиционно ниже, чем у израильских евреев. Если в сфере ручного труда занято лишь чуть более четверти (27%) евреев-израильтян, то среди нееврейского населения страны доля лиц, принадлежащих к наименее престижным профессиональным категориям, достигает 60%. Вместе с тем, быстрый рост образовательного уровня нееврейского населения* позволяет прогнозировать некое сокращение социального неравенства между общинами в израильском обществе.

---

* Если в 1961 г. в нееврейском секторе доля обладателей высшего образования составляла 1,5% (против 9,9% у евреев) при 49,5% лиц (против 12,6% у евреев), не имеющих никакого образования, то в 1990 г. эти показатели выглядели уже следующим образом: 9,1% лиц с высшим образованием в арабском секторе (про-

Стремление арабского населения к образованию в недалеком будущем также может усугубить политическую напряженность в Израиле, так как быстрый рост национальной палестинской интеллигенции происходит на фоне сохранения среди нееврейского населения высокого удельного веса пролетариев и социально близких к ним групп (в общей сложности более 70%, считая безработных). В условиях, когда значение факторов, способных уравновесить эффект социальной и национальной фрустрации арабского населения, уменьшается, нееврейское население Израиля по-прежнему практически исключено из сферы административной. Кроме того, высокий уровень алии из стран СНГ, которую отличает сравнительно высокий уровень образования, значительные социальные амбиции и готовность работать за меньшую, чем принята на рынке труда, заработную плату, уменьшает шансы образованных арабов на получение высокооплачиваемой работы по специальности. Это, в свою очередь, может означать лишь усиление в среде арабской интеллигенции антигосударственных настроений, что приведет к дальнейшей национальной консолидации израильских арабов при усилении ее антиизраильской направленности. В настоящее время, впрочем, сохранению еврейского характера израильской государственности угрожает не только традиционная напряженность в отношениях между еврейским и арабским сегментами общества, но и развитие этнических противоречий внутри еврейской общины, что в условиях некоторого ослабления «внешней» (арабской) угрозы – фактора традиционно консолидирующего израильскую нацию – может привести к непредсказуемым последствиям для судеб еврейского народа в целом.

---

¹ См. статью И.В.Масюковой «Закон о возвращении: израильское общество и русскоязычная иммиграция в 90-х годах» в этой книге.

² Данные о численности прихожан каждой из этих конфессий см. Государство Израиль. Т.1 Иерусалим. 1990, с. 103-105.

тив 28,2% – в еврейском), 13,0% лиц без образования в арабском секторе (против 4,2% – в еврейском).

---

³ См.: Государство Израиль. Справочник. М. 1986, с. 24.

⁴ Там же.

⁵ См.: Political Dictionary of the State of Israel. Jerusalem, 1993 г. (статья Druzes).

⁶ Составлено по: Государство Израиль, Т. 1, с. 121; Statistical Abstract of Israel. 1998 № 50 разд. 2.

⁷ См.: Пульс Планеты, 22.02 1999 г.

⁸ См. *Friedlander, D., Goldscheider, C.* The Population of Israel. N.-Y., 1979, с. 170.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА И СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В XXI В.

Профессор **Дмитрий Сегал***

Первоначально эти заметки преследовали цель, пусть беглого, анализа тех общественных и культурных перемен в Израиле, начиная с выборов 1996 г. и прихода к власти очередного правительства Ликуда под руководством Биньямина Натаниягу, которые вылились в большой электоральный успех партии выходцев из бывшего Советского Союза. Достаточно лишь упомянуть тот факт, что три недавних политических «переворота» в Израиле были прямо связаны с активизацией «русского» еврейства в Израиле: приход к власти второго правительства И. Рабина в 1992 г., приход к власти Б.Натаниягу в 1996 г. и его поражение три года спустя, приведшее к созданию правительства во главе с Э.Бараком. Эта активизация «русского» еврейства в политической жизни Израиля и его судьбоносное влияние на судьбы правительств вовсе не означает, с моей точки зрения, что эта этническая и общественная группа уже пол-

---

* **Проф. Дмитрий Сегал** преподает в Иерусалимском университете, где он снискал себе славу одного из наиболее известных и уважаемых славистов мира. На протяжении трех каденций проф. Сегал возглавлял кафедру славистики и советологии Иерусалимского университета. Данная публицистическая статья (печатающаяся здесь с некоторыми сокращениями) была опубликована на иврите в 1999 г. в выходящем в Иерусалиме альманахе «Евреи из СССР на перепутье» и вызвала большую полемику. В этой связи имеет особый смысл представить ее на суд русскоязычных читателей.

ностью вошла в общественную жизнь Израиля. Самое большое о чем можно говорить, это о том, что теперешние основы этой общественной жизни достаточно подвижны, чтобы позволить столь обширной группе населения, совсем новой в стране, сразу начать влиять на политические структуры – нечто доселе невиданное в истории современных демократий.

Что же касается самой партии выходцев из бывшего Советского Союза – а теперь их в Кнессете уже целых три, – то они отражают лицо «русского» еврейства в Израиле скорее как в кривом зеркале: обилие аферистов и «продавцов воздуха», нередкое отсутствие политической серьезности и ответственности, наконец, готовность оперировать вместо общественных ценностных понятий популистскими лозунгами – все это типично для этих скороиспеченных партий. Но типично ли это только для них? Совсем нет – не будет большим преувеличением сказать, что так говорят, поступают и выглядят едва ли не все без исключения израильские парламентские партии, от крайне правых до крайне левых. В сущности, эти черты современных израильских политических партий – признаки коренной трансформации всей структуры израильской политической жизни, связанной с угасанием идеологического напряжения в израильском обществе, со сворачиванием идеологических знамен и превращением политической жизни в придаток хозяйственного развития и средство для продвижения не общегосударственных и общенациональных, а групповых и секторальных интересов. Исторически так сложилось, что к эрозии идеологии приложили руку все фракции израильской политики – именно в силу ее крайней фракционной полярности. Левые последовательно делигитимизировали идеологию правых, объявляя ее выражением «еврейского фашизма», правые издевались над социалистической и социал-демократической идеологией левых, видя в ней национальное предательство, религиозные презирали сионистскую идеологию как измену вере отцов и т.д. и т.п. Особенно усилились взаимные идеологические нападки и попытки вырвать из-под идеологии политических конкурентов материальный и общественный базис после победы блока Ли-

куд на выборах 1977 г. С одной стороны, пришедшие к власти идеологические наследники ревизионистского движения обрушились с нападками на наиболее заметные идеологические приметы социалистического сионизма в израильской общественной жизни – Федерацию профсоюзов, Рабочую компанию, киббуцы, военные организации, бывшие в 40-е годы близкими по духу Рабочей партии, «Хагану» и «Пальмах», вообще на весь культурный пласт Израиля, восходящий к российскому революционно-освободительному движению. С другой стороны, в левом лагере поднялась волна обличения едва ли не единственной живой идеологии, противостоявшей социалистическому сионизму, идеологии поселенческого движения «Гуш Эмуним», опирающуюся на религиозные идеи раввина Кука. Эти идеи были объявлены левыми ложным мессианством. Поэтапно, в течении 20 лет, была практически разрушена живая сионистская идеология с материальной и общественной базой, историей, знаками и символами преемственности. Парадоксальным образом, в широких политических кругах, как слева так и справа, крах идеологии был воспринят как едва ли не нечто должное с ценностной и прагматической точек зрения, как событие, назревшее исторически. В плане ценностном и историческом критики идеологии указывали на то, что в XX в. две крупнейшие тоталитарные идеологии, коммунистическая и нацистская, принесли человечеству неисчислимые несчастья и жертвы. В плане прагматическом приводился пример США, общества как будто бы неидеологического, которое сумело гораздо эффективнее, чем «идеологические» страны, обеспечить экономическое и социальное развитие. Атака на идеологию совпала с развалом советской системы и крахом социал-демократической модели общества в Восточной Европе. Тогда же был торжественно провозглашен и конец истории как целенаправленного процесса, отличного по своему направлению от чисто хозяйственного развития.

Представляется, что отмена идеологии в качестве цементирующего общественного фактора – лишь еще одно проявление победы принципа конкуренции над принципом солидарно-

сти в общественной жизни. Принцип конкуренции, который уже, вроде бы окончательно победил в сфере экономической, доказав свое абсолютное превосходство над любой другой идеей организации хозяйства, стал неуклонно переноситься и в другие общественные сферы – в том числе, в область политики и культуры. Мне кажется, однако, что в общественной, культурной и политической жизни принцип конкуренции не может быть столь же движущим и единовластным, как это часто имеет быть в экономике – прежде всего потому, что в политической и общественной жизни число конкурирующих субъектов гораздо меньше, чем в сфере экономической. В политической и общественной жизни безудержная конкуренция, приводящая к вытеснению организаций, ориентирующихся не на конкуренцию, а на солидарность, не приносит «потребителю» общественных и политических процессов, т.е. отдельному гражданину, никакой выгоды. Когда оканчивается очередной процесс политической «конкуренции» (предварительные выборы, борьба в парламенте и т.п.) такой «потребитель» оказывается один на один перед лицом политических органов и организаций, которые ведут эту конкуренцию за его счет. Превращение принципа конкуренции в ведущий принцип политической и общественной жизни приводит к ее феодализации и силой гонит гражданина в группы корыстных интересантов, где, впрочем, у него нет никакого шанса как-то приобщиться к этим «интересам».

Российское еврейство в Израиле может, разумеется, присоединиться к этой сваре всех против всех, да оно, в сущности – в лице своих «представителей» из партий новых репатриантов – так и сделало. Внушительный удельный вес «русского» еврейства в Израиле в плане демографическом, а еще больше, в плане экономическом, обещает солидные дивиденды в ходе этой свары тем из числа самозванных руководителей русско-еврейской общины в Израиле, которые будут ее разжигать. Однако едва ли приобщение к этим «правилам игры» приведет к каким-либо действительно положительным результатам для более чем 1 млн. «русских» евреев в Израиле. Израильское общество и еврейский народ в Израиле не могут позволить себе

основывать свою общественную жизнь на принципе конкуренции. Израильское общество слишком разнородно, а международная среда, в которой находится и частью которой является Израиль, слишком неблагоприятна для того, чтобы и далее следовать по дороге политической междоусобной войны и конкуренции. Солидарность всегда характеризовала еврейское общество, особенно в условиях враждебности со стороны соседей, однако парадоксальным образом именно в Израиле принцип конкуренции оказался куда сильнее идеалов общественной солидарности.

К сожалению, в современном мире в последние десятилетия принцип солидарности перетерпел значительные извращения и был подменен принципом социального обеспечения. Общество, которое не может справиться с задачей предоставления всем своим членам современного научного, интеллектуального и духовного образования, что дало бы людям базу для твердого, интересного и приносящего хороший доход труда, дает вместо этого тем, кто не достиг успеха в образовании, мизерную социальную помощь, их лишь унижающую и увековечивающую ту «культуру нищеты», в которой они пребывают. Если бы общество построило систему образования и воспитания, которая привлекала бы всех и давала бы всем первоклассные знания и умения, это обошлось бы гораздо дешевле, чем те системы социального обеспечения бедных, под тяжестью которых ныне шатаются экономические системы многих стран.

Более того, система социального обеспечения создает у своих «клиентов» постоянную зависимость. Так социальная проблема превращается в культурную проблему, существующую во многих вполне развитых странах. Система социальной помощи лишь усугубляет и увеличивает культурные проблемы, приводя к постоянному делению общества на сильные (культурно-динамичные и развитые) сектора и сектора слабые (находящиеся в состоянии культурного застоя и боящиеся изменений). Соответственно, увековечиваются деления на тех, кто оказывает помощь, и тех, кому помощь оказывают, на дающих и берущих. В конце концов, клиенты социальной по-

мощи оказываются не в состоянии включиться в производительные рамки общества. На мой взгляд, все это происходит из-за того, что израильское общество оставило идею создания единой национальной культуры, основывающейся на современной науке и мировоззрении, культуры постоянно обновляемой и предоставляемой всем согласно принципу солидарности. Поскольку «клиенты» социальной помощи вербуются, как правило, из тех секторов израильского общества, которые еще не прошли процесс модернизации, те остатки традиционных, часто «племенных» культур, которые сохраняются в этих секторах, начинают восприниматься как аутентичные суверенные культуры. Так создается основа для увековеченья культурных проблем, для вечного раскола общества на противостоящие культурные группы. Очень трудно противостоять ментальности «социальной помощи». С одной стороны, без нее невозможно обойтись, так как она стала неотъемлемой частью социальной и психологической ткани общества; многие теперь просто не смогут физически существовать без социальной помощи; с другой, – само существование этой системы обрекает целые секторы израильского населения на вечное второстепенное существование.

Однако социальные проблемы решить гораздо легче, чем проблемы культурные. Для решения первых нужны благоприятные внешние условия и достаточные средства. Прекрасным примером решения социальных проблем следует считать интеграцию иммигрантов из бывшего Советского Союза в Израиле. Находясь сперва на самой низкой ступени социально-экономической мобильности, занимаясь сразу после прибытия в Израиль наименее прибыльными и наименее престижными работами, выходцы из Советского Союза сумели за 10 лет пребывания в Израиле подняться до социально-экономического уровня, превышающего уровень многих других секторов населения. Здесь встретились вместе собственные положительные усилия группы, страдавшей первоначально от социальной проблемы, и усилия государственных и общественных структур, призванных помогать новопривывшим.

Моя точка зрения состоит в том, что в настоящее время стало возможным радикально изменить существующую социально-политическую систему в Израиле. Рычаг, с помощью которого возможно такое изменение, – это радикальная реформа системы образования. Доказательство этому – многочисленные колледжи и институты, возникшие за последние годы в Израиле наряду с традиционными университетами и предлагающие населению богатый выбор альтернатив в сфере высшего образования в самых различных областях. Само существование этих организаций – лучшее доказательство огромного неудовлетворенного спроса на высшее образование. К этому следует прибавить разветвленную систему курсов повышения квалификации, расширения образования и т.д., куда люди идут просто из желания удовлетворить жажду знания. Однако один лишь стихийный рост системы образования, при всем том положительном вкладе, который он дает тем людям, которые участвуют в этом процессе, еще недостаточен для изменения коренных процессов в самом обществе.

Подавляющее большинство новых высших учебных заведений действуют по принципу спроса и предложения и предназначены для молодых людей, начинающих свой трудовой путь. При всех их несомненной пользы для этой молодежи, которая иначе была бы лишена возможности получить высшее образование, эти учреждения не могут решить культурных проблем, существующих в среде более пожилых людей в самых разных секторах населения – от вполне благополучных, но нуждающихся в обновлении фундамента образования, до социально слабых слоев, и в их числе новоприбывших, еще не вошедших в новое общество и не овладевших языком. Для этих людей новые колледжи и учебные заведения не подходят – у них нет, как правило, денег, и степень владения ивритом иногда весьма слабая. Таким образом эти слои населения всегда будут отставать – и чем дальше, тем больше – во вхождении в более современные сферы хозяйства и жизни. Единственный путь постоянного разрешения подобных болезненных проблем – это создание развернутой сети образования взрослых, которое должно быть

доступно каждому, быть бесплатным; участие в системе образования взрослых должно стать обязательным условием получения пособий социальной помощи. Более того каждый учащийся в такой системе должен получать на время обучения денежное пособие – подобно людям, учащимся в ешивах.

Подобный проект выглядит сейчас утопическим, однако в свое время, в 20-е и 30-е годы, серьезные ученые, философы и общественные деятели размышляли об общекультурном значении образования взрослых. Создавались теоретические основы и практические формы такого образования. Особенно глубоко этим занимались в Европе, в частности в Германии. Однако, предпосылки и выводы этих занятий были прочно забыты, либо сознательно выброшены из исторической памяти. Это забвение связано с историческими трагедиями, которые причинил европейской цивилизации тоталитаризм и особенно – с Катастрофой европейского еврейства. Сама мысль о том, что человек должен обновлять свое образование до самого конца дней своих связана с трудами двух немецких философов и социологов еврейского происхождения – проф. Мартина Бубера, известного своим огромным вкладом в экзистенциальную философию и в еврейскую религиозную философию, и проф. Эйгена Розенштока-Хюсси, младшего коллеги и друга Бубера, также философа и социолога. Оба очень много занимались и теоретически, и практически проблемами образования взрослых.

Трудно в рамках одной статьи полно изложить все, что думали эти двое ученых о проблеме образования взрослых и что было ими в этом отношении сделано. Следует отметить, что оба они считали общественное и экономическое неравенство одним из коренных зол человеческого общества, зол, которое нельзя устранить в отдельности ни конкуренцией ни принудительным уравнильством, поскольку оба эти принципа, каждый по-своему, приводят общество к еще большей несправедливости и страданию. Лишь сочетание принципов конкуренции и равенства – личная собственность, с одной стороны, и солидарность, с другой, – могут привести к улучшению положения человека в обществе. Э.Розеншток и М.Бубер подчерки-

вали, что отсутствие в обществе общего образования, общей культуры и общих эстетических принципов и ценностей приводят к разложению общества, к атомизации, взаимному отчуждению и ненависти, откуда недолго путь к гражданской войне и тотальному крушению общества. М.Бубер и Э.Розеншток подчеркивали, что воспитание общих культурных ценностей не имеет ничего общего с промывкой мозгов или диктатом сверху. Совсем наоборот – такое воспитание, подчеркивал М.Бубер, должно быть как можно более инклюзивным и диалогичным. Скорее, чем воспитывать людей на нормативных примерах, следует их ставить перед широчайшим спектром культурных возможностей – но всегда в духе серьезного отношения к культуре как к цели существования общества и в надежде добиться самых высоких достижений. Лишь постоянный поиск проявлений подлинного и оригинального творчества, лишь серьезная поддержка творческих усилий во всей глубине общества могут привести к изменению культурного статуса и самоощущения людей, которые ощущают себя оторванными от культуры общества, – так, чтобы они, в конце концов, захотели попробовать в ней свои силы.

Эйген Розеншток занимался, в числе прочего, и проблемами социальной помощи. В частности, в годы экономического кризиса начала 30-х годов в Германии он провел опыт привлечения безработных к общественным работам по восстановлению культурных (прежде всего, архитектурных) ценностей в сотрудничестве с профессионалами в этой области, часть из которых тоже (из-за экономического кризиса в стране) была без работы. Часть академического и практического наследия Мартина Бубера в этой области находит свое развитие в Израиле в форме лекций и семинаров для взрослых. Однако, как мы уже отметили, этой системе не хватает той целеустремленности и глубины, к которой стремился М.Бубер. Мне кажется, что определенное забвение буберовских принципов в этой области проистекает не только из недостатка средств для расширения образования взрослых, но и из определенного отношения к этим идеям как части наследия

европейского городского современного еврейства как в самой Европе, так и в Израиле. И это отношение вызывает у меня возмущение и протест. В среде городского модернизированного еврейства возникло в течении первой половины XX в. много идей общественного плана. Большинство этих идей было связано с социал-демократическими и социалистическими движениями. Часть этих идей была успешно осуществлена и стала чем-то само собой разумеющимся в общественной жизни Запада: идеи о всеобщем социальном страховании, об эстетическом жилье для рабочих, о страховке от безработицы. Часть осталась в проекте, а некоторые потерпели неудачу (как, например, идея фабрик-кухонь). Все они, однако, были частью целой мировоззренческой системы, противоположной тоталитаризму, и идущей не уравнительности и не диктатуры, а солидарности.

Идеи Мартина Бубера были популярны в Европе в 60-е годы, особенно его теория диалога в ее практическом применении к сосуществованию различных религий и мировоззрений. Но его социальные идеи были преданы забвению. Произошло это по многим причинам. Главная из них – это торжество принципов этатизма и международных межгосударственных организаций после Второй мировой войны. Помощь социально слабым и поддержка культур были, в международном плане, отданы на откуп Организации Объединенных Наций и ее учреждениям, в которых господствует принцип государственного суверенитета. Для М.Бубера же главное состояло в общественной самоорганизации и самопомощи, в пробуждении творческой инициативы снизу, независимо от воли и политики государства. Да это и было понятно, если учесть, что М.Бубера в основном интересовало развитие еврейского общества, которое тогда, между двумя войнами, развивалось вне государственных рамок, а в Палестине, во многом, в противоречии с этими рамками. Поэтому упор на усиление роли государства в развитии общества после Второй мировой войны во многих европейских странах сделал этот аспект идей М.Бубера менее притягательным.

Но были и дополнительные моменты. Страшная Катастрофа европейского еврейства, физическое уничтожение тех еврейских обществ, которыми занимались еврейские социальные мыслители, привело к тому, что многое в их идеях не нашло, как прежде, непосредственного живого отклика в среде возможных потребителей этих идей. С другой стороны, в европейских странах эти аспекты социального мышления не воспринимались как специфический вклад еврейской культуры. До войны все националистические и консервативные элементы европейской культуры были едины в нападках на любые проявления еврейской активности. Все, что было связано с деятельностью евреев в европейской культуре, заранее объявлялось второсортным, чужеродным, политически вредным, проявлением вырождения, цинизма и т.д. и т.п. Об этом кричали на всех перекрестках не только легковесные журналисты, но и многие уважаемые властители душ и дум.

Конечно, далеко не все деятели европейской культуры еврейского происхождения творили в ней в качестве евреев, следуя еврейской мотивации или ради еврейского народа. Одни хотели быть европейцами, другие – немцами, русскими или французами, третьи вообще не желали идти по какому бы то ни было национальному ведомству, предпочитая, чтобы их знали как философов, поэтов и ученых. Некоторые из этих еврейских творцов перешли в христианство – одни, полностью распроставшись со своим еврейством, как Борис Пастернак, другие сохранив о нем память и знание, как Осип Мандельштам, а третьи – желая не порывать с ним в плане культурном, как Эйген Розеншток.

Соответственно, отношение к этому еврейскому культурному творчеству в условиях городского модерна было весьма дифференцированным и со стороны неассимилированной еврейской культуры. Между войнами некоторые еврейские культурные деятели, в Палестине и Европе, придерживались очень широкого взгляда на еврейскую культуру, включая в нее все, что было сделано евреями как на еврейских, так и на европейских языках. Другие, более националистически

ориентированные еврейские деятели, типа Владимира (Зэева) Жаботинского, бывшего, впрочем, вполне способным русским писателем, бичевали всех евреев, работавших в других культурах, за, по их мнению, предательство национальных интересов. Последняя точка зрения усилилась после Второй мировой войны, когда многие стали считать, что еврейская катастрофа была в какой-то мере усугублена фактом активного участия евреев в европейской культуре. Более того, сам факт гибели евреев, бывших одними из творцов европейской культуры, воспринимался как подтверждение ошибочности такого симбиоза.

Так или иначе, облик еврейской культуры перестал включать в себя евреев-европейцев, как в глазах оставшихся евреев, так и в глазах европейцев. И тем не менее в творчестве евреев, творивших в европейской культуре, было нечто абсолютно уникально еврейское, нечто свойственное лишь этим городским европейским евреям, нечто неповторимое, нечто позволившее еврейскому народу пережить самую страшную в истории человечества катастрофу, нечто давшее ему силу – на протяжении всей долгой истории еврейства – преодолеть преследования, вновь собирать казалось бы слабые силы и создавать новые сокровища культуры, из которых не только еврейство, но и все человечество черпало силы для дальнейшей жизни и утверждения жизни в любых условиях.

XX в. можно по праву назвать веком еврейского разума. Центральной задачей системы образования взрослых должно стать обобщение и распространение достижений еврейского разума в наш век. Конечно, еврейские ученые и деятели культуры трудились во всех областях литературы, искусства, науки и культуры, поэтому крайне трудно сформулировать именно еврейский угол зрения во всех этих областях. И тем не менее, одна идея кажется особенно привлекательной именно для еврейских творцов – это идея достоинства и даже превосходства малого перед большим, немногих перед многими, слабого перед сильными и даже внешне неброского, некрасивого перед красивым, внешне привлекательным. Еврейский разум пытался

понять, каким образом нечто малое, слабое умудряется существовать и сохранять свою собственную сущность среди других объектов, гораздо более сильных и больших. Можно заключить, что на протяжении XX в. большие размеры и сила неоднократно пытались доказать свое абсолютное превосходство и, все-таки, малое и слабое в конце концов, побеждало. История маленького Израиля, которому удалось выстоять в противоборстве с огромным арабским миром, – лучшая иллюстрация этого тезиса.

У всех интеллектуальных культурных поисков еврейской европейской интеллигенции были и свои моральные, ценностные аспекты. Именно они представляют особую ценность для нашего общества. Наиболее характерный морально-ценностный аспект еврейской европейской культуры – это соединение абсолютной серьезности и крайней ироничности, юмора – преданности высоким моральным идеалам и полное к ним недоверие, отказ принимать их на веру. В этом единстве противоположностей нет никакого внутреннего противоречия. Напротив, мы наблюдаем в еврейской культуре Европы высочайшую любовь ко всему, что наиболее человечно и совершенно в человеческом опыте. Одновременно эта культура последовательно отказывается молиться и класть поклоны всему этому, отказывается обратиться к этим идеалам и этот высокий опыт в своего рода идолов. Творчество таких великих творцов и деятелей культуры, как Франц Кафка, Марсель Пруст, Илья Эренбург, Василий Гроссман, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Бруно Шульц, Ш.-Й. Агнон, И. Башевис-Зингер, Пауль Целан, Нелли Закс – это самое высокое доказательство победы человеческого духа и величия еврейского художника. Здесь с особой силой можно почувствовать величие маленького Давида перед лицом звероподобного Голиафа, величие одного еврейского интеллигента перед целым миром озверевших скотов. Это искусство для человека, а не посредством человека. Здесь мы, уже не на уровне общества, а в индивидуальной творческой судьбе видим неразрывную связь принципов индивидуальной ответственности и солидарности. Еврейский художник в Европе – это высшее

проявление личной ответственности в своем творчестве и солидарности с человеком, где бы он ни был.

Я убежден, что без серьезной работы по собиранию, сохранению и осмыслению духовного и материального наследия европейского, в том числе и российского еврейства невозможно говорить об укреплении и усилении израильского общества. Наследие всех еврейских общин важно, но наследие европейского еврейства, этих «пропавших европейцев» – это единственная культурная опора успешного и жизнеспособного израильского общества. Это наследие стало основой прогресса человечества в XX в. – прогресса научного, технического, общественного и художественного. Чем скорее евреи Израиля смогут вернуть это наследие себе, чем лучше.

ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗАНОВО: ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ПОИСКАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Рафаил Нудельман*

Не так давно мне довелось присутствовать на симпозиуме, посвященном проблемам израильской самоидентификации. На заключительном его заседании, которое вел израильский критик Гершон Шакед, о своей самоидентификации говорили четыре израильских писателя – Меир Шалев, Аарон Аппельфельд, Сами Михаэль и Дан Цалка. Их короткие исповеди были чрезвычайно показательны.

Меир Шалев сказал о себе приблизительно так: «Прежде всего, я определяю себя как сына своих родителей и отца своих детей. Во вторую очередь, я определяю себя как гражданина Государства Израиль. И в третью – как еврея, живущего в Эрец Исраэль, живущего его почвой, его небом, его деревьями, воздухом и птицами». Аарон Аппельфельд признался: «Я не могу назвать себя израильянином. Но я не могу назвать себя и только евреем. Моя родина здесь, но она и там, в Европе. Мой язык здесь, но он и там, на земле моих отцов. Моя культура здесь, но она и там, на земле Катастрофы». Сами Михаэль говорил о том, как ме-

---

* Иерусалимец **Рафаил Нудельман**, один из крупнейших израильских интеллектуалов, получил известность как многолетний редактор ежеквартальника российской еврейской интеллигенции в Израиле «22: Москва-Иерусалим». Написанные в традициях серьезной публицистики российских «толстых журналов» многочисленные научные и научно-популярные статьи Р.Нудельмана, регулярно публикующиеся в газетах, журналах и альманахах по-русски и на иврите, снискали ему репутацию одного из наиболее вдумчивых социальных философов в стране.

нялось его самоощущение: «В Ираке я вырос коммунистом. Я даже хотел бежать в Советский Союз. В Израиле мне сказали, что я сефард. Я ответил, что я никогда не был в Испании. Потом я увидел местных коммунистов, готовых встретить Красную армию цветами, если она войдет в Израиль, и тогда я разочаровался в коммунизме. Еще позже мне довелось побывать на всемирной конференции писателей-выходцев из арабских стран, где представители этих самых арабских стран не хотели дать мне говорить, пока Израиль не выведет свои войска с “оккупированных территорий”, и там, под этот визг и улюлюканье, я вдруг ощутил себя евреем. А когда я вышел из тель-авивского роддома с первым своим ребенком в руках, я впервые ощутил себя израильтянином». Дан Цалка настаивал: «Не нужно торопиться со строгими определениями. Самоопределение возрастает внутри человека. Это хрупкое целое очень легко спугнуть и разрушить попыткой вогнать его в точные рамки. Самоопределение – это и язык, и культура, и воспоминания, и земля, это мы сами в своей не высказываемой цельности».

Эти признания были интересны, прежде всего, тем, что отразили огромность перемен, произошедших за последние десятилетия в еврейском государстве. Вся прежняя израильская история прошла под знаком господствующего (и навязанного господствующей идеологией) представления об Израиле как о «плавильном котле», в котором все новоприбывшие должны переплавиться и отлиться в единую форму, а их специфические «этнокультуры» – сплавиться в некую единую «израильскую культуру»¹. Сегодня эта утопическая программа кажется анахронизмом. Как и все утопии, она обанкротилась. Не случайно «новая русская группа», прибывшая в Израиль уже в 90-е годы, не пошла по пути алии 70-х годов, с энтузиазмом устремлявшейся в «плавильный котел», а инстинктивно, статистически разумно двинулась в сторону сохранения своей языковой и культурной специфики (как бы ни оценивать эту специфику с точки зрения желаемого идеала)². Разумеется, свою роль в реализации этой бессознательной затеи сыграла огромная численность «новой русской группы». Тем не менее, главной причиной, обусловившей ее успех, было именно то, что ко времени ее

прибытия эпоха «плавильного котла» сменилась эпохой «постсионистского» плюрализма³ – пестрота высказываний на упомянутом выше симпозиуме как раз ее и отразила. Поэтому можно сказать, что специфическая история «новой русской группы» тоже отражает – и выражает собой – эту новую эпоху. Сетования по поводу смены эпох, разумеется, бессмысленны, а опасения насчет подрыва «новыми русскими» примата израильской культуры – бессодержательны: такой (единой) культуры сегодня, по-видимому, нет, если только не называть ею всю плюралистическую мозаику многочисленных культур современного Израиля. Как нет (и именно поэтому нет) и единого «израильского» (и даже еврейского) самоопределения⁴.

В самом деле, если огромная группа «русских» репатриантов образовала собственный этнокультурный анклав со своими газетами, магазинами, театрами, сексуальными услугами и даже политическими партиями, то молодые выходцы из Эфиопии собираются со всех концов страны в «своей» дискотеке на Кикар Атарим в Тель-Авиве, чтобы похвастаться новыми прическами в стиле «афро» и поговорить о «самобытной израильской афро-американской культуре», ничего общего не имеющей с культурой «белых израильтян» – ашкенази и сефардов. В то же самое время другие молодые люди, «яппи» северного Тель-Авива, Кейсарии и Герцлии-Питуах, возвращают свою «американо-израильскую культуру», энергично делая компьютерный бизнес, роднясь кланами, посылая детей в закрытые школы и усиленно вестернизируя свой быт, повадки и самосознание; а ведущий израильский сефардский певец Ави Толедано с восторгом откликается на речь марокканского короля Хасана II, назвавшего израильских выходцев из Марокко своими «детьми и любимыми подданными». Его не трогает, что собеседники (дело происходит во время очередной передачи «пополитика») напоминают ему о былых еврейских погромах в Марокко и взывают к его «еврейской, израильской гордости»: его восторг и есть выражение «его» гордости – за то, что у него, израильского сефарда, есть «своя» культура и «своя» история, отличная от истории и культуры Меира Шалева и Дана Цалки, Аарона Аппельфельда и Натана Щаранского, и даже погромы в этой истории – свои. Одновременно с этим где-то в глубине страны поселенцы

строят свой особый мирок, с его отдельной от прочих идеологией и мифологией, историей, легендами и героями, образом жизни и культурной моделью; а иерусалимские ортодоксы, перегородив улицу Бар-Илан, кричат таким же «белым», как они, неверующим гражданам страны: «Вы не евреи!» – и уже видно, что Бен-Гурион все-таки ошибался, когда говорил, будто еврейское государство станет «таким, как все», когда в нем появятся свои проститутки. Еврейские проститутки существовали уже и во времена Бен-Гуриона, что засвидетельствовал в своих израильских романах польский писатель Марек Хласко, но государство, видимо, становится «таким, как все», не с появлением в нем своих проституток, а с появлением «борьбы за права своих проституток». Что мы и видим в сегодняшнем Израиле и чего не было ни во времена Бен-Гуриона, ни даже во времена Бегина и Шамира, каких-нибудь 10 лет назад.

Во всем этом проявляется одна и та же тенденция. Она, судя по всему, вообще свойственна современному миру, который, по утверждению некоторых наблюдателей, вступает в новый период, уже получивший модное название «пост-истории». Особенности этого периода четко видны на примере Соединенных Штатов. В каком-то смысле американское настоящее – это наглядная модель израильского будущего. И эта модель показывает, что любое достаточно развитое современное общество неизбежно приходит к этнокультурному дроблению – разве что на новой, более высокой основе. Кое-кто в США уже говорит и о том, что это дробление будет идти даже глубже этносов – вплоть до уровня «коммунальных ячеек», небольших общин – коммьюнити, объединенных общностью интересов, норм и групповой «идеологии». Пример США поучителен еще и тем, что опровергает расхожие иллюзии, будто монорелигиозные и монопольные страны защищены от такого дробления. Защищает, в действительности, не общая религия и не общий язык, а общая мифология.

Что тогда говорить об Израиле, где для доброй трети населения (арабов и «русских») иврит не является объединяющим языком⁵, а для добрых двух третей (арабов и всех секулярных евреев) иудаизм не является объединяющей религией (даже если для се-

кулярных он сохраняет значение уважаемой национальной традиции)?⁶ И что говорить тогда о еврейской диаспоре? В одной из дискуссий, где мне пришлось участвовать вместе с видным руководителем Еврейского конгресса России, с его стороны прозвучала знаменательная реплика (судя по страстности, выношенная до уровня программного лозунга): «Времена единой национальной идеи прошли – сегодня национальная идея приватизируется каждой отдельной еврейской общиной». Лидеры российского еврейства тоже хотят «приватизировать» национальную идею: они хотят быть евреями по-своему, «по-русски» – на основе собственной мифологии и собственного самоопределения.

Кажется, российское еврейство в Израиле бессознательно стремится к тому же. Инстинктивно нащупываемые им (и яростно защищаемые) формы нового существования пока что больше выражают стремление к обособлению, чем к национальному единству. Их складывающееся на основе прежней мифологии и новой реальности самоопределение не совпадает ни с самоощущением Шалева, ни с ощущениями Сами Михаэля или Толедано, ни даже с самоопределением более близкого им Аппельфельда. И уж, конечно, они не воспринимают себя сродни «эфиопам». Когда-то израильский журналист Амнон Данкнер адресовал сефардам пылкое «Нет у меня сестры!» Сегодня израильский русскоязычный поэт пишет: «У меня меньше общего с эфиопом, чем с баобабом». В 50-е годы это было бы воспринято как крушение основ.

Любопытно, что в списке возможных ответов на вопрос: «Зачем вы репатриировались в Израиль?», который то и дело задают репатриантам социологи, редко фигурирует проблема «принадлежности» (т.е. самоопределения) вопрошаемых. Мало кто интересуется, выбрали они эту страну, чтобы перестать, наконец, быть евреями, или для того, чтобы ими, наконец, стать. Точно так же, услышав, что репатриировались, например, «ради детей», их никогда не спрашивают, кем хотят их видеть – евреями, израильтянами, «русскими» или просто «свободными гражданами демократического государства». Между тем вопрос далеко не праздный – от самоопределения зависит и самоотношение к новой родине, и претензии к ней. Поэтому отсутствие у социологов интереса к

этому вопросу невольностораживает. Представляется, что это продиктовано неким нежеланием, даже страхом углубляться в запутанные дебри. Не случайно видный тель-авивский историк, проф. Иосеф Горный, в одном из своих интервью с горечью говорил о том, что будущий историк, который вознамерится писать историю евреев второй половины XX в., непременно обнаружит, что в ней отсутствовала та доминирующая нить, которая связывала бы этот народ в единое национальное тело, – напротив, он найдет в этой истории чудовищное множество противоречащих друг другу точек зрения, существовавших и прежде, но резко усиленных Катастрофой и возникновением Государства Израиль.

Это может показаться парадоксальным: ведь само это государство строилось как раз для воссоздания «единого национального тела» – но на деле оно уже с первых своих дней усложнило эту задачу. В доказательство достаточно привести высказывание израильского публициста Амоса Элона из его нашумевшей книги «Израильтяне: основатели и сыновья»: «Споры о самоопределении в Израиле намного острее, чем в любой другой демократической стране: мы не можем решить не только вопроса, кто есть еврей, но даже вопроса, кто есть израильтянин»⁷.

Отчасти эта сложность связана с трудностью определения нации вообще, не только еврейской. Яркой иллюстрацией этой трудности может служить определение «Краткой еврейской энциклопедии» на русском языке: «Еврей – это человек, принадлежащий к еврейскому народу»⁸. При этом в разделе «Еврейский народ» та же энциклопедия вместо определения пересказывает историю евреев. Иными словами, мы оказываемся в порочном круге: еврей – это те, кто составляет еврейский народ, а еврейский народ – это то, что состоит из евреев. Энциклопедия, однако, не виновата: трудность вполне объективна, и даже такой специалист по национальному вопросу, как Эрнест Геллнер, признает, что «нация – это весьма расплывчатое понятие». Сам он, желая хоть как-то уточнить это понятие, предлагает использовать два «самоочевидных», по его мнению, постулата: два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если их объединяет общая культура (понимаемая Э.Геллнером как система идей, условных зна-

ков, связей, способов поведения и общения); и – два человека принадлежат к общей нации лишь в том случае, если они взаимно признают принадлежность друг друга к этой нации⁹.

Но беда в том, что к еврейской и израильской ситуации эти постулаты практически неприменимы. Говорить о единой национальной культуре многочисленных еврейских общин мира попросту невозможно: культурная (языковая, религиозная, бытовая, «знаковая» и так далее) общность российских и американских евреев, к примеру, намного меньше, чем, скажем, англосаксов Великобритании и их потомков в Австралии или Новой Зеландии. Но даже в рамках одного лишь Израиля проблема не становится проще. И дело не только в пестроте «групповых культур» – водоразделы порой проходят и по совершенно неожиданным линиям.

Достаточно напомнить два высказывания из книги Амоса Оза «Страна Израиля, год 1982». Один из собеседников А.Оза откровенно признается ему: «Среди арабов, особенно бедуинов, я чувствую себя лучше, чем среди евреев, особенно восточно-европейских», тогда как другой, столь же стопроцентный «израильчанин», один из лидеров религиозного поселенческого движения, с глубокой убежденностью заявляет: «Главная баррикада в Израиле проходит сегодня между так называемыми израильчанами и евреями: евреи – это те, кто так или иначе хочет жить в соответствии с ГИЛОН, тогда как израильчанин, быть может, и отдает словесную дань нашему наследию, но, в сущности, стремится стать совершенно новой нацией, сателлитом западной культуры на Ближнем Востоке»¹⁰.

Не лучше обстоит дело и с «взаимным признанием». В марте 1990 г. 96-летний рав Шах, духовный лидер израильских ультраортодоксов, выступил со страстной речью перед своими единоверцами в тель-авивском Дворце спорта. Резко обрушившись на секулярных израильчан, особенно киббуцников, рав Шах воскликнул: «Они отсекали себя от своих предков, у них нет прошлого – какой же статус у них есть вообще?!»¹¹. Этот риторический вопрос со всей очевидностью подразумевал ответ: секулярные израильчанине практически уже не евреи (конечно, при этом рав Шах прекрасно знал, что формально, по Галахе, они

ими остаются, ибо сказано, что еврей, даже согрешивший, даже крестившийся, все еще еврей).

Секулярные израильяне отлично поняли намек престарелого рава, и на следующий день в газете «Гаарец» появилась гневная отповедь леворадикального журналиста Амнона Данкнера, в которой, среди прочего, говорилось: «Мы услышали тебя, сенильный старец! Ты что, на старости лет подхватил мегаломанию? Это ты, что ли, будешь решать, еврей я или нет? Ты что – Бог? Я, например, не говорю, что ты нееврей. Ты, несомненно, еврей. Прimitивный, выживший из ума, ничтожный обскурант, но – еврей. Зато с твоей точки зрения всякий, кто не носит твой смехотворный лапсердак, – уже не еврей? Да понимаешь ли ты, куда ведет твой путь? К вырождению, к смерти и крематориям – вот куда он ведет! В то время, как наш путь ведет к созиданию, новой жизни, свободе и свету. Обещаю тебе – мы будем бороться с тобой не на жизнь, а на смерть!»¹².

Как видим, взаимное признание не состоялось, хотя оба оппонента в равной мере ощущали себя евреями и в равной мере были израильянами (хотя бы по гражданской принадлежности). Разумеется, эту трудность можно было бы «обойти», заявив, что рав Шах и ему подобные не являются «настоящими израильянами», поскольку судьбы Израиля интересуют их меньше, чем интересы религиозной общины, сохранение иудаизма для них важнее, чем существование Государства Израиль. Но это будет несправедливое и потому – неверное утверждение: судьбы иудаизма как раз и являются, с точки зрения рава Шаха и ему подобных, главными и решающими в вопросе о судьбах Израиля и еврейства в целом; и только совсем уж оголтелым «левакам» и «ультраинтернационалистам» это непонятно.

Вдумчивые секулярные израильяне четко это понимают, о чем свидетельствуют хотя бы слова Голды Меир: «Я не принадлежу к религиозным людям, но никто не сумеет изменить моего глубокого убеждения, что без нашей религии мы уподобились бы другим народам, некогда существовавшим, но исчезнувшим без следа. А я ценю существование еврейского народа более всего в мире, для меня оно важнее, чем даже Государство Израиль и сио-

низм, ибо без еврейского народа ни государство, ни сионизм не только не нужны, но и попросту не могут существовать. Поэтому я категорически не согласна с теми, кто предлагает изъять из законов Израиля упоминание о нашей еврейской принадлежности. Устраните это, казалось бы, ничтожное слово “еврей”, и вы создадите – пусть не реальность, но ощущение, – что еврейский народ отделен от нас, что мы являемся хананеянами, иевуситами, израильтянами, кем угодно, только не евреями. Они, в диаспоре, – евреи; но кто же тогда мы?»¹³.

Голду Меир тревожило то же, что и рава Шаха: единство еврейского народа. И тот «исторический союз» рабочего и религиозного сионизма в Израиле, который выковал в свое время вполне секулярный Бен-Гурион, был продиктован, конечно, не одними лишь политическими соображениями, но и стремлением создать – пусть в отдаленном будущем – некую новую базу для этого единства, для воссоздания «единого национального тела»¹⁴. Разумеется, такое единство базируется на множестве объективных факторов (социального, политического и культурного толка), но оно невозможно без предварительного согласия в том, кто же это единство составляет и на какой основе. Это согласие (основанное на религиозном определении и, главное, самоопределении еврея) существовало долгие века, но в Новое время, с началом процесса еврейской эмансипации и секуляризации и одновременного дробления иудаизма на реформистскую, консервативную и ортодоксальную ветви, непоправимо распалось, – потому и потребовались поиски нового самоопределения.

Появление сионизма только углубило этот распад. Сионизм начала и середины XX в. был не просто воинствующим отрицанием иудаизма в целом, всех его ветвей без различия, – он был также попыткой создания совершенно новой еврейской общности на чисто секулярной базе¹⁵. Поэтому вполне закономерно, что еще до возникновения Государства Израиль в палестинском сионистском ишуве уже слышались первые утверждения, будто здесь рождается «новая, израильская нация», не имеющая ничего общего с еврейством диаспоры, да и с историческим еврейством вообще. Показательно, что тот же Бен-Гурион, ощущая опасность этих лозун-

гов, сознательно и настойчиво внушал гражданам нового государства ощущение связи с его библейскими корнями¹⁶.

Некоторые, впрочем, шли еще дальше. Поэт Йонатан Ратош и его соратники по ханаанскому движению («кнааним») полагали, что эта новая нация («иврим» или «ивритян») сложится – на базе общего языка, культуры и территории (но никак не религии) – из народов исторического Ханаана, и в своем манифесте 1944 г. шумно декларировали: «Еврей и “иври” противоположны друг другу – еврей не может быть “иври” и “иври” никогда не может быть евреем, ибо сын нации “иврим” не может принадлежать к религиозной общности евреев, рассматривающей нацию именно как религиозную общность»¹⁷.

В переводе на внятный язык это означало все тот же призыв сменить религиозную принадлежность на секулярную «национально-территориальную». Отголоски этих настроений можно услышать и в названиях некоторых сионистских трудовых и боевых организаций того времени, вроде «Гдуд иври», но в целом этот драчливый призыв «кнаанитов» был отвергнут даже самыми пылкими сторонниками сионистской секуляризации, а после создания государства, которое в своей Декларации независимости провозгласило себя «еврейским» («медина йеудит»), а никак не «ивритским», это увлечение и вообще вышло из моды. Тем не менее сегодня, спустя десятилетия, это противопоставление снова стало распространенным и даже респектабельным, как можно видеть по приведенным выше высказываниям из книги Амоса Оза.

Разумеется, не исключено, что те, кто исповедует идею особой «израильской нации», в конечном счете окажутся все-таки правы. Еще в 70-е годы русско-еврейский публицист, скрывшийся под псевдонимом «А.Волин», писал в еврейском самиздате, что существование собственного государства является мощнейшим фактором формирования новых национальных коллективов. Тот же Геллнер в своей книге «Нации и национализм» доказывает, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот: мертвые языки могут быть восстановлены, традиции изобретены или созданы, мифическая изначальная чистота возрождена», – словно напрямую сказано об Израиле. Да мы и сами являемся сегодня

свидетелями такого искусственного рождения «палестинской нации». Конечно, путь этот далеко не простой, не близкий и далеко не всегда однозначный. Рождается не всякая нация, которая может родиться; решает тут история, и любая попытка ее перепрыгнуть сплошь и рядом оказывается чреватой. В нашем еврейском случае она чревата угрозой национального раскола. О «баррикаде» внутри Израиля, между «евреями» и «израильянами», мы уже говорили; однако не менее опасная баррикада возникает в последние десятилетия между Израилем и еврейством диаспоры – и все на той же почве самоопределения. Само возникновение у евреев собственного государства нормализует, в глазах многих западных евреев, их собственное существование: их диаспора становится вполне аналогичной диаспорам других, «нормальных» народов – американцев, итальянцев, ирландцев и так далее. А учитывая нынешнее перемещение миллионных масс людей из собственных стран в чужие, можно сказать и иначе: это не евреи «нормализуются» – это многие другие народы становятся сегодня «отчасти евреями». Не случайно русско-американский философ Борис Парамонов одну из своих недавних статей, посвященных бурно растущей «русской диаспоре» на Западе, назвал «Русский человек как еврей»¹⁸.

Ощущение этой «нормализации» своей диаспоры присуще не только западным евреям. Возникновение – после распада СССР – многочисленных «беженческих» диаспор в России, несомненно, сыграло важную роль и в новом самоощущении российского еврейства. (Впрочем, свою роль сыграла и возникшая ныне свобода перемещения из России в Израиль и обратно, также приблизившая фактический статус российского еврейства к статусу западных диаспор). Существование Израиля усиливает не только чувство «нормальности» диаспоры, но и ее ощущение безопасности: в случае чего евреям есть теперь куда бежать; и вот это новое ощущение «нормальности» и «безопасности» уже порождает убеждение, что диаспора – такая же легитимная форма существования еврейства, как и Государство Израиль, – это всего лишь «другая форма» такого существования: еврейский гражданин Израиля – это «израильский еврей», а еврейский гражданин Соединенных Штатов или

России – это «американский» или «русский еврей». Иными словами, в определении и самоопределении еврея начинают доминировать такие факторы, как общность территории, гражданства, языка, культуры, истории и мифологии, оттесняя на второй план общность по религиозному признаку¹⁹. Не случайно Йосеф Горный называет такое самосознание «либеральным посткнаанизмом» – в каком-то смысле еврейство диаспоры так же ощущает себя «особой нацией», как те израильтяне, которые ощущают «особой нацией» израильское еврейство.

Но и само это диаспорное еврейство не однородно, в нем, в свою очередь, есть много «особых наций» – русское, американское, эфиопское, израильское и так далее еврейство, каждое из которых настаивает на своей самобытности, своем историческом пути и своем будущем. Подобно тому, как «двухполюсность» холодной войны сменилась в современном мире новой политической и экономической «многополюсностью», так бывшее религиозное единство еврейства сменилось сегодня «многополюсностью» его дробления на отдельные общины – причем это дробление не остановилось на уровне общин, а идет уже и глубже, и не только в израильской общине.

В сущности, все это – продолжение начавшегося уже давно процесса поиска новой национальной идентичности, принадлежности и самоопределения. И подобно тому, как многие «новые израильтяне» ищут такую идентичность в складывающихся сейчас традициях Государства Израиль, в своем чувстве принадлежности прежде всего к нему, а уж затем (если вообще) – к «еврейству», так и многие евреи диаспоры пытаются определить себя через свою отдельную и специфическую «диаспорную идентичность». До этого такой базой для большинства западных (прежде всего, американских) евреев была солидарность с Государством Израиль, признание его «центральной роли» в мировом еврейском существовании. Но с начала 80-х годов эта солидарность по ряду причин стала выветриваться и размываться, и на смену ей пришла новая – ощущение солидарности с общееврейским прошлым, самым грандиозным и недавним доказательством которой была Катастрофа. Именно Катастрофа стала рассматриваться как общее

наследие, «на равных» объединяющее евреев диаспоры с евреями Израиля. Катастрофа стала той новой осью «гражданской религии» американского еврейства, которая объединила верующих и секулярных евреев диаспоры и в этой функции легко заменила Израиль в качестве доминирующего компонента еврейской самоидентификации в Америке.

Нетрудно увидеть, что этот поиск новой национальной идентичности одновременно является поиском новой мифологии, своей для каждой из еврейских общин. Аналогичные процессы происходят и в среде русского еврейства, и еврейская интеллигенция в бывшем СССР сыграла в них немалую роль, годами создавая и взращивая специфический миф об «особом» пути и призвании российского еврейства. Истоки этого пути возводятся идеологами к давнему Хазарскому каганату, евреи которого будто бы дали первый толчок к «окультуриванию» и государственности восточно-славянских племен Приднепровья; продолжение его прочно связало евреев России со всеми важнейшими этапами русской истории, вплоть до большевистской революции; а итог его – метафизическое «соперничество» еврейского и русского народов за звание «богоизбранных». Этот итог особенно резко подчеркивает, по мнению таких идеологов, специфичность русского еврейства, ибо ни в одной другой стране диаспоры такого соперничества нет и быть не может. Если добавить ко всему этому еще и особую культуру русских евреев (то, что выходец из России Довид Кнут в 30-е годы охарактеризовал, как «особенный еврейско-русский воздух, блажен, кто им когда-нибудь дышал»), то ощущение, что перед нами законченная мифологическая структура, станет вполне достоверным. Эта структура получила выражение во многих произведениях представителей русско-еврейской интеллигенции, как публицистически-теоретических (статьи и книги Бориса Хазанова, Александра Воронеля, Ильи Рубина, Майи Каганской и др.), так и чисто литературных (драматургия Нины Воронель, проза Феликса Канделя и Фридриха Горенштейна и т.д.).

Многие рядовые русские евреи, далекие от этой своеобразной мессианской мифологии и, по существу, «вытолкнутые» в свое еврейство только давлением окружающего антисемитизма,

подспудно надеялись найти более конструктивное, «позитивное» национальное самоопределение в Израиле, в отождествлении с еврейским государством. Но и здесь, как мы видели, это самоопределение весьма далеко от однозначной определенности. В своей полемически заостренной против сионизма книге «Нееврейское государство» бывший израильский коммунист Акива Опп утверждает, что Израиль вообще не может считаться еврейским государством, потому что его законы не соответствуют тому единственному однозначному определению еврея, которое дает еврейская религия, и в то же время не дают и нового, секулярного определения этого понятия. «В государстве, созданном сионистами, – пишет А.Опп, – возник поэтому не “новый еврей”, как они надеялись, а новый этнос – израильтяне, или ивритоязычные неевреи»²⁰.

С тезисом о возникновении «нового этноса» А.Опп, по-видимому, несколько поторопился. Но, назвав израильтян «нееврейями», он поторопился едва ли не больше. Бесспорно, со строго ортодоксальной точки зрения, большинство израильтян являются людьми секулярными и даже «нееврейями» – вспомним хотя бы слова рава Шаха. Само название «ивритоязычные неевреи» А.Опп заимствовал у другого религиозного критика «израильскости» – проф. Баруха Курцвейля, одного из основателей университета Бар-Илан. Но и рав Шах, и Барух Курцвейль дружно игнорировали тот примечательный факт, что, согласно опросам, свыше 80% этих «секулярных» израильтян по-прежнему отмечают такие религиозные обряды, как брит-мила и бар-мицва, являющиеся, по существу, ритуалами вступления в еврейскую общину²¹. А о таких праздниках, как Песах, Йом-Кипур, Суккот и даже Ханука и Пурим, нечего и говорить.

Несомненно, эта раздвоенность, это сохранение связи с традиционными корнями своего еврейства свидетельствуют о том же самоощущении, которое так страстно выразила Голда Меир, и в этом смысле можно утверждать, что эти 80% сегодняшних израильтян пассивно или даже активно хотят остаться евреями. Но одновременно эта раздвоенность, с ее секулярной составляющей, свидетельствует и о том, что в израильском обществе как целом все еще

отсутствует, как уже сказано, однозначное толкование того, что же именно составляет единую базу его национальной идентичности.

Ничего удивительного, что, в отсутствии секулярного определения, израильские евреи обращаются к религиозной мифологии. Ведь, в отличие от других религий мира, еврейская религия имеет ту особенность, что изначально совпадает с этническими рамками самого еврейства (как бы их ни определять). По традиции, еврейский народ и возник-то лишь в момент принятия Торы у подножья горы Синай – именно там и тогда он самоопределился как коллектив, все члены которого обязались исполнять предписания Всевышнего («Наасэ вэнишма», выполним и услышим, т.е. услышим приговор Всевышнего о том, как выполнили). В этом смысле иудаизм уникален – он определяет собой то, что в современном толковании называется нацией. Христианство, например, никогда не было связано с какой-либо национальной принадлежностью; напротив, оно было заострено против нее едва ли не больше, чем против принадлежности семейной («Несть ни эллина, ни иудея», как говорил апостол Павел). О буддизме и конфуцианстве нечего и говорить.

Несколько сходен с иудаизмом разве что ислам: его возникновение также было одновременно актом становления («сотворения») арабской нации. Но впоследствии ислам распространился и среди других народов, и сегодня он не определяет их национальную принадлежность. Иудаизм же остался достоянием одних евреев. Наверно, современное определение еврея не доставляло бы столько хлопот, сохранись в мире, вдобавок к иудеям-евреям, еще иудеи-хазары или иудеи-адиабенцы, но история, как мы знаем, распорядилась иначе.

Совпадение понятий «еврей» и «иудей», «еврейский народ» и «иудейская религиозная община» привело в ходе истории к тому, что «подлинным» евреем стал считаться лишь тот, кто верил в единого Бога и выполнял все заповеди, а также происходил из колен Израилевых, принявших эти заповеди у горы Синай (был потомком матери-еврейки). Поэтому, например, «себоменои» – прозелиты, признававшие основы еврейской веры, но не исполнявшие ее «мицвот», не признавались и евреями, хотя их количество к I в.

н.э. исчислялось миллионами. Зато евреями охотно признавались все те, даже и не происходящие из колен Израилевых, кто обязывался эти «мицвот» исполнять. Иными словами, религиозное определение еврея допускало две возможности: евреем можно было родиться и им можно было стать.

Как уже было сказано, с началом эмансипации и появлением секулярных евреев, а также с появлением реформистского и консервативного течений в иудаизме, это единое религиозное определение стало размываться. Государство Израиль, провозгласив себя «еврейским», отдало вопросы личного и семейного статуса своих граждан в ведение ортодоксальных религиозных кругов, которые придерживались приведенного выше строго галахического определения «еврея». В то же время в гражданских законах этого государства – и, в частности, в его основополагающем Законе о возвращении – такого однозначного определения не было, и оно было подменено довольно туманным секулярным самоощущением «принадлежности».

Эта двойственность породила целый ряд конфликтов, которые на протяжении долгих десятилетий сотрясали и по сей день еще продолжают сотрясать израильскую политическую и общественную жизнь, – от «дела Бней Исраэль» и «дела караимов», до «дел» Руфайзена, Шалита и Шошаны Миллер, а в последнее время – фалашей и многих русских евреев²². Но вдобавок она породила у многих израильтян еще и ощущение безнадежности самого поиска идентификационной однозначности. История мучительных зигзагов, то приближавших страну к плюралистическому толкованию термина «еврей» и к разрыву с Галахой, то отделявших от этого, завершилась, как это часто бывает, таким зыбким компромиссом с реальностью – тем, что все стороны согласились остаться «при своем».

«Новая русская группа» привнесла в этот компромисс свою неожиданную грань. Избрав на первых порах – частично по социальным обстоятельствам, частично по привычке, а частично и по «мифологическим» причинам, – статус «особой культурно-языковой» (а затем – и политической) общины, эта группа, своим численным весом, создала временный перевес в сторону

«этнического плюрализма», который и без того уже начал сменять собой идеологию «плавильного котла». Можно даже сказать, что именно с прибытием данной группы эта идеология (и ее практика) рухнула окончательно. Несомненно, эта ситуация вскоре изменится вновь: обособленность «русской общины» неизбежно сойдет на нет в следующих ее поколениях. Но за это время многое может произойти, особенно в том случае, если эта община будет энергично подпитываться пополнением из России с его нынешними лозунгами «приватизации национальной идеи».

Израильское общество, в свою очередь, тоже не стоит на месте: в условиях растущего идентификационного обособления диаспоры его потребность в едином самоопределении становится насущнее и острее. Трудно сказать, к какой конечной цели идет весь этот процесс – к окончательному распаду бывшего еврейского единства во всем мире или к выработке новых основ такого единства на базе объединения различных мифов и складывающихся традиций. Может быть, выбор вообще принадлежит не нам, а истории. А история, как известно, очень любит из двух зол выбирать третье, и может случиться, что она сварит из наших потомков какую-то еще неведомую новую общность, очередной раз явив миру образец решения его духовных и общественных проблем. Не это ли будет главным содержанием «постсионистского» этапа еврейского существования? И должны ли мы, по примеру первых сионистов, всячески помогать приближению этой очередной мессианской идиллии, или же нам надлежит проявить величайшую осторожность и терпеливость в этих поисках самих себя?

Выборы 29 мая 1996 г., а в еще большей мере – 17 мая 1999 г., вызвали лавину тревожных комментариев. Новая система прямого избрания премьер-министра не привела, как ожидалось, к усилению двух ведущих партий, а, напротив, ослабила их представительство за счет резкого усиления «общинных» партий лоббистского толка²³. Беспрецедентный успех сефардской религиозной партии Шас (эта партия, впервые участвовавшая в выборах в 1984 г., добилась в 1996 г. 10, а в 1999 г. – 17 мандатов в Кнессете), как и религиозного лагеря в целом (23 мандата партий Шас, МАФДАЛ и Еврейство Торы в 1996 г., 27 мандатов – в 1999 г.), а,

главное, семь мандатов «русской» партии «Израэль ба-алия» в 1996 г. и 10 мандатов двух «русских партий» в 1999 г., дали основание многим комментаторам говорить о том, что новая система выборов породила «секторальность», т.е., проще говоря, общинное разделение израильского общества. Это не вполне так: разделение на общины началось много раньше введения новой избирательной системы, уже с крахом теории «плавильного котла», предложенной классическим сионизмом в качестве идеологии строящегося еврейского общества. Иными словами, новая система выборов отнюдь не создала общинное разделение – она всего лишь проявила его давно обозначившуюся реальность.

Если коротко суммировать причины этой центростремительной общественной тенденции к общинному распаду, то можно сказать, что основным ее истоком явилась нерешенность (и, как мы уже говорили, нынешняя неразрешимость) проблемы израильской и, шире, еврейской самоидентификации в современном мире. Это не только израильская проблема. Становление новых и переплавка старых наций происходит сегодня во всем мире, и о поиске самоидентификации говорят повсюду. Не исключительно израильская привилегия – и связь этих поисков «национальной принадлежности» с происходящим одновременно и столь же повсеместно поиском различными государствами своего национального пути на новом витке истории²⁴. Эта связь говорит о зависимости выбора пути от складывающейся самоидентификации, и наоборот – о зависимости последней от избираемого страной внешнеполитического курса.

Ярким примером тут может служить Турция, общество которой сегодня стоит перед выбором религиозно-исламской или секулярно-западной идентичности, а страна – перед проблемой примыкания к арабо-мусульманскому или западному миру. В самом деле, – от того, примкнет та же Турция к мусульманскому блоку, к арабскому или западному, существенно зависит, кем будут считать себя последующие турецкие поколения. В похожей ситуации выбора находится и Израиль: от того, выберет Израиль ориентацию на Запад или на Ближний Восток, пойдет он по секулярному или религиозному пути, будут зависеть относительная сила и общественное

влияние тех или иных израильских общин, а, стало быть, результирующая складывающейся «израильской самоидентификации».

Возвращаясь к последним израильским выборам, можно, таким образом, обобщить, что их общенациональным содержанием был не только выбор внешнеполитического курса, но и поиск самоидентификации различных групп израильского общества и самого общества в целом. Можно также сказать, что, и в данном случае, дальний итог этого поиска (т.е. появление новой коллективной идентичности или продолжение процесса общинного распада и рост влияния тех или иных групп) будет в значительной степени зависеть от того, по какому пути пойдет государство – интеграции на Ближнем Востоке посредством мирного процесса или изоляции от арабо-мусульманского региона посредством торможения этого процесса.

Путь, которым пойдет «русская» община, будет одним из основных векторов, определяющих движение израильского общества в целом. В настоящее время самоидентификация «русской» группы демонстрирует одновременно две главные тенденции. Рассматриваемая как целое, эта группа кажется одним из самых ярких примеров, свидетельств и даже движущих сил тех центростремительных процессов, которые ведут к растущей «секторальности» израильского общества; но рассматриваемая более детально, она обнаруживает преобладающее центробежное движение, в сторону приобщения к тому общему поиску самоидентификации, которым занято израильское общество в целом. Иными словами, она становится все более «израильской», хотя это далеко не означает, что она перестает быть подвластной центростремительным процессам, хотя и на новом уровне, – вместе с израильским обществом, а не в противостоянии ему. Вновь и вновь возникает вопрос: к чему же ведут все эти центростремительные и центробежные процессы в самом израильском обществе? Как мы уже видели, сегодня оно уже (или еще) не может предложить «русской» группе однозначную и единую общенациональную идентификацию, кроме чисто гражданской. Но что можно сказать о грядущем?

Представляется, что возможно обрисовать два крайних сценария. В одном из них, радикально пессимистическом, исчезнове-

ние единой классической сионистской идеологии «плавильного котла» и быстро растущая кристаллизация обособленных израильских общин (о которой мы говорили в первой части нашей статьи) приведет, в конце концов, к распаду общества и государства. В пользу этого сценария говорит также растущая разобщенность «двух Израилей», правого и левого, по политическому признаку, особенно резко обозначившаяся в годы «мирного процесса» (хотя начавшаяся задолго до него). Эти два лагеря в значительной мере разобщены и географически. Религиозная и поселенческая (а также тяготеющая к ним традиционалистская сефардская) часть правого лагеря сосредоточена, в основном, в восточной части страны, в полосе «поселений и городов развития» с центром в Иерусалиме; вестернизированное, секулярное большинство левого лагеря – в прибрежной полосе с центром в Тель-Авиве.

Такой распад государства, если он действительно произойдет, не потребует даже придумывания новых наименований – о них уже позаботилась история и некоторые идеологи поселенческого движения: это Иудея и Израиль. Иным будет только их относительное географическое расположение. Иной будет и культурная ориентация: если «Израиль» очевидным образом будет тяготеть к Западу, то «Иудея», с ее выходцами их стран Востока, знающими арабский язык, с ее поселенцами и ультраортодоксами, вполне способными «ужиться» с палестинцами, должна тяготеть к Востоку.

Признаемся, однако, что все вышесказанное имеет, скорее, характер чисто литературной провокации или, если угодно, историко-фантастической антиутопии. Именно в среде поселенцев и ультраортодоксов сильнее всего чувство национальной и религиозной исключительности и неприятия арабов. Кроме того, уникальное положение евреев в мире вообще и в арабском мире в частности сковывает израильское еврейство таким надежным обручем, что этот пессимистический сценарий заведомо обречен на неосуществимость, что бы там ни говорили глашатаи «Государства Иудея». И, наконец, нельзя забывать, что при всей их нынешней «секторальной» разобщенности все израильские евреи, как правые, так и левые, – это люди, остро ощущающие и сознающие

свою глубочайшую историческую, религиозную и национальную общность (хотя это, может, и не относится к некоторым представителям ультраортодоксальной группы, во всяком случае – в полной мере). Поэтому вышеупомянутый «окончательный раскол» мог бы осуществиться только в каких-то совсем уж трагических обстоятельствах.

Однако и радикально «оптимистический» сценарий, – который предполагает скорый возврат обособленных общин к единому обществу на основе счастливо найденной общенациональной самоидентификации, – тоже не представляется особенно реальным. Распад такой самоидентификации в современном еврействе – объективный процесс, который весьма трудно остановить. Повернуть его вспять могло бы только какое-то очень уж благоприятное сочетание процессов обновления иудаизма и обновления классического сионизма, но, увы – никаких признаков таких процессов пока не видно даже на горизонте. Поэтому «русской» группе суждено, по всей вероятности, то же, что и всему Израилю, – долгий и мучительный поиск, осложняемый все еще продолжающейся внешней борьбой за сохранение государства и борьбой внутри государства – за сохранение общества; борьбой тем более трудной, что она будет происходить в условиях обособления (а, возможно, и растущего социального, политического, экономического и культурного противостояния) его общин. Но это только означает, что еврейская история все еще продолжается. В этом, если угодно, можно видеть основания для трезвого и осторожного оптимизма.

---

¹ См., например, ставшую классической книгу крупнейшего израильского социолога Шмуэля Ноаха Айзенштадта, излагающую эту концепцию; *Eisenstadt, Shmuel Noah. The Absorption of Immigrants. L., 1954.* Критический анализ этно-культурных конфликтов в Израиле см., например, во второй главе книги *Horowitz, Dan. and Lissak, Moshe. Trouble in Utopia. The Overburdened Polity of Israel. Albany: State University of New York Press, 1989, с. 32-97.*

² См., например,,: *Кацнельсон, Калман. Общественный кризис в Израиле и будущее русского гетто. – 22: Москва-Иерусалим. 1999, № 112, с. 103-110.*

---

³ Об изменениях в отношении Израильского общества к культурному плюрализму см. в многочисленных статьях последних лет известных иерусалимских социологов Моше Лиссака и Эли Лешема; например: *Leshem, Elazar. and Lissak, Moshe. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective.* Shalva Weil (ed.) Jerusalem; 1999, с. 136-171.

⁴ О проблемах еврейской самоидентификации в современном израильском обществе см., например, вышедший в 1998 г. специальный сдвоенный выпуск журнала «Israel Affairs» (т. 4, № 3-4) на тему In Search of Identity: Jewish Aspects in Israeli Culture; одна из наиболее интересных статей, опубликованных в этом журнале: *Kimmerling, Baruch. Between Hegemony and Dormant Kulturkampf in Israel.* – Israel Affairs. 1998 4, с. 49-72.

⁵ Детальный анализ проблем языковой самоидентификации различных этнокультурных групп в Израиле см.: *Ben-Rafael, Eliezer. Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel.* Oxford: Clarendon, Oxford University Press, 1994.

⁶ О проблемах религиозной самоидентификации жителей Государства Израиль и о путях решения межконфессиональных конфликтов в Израиле издано немало научных трудов; наиболее значительные из них: *Abramov, Zalman. Perpetual Dilemma. Jewish Religion in the Jewish State.* Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1976; *Libman, Charles and Don-Yehiya, Eliezer. Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State.* Berkeley: University of California Press, 1983; *Don-Yehiya, Eliezer. Religion and Political Accommodation in Israel.* Jerusalem: The Floersheimer Institute for Policy Studies, 1999.

⁷ *Эйлон, Амос.* Израильяне: Основатели и сыновья. Иерусалим, 1969, с. 2 [на иврите].

⁸ Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 2, с. 406.

⁹ *Gellner, Ernest.* Nations and Nationalism. Oxf.: Basil Blackwell, 1983.

¹⁰ *Оз, Амос.* Здесь и там в Стране Израиля. Тель-Авив, 1982, с. 93 [на иврите].

¹¹ Цитируемое выступление раввина Элизера Шаха состоялось на I съезде сторонников движения «Знамя Торы», состоявшемся во Дворце спорта Яд-Элиягу 26 марта 1990 г.; см. в книге под редакцией Ади Офира «50 лет после 1948 года» (Институт Ван Лир, 1999), с. 440 [на иврите]. См. в этой связи: *Карасова Т.А.* Еврейская религиозная ортодоксия и израильское общество. – Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999, с.30-44.

---

¹² Статью Амнона Данкнера см.: Гаарец. 28.03.1990 [на иврите].

¹³ Из выступления Голды Меир в Кнессете; цитируется по Протоколу заседаний Кнессета, т. 13, с. 770 [на иврите].

¹⁴ Детальный анализ соглашения о статус-кво см. в переведенной на русский язык блестящей книге Бениamina Нойбергера «Религия, государство и политика» (том 6 курса «Власть и политика в Государстве Израиль», Открытый Университет Израиля, 1997), с. 56-67.

¹⁵ Данный тезис обстоятельно развивается в седьмой главе недавно изданной книги известного иерусалимского историка Гидеона Шимони (см.: *Shimoni, Gideon. The Zionist Ideology. Hanover: Brandeis University Press, 1995.*

¹⁶ См. статью профессора Бар-Иланского университета Элиэзера Дон-Ихьи «Государственность и иудаизм в мировоззрении и политике Бен-Гуриона», (Ежегодник истории сионизма. Т. 14, с. 51-88 [на иврите]).

¹⁷ Цит. по: *Шавит, Яаков. От еврейства к кнаанству. История, идеология и утопия еврейского ренессанса: от радикального сионизма к анти-сионизму, Тель-Авив, 1984 [на иврите]*.

¹⁸ Написанное Борисом Парамоновым в сентябре 1990 г., эссе «Русский человек как еврей» вошло в его недавно вышедшую книгу *Конец стиля* (СПб., 1999), с. 295-303.

¹⁹ О взаимоотношениях еврейских общин Израиля и стран диаспоры и о влиянии создания Государства Израиль на самоидентификацию евреев стран Запада см.: *Israel and Diaspora Jewry. Ideological and Political Perspectives. Eliezer Don-Yehiya (ed.). Ramat-Gan: Bar-Ilan University Press, 1991.*

²⁰ *Orr, Akiva. Israel. Politics, Myth and Identity Crisis. L.: Pluto Press, 1994.*

²¹ Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные исследования, проведенные сотрудниками Иерусалимского института им. Луиса Гутмана; см. *Levy, Shlomi / Levinsohn, Hanna and Katz, Elihu. Beliefs, Observances and Social Interaction Among Israeli Jews. The Guttman Institute Report, 1993. –, The Jewishness of Israelis. Liebman C. and Katz E. (eds.) Albany: State University of New-York Press, 1997, с. 1-37.*

²² Анализ этих дел см. в статье Моше Самета «Кого считать евреем. Социально-политическая дискуссия в израильском обществе и властных структурах, 1958-1988», выпущенной отдельным изданием на русском языке в 1993 г. иерусалимской Ассоциацией за свободу науки, религии и культуры в Израиле.

---

²³ См. об этом в статьях: *Kimmerling, Baruch*. Elections as a Battleground Over Collective Identity. – Elections in Israel – 1996 *Arian A. and Shamir M.* (eds.), State University of New-York Press, 1999; *Луссак, Моше*. Упадок партий и расцвет секторальной политики. – Закат партий. Кризис израильской демократии. Тель-Авив, 1998, с. 129-140 [на иврите].

²⁴ Сравнение политических процессов, происходящих в Израиле, с аналогичными тенденциями в странах Запада см.: *Susser, Baruch and Don-Yehiya, Eliezer*. Israel and the Decline of the Nation State in the West. *Modern Judaism*. 14, с. 171-192.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.

21. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 1998 г.**
22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров** и **А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 1999 г.**
35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока".
55. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 9.
56. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей.
57. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
58. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
59. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev** and
A.Fedorchenko
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and **N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of es-
says). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)

17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
56. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
57. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian** and **A.Tkachenko**
58. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
59. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**